

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Факультет истории и международных отношений
Кафедра всеобщей истории и международных отношений

Современные тенденции
изучения и преподавания
всеобщей истории

Материалы Всероссийской научно-практической конференции,

30 ноября 2011 года

Рязань 2011

ББК 63.3(0)
С56

Рецензенты: *П.В. Акульшин*, д-р ист. наук, проф. (РГУ им. С.А. Есенина)
А.Ф. Азарев, д-р ист. наук, проф. (РГУ им. С.А. Есенина)

С56 **Современные** тенденции изучения и преподавания всеобщей истории : материалы Всероссийской научно-практической конференции, 30 ноября 2011 года / отв. ред. И.М. Эрлихсон, Ю.И. Лосев ; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2011. – 328 с.

ISBN 978-5-88006-716-9

В настоящий сборник вошли тексты докладов и сообщений участников Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции изучения и преподавания всеобщей истории», состоявшейся в Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина 30 ноября 2011 года.

Адресованы специалистам-историкам, преподавателям школ и вузов, студентам и аспирантам исторических факультетов.

всеобщая история, история международных отношений, история Великобритании, историография.

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-88006-715-2

© Кузнецова Т.В., дизайн обложки, 2011
© Эрлихсон И.М., Лосев Ю.И., отв. ред., 2011
© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА: ДИАЛОГ, ПРОТИВОСТОЯНИЕ И ВЗАИМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

<i>Алтабаев Е.В.</i> Борьба Ллойда Джорджа и Асквита за лидерство в Либеральной партии Великобритании.....	10
<i>Барунов В.Ю.</i> Выдвижение рабочих и крестьян в низовые партийно-советские органы власти в 1924-1925 гг. (на материалах Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерний).....	12
<i>Галкина Е.С.</i> К вопросу о причинах Египетской революции 2011 г.....	16
<i>Гарунова Н.Н.</i> Благотворительность в протестантизме.....	19
<i>Герасина А.С.</i> Парламентские реформы 1832 года и 1867 года в Великобритании: эволюционная трансформация политической системы.....	21
<i>Гладков А.К.</i> Казнить или миловать? К истории одной дилеммы в политической мысли Средневековья.....	25
<i>Дежкин И.Б.</i> Социально-политические идеи времён Английской буржуазной революции.....	28
<i>Ерохин В.Н.</i> Женщины в английском постреформационном католицизме.....	32
<i>Ивонина Л.И.</i> Интеллектуальный мир эпохи Барокко.....	35
<i>Ионова Е.Н.</i> Проблема испаноязычных иммигрантов в отражении американской прессы 1980-х гг.	38
<i>Короткова С.А.</i> Кампания 1776 - 1777 гг. в штате Нью-Джерси женскими глазами.....	39
<i>Кузьмина М.В.</i> Личное и индивидуальное в анонимном трактате «Le Ménagier de Paris» (Франция, XIV век).....	43
<i>Миллер В.С.</i> Ирландский театр Аббатства.....	46
<i>Минаев А.И.</i> Отечественная общественно-политическая мысль второй четверти XIX века о британском парламентаризме.....	50

<i>Падерин М.В.</i> Позиции России и Японии на Дальнем Востоке в середине 1900-х гг. и проблема взаимоотношений в регионе в оценке некоторых российских консервативных мыслителей.....	52
<i>Петрунина Ж.В.</i> Религиозная политика египетских властей в Сирии (1831 – 1840 гг.) в оценках российских современников.....	56
<i>Попова Е.В.</i> Демократические преобразования Беназир Бхутто.....	58
<i>Ручкина Е.В.</i> К вопросу о характере судебных процессов над анархистами в конце 1920-х–начале 1930-х гг.....	60
<i>Савельева А.В.</i> Законодательная деятельность Конгресса США в 1885–1889 гг.....	63
<i>Самсонов А.А.</i> Реформа американской ипотечной системы в период президентства Р. Рейгана (1983-1988).....	67
<i>Соколов А.С.</i> Денежная реформа в Бельгии 1926 года.....	69
<i>Спиридонова Т.В.</i> Влияние республиканской программы «Контракт с Америкой» на промежуточные выборы 1994 года.....	71
<i>Тумаков Н.Н.</i> Восстановление наместничества на Кавказе.....	72
<i>Шандра П.А.</i> Деятельность органов безопасности КНР в киберпространстве.....	74
<i>Шевцов Н.М.</i> Расовое учение Жозефа де Гобино и Стюарта Чемберлена и влияние их идей на националистические настроения немцев на рубеже XIX–XX веков.....	78
<i>Эрлихсон И.М.</i> Английский театр эпохи Реставрации (1660-1689 гг.)	80

РАЗДЕЛ II

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>Артеменков М.Н.</i> Реформы в английской дипломатической службе во время правления Елизаветы I.....	85
<i>Беляев М.П.</i> Дания и Вестфальский мирный конгресс.....	88

<i>Индеева С.В.</i> Проблема перебежчиков в русско-шведских отношениях середины XVII века.....	92
<i>Коньгин А.А.</i> Британский экспорт инвестиций во второй половине XIX – начале XX вв.....	93
<i>Крючков Н.Н.</i> Система отношений «патрон-клиент» в карьере государственного деятеля XVIII века.....	96
<i>Куликова Ю.В.</i> Кельты в системе международных отношений античного мира.....	99
<i>Нагорнов В.П., Горбунов Б.В.</i> Иностранцы военнопленные в Рязани в годы Крымской войны.....	106
<i>Овчинников В.М.</i> Французская фортификация в контексте военно-политического развития Франции во второй половине XVII столетия.....	113
<i>Степанова В.В.</i> Европа и Сибирь в XVIII-XIX веках: опыт узнавания.....	116
<i>Феоктистов С.А.</i> Англо-русские торговые отношения (середины XVI в. – конец XVII в.).....	120
<i>Феоктистов С.А., Малиновская А.В.</i> Россия и Франция: установление постоянных дипломатических отношений (1702-1717 гг.).....	124
<i>Феоктистов С.А., Тимакова М.</i> Русско-французские торговые отношения в XVIII веке.....	129
<i>Царев А.С.</i> Отто фон Бисмарк и попытка германо-английского сближения.....	136
<i>Шевцов Н.М.</i> Идеи экспансии в Германии на рубеже XIX-XX веков.....	139
<i>Шигарева А.Н.</i> Пруссия и Россия: от вражды к союзу (1763-1772 гг.).....	141

РАЗДЕЛ III
ЗАПАД, ВОСТОК, РОССИЯ:
СОТРУДНИЧЕСТВО, ПРОТИВОРЕЧИЯ, КОНФЛИКТЫ (XX-XXI ВВ.)

<i>Аболмасов В.В.</i> К вопросу об англо-советских экономических отношениях в 1933-1937 гг.....	145
---	-----

<i>Ананьева Н.П.</i> О причинах японских погромов в США в начале XX века.....	147
<i>Глубокова Н.Г.</i> Муссолини и Гитлер: общее и особенное во внешней политике фашистской Италии и нацистской Германии.....	150
<i>Захарова О.В.</i> Лига Наций и международный статус Канады.....	156
<i>Зыкова Н.Л.</i> Современный буддизм в контексте геополитики России (к постановке проблемы).....	158
<i>Калигин А. А.</i> Остин Чемберлен и политика Великобритании по отношению к СССР.....	160
<i>Капицын В.М.</i> Идентификация «Запад – Восток» в трансформации национализма и демократии.....	162
<i>Киреев А.А.</i> Опыт мирового лидерства (на примере деятельности администрации США Б. Клинтона).....	165
<i>Клышевич М.А.</i> Германско-советское сближение (1920-1922 гг.) и позиция США.....	169
<i>Кудухов К.С.</i> «Хивинское направление в деятельности Коминтерна (1920-1921 гг.).....	172
<i>Кузьмин Ю.М.</i> Чехословацкие реформы 1968 г. и общественные настроения в стране (по документам ЦРУ США).....	174
<i>Мостяев Ю.Н.</i> Индия как военно-промышленная база союзников в ЮВА в годы второй мировой войны.....	177
<i>Мухамадиев М.Р.</i> Российско-индийское сотрудничество на современном этапе.....	181
<i>Паничкин Ю.Н.</i> Советско – афганские отношения после Второй мировой войны (1945-1947 гг.).....	184
<i>Писчикова Н.П.</i> Роль США в развязывании русско-японской войны 1904-1905 гг.....	186
<i>Плеханов А.Е.</i> Российская власть в начале XX века: экономические интересы и попытки сближения с Англией.....	189

<i>Родригес А.М.</i> СССР и Аравийские эмираты: поиск альтернативного партнерства.....	192
<i>Савосина Ю.В.</i> К вопросу об англо-советском экономическом сотрудничестве на протяжении 20-х гг. XX века.....	195
<i>Сафронов Б.В.</i> США в АТЭС	199
<i>Филькина О.Ю.</i> К вопросу о преемственности финансовых отношений стран Антанты с Российской империей на начальном этапе Первой мировой войны.....	201
<i>Хуссейн М.Х.</i> Российско-иранское сотрудничество и его значение в контексте международных отношений 1990-х гг.....	203
<i>Шандра А.В.</i> К вопросу о влиянии Великих держав на образование новых независимых государств Арабского Востока	206

РАЗДЕЛ IV ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ: ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

<i>Аронина Н.В.</i> Национальный герой Эфиопии Михаил Бабичев.....	209
<i>Баринов А.В.</i> Сербские правящие династии Обреновичи и Карагеоргиевичи : сравнительный анализ.....	210
<i>Беспалова Л.Н.</i> Социально-политическая практика Отто фон Бисмарка в 80-90-е годы XIX века.....	212
<i>Васильева С.А., Тарасов О.А.</i> Генерал-губернатор А.Д.Балашов и его влияние на процесс модернизации тюремной части в российской провинции в 20-е гг. XIX в. (на примере Рязанской губернии).	214
<i>Государева М.Ю.</i> К вопросу о роли личности в истории: И.И.Неплюев.....	219
<i>Демидов С.В.</i> Невил Гендерсон: человек, который кричал на Гитлера.....	222
<i>Долгих А.Н.</i> Адам Чарторыйский и крестьянский вопрос в России в первой четверти XIX века.....	226
<i>Жарова И.Ю.</i> Арсений Суханов в историческом процессе XVII века.....	229

<i>Иерусалимская Е.В.</i> Предательство Г. Болингброка в контексте политической борьбы в Англии (1710-1715гг.).....	233
<i>Кравченко А.А.</i> Политические взгляды Данте Алигьери.....	236
<i>Лабутина Т.Л.</i> Из истории британской разведки: морской офицер Джон Ден на службе у Петра Первого.....	239
<i>Лежнина Е.В.</i> Уильям Кинг и диссентеры Ирландии в 1690-е годы.....	242
<i>Мухина И.Н.</i> Ханнелоре Коль: рядом с канцлером.....	246
<i>Пискунова Е.П.</i> Жак Малле дю Пан – идеолог французского роялизма.....	248
<i>Пожилков И.Е.</i> Китайский маршал о ядерной войне.....	251
<i>Потапов Р.И.</i> Эндрю Бонар Лоу – становление консервативного политика.....	253
<i>Решетова А.А.</i> Личность Гавриила Назаретского в истории Российского государства XVII в.....	256
<i>Стукалов П.Б.</i> Малоросс П.И. Ковалевский как идеолог русского национализма.....	259
<i>Федорович М.Ю.</i> Политическая концепция Фердинанда I.....	261
<i>Хисамов Э.И.</i> Экономические взгляды Питера де ла Курта.....	264
<i>Хут Л.Р.</i> Индивидуальность и личность в эпоху Нового времени: методологические ракурсы проблемы.....	267

РАЗДЕЛ V
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДИКА
ПРЕПОДАВАНИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

<i>Бурлаков А.Н.</i> Французская историография о немецкой оккупации Франции (1940 – 1944 гг.): между мифами и реальностью.....	272
<i>Гераськин Ю.В.</i> Современная зарубежная историография проблемы государственно-церковных отношений в СССР: краткий обзор.....	275

<i>Зайнулин А.Н.</i> Роль личности в концепции истории Рима Теодора Моммзена.....	277
<i>Зеленцова Ю.С.</i> Проблемы взаимодействия христианской и мусульманской цивилизаций в VIII – IX вв. в отечественной историографии.....	280
<i>Кондратюк Г.Н.</i> Источники изучения политики коренизации в Крымской АССР в 1920-1930-х годах.....	283
<i>Лапина И.К.</i> К вопросу о подготовке специалиста-историка в условиях болонского процесса.....	286
<i>Марченкова Н.П.</i> Проблемы российской революции 1917 г. в исследовании Питирима Сорокина «Социология революции».....	289
<i>Метель О.В.</i> «История происхождения христианства» Э. Ренана: история религий «по-позитивистски»?.....	293
<i>Николаев Д.А.</i> К истории восстания ихэтуаней в Китае: малоизвестные эпистолярные источники начала XX века.....	295
<i>Петелин Б.В.</i> Революция и контрреволюция: политический словарь современной истории.....	297
<i>Стрелец М.В.</i> Серьезный вклад в иудаику и гебраистику.....	299
<i>Черноперов В.Л.</i> Изучение международных отношений через биографию дипломата: к теоретическому осмыслению проблемы.....	303
<i>Чикалова И.Р.</i> Издание переводов «Всеобщих историй» в дореволюционной России в критических откликах и рецензиях	306
<i>Шишков К.А.</i> П.А. Кропоткин о революции.....	310
<i>Эрлихсон И.М.</i> О. Сидней в англо-американской историографии XX века.....	312
<i>Якубова Л.А.</i> Подготовка рецензий по истории средних веков студентами университета: методика и рекомендации.....	316
<i>Ясинский И.А.</i> Эволюция христианского учения по работе Дж.Г. Ньюмена «An Essay on the Development of Christian Doctrine».....	318

РАЗДЕЛ I ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА: ДИАЛОГ, ПРОТИВОСТОЯНИЕ И ВЗАИМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Алтабаев Е.В. (Рязань)

Борьба Ллойда Джорджа и Асквита за лидерство в Либеральной партии Великобритании.

Всеобщие выборы 1924 г. в Великобритании усугубили как политическое, так и внутреннее положение Либеральной партии. Контроль Асквита над парламентом становился все более слабым, так как все больше либеральных членов палаты общин оставалось на стороне правительства Болдуина. Сторонники Асквита по-прежнему были негативно настроены по отношению к Ллойд Джорджу, считая его «главной преградой на пути к прогрессу либерализма». Имея поддержку большинства членов фракции, Ллойд Джордж был избран главой Либеральной партии в парламенте. Перед партией стоял сложный выбор, Ллойд Джордж всерьез рассматривал возможность объединения с лейбористами, Асквит же больше склонялся к независимости. Для Асквита и его сторонников это означало противодействие и консервативному правительству, и набирающей все больше сторонников Лейбористской партии.

Вновь сторонникам Асквита пришлось поднимать унижительную для них тему фонда Ллойда Джорджа. Он был создан им в декабре 1916 г. с целью поддержки коалиционного правительства, но на деле Ллойд Джордж обладал полным контролем над этими средствами. В начале 1925 г. новый Административный Комитет Либеральной партии попытался создать свой собственный фонд, чтобы сделать фракцию Асквита независимой, это даже возымело некоторый успех на местном уровне, но, в конце концов, обернулось крахом и показало стране истинное положение Либеральной партии. Также это увеличило негодование Асквита по отношению к Ллойд Джорджу, который в обмен на финансовую поддержку требовал от кандидатов согласия с проектом его земельной реформы.

Кампания Ллойда Джорджа началась в сентябре 1925 г. с его блестящей речи на съезде на юго-западе Англии, явившейся вступлением к опубликованной в том же месяце программе, известной как «Зеленая книга». Доклад, содержащий столь резкую критику, был результатом частного расследования владения и использования сельских земель, осуществленного при финансовой поддержке Ллойда Джорджа, без упоминания Асквита. В «Зеленой книге» говорилось о том, что частный лендлордизм не в состоянии создать процветающую сельскохозяйственную структуру и ему нужна государственная поддержка, чтобы исправить изъяны. Ллойд Джордж не поддерживал земельную национализацию, но предлагал государству взять

контроль над землей, и через местные власти провести необходимые реформы и таким образом поднять экономику в целом. Эта кампания ознаменовала начало нового витка его политической карьеры после неудач послевоенных лет, и эта уверенность вновь выдвинула его на передний план политической жизни страны. Программа Ллойда Джорджа отражала определенное «полевение» взглядов. Не удивительно, что его стремительные выпады против государственной экономической политики 1925-26 гг. смотрелись крайне выгодно в глазах Лейбористской партии. Он надеялся, что сохранит руководство финансами партии и окончательно утвердится в качестве ее главы.

Тем не менее основные положения «Зеленой книги» не вызвали должного энтузиазма в рядах Либеральной партии. В 1926 г. Ллойд Джордж пошел дальше и создал «Лигу земли и нации», чтобы провести свою кампанию по земельным реформам, без официального одобрения партии, при поддержке лишь возглавляемой им фракции. Асквит осудил этот шаг, но был уже слишком слаб, чтобы вступить с ним в открытую конфронтацию. Ллойд Джордж внес ряд поправок и изменений в свои предложения и в феврале 1926 г. на земельном съезде они были официально внесены в политическую программу партии.

После трех месяцев споров вокруг всеобщей забастовки, шаткое равновесие между Асквитом и Ллойдом Джорджем было нарушено, что привело к провалу Асквита как лидера Либеральной партии. Оба политических деятеля помогали консерваторам выдержать напор со стороны Британского конгресса тред-юнионов, поддерживавшего всеобщую забастовку и шахтеров 3 мая. Асквит отказывался воспринимать любую критику в адрес правительства. Ллойд Джордж же акцентировал внимание на вине самого правительства в этой забастовке и настаивал на «обоюдном соглашении».

Ллойд Джордж обострил свои отношения с лидером, публично отказавшись присутствовать на собрании теневого кабинета 10 мая. Как говорил сам Ллойд Джордж: «Предпочитаю либеральную политику улаживания разногласий, нежели силовые методы». Это стало последней каплей для Асквита. 20 мая (после окончания всеобщей забастовки) Асквит отсылает в прессу публичные обвинения Ллойда Джорджа за его отсутствие на собрании. Ответное письмо Ллойда Джорджа было весьма спокойным. Асквит же, подгоняемый нарастающим экстремизмом своих коллег по теневому кабинету, был серьезно настроен, довести это дело до отставки Ллойда Джорджа. Но, как отметила его жена Френсис Стивенсон в своем дневнике: «Он не собирается уходить в отставку. У него прекрасная тактика. Он дает им длинную веревку, на которой они могут повеситься».

Чтобы выполнить свой план, Асквиту требовалась заручиться поддержкой Либеральной партии. По этому поводу было собрание в июне, и партия сплотилась вокруг Ллойда Джорджа. Возможно, они почувствовали, что Асквит действовал поспешно и нерационально, попытавшись отправить

своего оппонента в отставку без должного предупреждения. С другой стороны на тот момент уже можно было отметить заметный сдвиг в пользу либерального подхода Ллойда Джорджа к всеобщей забастовке, в то время как Асквит раболепствовал перед Тори. Абсолютно ясно то, что Асквит неправильно уловил настроение партии. Во время заседаний партии он болел, и заявил, что «не собирается возглавлять партию ни дня, если его политическая программа не будет одобрена партией». Действительно он ушел в отставку сразу же после своего выздоровления в октябре 1926 г. «Конец руководства Асквита был длительным и тяжелым. Он оставался слишком долго в невозможной ситуации, ошибочно полагая, что Либеральная партия может быть восстановлена прежними лидерами». В феврале 1928 г. он скончался.

Ллойд Джордж фактически становится лидером, и силу его власти можно было увидеть в том, как он наносил сокрушительные удары по позициям сторонников Асквита в партии. К 1929 г. Ллойд Джордж попытался совершить последнюю попытку поднять Либеральную партию с колен, разработав радикальную программу под лозунгом «Мы можем победить безработицу». Казалось, это приносит свои плоды. К выборам либералы имели 513 кандидатов, проекты по безработице, организованную партию, благодаря усилиям Сэмюэля. Состояние было, возможно, лучшим с 1914 г. В итоге после выборов Либеральная партия оказалась всего с 59 местами, держа баланс сил в парламенте, где была самой многочисленной, но, тем не менее, не имела численного большинства. Соперничество Ллойда Джорджа и Асквита привело к потере времени и инициативы. В это время лейбористы действовали сплоченно и уверенно и в результате отняли электорат.

Снова, как и в 1924 г. либералы были вынуждены поддержать Лейбористскую партию, оказавшуюся в меньшинстве в парламенте и нуждавшуюся в их поддержке. Либеральная партия была нацелена на победу, все силы были брошены на эти выборы. Все запасы энергии и средств были истощены. И проблемы в партии не заставили себя долго ждать. Лишь только осела пыль после предвыборной гонки, начались переходы в другие партии.

Барунов В.Ю. (Владимир)

Выдвижение рабочих и крестьян в низовые партийно-советские органы власти в 1924-1925 гг. (на материалах Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерний)

Пик выдвижения рабочих и крестьян во все органы власти, в том числе и партийно-советские, как по стране, так и в указанных губерниях, пришелся на 1924-1925 гг. Итальянский историк Дж. Боффа назвал этот период «великим выдвижением». В это время принимается большое количество

постановлений, резолюций, инструкций, регламентирующих практику выдвижения не только партийных, но и беспартийных. Состоявшееся 11-18 мая 1925 г. совещание заведующих отделами парткомов при ЦК РКП (б) приняло резолюцию «О выдвижении и вовлечении в государственную, хозяйственную и общественную работу партийных и беспартийных рабочих и крестьян», в которой предложила выдвигать в каждой губернии рабочих от станка и крестьян от сохи в общие и земельные отделы, в отделы просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, финотделы, в РКИ, в кооперативные органы, в органы сельскохозяйственного кредита, в состав исполкомов и их президиумов. В том же году во все губкомы был разослан циркуляр ЦК «О выдвижении и вовлечении в практическую работу вновь вступивших в партию рабочих», в котором окончательно вся инициатива и ответственность за подбор кадров выдвиженцев возлагалась на первичные ячейки. В марте 1925 г. вышло циркулярное указание ЦК о вовлечении работниц и крестьянок в руководящие советские органы. Важная инструкция была принята 22 октября 1925 г. Наркоматом труда РСФСР «Об определении социального положения членов РКП (б) и кандидатов в члены». Она в какой-то мере способствовала разъяснению постоянно возникавших недоразумений с определением социального положения. При его определении за основу бралась основная профессия, которая в течение длительного времени являлась главным источником средств существования.

На это изобилие различного рода документации из центра сразу же прореагировали губкомы. Причем часто они осуществляли эту работу таким же бюрократическими методами, как и центр. Например, только с апреля по декабрь 1924 г. Иваново-Вознесенский губком получил 41 циркуляр из ЦК по вопросам принятия в партию рабочих от станка и крестьян от сохи и их выдвижения на более ответственные должности в партийно-советские органы власти. В свою очередь, губком за этот же срок 37 директив по этим же проблемам спустил укомом и райкомам.

В Ярославле в июле 1924 г. была проведена 18 губпартконференция, которая решила «уделить максимум внимания выдвижению нового кадра работников от станка». Предполагалось вести с ними подготовительную работу, прикрепляя их в порядке партзадания к партийным, хозяйственным, профсоюзным, советским, кооперативным и другим органам. Костромской губком, основываясь на центральных директивах, составил анкету по выдвижению, которую разослал во все укомы. Кроме этого, Костромской губернский комитет разработал тезисы о нормах и методах выдвижения партийных и беспартийных рабочих и крестьян, инструкцию по учету и выдвижению по ведомственной периферии членов РКП и беспартийных и систему изучения выдвинутых товарищей. Ярославский губком разработал план на шестимесячный период по выдвижению и требовал от всех укомов предоставления соответствующих планов. При Иваново-Вознесенском губкоме были созданы курсы для подготовки выдвиженцев на ответственные советско-партийные должности и курсы ответственных работников.

Все эти мероприятия призваны были улучшить работу советских и партийных организаций, усилить их связь с массами и возможность пополнения новыми работниками. Особенно осторожно предполагалось подходить к выдвижению беспартийных. Предварительно необходимо было выявить их «политическую физиономию» и «не наблюдались ли случаи обхода распоряжений Советской власти, не проводят ли они политику враждебных партий».

Однако отличительной чертой выдвиженчества в 1924-1925 гг. было активное выдвижение крестьян, особенно от сохи и партийцев ленинского призыва. Выдвижение крестьян было одной из форм развернувшейся в тот период компании под лозунгом «Лицом к деревне» с целью «окрестьянивания советского аппарата». Кроме того, власти в центре и на местах опасались оживления антисоветских, частнособственнических элементов. Крестьяне от сохи, а точнее бедняки, должны были, по мысли советских и партийных органов, блокировать активность зажиточного крестьянства.

В Костромской губернии в апреле-ноябре 1925 г. прошло более 300 районных конференций, охвативших 45 тыс. крестьян. Они помогли губернским партийным органам выдвинуть на волостную, уездную и губернскую работу около 300 беспартийных крестьян. Некоторые из них были избраны членами губисполкома, стали руководить его отделами. Костромской губком требовал, чтобы и на губпартконференции попало как можно больше крестьян от сохи, с целью дальнейшего их выдвижения на ответственную советскую работу. В Иваново-Вознесенской губернии только в одних уездных органах и учреждениях постоянно работало на 1 июля 1925 г. 336 крестьян. Они занимали должности председателей исполкомов, народных судей, военкомов и т.д. Правда, случались недоразумения. Например, в перечень должностей, на которые были выдвинуты крестьяне с низших должностей, попали уборщицы и сторожа.

Показательными были выборы в волостные исполнительные комитеты, прошедшие в 1924 г. Внимание укомов на этих выборах было направлено на то, чтобы усилить влияние партийных ячеек в руководстве советскими органами деревни. Партийные ячейки заблаговременно до перевыборов начали вести работу по выявлению работоспособных и преданных Советской власти. Проводилась практика прикрепления членов ВИКов и активных партработников к сельсоветам. Даже сами парторганизации в своих отчетах отмечали «...перегибы в сторону захвата партийными органами советских функций».

В 1925 г. усиливается работа центральных и местных органов власти в направлении улучшения деятельности местных советских и партийных органов власти и качественного подбора выдвиженцев. Начинают меняться и приоритеты этой деятельности.

Большое внимание проблеме выдвижения и в частности выдвижения крестьян, уделялось в прессе, как в губернской, так и уездной. На страницах

газет и журналов анализировались проблемы выдвиженцев-крестьян, делались попытки как-то помочь им адаптироваться в новых сложных условиях.

На основании указаний 14 партконференции усилился прием в партию крестьян. Во втором полугодии 1925 г. среди принятых в кандидаты крестьяне составляли почти 40%. Эти крестьяне явились частью ленинского призыва. Однако установка состояла в том, чтобы большая часть новых коммунистов вербовалась из рабочих. Ленинский призыв дал увеличение РКП(б) на 240 тыс. рабочих. И, если в крупных промышленных городах к подбору кандидатов в партию относились ответственно, то этого нельзя сказать по отношению к губерниям, отдаленным от центра. Здесь для ленинского призыва значительно были облегчены правила приема, что выразилось в сокращении количества рекомендаций, стажа рекомендуемых и срока пребывания в кандидатах. Масса новых коммунистов набора 1924-1925 гг. подучила возможность производить саму себя. Так, на заседании Рыбинского райкома 15 января 1924 г. было решено: «В целях облегчения возможности перевода рабочих от станка из кандидатов в члены партии сократить кандидатский стаж до 6 месяцев». Рост численности ярославской парторганизации за полгода составил 11 %. На самом деле новых партийцев было больше, т.к. райкомы и укомы активно принимали ленинцев в партию, губком, чисто по техническим причинам, просто не успевал утверждать эти приемы. Из числа вступивших 59,5% составляли рабочие, из которых 43,7% от станка, крестьян – 19,72%, от сохи – 9%. Рабочие интенсивно выдвигались на руководящую работу. Сначала они становились секретарями цеховых ячеек. Например, на «Красном перекопе» из 9 секретарей цеховых ячеек 7 были рабочими выдвиженцами. Дальнейшая их судьба складывалась по-разному. Некоторые продвигались по производственной линии, становясь именно там руководящими работниками. Большинство же продолжало карьеру на партийной и советской работе. XV партконференция и XIII съезд РКП(б) приняли решение выдвигать новых партийцев, особенно из рабочих, на ответственные посты. При этом указывалось, что не следует откладывать на неопределенное будущее их участие в практической государственной работе, недостаточная подготовленность, в частности, не должна была служить препятствием к такого рода выдвижению.

С целью вовлечения ленинского призыва в общественно-политическую и партийную работу разрабатывались новые подходы и методы. Появляются в большом количестве различные институты цеховых ячеек, комиссии по выдвижению и вовлечению при Бюро парткома, общезаводские и цеховые производственные совещания, общие собрания «ленинцев» и др.

Важную роль в развертывании работы по выдвижению ленинского призыва сыграли постановление Политбюро ЦК от 18 сентября 1924 г., циркуляр ЦК РКП(б) «О выдвижении и вовлечении в практическую работу вновь вступивших в партию рабочих» и решения XIV партийной конференции. Во многих организациях при парткоммах и бюро ячеек

создавались специальные выдвиженческие комиссии. В других организациях бюро ячеек намечало наиболее подходящие кандидатуры для выдвижения. Их обсуждали общие собрания ячеек. Все материалы направлялись в райкомы и укомы партии для окончательного решения вопроса.

Все эти мероприятия дали реальные результаты: уже к началу 1925 г. от 60 до 90% партийных новобранцев занимали руководящие должности в партийных и советских органах; в составе первичных партийных организаций они составляли очень значительный процент - до 70%.

В целом вовлечение коммунистов ленинского призыва в практическую работу приняло огромный размах, достигая во многих организациях 70-90%. Весной 1925 г. вовлечение кандидатов ленинского призыва в различную работу шло преимущественно внутри предприятий. Они работали цеховыми организаторами, членами бюро и секретарями ячеек, организаторами работы среди женщин, руководителями стенных газет, членами фабзавкомов. Данные, как по группам, так и по отдельным губерниям, показывают, что к началу 1925 г. наибольшее количество молодых коммунистов принимали участие в профсоюзной работе, на втором месте по числу занятых была партийная, на третьем — советская и на четвертом месте — кооперативная работа

Таким образом, выдвижение рабочих и крестьян на партийно-советскую работу в 1924-1925 гг. в Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерниях проводилось очень активно и имело определенные позитивные результаты.

Галкина Е.С. (Москва)

К вопросу о причинах Египетской революции 2011 года.

В январе 2011 г., когда «арабская весна» только начиналась, большинство экспертов считали режим Хосни Мубарака одним из самых стабильных в регионе. В Египте в ноябре – декабре 2010 г. были проведены очередные выборы, в которых 420 мест из 518 завоевала Национально-демократическая партия, возглавляемая тогда Мубараком. В целом остальные партии завоевали целых 15 мест, остальные достались независимым кандидатам. Ко второму туру в декабре 2010 г. часть независимых кандидатов была отсеяна по результатам голосования, а кто-то и арестован. Но каких-либо серьёзных общественных протестов не было.

Не только политическая апатия общества заставляла сомневаться в возможности египетской революции. Экономика не проявляла признаков коллапса, статистика показывала рост уровня жизни. С 2000 по 2009 гг. ВВП Египта увеличился в 3 раза. С 2004 по 2008 г. Каир проводил экономические реформы, целью которых было привлечение иностранных инвестиций и обеспечение роста ВВП. При этом внешний долг Египта неуклонно

снижался, и с 39,5% в 2004 г. достиг 17,6% в 2009. Кризис несколько скорректировал амбициозные планы Мубарака. Дефицит бюджета в 2009 г. равнялся 8,1%, а темпы экономического роста снизились до 4,6% в год. В 2010 г. ситуация начала выправляться, и рост превысил 5%. Инфляция в 2008 г. сделала рывок в 23,1%, но уже в 2009 г. вернулась к ординарным для Египта 9,7%.

Безработица в предреволюционном 2010 г. составляла 9,7% (среди мужчин около 7%, среди женщин 19%, среди молодёжи 26% - это средний показатель для арабского мира). Резкого подъёма уровня безработицы, равно как и спада, в последние десятилетия не было: по данным Всемирного банка, амплитуда колебаний в 1996-2010 гг., не превысила 1,6% с минимальным значением 8,1% (1999) и максимальным 11,2 (2005).

Эти проблемы – ничто в сравнении с началом 1990-х с их постоянной инфляцией в 25%, дефицитом бюджета 20%, безработицей 20% и четвертью населения за национальной чертой бедности, которая тогда составляла \$45 в месяц. В 1992/3-1996/7 гг. в Египте была проведена приватизация, в результате которой доля общественного сектора в экономике снизилась с 62 до 42%. В результате стране удалось привлечь большое количество иностранных инвестиций, снизить инфляцию и дефицит бюджета. Сейчас частный сектор составляет более 62% ВВП и 70% занятости, и лозунга национализации революционные силы не поднимают.

В экономике Египта до сих пор сравнительно важное место занимает производство – 37,5% от ВВП, но занято в нём лишь 17% рабочих рук. Доля услуг составляет 48% ВВП и 51% занятого населения. Остальные трудятся в сельском хозяйстве.

Ещё одна важная черта Египта – это огромная доля неформальной экономики, в которой так или иначе участвуют около 45% занятых на производстве и в сфере услуг. С этой деятельностью не платят налогов, а обычно откупаются взятками коррумпированным чиновникам. Для этих людей главным объектом их ненависти и возмущения будет являться не наниматель, а коррумпированное государство.

ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в 2010 г. составлял \$6200 и в предыдущие годы демонстрировал небольшой, но рост. За национальной чертой бедности находились 22%, но лишь около 2% египтян вынуждено было существовать менее чем на \$1,25 по паритету покупательной способности (это международный минимум нищеты, из чего следует, что голод стране не угрожает).

Падения уровня жизни, сопоставимого, например, с Россией времён Первой мировой, в Египте в последние годы не было. Экономика per se краха режима не предвещала. С этим фактором и связано поведение основных политических сил революционного Египта: дальше абстрактных слов о социальной справедливости и экономических реформах неведомого содержания дело не идёт.

На поверку не выглядит убедительной и популярная ныне демографическая версия. Население страны действительно быстро растёт, но всё познаётся в сравнении. Совокупное население арабских стран в 1980 г. составляло 150 млн человек, в 2007 г. увеличилось до 317 млн и, по оценке специалистов ООН, к 2015 г. достигнет 395 млн.

Население Египта в 2011 г. насчитывает около 82,5 млн чел. В 1980 г. было почти вдвое меньше – 44952 тыс. Примерно такие темпы роста населения сохраняются, по крайней мере, с начала 1960-х гг., причём наибольший прирост наблюдался в 1987-1989 гг. (именно эти молодые люди наиболее активно пополняли ряды безработных в последние годы).

Сейчас темпы роста составляют 1,94% в год, с которыми Египет занимает 57-е место в мире. Динамика темпов роста населения многие годы ничем не выделяется среди других стран региона и даже ближе к наиболее низким.

Поэтому демографические показатели, безусловно, важны для понимания революции и прогноза её течения, но в целом события в Египте 2011 г. не детерминированы некоей «мальтузианской ловушкой». Перенаселение и экологические проблемы, связанные с ним и помноженные на ограниченность водных ресурсов, - это головная боль уже будущих правительств Египта.

Но молодёжи действительно много, и всегда именно она, не обременённая грузом ответственности за семью и страхом потерять работу, первой выходит на улицу. В западных СМИ первое время события представляли именно как бунт студентов и молодых безработных с высшим образованием, которые смогли скоординировать свои усилия в социальных сетях интернет-пространства.

Настоящим героем американской и европейской прессы стал 30-летний менеджер ближневосточного отделения Google Ваэль Гоним, который с удовольствием рассказывал о том, как он лично устроил в Египте революцию с помощью рассылок в фейсбуке. Но сейчас об этом «символе революции» уже никто не вспоминает. Так и не взошедшая политическая звезда, получив несколько американских наград, теперь пишет воспоминания для английского издательства. Да и как вообще можно говорить о «твиттер-революции» в стране, где доступ к интернету имеет лишь 1 млн домохозяйств, а в социальных сетях представлены около 160 тыс. человек?

Не более реалистично и объяснение революционного настроения масс слишком хорошим образованием, которым социальная политика Мубарака якобы одарила юношей, не позаботившись о предоставлении им рабочих мест.

В качестве доказательства от противного приводится Марокко, где школы посещает лишь 58% детей соответствующего возраста, а грамотность среди взрослых достигает 52%, в связи с чем ожидания магрибских воинов пустыни соответствуют их возможностям, и король Мухаммад VI восседает на престоле уверенно и спокойно.

Но египетские достижения в области просвещения сильно преувеличены. Количество умеющих читать и писать взрослых в Египте в 2005 г. не превышало 71,4%, что значительно хуже монархий Залива и Ливийской Джамахирии, но примерно на одном уровне с остальными арабскими странами, за исключением Йемена, где показатели практически идентичны марокканским. Как известно, Йемену высокий процент безграмотного населения не помог избежать крупных волнений, которые продолжаются до сих пор и, скорее всего, завершатся минимум сменой власти и политического режима. Да и количество образованных в Египте совсем не так высоко, как это может показаться из сообщений о «студенческой революции»: среди взрослых лишь 66% грамотных, а полноценного вовлечения детей в начальную школу удалось добиться только в середине нулевых. Университетское образование сейчас имеют лишь 13,2% молодых людей до 29 лет.

То есть никаких реальных надежд Мубарак и не собирался давать; большая часть юного поколения выростала, прекрасно зная, что никаких перспектив вертикальной мобильности, за исключением службы в силовых структурах, нет и не будет.

Главной причиной январской революции 2011 г. стала социально-политическая система, сформированная в Египте во 2-й половине XX в. Изъяны экономики, вызывавшие гражданский протест, бесспорно, важны, но в данном случае вторичны по отношению к этой системе.

Политическая система, формировавшаяся с военного переворота 1952г., на всех витках своей идеологической эволюции от социалистического панарабизма Насера до осторожного буржуазного египетского национализма Мубарака в одном неизбежно оставалась верна себе: она была светской, а ограничения гражданских свобод объяснялись, прежде всего, борьбой с угрозой реакционного исламизма.

В результате развития политической системы Египта уже в правление Мубарака окончательно сформировалась зрелая имитационная демократия. Основная особенность этой системы, широко распространённой в постколониальных странах третьего мира, а также на обломках СССР, - это правовое и демократическое «камуфлирование» реальных механизмов управления (законодательно закреплённый институт выборов, квазимногопартийность и т.д.). Но ротация элиты, приход к власти оппозиции мирным путём при такой модели развития принципиально невозможны.

Гарунова Н.Н. (Дагестан)

Благотворительность в протестантизме.

Христианство придало благотворительности мотив искупления человеком своей греховной природы. Идеи первоначального христианства с его иррациональной жертвенностью и нищелюбием в наибольшей степени воспринял православный менталитет. Наиболее распространенной формой благотворительности была простая подача милостыни. Нищенство не считалось позорным занятием, напротив, тяжким грехом считалось не дать просящему кусок хлеба.

Благотворительность была не столько вспомогательным средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием личного нравственного здоровья: она больше нужна была самому нищелюбцу, чем нищему». Видимо, это и было причиной того, что богатейшие традиции попечительства и благотворительности существовали именно в дореволюционной России, стране, по европейским стандартам, весьма небогатой.

Совершенно иное отношение к благотворительности демонстрировали протестантские культуры. Православие проповедовало возможность искупить грехи с помощью добрых дел. Католику представлялась возможность обрести благодать, сообщаемую таинствами церкви. Протестантизм требовал не отдельных «хороших поступков», но святости, возведенной в систему, что должно было выражаться в неуклонном следовании человека своему божественному предначертанию.

Наивысшей нравственной задачей гражданина было выполнение долга в рамках мирской профессии. В соответствии с этим сложился и образ идеального протестанта: благонадежный гражданин, рассматривающий приумножение своего капитала как самоцель.

Тот образ жизни, который стал называться методизмом, возник раньше своего названия. Это был образ жизни, посвященный не только религиозным обрядам, но и самодисциплине, труду ради других. Методизм вдохновлял благотворительность, в частности, организацию школ и борьбу с алкоголизмом. Он был широко распространен среди людей среднего достатка - лавочников, ремесленников, как приверженцев англиканской церкви, так и гонимых пуритан. Методизм был шире распространен среди светских людей, чем среди духовенства. Он был основой английской морали XVIII в. Нормы поведения, а не христианские догмы характеризовали пуританина, который служил человеку ради того, чтобы помочь ему вырваться из нищеты, невежества, распутства и стать достойным положения высшего творения Господа Бога.

Среди людей такого склада благотворительность считалась обязательной. Изменение догматического характера религии на мирской, нравственность была следствием протестантизма. Такому человеку не пристало любить нищих. Нищие не угодны Богу, и поэтому их должно извести как породу. Сделав их обеспеченными. «Самый лучший способ сделать добро беднякам, - утверждал протестант Бенджамин Франклин, - это

не облегчать им жизнь в бедности, а вывести из нее». Другими словами, дать голодному не рыбу, но удочку.

Именно этому принципу следовала знаменитая Армия спасения - международная христианская благотворительная организация, основанная в 1878 году пастором методистской церкви Уильямом Бутом. Бута не устраивала господствующая в то время в Англиканской Церкви доктрина о том, что спастись могут только избранные. Его увлекли идеи основателя методизма Джона Уэсли и американских ревайвелистов: спасительная благодать Божия распространяется на всех. Обязанность протестантского миссионера - донести эту истину до каждого, включая и тех, кого в ту пору с презрением называли отбросами общества. Духовной помощи сопутствовала и материальная. Армия открыла в Лондоне ночлежные дома и приюты для инвалидов. Денег нищим не давали, предлагая заработать их в мастерской. Бут считал, что милостыня развращает работоспособного человека, толкает его к апатии и безделью. Со временем Армия Спасения, которая называет себя «армией с закатанными рукавами», превратилась в одну из самых мощных благотворительных организаций мира. Сейчас она работает в 102 странах, и бюджет ее составляет полтора миллиарда долларов.

В протестантском отношении к бедным всегда присутствовал некоторый оптимизм, основанный на постулате: «Тот, кто честно трудится, не может быть неуспешным». Например, американский совет по борьбе с бедностью назывался «Отделом экономических возможностей».

Со временем в деловом протестантском мире благотворительность стала терять свои религиозные корни, превращаясь в инструмент улучшения жизни и преобразования социума. Заживляя социальные язвы, благотворительность увеличивала средний класс, становилась социально направленным бизнесом.

Характерной особенностью протестантизма следует считать известную тягу к внешней деятельности – к миссионерству. Коль именно деятельность, т.е. проявление себя вовне, становится высшей ценностью, то ее смысл открывается не просто в манифестации своего, но в покорении внешнего, в приведении его в соответствие со своим, внутренним.

Поэтому протестантизм сегодня ищет новые точки приложения своих сил, новые территории для миссионерской колонизации. С другой стороны, он пытается реализовать свою внешнюю доктрину через участие в экуменическом движении на общехристианском фронте. В то же время ведущие миссиологи говорят о новой миссионерской парадигме непрямого действия, когда христианство будет явлено миру не столько в форме догмы, сколько в единстве и целостности религиозных, культурных, политических, социальных измерений, т.е. когда благотворительность, образовательные программы, медицинская помощь и т.д. станут не только средством воцерковления, но и самостоятельной ценностью.

**Парламентские реформы 1832 года и 1867 года в Великобритании:
эволюционная трансформация политической системы.**

Реформы в Великобритании в XIX веке представляют собой наиболее яркий пример эволюционной трансформации аристократической политической системы в буржуазную демократию. Британские парламентские реформы 1832 г. и 1867 г. стали альтернативой революционным потрясениям и доказали возможность успешной адаптации государственного механизма к новым капиталистическим условиям. Великобритания является ярким примером эволюционного развития основ системы власти и управления, где создание эффективной государственной системы обеспечивалось конструктивными реформами. Великобритания — первая из мировых монархий, которая вступила на путь демократических преобразований и смогла сохранить при этом старые институты власти, умело сочетая их с вновь создаваемыми государственными органами. Наличие определенных либеральных свобод и участие в выборах способствовали формированию правового, национального и гражданского самосознания; постепенному вовлечению широких слоев городского, а затем и сельского населения в обсуждение политических и государственных дел. Уже к началу XIX в. в Великобритании сложилась довольно развитая политическая система, а самым значительным ее элементом стал парламент.

Во-первых, своим возникновением парламент был обязан особым установившимся к XIII–XIV вв. политическим формам взаимоотношений сословий Англии с монархом, когда королевская власть окончательно осознала необходимость политического компромисса, соглашения с феодалами всех рангов и верхушкой горожан в целях установления политической и социальной стабильности. Создание парламента повлекло за собой изменение формы феодального государства, возникновению монархии с сословным представительством. Однако в первое время его существования возможности влиять на политику королевской власти были незначительны, функции сводились к определению размеров налогов на движимость, подаче коллективных петиций на имя короля, а также, после подтверждения Великой Хартии вольностей в 1297 г. — первый конституционный акт, признание права финансового контроля над правительством. Однако в XIII–XV вв. парламент все больше и больше превращается в центр политической борьбы, где разрешались острые моменты. Складывание парламента происходило постепенно в течение 35–40 лет. Тогда же за ними закрепилось название «парламент», которое используется и по настоящее время.

Во-вторых, немалое значение, в длительном процессе становления, сыграли и традиции привлечения короной высшей знати к решению

государственных дел, восходящие к ленной монархии. Окончательное возвышение английского парламента в системе центральных органов власти пришлось на XVII – XVIII вв. Его верховная законодательная власть была установлена Биллем о правах 1689 г. К началу XVIII века в Англии закрепились форма правления – конституционная монархия. Её государственно-правовое значение заключалось в утверждении принципа, согласно которому король подчиняется парламенту или принцип «парламентаризма». Появились также первые парламентские группировки – виги и тори – олицетворявшие интересы «денежных» и «земельных людей» соответственно. Кроме того, были приняты три важных конституционных закона (Habeas Corpus Amendment Act, Билль о правах, Акт об устройении), которые впервые в истории Англии утвердили принцип разделения властей на – законодательную (верховенство парламента); исполнительную – (ответственность министров перед парламентом) и судебную (независимость судей). К концу XVIII века - первой половине XIX века возникло конвенциональное правило, заключавшееся в том, что монарх должен был назначать премьер-министром лидера партии, одержавшей победу на выборах. В целом, такая форма конституционной монархии полностью отвечала требованиям капиталистической земельной и финансовой аристократии. Однако начавшаяся во второй половине XVIII века промышленная революция выдвинула на арену политической борьбы новые социальные силы: буржуазию и пролетариат, которые также сыграли огромную роль в трансформации политической системы и привели к парламентским реформам 1832 г. и 1867 г.

В-третьих, следует отметить, что уже к началу XIX века сформировались все необходимые предпосылки реформирования парламентской системы Великобритании. В прогрессивной на тот момент парламентской системе конца XVIII - начала XIX в. имелись значительные недостатки. Она во многом зависела от традиций и прецедентов. Порядок выборов в высший представительный орган страны существовал почти в неизменном виде с начала XVII века. Земельная и финансовая аристократия с помощью устаревшей избирательной системы успешно осуществляла свою власть. Парламент представлял собой олигархический институт и во многом зависел от мнения короны, носил полуфеодальный характер. К началу XIX века уже окончательно проявились недостатки избирательного права: неравномерное распределение представительства в палате общин, его отсутствие у подавляющего большинства крупных промышленных центров, порочное представительство «карманных» или «гнилых местечек», отсутствие тайного голосования, высокий имущественный ценз и т.д. Все это порождало главный порок британского парламентаризма – крайне малочисленный электорат, отсутствие у большинства граждан возможностей принимать участие в политической жизни страны.

В-четвертых, в условиях бурного социально-экономического развития страны, роста количества промышленных предприятий и промышленных

центров, появления новых классов требовало модернизации парламентской системы - что и произошло в результате проведения реформ 1832 и 1867 гг. Следует отметить, что изменения, произошедшие к началу XIX века в классовой структуре общества, отразились и на социальной базе основных политических партий. Тори, социальную базу которой составляла землевладельческая аристократия (старое феодальное дворянство), были сторонниками усиления королевской власти и англиканской церкви; виги же, опиравшиеся на новое дворянство и буржуазию, выступали за сохранение конституционной монархии при сильной власти парламента. Наиболее гибкой и более чувствительной к социально-экономическим переменам стала партия вигов. Виги первыми оценили возрастающую роль буржуазии и необходимость включения ее в общественно-политическую жизнь страны. Именно эта партия возглавила движение в английском парламенте за избирательные реформы. В марте 1832 года в результате непродолжительной политической борьбы был принят Акт о народном представительстве - первая парламентская реформа. Она оказала огромное воздействие на внутривластическое и конституционное развитие Великобритании, носила характер компромисса между земельной аристократией и буржуазией, положила начало переходу от средневекового избирательного принципа равного представительства от корпоративных единиц к новому демократическому принципу представительства от количества населения. Буржуазия добилась для себя права участвовать в делах управления и законодательства, что укрепило политически ее лидирующее положение в экономике страны. Теперь палата общин, опираясь на более широкий электорат, расширив за счет представителей буржуазии свой социальный состав, претендовала на роль выразительницы интересов нации. В это время корона лишилась последних остатков власти, и королевская прерогатива была передана в фактическое владение кабинета. Также произошло преобразование политических партий - тори переименовались в партию консерваторов, виги — в партию либералов. Причем изменились не только названия, поменялась и их структура. После принятия реформы появилась необходимость регистрировать избирателей, составлять избирательные списки, возникла необходимость бороться за голоса избирателей. Это привело к созданию политических клубов, игравших роль «партийных» организаций, которые осуществляли руководство избирательной кампанией. Эта реформа неопровержимо доказала возможность успешной адаптации британского государственного строя к новым капиталистическим условиям.

В-пятых, следует отметить, что в результате реформы 1832 г. в парламент получила доступ лишь верхушка промышленной и торговой буржуазии, которая не была заинтересована в коренной ломке унаследованных еще от средневековья законов и обычаев. Ограниченность реформы вызвало чартистское движение. Сторонники «Народной хартии» требовали всеобщего, равного и тайного голосования для мужчин,

ежегодного переизбрания парламента и введения вознаграждений для депутатов. Борьба за более демократическую реформу избирательной системы стала одной из важнейших черт политического развития Великобритании в 1830–1860-е гг. Вторая парламентская реформа была проведена в 1867 г. и предусматривала новое перераспределение депутатских мест. Освободившиеся мандаты были переданы крупнейшим промышленным городам и графствам. Значительно изменилось избирательное право жителей городов. Избирательные списки расширились за счет мелкой буржуазии, ремесленников, рабочих и жителей городов, а общее число избирателей увеличилось больше чем на миллион. Вторая парламентская реформа 1867 года, сыгравшая важную роль в конституционной истории Великобритании, явилась результатом страха буржуазии и в целом политических сил перед рабочим классом.

Таким образом, благодаря парламентским реформам 1832 и 1867 гг. в Великобритании были заложены основы буржуазно-демократического порядка. Избираемая более широким электоратом палата общин получила мощный импульс для превращения в эпицентр парламентского механизма. Проведенные реформы наметили коренные сдвиги в жизни британского общества. Шаг за шагом оно избавлялось от феодальных пережитков, упрочивались капиталистические отношения. Анализ законодательной и политической деятельности парламента позволяет говорить о том, что постепенные преобразования, происходившие в XIX в. в политической системе Великобритании, позволили провести стабильное реформирование разных областей социальной и политической жизни, решить многие острые экономические и политические проблемы в интересах населения. К началу XX в. Великобритания представляла наиболее свободную в политическом и правовом смысле страну с мощной государственной структурой, обеспечивающей политическую и социальную стабильность.

Гладков А.К. (Москва)

Казнить или миловать? К истории одной дилеммы в политической мысли Средневековья.

Средневековые авторы, стремясь вывести формулу идеального взаимодействия «священства» и «царства» с одной стороны, и «власти» и «общества» с другой, столкнулись с проблемой применимости принципов христианского вероучения на практике; проблемой, нашедшей отражение в их суждениях о тирании и тираноборчестве.

«Блаженное царство» добродетельного монарха, носителя божественной благодати, защитника (defensor) подданных и Церкви, естественным образом противопоставлялось погрязшему в грехах «государству тирана» – гонителя (persecutor) веры и угнетателя народа. Тема

«праведного» правителя и «неправедного» тирана в разных формах и вариациях длительное время оставалась вполне традиционным и одним из самых распространенных сюжетов произведений средневековой культуры и политической мысли.

Латинские интеллектуалы одновременно призывали, хоть и с некоторыми оговорками, покорно следовать воле монарха, будь он благочестив или грешен, и столь же ответственно заявляли о праве подданных на сопротивление нечестивому правителю. Проповедовали идеалы «смирения» и «терпение» как основных средств борьбы с «неправедным игом» и вместе с тем допускали, что убийство тирана законно и справедливо. Таким образом вновь возникала проблема согласования библейских заповедей и исторической реальности, центрального принципа христианской этики «не убий» и жизненной необходимости свержения тирана. И снова вставали животрепещущие вопросы о том, допускается ли христианину умертвить неправедного правителя; может ли он, не нарушив закон, покарать тирана; не является ли смещение недостойного властителя предательством?

Многие исследователи отмечали, что виднейшие мыслители Средневековья, писавшие о проблеме тираноубийства, прежде всего Иоанн Солсберийский (1115/1120-1180) и Фома Аквинский (1225-1274), не были последовательны в своих суждениях; они, по мнению ученых, колебались между тем, чтобы «разрешить», и тем, чтобы «запретить» преступление против властителя.

В Средние века «оскорбление величества» традиционно считали одним из тягчайших государственных преступлений (*crimen maiestatis, perduellio*), под которым понимали не только измену (*perfidia*) и предательство (*proditio*), нанесение морального вреда властителю, но и даже его физическое устранение. Пролитие крови правителя, являвшегося носителем и одновременно хранителем «образа божественного величия», расценивалось как святотатство (*sacrilegium*).

Предательство короля, приведшее его к гибели, рассматривалось как своеобразное «порушение святыни» по двум причинам: во-первых, в лице монарха-страстотерпца сам Господь, даровавший ему особую благодать и высокое достоинство «стоять над всеми», вновь претерпевал крестные муки, а во-вторых, - со смертью правителя страдало все общество. В едином «политическом теле государства» (*corpus rei publicae*) наступал разлад: его органы и члены переставали действовать сообразно главной цели социального бытия – достижению «общего блага».

Итак, убийство законного, добродетельного правителя – «смертный грех» и гнуснейшее преступление, «иудино предательство», нарушение завета Творца почитать данную Им власть (“... a Deo potestas regia in terris est...”). Подняв руку на легитимного государя, преступник самочинно выступил в роли исполнителя воли Божьей. Однако, как замечает Кассиодор, нет никого среди смертных, кто мог бы судить государя. Лишь один Господь

– «праведный судья». Несколько иначе обстояло дело с оценкой действий, направленных против тирана, олицетворявшего образ дьявола. Средневековые писатели были единодушны в том, что «нет ничего хуже тирании». Ведь нечестивый правитель не только попирает закон и притесняет подданных, но и, что особенно важно, препятствует установлению «общего благо».

В средневековой политической мысли несправедливый государь различался на тирана «по действиям» и тирана – «захватчика власти» (*usurpator*). Каждый из таких правителей разными путями достиг вершины власти, но в итоге отступил от Бога и навлек на себя Его гнев. Таким образом, в восприятии латинских авторов, сам Господь наказывает и истребляет тиранов (Втор. 3, 21; Втор. 7, 24; Иер. 34, 21; Ос. 10, 15.). Люди же могут выступать в роли орудия, коим вершится суд над нечестивым государем.

Внутренняя деградация тирана претерпевает несколько трудноуловимых для взора стороннего наблюдателя стадий, каждая из которых символизирует определенный этап духовного вырождения человека, облеченного властью, но ставшего, по выражению Иоанна Солсберийского, на «широкий путь порока». В сочинениях Иоанна неоднократно встречаются такие понятия как «враг народа» (*hostis populi*) – тиран и «враг природы» (*hostis naturae*) – охотник. Эти термины в некотором смысле дополняют друг друга. Подобно тому, как тиран угнетает подданных, охотник загоняет безвинных животных, один убивает людей, а другой, до поры до времени, – лесных тварей. В Средние века неоднократно указывалось, что государю следует скорее миловать, чем карать грешников, предпочитать милосердие вынужденной жестокости. В глазах латинских авторов бесстрашие выступает одной из главных добродетелей не только праведного монарха, но и подданных.

Напротив, и тиран, и охотник – рабы своих желаний и вожделений; они – «звероподобны». Фактически, охотник – это все тот же тиран, но только стоящий в начале нравственной деградации, принадлежащий первому «типу» злонамеренных властителей. Образ действий этого «малого тирана» четко укладывается в составленную Иоанном классификацию несправедливых правителей «по масштабу». Схоласт предлагает различать «частных», руководящих семьей и родом, «государственных», управляющих страной, и «церковных» тиранов, стоящих во главе приходов и епархий.

Следующим «типом» властителя является «враг народа» (*publicus hostis, hostis populi*) – тиран, угнетающий подданных. Притесняя духовенство, ограничивая права и свободы Невесты Христовой, и тем самым соответствуя третьему «типу» тиранов, нечестивый государь становится «врагом Церкви» (*hostis ecclesiae, persecutor ecclesiae*). Последним «типом», довершающим портрет нечестивого правителя, является монарх-безбожник – «враг Господа» (*hostis Dei, hostis Domini*).

В итоге, тиран, о смерти которого писали средневековые мыслители, и гибель которого они по большей степени оправдывали, прошел путь от «врага» природы и народа, до «врага» Церкви и Бога. Став «врагом Господа», он тем самым сам обрек себя на гибель, и суд Божий непременно его настигнет. Ведь не случайно же, как показывает история, конец нечестивых правителей жалок.

Главная задача союза власти и социума состоит, по мысли авторов XII-XIII вв., в достижении «совершенного бытия». В споре о том, имеет ли право смертный распоряжаться чужой жизнью вообще, и жизнью несправедливого государя, в частности, ключевую роль играет «принцип самосохранения» государства (*corpus rei publicae*), включающего в себя общество («тело») и Церковь («душа»). Только их согласное решение может изменить дальнейшую судьбу тирана.

Итак, Церковь, следуя воле Господа, «узнанной» ею через служителей Престола, благословляет общество на «извержение» из себя тирана. Телесная метафора образно передает реальное существование общества. Тиран, достигший последней стадии «вырождения» и ставший «врагом Бога», механически извлекается из народа, подобно тому, как больной член удаляется из тела человека.

Тираноубийство – не злодеяние, но благочестивый акт, направленный на сохранение большинства и достижение «общего блага». Речь идет не о преступлении против величества, а о законной борьбе (разновидности «справедливой войны»), освященной Писанием. Средневековые авторы понимали, что даже ритуал убийства не должен был ни у кого вызывать сомнения в его правильности, а потому вассалам, принесшим клятву верности своему сюзерену, запрещалось поднимать на него руку до тех пор, пока действует присяга.

Принципиально важно подчеркнуть, что мыслители были единодушны в том, что «законное» решение убить тирана не может исходить от одного человека, но должно принадлежать всему множеству людей, составляющему государство. Именно народ, как исконный носитель власти, вправе расторгнуть договор, заключенный с правителем, и бесстрастно распорядиться жизнью тирана. Подводя итог можно сказать, что свержение тирана, замысел и осуществление которого принадлежит всем людям государства, не является преступлением ни с точки зрения средневекового правосознания, ни с позиции христианской этики.

Дежкин И.Б. (Липецк)

**Социально-политические идеи
времен Английской буржуазной революции.**

В 1640 – 1660 гг. в Англии происходили бурные события, вошедшие в историю как Великая Английская революция. Она стимулировала духовную жизнь Англии и вызвала небывалый подъём социальной мысли. Во время революции и в постреволюционный период появилось множество теоретических сочинений, которые пытались дать ответы на актуальнейшие тогда вопросы о происхождении и природе власти, о взаимоотношениях государства и общества, о предпочтительной форме правления. Среди авторов этих сочинений – крупные мыслители, творческое наследие которых обогатило социальную, политическую и юридическую мысль человечества. Фактически в их творчестве представлены различные точки зрения на проблемы, поднимаемые в XVII веке при разработке теории естественных прав и концепции общественного договора.

При всём многообразии мнений их можно свести к четырём позициям, каждая из которых разделялась той или иной партией единомышленников, проявивших себя в годы революции: индепендентов, левеллеров, истинных уравниателей и роялистов. Постараемся представить социально-политическую позицию виднейших представителей этих четырёх идеологических лагерей.

Индепенденты, выразившие интересы решительно настроенных слоёв буржуазии и нового дворянства, были правящей группировкой в Англии в республиканский период и период протектората О. Кромвеля. Одним из важнейших идеологов индепендентов являлся крупный поэт, яркий мыслитель, убеждённый противник абсолютизма и монархии Джон Мильтон (1608 – 1674). Свой революционный протест против абсолютизма он начал в 1641 г. с критики англиканской церкви с позиций пуританства в остром публицистическом сочинении «О реформации в Англии и причинах, задержавших её». Несмотря на организованную противниками Мильтона травлю, его сочинение достигло конкретной цели: из Палаты лордов были удалены все епископы, а их власть была существенно ограничена. Тогда Мильтон распространил ещё один свой труд – «Речь в защиту печати». Это было красноречивое и убедительное обращение к парламенту о необходимости защиты свободы слова. По сути, Мильтон разработал обширный манифест политической и религиозной свободы. Поэт впервые во всеуслышание смело заговорил о праве на свободомыслие, на неподцензурную печать. *«Убить книгу – всё равно, что убить человека, - писал он, - Кто уничтожает книгу, тот уничтожает разум».* Проникновенное послание Мильтона тронуло самые твердокаменные умы и сердца. Часть цензоров отказалась от своей должности, цензура была значительно ослаблена, а позже и вовсе на какое-то время упразднена.

Восприняв теории естественного равенства и естественных прав, общественного договора, Мильтон в трактатах «Защита английского народа», «Иконоборец», в своей философски глубокой поэзии подробно разрабатывает идею народного суверенитета. *«Все люди, - пишет он, - будучи образом и подобием Бога, были рождены свободными».* Мильтон подводит историческое обоснование казни Карла I: люди рождаются свободными, но

они обязаны защищать свою свободу от насильников и тиранов. С этой целью они и создают государство, вручая власть правительству. Власть происходит от народа, народ сохраняет верховенство и после установления власти монарха. Если правители преступают рамки установленного народом закона, народ имеет все исторические права свергнуть их и казнить как тиранов: *«Власть королей и правительства – лишь производная, она получена ими от народа в качестве поручения, чтобы они пользовались ею в интересах народа и к его общему благу... Английский народ проявил особую кротость и человечность тем, что он устроил открытый и справедливый суд над этим тираном, вместо того, чтобы просто убить его»,* - говорит автор, не проявляя ни малейшего сочувствия к поверженному монарху.

Республику Мильтон считает наилучшей формой правления именно потому, что она больше всего подходит для осуществления принципа верховенства народа в государстве. Однако идеи народного суверенитета и республиканизма у Мильтона выглядят значительно умереннее, нежели у лидера партии левеллеров Дж. Лильберна. Народ Мильтон понимает по индипендентски. Народ в его понимании это средний класс – буржуазия и новое джентри, отличающиеся трудолюбием, честностью, трезвостью, благочестием. Богатые же люди, по убеждению автора, из-за безудержного стремления к роскоши, а бедняки из-за крайней нужды не могут быть мужественными и вдумчивыми в общественных делах. Тяжело пережив крушение республики, Мильтон, почти совсем уже ослепший, в годы Реставрации надиктовал философские поэмы «Потерянный рай», «Возвращённый рай», «Самсон-борец», где обрушился на победившую контрреволюцию, призывал молодое поколение к борьбе, создав на примере Сатаны и Самсона идеализированный образ духовно свободной личности, тираноборца.

Партия левеллеров (уравнителей), отпочковавшаяся в середине 1640-х годов от индипендентов, отстаивала программу радикально-демократического переустройства Англии. Левеллеры решительно выступали против короля и феодальных институтов, отвергали все привилегии и титулы знати, требовали всеобщего равенства перед законом. Их признанным вождём стал выходец из среды небогатых дворян, занимавшихся торговлей, Джон Лильберн (1614– 657). В 1637 г. он попал в тюрьму, из которой был освобождён Долгим парламентом, храбро сражался в парламентской армии, дослужившись до чина подполковника, но быстро разочаровался в режиме индипендентов. В своих многочисленных памфлетах («Разоблачение новых цепей Англии» и других) «Честный Джон», как его прозвали в народе, сосредоточился на обосновании идеи договорного происхождения справедливой общественной власти и прав народа, развивая принцип народного суверенитета. *«Высшая власть, - писал он, - в народе», а между тем «народ низведён до ничтожества... Он ждёт облегчения и свободы от тех, кто его угнетает. Восстаньте же, как один для борьбы за своё освобождение о тех, кто обманул вас!»*, - призывает он, остро критикуя индипендентский режим. Суверенитет народа, принадлежность высшей власти в государстве

«свободнорожденным англичанам» - фундаментальная мысль политического учения левеллеров, легшая в основу их конкретной программы в революции. Лильберн в своих сочинениях выступает за республику с регулярно избираемым однопалатным парламентом, широкое избирательное право для мужчин, достигших 21 года (кроме слуг и получателей благотворительных пособий, которые, будучи зависимыми людьми, не могут, мол, проявлять самостоятельность при голосовании). Левеллеры отстаивали требования свободы личности, печати и религиозных убеждений, отделение церкви от государства, упразднение десятины, демократизации права и судопроизводства, реформы налогообложения, высказывались за уничтожение всех монополий, запрет огораживания, создание системы социального обеспечения: *«Бедняки, инвалиды и престарелые должны содержаться за счёт государства»*, пишет Лильберн.

Лильберн и его сторонники в демократических реформах видели средство возвращения к естественному порядку вещей, нарушенному нормандским завоеванием, с которым они связывают начало угнетения английского народа, потерю им свободы и прав. *«Все люди равны по рождению, каждый имеет одинаковые права на безопасность и свободу»* - пишет лидер уравниателей. Вместе с тем Лильберн решительно отмежевался от радикальных социальных идей «истинных» уравниателей, считавших, что главное зло – частную собственность принесли с собой завоеватели. Лильберн рассматривает частную собственность как изначальное, естественное право человека. Завоеватели изменили лишь систему управления. Движение левеллеров было разгромлено индипендентской властью. Их лидер был вынужден покинуть страну, и умер в изгнании.

Идеи не только политико-юридического равенства, но и равенства имущественного отстаивали так называемые истинные левеллеры, лидером которых был разорившийся мелкий торговец Джерард Уинстенли (1609 – 1676). В своих памфлетах «Новый закон справедливости», «Закон свободы» и других этот оригинальный мыслитель во многом продолжает традиции радикального направления в реформации и утопического коммунизма Т. Мора. Исходным моментом его теории был тезис об общей собственности на землю как изначальном состоянии, нарушенном нормандским вторжением. *«В начале времён, - пишет Уинстенли, - великий творец – разум – создал землю, чтобы она была общей сокровищницей, лишь постепенно эгоизм людей привёл к тому, что они поделили и обнесли её изгородью... Как короли, так и старое джентри, и наподобие ему новое джентри, являются наследниками победы нормандцев»*. Частное владение землёй автор рассматривает как абсолютное зло: *«Причиной всех войн, кровопролития, воровства и порабощающих законов, которые держат народ в нищете, является частная собственность на землю»*. Задача состоит в том, чтобы вернуться к общей собственности на землю и установить уравниательный строй: *«И вся борьба, которая идёт в человечестве, является борьбой из-за земли, из-за того, кто ею владеет: или частные лица будут ею владеть... или же земля будет общей сокровищницей для всех без исключения»*. Обращаясь к лендлордам, Уинстенли пишет: *«Земля не была создана специально для вас, чтобы вы были господами её, а мы –*

вашими рабами, слугами и нищими, но она была создана, чтобы быть общим достоянием для всех людей». Он призывает «изгнать из мира эту проклятую вещь, называемую частной собственностью».

С реализацией аграрного проекта, истинные уравниатели связывали и возможность осуществления политического переустройства – создания народной свободной республики, где все должны трудиться, а полиция и суд строго следят за этим, а также за соблюдением запрета на куплю-продажу земли. В отдалённом будущем Уинстенли и его друзья видели Англию обществом вольных тружеников.

Методом достижения такого порядка, который можно назвать коммунистическим, Уинстенли считал убеждение и личный пример. *«Мы одолеем любовью и терпением»,* - пишет он. В 1649 г. Уинстенли и его сторонники без санкции властей, руководствуясь мыслью, что *«земля – общая сокровищница детей её»*, начали совместную обработку пустошей. Уинстенли убеждал, что у лордов не нужно отбирать их земли - в Англии достаточно пустующих земель. Достаточно лишь перестать работать на богачей и предоставить им своими руками добывать хлеб. Уже одно это будет великим шагом на пути к установлению *«царства божественной справедливости»*. Свои призывы Уинстенли облекал в форму пророчества: *«Вы, бедняки, своим трудом создающие своих притеснителей, вспомните о вашем праве... Если вы будете работать на других, а другие будут есть хлеб, добытый вашим потом, то божья рука падёт и на вас, и вы погибнете вместе с жадными богачами!.. Работайте вместе, ешьте хлеб вместе. Господь сказал это и сделает это»*. Хотя *«диггеры»*, как стали называть умножившихся в числе последователей Уинстенли, не чинили насилия, это движение, вызвавшее раздражение собственников и власть имущих, было подавлено независимой республикой.

Наконец, роялисты, к которым вскоре после начала гражданской войны примкнули много умеренно настроенные пресвитериане, отстаивали консервативные идеи сохранения существующих порядков, утверждали, что власть, особенно королевская, ниспослана Богом и стоит выше всякой критики, не подлежит никакому общественному контролю. Лучше, чем кто бы то ни был, позицию крайних роялистов выразил в своём послании парламенту ещё в 1604 г. сам король Яков I Стюарт: *«Рассуждать о том, что Бог может и чего не может, есть богохульство. Рассуждать о том, что государь может, а чего не может, есть бунт. Я не позволю рассуждать о моей власти. Монархический порядок есть высочайший порядок на земле. Монархи – божьи заместители. В моём лице Бог ниспослал вам благословение. Я – пастырь, а вы – моё стадо. Я – муж, а весь остров – моя жена. Я – голова, а остров – моё тело»,* - заявлял монарх. Уже в период Реставрации бывший пресвитерианин, ставший при Карле II лорд-канцлером, Эдуард Гайд (лорд Кларендон) в своей *«Истории мятежей и гражданских войн в Англии»* писал, что между монархией и господством права нет никакого противоречия. Напротив, в случае своего союза они будут настолько сильны, что преодолеют всякое сопротивление. В конце концов, устав от долгого и часто кровавого противостояния, английское общество с конца XVII века консолидировалось вокруг этой

идеи. Но воплощением её стала уже совсем другая монархия, нежели та, о которой рассуждал Яков I.

Ерохин В.Н. (Нижевартовск)

Женщины в английском постреформационном католицизме.

В современной зарубежной и отечественной исторической науке активно развивается гендерный подход в изучении разных исторических периодов, преимущественно же новой и новейшей истории, которые лучше обеспечены источниками для исследовательских подходов в данном ракурсе. Одной из областей, в которых видны особенности ролевых функций мужчин и женщин, является религиозная история раннего нового времени в Англии. В результате утверждения протестантизма в Англии исповедание католицизма в Англии стало незаконным. В католической среде, с одной стороны, исследователи находят свидетельства существования антифеминизма, но в то же время можно утверждать, что на сохранение католицизма оказали значительное влияние женщины и их религиозность. В работе «Англия в правление Елизаветы», опубликованной еще в 1951 году, известный английский историк А. Л. Роуз высказал мнение, согласно которому существование английского католицизма основывалось на серии «государственных переворотов», которые были совершены агрессивными женами-католичками, которые не встретили сопротивления со стороны «мужей-подкаблучников». В определенном смысле, как считает Дж. Босси – крупный специалист по изучению истории английского католического сообщества, эти рассуждения верны и обладают влиянием среди историков, поскольку о большой роли женщин, особенно жён в семьях, в ранней истории английского постреформационного католицизма свидетельствовали также очень многие современники.

По мнению Дж. Скарисбрика, женщины играли видную роль в поддержании католического рекузанства (от глагола *to recuse* – так называют убежденный отказ католиков посещать службы к англиканской церкви) частично потому, что «домашний» католицизм придавал им заметную роль, частично потому, что их мужья часто становились конформистами, чтобы спасти своё наследство и карьеру. Женщины часто более ответственно и серьёзно относились к религии.

Нонконформизм в религиозности в постреформационный период привлекал женщин. К. Томас отмечает, что женщины во всех религиозных группах, существовавших в английском обществе, имели относительно больше времени для религиозных размышлений, к тому же, например, часто получали травматический психологический опыт при деторождении и в молитвах обращались к помощи высших сил. Дж. Босси приводит данные о женском влиянии на исповедание католицизма по материалам *response*

(ответы тех, кто поступал в католические семинарии на континенте). В таких семьях, если родители были разного исповедания, в подавляющем большинстве случаев мать была католичкой. Дж. Эйвлинг показал, что 200 из 300 католических семей в Йоркшире можно считать своего рода «матриархальными»: среди них были семьи, возглавляемые вдовами, семьи с мужем-протестантом или «церковным папистом», посещавшим службы в англиканской церкви.

Дж. Босси считает, что у женщин, особенно из высших классов, были причины для недовольства Реформацией. Если женщина выходила замуж, в связи с утверждением протестантизма из-за упадка в соблюдении постов и десакрализации религиозных праздников женщина лишилась целого ряда функций, которые она ранее обычно выполняла, когда следила за соблюдением в доме поста и требуемого в такое время воздержания. Если женщина оставалась вне брака, в результате Реформации она лишилась возможности уйти в монастырь. Протестантизм также не давал возможности иметь семейного священника, через которого можно было воздействовать на домашних в воспитательных целях. Церковный протестантизм, в отличие от сектантского, мог угнетающе действовать на сознание женщины тем, что насаждал мысль о том, что для спасения необходима грамотность. В целом Дж. Босси полагает, что есть основания для заключения о том, что английское католическое сообщество в значительной степени обязано своим существованием жёнам-католичкам в среде джентри, которые были не удовлетворены Реформацией, и женщины, по его словам, даже сыграли «ненормально большую роль в ранней истории английского постреформационного католицизма». По его мнению, этот период очень большого влияния женщин закончился в английском католицизме, по всей видимости, около 1620 года, по двум причинам. К этому времени риск разорения католиков штрафами и конфискацией имущества заметно уменьшился, и мужья в семьях там, где они были католиками, уже могли не скрывать свои религиозные взгляды. Около 1620 года, считает Дж. Босси, также стали практически исчезать «церковные паписты», периодически бывавшие на богослужениях в установленной церкви, поскольку подобную стратегию поведения было невозможно передать по наследству детям. Все труднее стало также заключать браки, в которых супруги принадлежали бы к разным исповеданиям.

Женщины-рекузантки в 1560-1640 годах составляли особую группу, которую даже выделяло государство, пытавшееся разработать специальные меры для контроля над ними. Среди женщин-католичек старые девы и вдовы рассматривались как правоспособные и подлежащие ответу за исповедание католицизма уплатой штрафов и даже, по усмотрению властей, заключением под стражу. При этом, хотя мужа формально не обвиняли в том, что его жена-католичка, общественное мнение было сильно настроено в пользу того, чтобы глава семейства обеспечивал конформизм всей семьи в том, что касалось религиозных верований. Но историками выявлены также и случаи,

когда женщины-католички в случае их преследования за религиозные взгляды начинали защищаться ссылками на свою половую принадлежность.

Трудность борьбы с жёнами-рекузантками состояла в том, что, хотя их можно было осуждать, их нельзя было штрафовать, и при жизни мужа на имущество семьи не налагались аресты, а у жены обычно в семье не было права на самостоятельное распоряжение имуществом. Только после смерти мужа можно было наложить арест на 2/3 имущества семьи, и, например, по данным переписи казначейства 1593-94 годов, среди 450 случаев такой конфискации имущества католиков было 60 случаев конфискации имущества у женщин-католичек. На практике единственным эффективным наказанием для замужних женщин-католичек было тюремное заключение, и власти шли на это. В 1580-1594 годах в Йорке в тюрьме сидели 30 женщин, 11 из которых умерли в заключении. Власти не хотели содержать в тюрьме слишком большое количество католиков из числа бедняков, потому что жалели средства на их пропитание, и поэтому бедных отпускали на поруки. Рекузанты пытались также не являться в суд, за что наказанием в светских судах было объявление вне закона, что нельзя было применить к замужней женщине.

В 1610 году палата общин перевесом в три голоса (91 против 88) приняла решение требовать от замужних женщин-рекузанток принесения клятвы о верности монарху, и в следующие 10 лет частыми были их осуждения и даже заключение под стражу за отказ от этой клятвы. Мужу жены-рекузантки запрещалось занимать общественные должности. Его штрафовали на 100 фунтов в случае, если кого-то из его семьи крестили или хоронили не по обрядам установленной церкви. Штраф в 10 фунтов грозил домохозяевам, у которых слуги, гости или дети старше 9 лет отказывались посещать церковь. Вдова-рекузантка после смерти мужа теряла 2/3 от её приданого или свою вдовью долю, могла потерять всю долю мужа в том или ином предприятии, ей могли запретить быть душеприказчиком или управляющим имуществом умершего мужа. Но после 1620 года произошел резкий упадок в числе случаев преследований рекузантов среди замужних женщин и бедных, у которых было невозможно конфисковать имущество, а остальные католики стали откупаться уплатой штрафов, что пополняло казну. Как считает М. Роулэндс, английское государство отступилось от решения проблемы с приведением к конформизму замужних женщин-католичек.

Выявлено, что в постреформационный период в сознании католиков стали вырисовываться новые черты в образе женщины по сравнению со средневековым пониманием женщины как причины всего зла, источника искушения и раздоров для мужчин. Иезуиты проповедовали идею о том, что слабая женская природа при правильном духовном руководстве может добиваться очень многого. В женской литературе постреформационного времени у католичек стали встречаться рассуждения о том, что, напротив, мужчины, в отличие от женщин, слабовольны и малодушны.

Контрреформационная католическая церковь всё же не допускала возможности какой-либо самостоятельной общественной деятельности и роли женщин, требуя от всех монашеских орденов уединенного закрытого образа жизни. Так в Англии была, в конечном счете, подавлена инициатива Мэри Уорд (1585-1645) по созданию организации женщин, обязанных обетами вести образ жизни, содержанием которого было бы стремление к духовному совершенству, молитвы, организация образования для девушек. Её организацию под названием Институт, действовавшую в 1609-1631 годах и подчинявшуюся непосредственно папе, называли женским аналогом Общества иезуитов, что вызывало оппозицию со стороны белого духовенства, религиозных орденов, восхищение и ужас в обществе. В католической церкви, состоявшей из духовных лиц, принимавших обет безбрачия, большинство рассматривало такие женские организации как угрожающие для церкви. И англиканское, и католическое духовенство активно боролись с притязаниями женщин на свободу и право голоса в религиозных делах, поскольку женщины особенно активизировались в постреформационные десятилетия. Женская религиозность многими духовными лицами воспринималась в это время как опора суеверия, и активизация женщин в религиозных делах в постреформационный период воспринималась современниками чаще всего как одно из проявлений общественного зла и недостатков беспокойного времени.

Ивонина Л.И. (Смоленск)

Интеллектуальный мир эпохи Барокко.

Мировоззренческие основы эпохи Барокко в Европе, апогеем которой являлся XVII век, формировались под воздействием экономических трансформаций и политических потрясений, начавшихся в предыдущем столетии. А на середину XVII века пришелся серьезный перелом в сознании людей. Из-за политических бурь и военных невзгод Тридцатилетней войны (1618-1648) у них на время исчезла уверенность в неизбежном торжестве добра в окружающем мире, обострилось ощущение трагических противоречий жизни, и наряду с этим появилось стремление жить сегодняшним днем и обращаться к разуму, а не к Богу. Изменяющееся, сталкивающееся, драматичное, противоречивое бытие определяло новый тип мироощущения европейцев. Но противоречия той динамичной жизни все-таки создавали своеобразную гармонию, хотя и неустойчивую, исполненную тревоги.

Мир этот скоро стабилизировался, к концу XVII в. на континенте стали преобладать сильные централизованные монархии, быстрыми темпами развивалась экономика, но ощущение жизни, как пространства опасной и сложной игры, свойственное барочной эпохе, досталось по наследству и

зрелой в ней эпохе Просвещения. Это мировосприятие требовало от человека выбора роли, которую следовало играть на сцене театра-мира. Она определяла как внешние признаки человека – прическу, детали костюма, грим, так и диктовала его поведение в обществе, а также провоцировала возведение соответствующих декораций. Мода касалась всего: то был образец, на который ориентировалась вся цивилизация. Ею в такой же мере было мышление, как и костюм; как меткое словцо, так и кокетливый жест, манера принимать людей за столом, тщательность, с которой запечатывают письма. Модой была манера ходить и в не меньшей степени приветствовать.

Жизнь человека превращалась в непрерывный процесс творчества и одновременно непрерывный стресс. Чем выше был его социальный статус – под тем более пристальным вниманием публики он находился. Причем персоны правителя и его приближенных являлись для остальных подданных эталоном. Наиболее ярким примером такого эталона являлся, безусловно, французский король Людовик XIV, игравший в жизни и политике роль Феба-Аполлона – бога Солнца. В глазах очень многих людей он считался самым красивым мужчиной Франции, а, может, и всего континента, а Версаль представлял собой подобие Солнечной системы.

Культура того времени красочно пропагандировала «дружелюбный» мир двора. Но, разумеется, она была чем-то несравненно большим, нежели просто государственная пропаганда – она призывала человека к совершенствованию. В середине XVII века в Западной и Центральной Европе читать и писать могла лишь элита общества, но чем дальше, тем больше это умение становилось желаемым и вполне достижимым для каждого. Уже к концу столетия, т.е. в уже начале эпохи Просвещения, мыслящий рассудок стал главным мерилем всего существующего.

Впрочем, рождающееся научное знание шло рука об руку с христианской верой, ведь если «конфессиональный век», когда религия была тесно увязана с политикой (вторая половина XVI – первая половина XVII вв.), завершился, согласно мнению его исследователей, то менталитет подавляющего большинства людей по-прежнему был религиозным. Книга Природы прочитывалась наряду с Библией. По мнению английского натурфилософа Джона Чилдрея, «натуральная философия рядом со Словом Божьим – самое могущественное Противоядие, чтобы изгнать яд Суеверия; и не только это, но и самая проверенная пища для вскармливания веры... Я верую в то, что все следствия и вещи, от самого сотворения мира до настоящего дня – суть работы Бога». Это мнение разделялось большинством его современников – как собратьями по духу, коллегами, так и далекими от научных занятий мыслящими людьми.

Но прежде всего эпоху Барокко отличала великая революция в умах - с ее новой строгостью математизации мира, с лишенным излишеств языком, но с оставшимся в качестве почти инстинктивной компенсации романтизмом. Королевой интеллектуалов, «наукой всех наук» являлась геометрия, а математизация искусства была идеалом стиля Людовика XIV, перенятого

другими дворами. Четкие правила и принципы прямых линий, как в классическом Древнем Риме, сказались в творчестве архитектора Пьера Blondеля и художника Луи Лебрена, музыке Жана-Батиста Люлли, пьесах Жана Расина, Жана-Батиста Мольера и Пьера Корнеля.

В этом русле военный инженер и маршал Франции Себастьян Вобан создавал свои знаменитые неприступные фортификации, математику считали основой всех научных изысканий немецкий философ и ученый-универсал Готфрид Вильгельм Лейбниц и, конечно же, английский ученый Исаак Ньютон. Математизация мира просто красивое превращала в грандиозное. Измерение расстояния от Земли до Солнца буквально взорвало космос, изобретение барометра сразу повергло всех в безумие, а изобретение маятника завершило историческую фазу часовой механики. Так научная мысль XVII века овладевала пространством и временем.

Именно тогда большинство ученых начали ощущать себя единым сообществом и одной из элит общества. Для подъема науки и искусства немало сделал двор, а носителями этого подъема стали Академии наук, которые в большинстве стран Европы были наследниками старых университетов, которые являлись не только центрами обучения, но и исследовательской и интеллектуальной жизни. Когда монарх понимал, что его королевство благодаря изучению природы извлечет экономические и политические выгоды и сможет успешно конкурировать с другими странами, он или, чаще всего, его более разумный министр становились инициаторами основания научных обществ. В конце XVII века в Европе работали две сильные Академии наук и несколько малых научных обществ в Италии. Кстати, великий кардинал Жан-Арман дю Плесси де Ришелье (1624-1642) в 1635 г. основал не Академию наук, а Французскую Академию языка и литературы. Академию наук во Франции по образцу Английского королевского общества от имени Людовика XIV основал министр экономики и финансов Жан-Батист Кольбер в 1666 г. Первая же Академия наук - Английское Королевское общество - было создано в 1662 г. по инициативе большой группы ученых во главе с Робертом Бойлем. Король Пруссии Фридрих I Гогенцоллерн способствовал основанию в 1711 г. Прусской Академии наук, а его сын Фридрих Вильгельм, хотя и распустил Академию, тем не менее, ввел в 1717 г. в своих владениях всеобщее начальное обучение.

В эпоху Барокко - время формировавшегося этноцентризма европейской мысли - человечество впервые могло получить и получало «универсальные знания», и не только на уровне элиты. «Если спросить меня, живем ли мы в Просвещенный век, я отвечу - нет, мы живем в век Просвещения», - эти слова Канта, сказанные уже в конце XVIII века, хорошо известны. Если внимательно поразмыслить над ними, то можно прийти к выводу о важности распространения двух «глобальных» социокультурных тенденций «плюрального» мира Барокко - рационального мышления и стремления познать окружающую действительность. Эти тенденции способствовали относительной информированности населения из прессы и

книг о происходящих событиях и явлениях в государстве и за его пределами, знанию и применению им законов, более осознанному и разумному участию в общественной жизни. Вообще культура и интеллектуальная мысль, как ее важнейшая часть, с одной стороны, репрезентуя власть и государство, а, с другой, критикуя их с целью их же совершенствования, в раннее новое время (XVI-XVIII вв.) выказывала большую тенденцию к единству мира в его разнообразии, к глобализации, которая стала явью сегодня и корни которой ищут в тех столетиях, нежели политика и экономика.

Ионова Е.Н. (Владимир)

Проблема испаноязычных иммигрантов в отражении американской прессы 1980-х гг.

В нашем исследовании мы будем опираться на основное периодическое издание, на страницах которого отражалось мнение американских граждан в отношении испаноязычных иммигрантов. Это будет пресса консервативного толка – U.S. News and World Report.

Вопрос латиноамериканских иммигрантов, а также весь латиноамериканский регион являлся предметом обсуждения на страницах ведущих американских изданий разного направления. Этот факт подтверждает актуальность вопроса Латинос в США в 1980-1990-е гг.. В начале 1980 года сообщалось о том, что более 80% всего населения Земли к началу нового тысячелетия будут жить в менее развитых странах, а сокращение населения в сельской местности произойдет в основном из Латинской Америке. Именно они составят большинство в иммиграционных волнах конца 1990-х начала 2000-х гг., сконцентрировавшись в крупных городах США. Подобную картину мы наблюдаем по сегодняшний день в Западном полушарии. Однако один из пунктов прогноза относительно качества самих резидентов не оправдался. Безработные жители сельской местности не являлись образованнее других иммигрантов, но, как и остальные, они покидали Родину в поисках лучшей жизни.

Выделение Hispanics из общей массы иммигрантов на страницах американской прессы произошло уже в начале 1980-х гг. Именно тогда заговорили о том, что эта группа, в основном на юге США, усиливает свои позиции, требуя большей власти на местах. Не смотря на существование доминирующего большинства в ряде городов штата Техас, белое меньшинство там испытывает негодование в отношении Латинос, однако открыто этого не показывает. Мексиканоамериканцы, в свою очередь заявляют, что Anglos захватили их культуру, а не их, при этом они возвращаются на свои мало- оплачиваемые работы и переполненные баррио. Таким образом, уже в 1980 году наметилось явное противостояние между белым и латиноамериканским населением в США, хотя оно наблюдалось

преимущественно в некоторых городах юга страны, там, где Соединенные Штаты граничат с Мексикой. Во многом в начале 1980-х гг. общественность полагала, что наметившаяся тенденция к превращению испаноязычного меньшинства в активную группу населения, связана с осознанием ими своего низкого социального статуса и неимения возможности его изменить в будущем. Но в тот период общество верило в движение двух народностей навстречу друг другу и прекращение напряженности. Такое настроение было основано на хорошем экономическом положении страны и участии Hispanics в экономической и политической жизни Америки. Парадокс ситуации заключается в том, что только там, где испаноязычные иммигранты становятся большинством, там американцы скрепя зубами идут им навстречу, не имея альтернатив. Здесь уже в силу вступают другие силы, а именно, политические партии, их представители в данном регионе. Они готовы работать для удовлетворения политических интересов Латинос в обмен на их поддержку на выборах.

Постепенно, на страницах периодики появляются заметки, заставляющие американцев задуматься над положением латиноамериканцев, так как в перспективе схожая ситуация вероятна и в других штатах. Американцы понимают, что Латинос начинают осознавать себя сильной политической силой в количестве 12,3 миллионов человек. Так, только в Техасе в 1980 году проголосовало 456,000 мексиканцев по сравнению с 276,000 в 1976 году. Латиноамериканцы делают явные попытки заставить белое большинство подвинуться со своих мест на правительственных должностях. Ранее, ничего подобного за испаноязычными не наблюдалось, так как они не претендовали на самостоятельность. Однако, объединившись, Латинос заставили себя услышать и провести преобразования в свою пользу в области оплаты труда, проживания и образования. Самое основное, что приобрели испаноязычные в начале 1980-х гг. – это вера в себя, осознание пользы голосования и выборов.

Короткова С.А. (Москва)

Кампания 1776 - 1777 гг. в штате Нью-Джерси женскими глазами.

Известный американский историк Гордон Вуд как-то заметил, что долгое время исследователи знали Революционную войну только со слов лидеров. Но есть еще война, увиденная глазами простых солдат, фермеров, женщин. Одной из них является Маргарет Хилл Моррис (1737 -1816), которая вела для своей младшей сестры дневник о военных событиях в Нью-Джерси.

Маргарет была десятым ребенком в квакерской семье Ричарда и Деборы Хилл. Оба родителя происходили из семей первых переселенцев в Новый Свет, устремившихся туда вслед за своим лидером Уильямом Пенном. Ричард был врачом и одновременно был связан с морской торговлей. Финансовые трудности вынудили его, взяв жену и новорожденного сына, уехать на Мадейру в надежде поправить дела. Всех остальных детей они оставили на попечение своей старшей дочери Ханны, вышедшей к тому времени замуж за доктора Самюэля Мура. В 1758 г., после смерти жены, Ричард вернулся в Филадельфию, где смог расплатиться с долгами. Выросшая за это время Маргарет, в этом же году вышла замуж за Уильяма Морриса, торговца бакалеей средней руки. Скуповатый муж строго контролировал все расходы жены, что приучило ее к экономии, так выручившей ее в военные годы. За 8 лет супружества в семье родилось семеро детей, четверо из которых выжили.

После смерти мужа в 1766 г., оставшись беременной с тремя маленькими детьми, Маргарет решила переехать из Филадельфии в Берлингтон, маленький городок на берегу реки Делавер (Нью-Джерси). На выбор места серьезно повлияло то обстоятельство, что там уже жили со своими семьями две ее сестры - Сара Дилвин и Милка Марта Мур. Дом Дилвинов, в котором поселилась Маргарет с детьми, раньше принадлежал Уильяму Франклину (сыну Б. Франклина), последнему королевскому губернатору Нью-Джерси. Этот большой дом стоял на высоком «Зеленом берегу» (так называлась местность), откуда хорошо была видна река. Именно здесь, в этом доме, сидя на втором этаже у окна и делала свои записи Маргарет. Они относятся к периоду между 6 декабря 1776 г. и 14 июля 1777 г.

После захвата Нью-Йорка в сентябре 1776 г., британские войска под командованием генерал-майора графа Чарльза Корнваллиса начали преследовать Континентальную армию на территории Нью-Джерси. 6 декабря 1776г. в Нью-Брансуике к отрядам графа присоединился отряд под командованием генерала Уильяма Хоу. Подразделения американцев вынуждены были уйти за реку Делавер в Пенсильванию, забрав с собой все плавсредства на несколько миль вверх и вниз по реке.

«Мы узнали сегодня (8 декабря), что британские соединения заняли Трентон, некоторые наши соседи покинули город, другие собираются это сделать, от чего побережье, на котором мы живем, выглядит пустынным». «(11 декабря) Большое количество гессенских наемников вошли в Бордентаун ... Около 10 часов утра отряд из 60 человек промаршировал вниз по главной улице (нашего города)». Генерал У. Хоу, оставив гарнизоны от Берлингтона до Нью-Йорка, отвел основное войско на зимние квартиры в район Манхэттена. Распыленные силы англичан дали возможность Дж. Вашингтону бить их по частям.

Победа отряда (2.4 тыс. человек) патриотов, переправившихся в рождественскую ночь через реку, над гессенцами в Трентоне под командованием полковника Райля, подняла моральный дух американской армии. «...Вашингтон столкнулся в бою с регулярной армией 25-го рано утром. Напав неожиданно, они убили 50 человек и еще 900 взяли в плен. Потери с нашей стороны неизвестны, а если и известны, то не так значительны, чтобы о них знала общественность. Кажется, такие большие потери со стороны регулярной армии можно объяснить широко распространенной среди гессенских наемников традицией напиваться накануне такого великого дня, который принес мир на землю и добрую волю людям – но как же сильно отличается от христианской их манера праздновать. Можем ли мы называть себя христианами, противореча своими действиями Божиим заповедям». «Эти новогодние дни у нас не сопровождались обычными празднованиями и пр.».

Эта победа заставила генерала У. Хоу выслать 6 тысяч солдат на помощь немецким наемникам. Оставив 2 тысячи в Принстоне, генерал

Корнваллис трижды без особого успеха атаковал 2 января 1777 г. позиции противника. Ночью Дж. Вашингтон отвел основные силы к ручью Ассанпинк, отправив отряд бригадного генерала Хью Мерсера на Принстон. Джон Кальваладер, возглавивший американский отряд после гибели Мерсера, 3-4 января занял Принстон. Основные силы англичан ушли в Нью-Йорк, оставив сторожевые отряды в Нью-Джерси. После этого Дж. Вашингтон отвел свои отряды на зимние квартиры в Морристаун. Всю зиму шла так называемая «Фуражная война», с многочисленными стычками отрядов противников, ищущих пополнения запасов для своих армий. Самым значительным среди них было сражение у Каменной мельницы 20 января 1777 г.

«Местные жители ограничивали себя в хлебе, чтобы обеспечить едой солдат и жгли дрова, чтобы обогреть их. Это, кажется, только одна из бед, которые несет с собой война». «(3 января) Перед сном я пошла в соседний дом, чтобы проверить насколько безопасен огонь в нем. Мое сердце разрывалось от сострадания, когда я видела столько своих братьев, лежащих и спящих, как скотина, на полу. У многих из них не было даже одеяла, чтобы накрыться. Мне казалось странным, что такому количеству солдат было разрешено покинуть лагерь в разгар битвы. У меня было сильное подозрение, что они просто убежали потому, что они не отдают себе отчет ни в том, зачем они сюда пришли, ни куда им идти дальше».

Летняя кампания началась с нападения 4 тысяч англичан и гессенцев на отряд в Баунд Бруке, который прикрывал мосты через реку Раритан, ведущие к Морристауну. « (19 апреля) Пришло сообщение о том, что был бой между британскими и американскими войсками, последние победили». Американцы отвоевали позиции, но их главнокомандующий понимал всю их уязвимость. Поэтому 28 мая 1777 г. большую часть своей армии на север в Миддл Брук, хорошо защищенный двумя цепями гор Ватчунг (или Голубыми холмами), а часть оставил в Принстоне. Весь июнь У. Хоу пытался сбросить американцев с гор или выманить их на равнину, чтобы провести генеральное сражение. 12 июня генерал двинул 18-тысячное войско из Нью-Брансуика чере Баунд Брук на Семерсет, 19 июня внезапно отошел к Питскатевею, 26 июня попытался напасть на американцев у Шорт-хиллз. Потерпев везде неудачи, британский главнокомандующий посадил свои войска на суда и отправился в Чесапикскую бухту, чтобы взять Филадельфию с юга. 2 июля Дж. Вашингтон повел свою армию в Пенсильванию. «(10 июля) В городе появился человек из лагеря наших войск с целью набрать проводников (и забрать их с собой), хорошо знающих разные пути в Филадельфию...»

Во время военных событий Маргарет пришлось лечить больных и раненых, т. к. она получила некоторые навыки, наблюдая за своим отцом и помогая ему. «Несколько мужчин из вельботов и их жёны были больны, а в городе не было ни одного доктора. Но им сказали, что миссис Моррис - опытная женщина и у неё есть лекарства для бедняков. ... У нескольких мужчин и женщин был жар, какой бывает при лихорадке или «гнилостной»

лихорадке. Тела их были покрыты нарывами, и при более детальном осмотре оказалось, что это чесотка. После моего лечения им всем стало лучше».

Главная же мысль, которая пронизывает весь дневник – это осуждение любого насилия. Маргарет Моррис мечтала о «благословенном периоде, когда соперничающие стороны пожмут друг другу руки, и все снова станут друзьями». Это для нее – «вершина политики и главное сердечное желание».

Кузьмина М.В. (Москва)

Личное и индивидуальное в анонимном трактате «Le Ménagier de Paris» (Франция, XIV век).

Проблема «индивид и общество в XIV веке», изучаемая на примере нравственно-поведенческих представлений отдельных авторов, предполагает рассмотрение влияния на них социо-культурологических факторов и прежде всего доминирующих в обществе христианских нравственных установок. Возникает вопрос, можно ли и, если да, то в какой степени можно говорить о лично-индивидуальном видении отдельными лицами названных проблем. В литературе неоднократно отмечалось, что по отношению к Средним векам при преобладании в эту эпоху коллективной идентификации, осознания принадлежности человека к определённому сословию, индивид не может в полной мере рассматриваться как осознающая себя личность и деятельный субъект. Начиная с 70-х годов XX века, когда эта проблематика оказалась в центре внимания зарубежных и отечественных медиевистов, возникла иная точка зрения. Это обстоятельство определяет актуальность рассматриваемых проблем. Учёные Ж. Ле Гофф, Эрве Мартен, А.Я. Гуревич и другие подчёркивали сложность проблемы, неправомерность полного отрицания личностного отношения к богословско-нравственным установкам, необходимость тщательного изучения ментальности и психологических факторов поведения средневекового человека и особенностей индивидуального восприятия им реальности.

В докладе эти проблемы рассматриваются на материале анонимного дидактического трактата конца XIV в. «Le Ménagier de Paris». Трактат содержит поучения мужа, обращённые, прежде всего, к молодой жене, касательно её поведения на людях, в семье и её обязанностей хозяйки дома. Я полагаю, что автор трактата принадлежал к сословию буржуа. Это вытекает из ряда косвенных данных. Имеется и другая, на мой взгляд, вызывающая сомнение, версия, согласно которой автор трактата был рыцарем. Я думаю, что, если даже он и являлся по происхождению рыцарем, он вёл жизнь парижского буржуа, представители которой входили в эту эпоху в верхушку городского населения. Во всяком случае, его положение в обществе определяло его высокую самооценку.

Рассматриваемый источник известен на основе 3 рукописей XV века и 1 списка XVI века. Опубликован Жеромом Пишоном в 1846 г. Есть издания с переводом на современный французский язык, последнее из которых датировано 1994 годом. К изучению текста памятника обращались зарубежные и отечественные исследователи. Учёные обращали внимание на своеобразие его понятийного аппарата (Джорджина Бреретон, Жанет Феррье), отмечали типичность для эпохи дидактического метода, связь содержания трактата с такими произведениями, как «Роман о семи римских мудрецах», «Игра в нравоучительные шахматы» (Жак де Сессоль). Отмечалась общая цель подобных произведений в стремлении оправдать верховенство в обществе мужчин (К. Роуз). Характеризовался богатый материал по повседневной жизни (Жан Фавье, Виолле-ле-Дюк). Понимание семьи в трактате сравнивалось с представлениями о ней Леона Баттиста Альберти (Филипп Лефор).

Понятие авторства, как известно, в Средние века было весьма сложным. Оно варьировало от заявки авторства в богословских текстах до полного замалчивания его в ряде текстов светского характера.

Автор трактата называет своё произведение *Escripture*, как бы подчёркивая взятую на себя наставническую, даже проповедническую функцию и уподобляя соответствующий жанр Священному писанию. Анонимность текста давала в этом отношении большие возможности, усиливая значимость рассуждений в рамках принятого канона, подчёркивающего божественную инспирированность высказанных суждений.

Для решения поставленной проблемы необходимо проанализировать особенности семейно-нравственных представлений автора трактата в их тесной взаимосвязи с социально-культурологическими факторами той сложной и переходной эпохи, которую являла собой Франция конца XIV в., когда создавался трактат. Задача состоит в выяснении особенностей осуществляемой автором трактата интерпретации нравственных установок христианства под влиянием названных факторов. Подобная интерпретация являлась тем средством, с помощью которого формировался индивидуально-личностный нравственный идеал автора трактата. Естественно, он базировался на авторитете Священного Писания, имевшего бесспорный нормативный характер. Однако в реальной жизни христианин часто сталкивался с толкованием, интерпретацией, результатом комментирования Библии богословами и проповедниками. Это означает, что христианский идеал претерпевал известные метаморфозы, в рамках которых оказывались акцентированными его отдельные проявления, отражавшие индивидуальный подход. Такой подход нравственным христианским нормам характерен и для автора трактата. Для обоснования своих наставлений он не только выбирает отдельные интересующие его библейские сюжеты, но интерпретирует их, расставляя свои акценты. Например, рассказ об Иакове, Лии и Рахили и их служанках, которые все имели детей от Иакова и подчинялись его решению,

буржуа делает неожиданный вывод не столь очевидно вытекающий из библейского текста. Как известно, Иаков работал в течение 7 лет, отработывая право быть мужем Рахили. Вывод следует такой: Иакову такой срок казался очень коротким, ибо у него была великая любовь к Рахили. Длинный рассказ об Иакове и Рахили автор трактата прерывает там, где считает нужным, поскольку дальнейшее в нём уже не касается того, что он ей хочет внушить – быть покорной мужу. Именно таков его способ создания образа идеальной жены. Этот образ удовлетворяет не только таким христианским добродетелям, как смирение, терпение, послушание, но и нормам поведения, принятым в том сословии, к которому принадлежит автор. Он подчёркивает значимость этих сословных ценностей, относящихся к семье-линьжу. Он внушает юной супруге, что грех, совершённый против мужа – это грех против Бога, а значит - и нарушение общественных норм, что грозит нанесением вреда и семье-линьжу. Таков конструируемый им *modus Vivendi*, который должен устраивать и его, и жену.

Понятие «грех» - важнейшее понятие христианской нравственности – претерпело определённые метаморфозы и это с очевидностью обнаруживается на основе трактата. Грех трактуется не только как сугубо нравственное понятие, но как социально-нравственное. Грех-поступок, нарушающий связь человека с Богом, понимается не только как то, что наносит вред этой сакральной связи, но и отношениям людей, принадлежащих к определённой социальной группе. Поэтому преодоление греховности осуществляется не только в церкви на исповеди и при покаянии, но путём служения семье, льнжу, сословию, поддержанием чести *estat*, поддержкой со стороны жены дел мужа, направленных в том числе и на сохранение этих связей.

Ядро семьи – семейная пара. Даже сокрытие греха, совершённого в семье, от других членов общества признаётся автором трактата допустимым. Подобные воззрения автора формировались под влиянием не только религиозно-богословских, но и ряда других социально-культурологических факторов, воздействующих на повседневную жизнь человека. Текст трактата позволяет реконструировать эти факторы. В эту эпоху в сознании людей и автора «*Le Ménagier de Paris*», в частности, образ короля – гаранта общественного порядка, выступает одновременно как образ идеального отца и супруга, а образ королевы – как образ матери и верной супруги. Автор трактата ссылается на эти образы, обличённые властью и добродетелями от Бога, как примеры для подражания. Большое значение для понимания воззрений автора имеют содержащиеся в трактате сведения, относящиеся к особенностям личности автора. Это человек образованный. В трактате упоминается ряд произведений, которые наряду с Библией, знакомы ему и, очевидно, влияли в той или иной степени на его взгляды. Это и произведения Отцов Церкви (Иероним, Августин), светских авторов (Жан де Мён, Петрарка), а также античных авторов (Овидий, Сенека, Кассиодор). Из многих произведений автор трактата заимствовал цитаты. Он ссылается,

например, на пронизанный эротикой «Роман о Розе», что показывает влияние, оказанное на него и светскими веяниями эпохи.

Использование светской литературы, несомненно, повлияло на формирование у автора отношения к женщине. По его мнению, поведение жены должно не только удовлетворять общепринятым христианским взглядам. Они, хотя и составляют основу его рассуждений, однако сочетаются с рассуждениями, из которых следует, что он желал бы видеть в женщине не только мать и хозяйку, но и друга. В трактате, таким образом, представлен и общий христианский идеал семейных отношений, и его реализация в сложных и противоречивых отношениях повседневной жизни. Этим, видимо, объясняется то обстоятельство, что взгляды автора на семью в целом неоднозначны. Семья у него – это и линияж, род, восходящий к общему предку, это и сословие, связанное и родственниками, и социальными узами, это и брачная пара с её интимной жизнью. В рамках этой последней взаимоотношения супругов более закрыты от социальной сферы, здесь создаётся большой простор для принятия собственных личностных решений. Я полагаю, что внимание автора к малой семье очень важно с точки зрения его представлений о семейных отношениях в целом. Таким образом, разделяя, безусловно, известный средневековый стереотип отношения к женщине вообще и её положения в семье, автор тем не менее допускает индивидуальный взгляд, выраженный, бесспорно, весьма робко. Он признаёт право женщин на самоусовершенствование в рамках семьи, например, чтение книг. Подчёркивается роль жены в управлении домом и слугами, в воспитании детей. Упоминается значимость интимных отношений в семье, что важно не только в плане деторождения, но и для сохранения добрых отношений между супругами. Любовь между супругами желательна но, если её нет – то между ними должен быть хотя бы мир – таков вывод автора трактата. Вряд ли подобные выводы можно считать воззрениями о супружеских отношениях в целом, видимо, это констатация положения вещей в рамках данной брачной пары, так как именно она, а не проблема семейных отношений в целом, находится в центре непосредственного внимания автора. Тем не менее, эта манера изложения вызывает исследовательский интерес, как проявление определённого влияния особенностей эпохи.

В итоге можно заключить, что материал трактата не только подтверждает выводы медиевистов 70-х гг. XX века об элементах личностных проявлений в эпоху Средневековья, но позволяет обнаружить в этих проявлениях ряд конкретных черт.

Миллер В.С. (Казань)

Ирландский театр Аббатства.

Идея создания в Ирландии собственного национального театра была продиктована тем мощным импульсом, который был дан развитию драматургии в конце XIX века в Европе. В ирландских литературных кругах внимание к тому, что происходило на континентальной европейской и английской сценах, было очень велико. После расцвета натурализма во Франции и нашумевших постановок «новой драмы» Генриха Ибсена (1828 – 1906) английские критики и литераторы, такие как Мэтью Арнольд (1822 – 1888), Джордж Мур (1852 – 1933), Уильям Арчер (1856 – 1924), Бернард Шоу (1856 – 1950), начали наступление на господствовавший на сценах Великобритании коммерческий театр. Протест был направлен, прежде всего, против пренебрежения, которое менеджеры театров оказывали художественной ценности тех произведений, которые они ставили. В этот период особенно остро обозначился разрыв между существовавшей театральной практикой и развитием литературы. Литература становилась более психологичной. Рядом с любовью, завистью, честолюбием место на театральных подмостках должен был занять интеллект, человеческая мысль. Проблемы большой литературы не могли найти своего выражения на сцене, занятой коммерческим театром, и в качестве альтернативы ему на литературном и театральном горизонте возникла «новая драма».

Своим возникновением она породила явление режиссуры. Традиционные представления о сценичности не удовлетворяли требованиям развивающегося драматического искусства. Для интерпретации произведений «новой драмы» требовались новые методы, и точно так же, как новая драматургия стремилась интерпретировать современность, режиссура стремилась к анализу и изменению существовавшей театральной системы.

Новый проект получил название Ирландский литературный театр, и программа его была не менее амбициозна, чем название. Вот выдержка из манифеста, который рассылался всем, кто мог быть заинтересован в участии: «Мы намереваемся ставить в Дублине весной каждого года некоторые кельтские и ирландские пьесы, которые, какой бы ни была степень их совершенства, будут написаны с высокими целями, и таким образом создать кельтскую и ирландскую школу драматической литературы. Мы покажем, что Ирландия – не край шутовства и сентиментальности, как ее изображали до сих пор, но страна, в которой жив древний идеализм. Мы уверены, что все ирландцы, которым надоело такое искажение, поддержат это начинание, выходящее за рамки всех наших политических разногласий».

Йейтс крайне негативно отзывался об игре английских актеров и о красочных постановках. Искусство такого рода Йейтс обвинял в том, что оно явилось причиной деградации поэтической драмы. Он утверждал, что коммерческий театр развил в театральной публике лень ума. В низком качестве английской драмы XIX века Йейтс обвинял постановщиков, которые в погоне за дешевыми эффектами приучили зрителя, актера и – что хуже всего – менее важны, чем произносимый со сцены текст. «Такие изменения постепенно создали коммерческий театр, шедевр этого движения

ко всему внешнему в жизни, в мысли». Естественно, что в силу этого он всячески поддерживал стремление европейских реформаторов театра вернуть значение автора в драматическом искусстве. Неудачу подобного начинания в Англии Йейтс объяснял тем, что в качестве предмета подражания была избрана неверная модель – Ибсен и натуралистская драма.

Это ни в коей мере не означало, что Йейтс недооценивал значения совершенного Ибсеном прорыва в драматургии. Он отмечал в автобиографии, что хотя у них и были разные друзья, враги были одни и те же. Он был всячески готов использовать опыт успешного развития скандинавской драматургии в собственном ирландском театре и упоминал, что норвежский театр при этом явился «вдохновляющим примером».

Альтернативу ибсенистской и натуралистской моделям «новой драмы» Йейтс увидел в театре французского символизма. На долгие годы его восхищенное, но при этом всегда критическое внимание было приковано к работам Метерлинка.

В 1904 году благодаря своей патронессе Энни Хорнимен у Ирландского Национального театра появилось свое здание. Это было здание бывшего «Народного мюзик – холла» на улице Аббатства – этот адрес и дал название новому театру. Будущий театр на улице Аббатства был спроектирован как компактное здание с залом на 562 места и с маленькой сценой. Театр собирался экспериментировать, искать, ошибаться – то есть в большей степени быть театром – лабораторией, и для этого прекрасно подходило небольшое пространство, скромное оформление.

Жизнь театра была полной столкновений и конфликтов. Основные споры возникали из-за стилистического направления и политической ориентации театра. Одна часть труппы утверждала, что театр Аббатства должен призвать к борьбе с английским господством; вторая считала, что театр должен стоять вне политики и сосредоточить свои усилия на возрождении национальных традиций. В стороне не оставались и зрители: известен эпизод 1907 с массовой дракой на спектакле по пьесе Синга «Удалой молодец – гордость Запада», когда патриотически настроенная часть публики, сочтя трагикомедию оскорбительной для ирландского народа, отстаивала свое мнение с помощью кулаков.

В 1900-е гг. Йейтс пребывал в состоянии скрытого – а то и явного – конфликта и с Ирландским Национальным театром. Он думал, что создаст театр поэтической условности, «духовных сущностей». Но вышло не так, как мечтал поэт. На сцене театра Аббатства зрители видели интерьеры крестьянских домов во всей их подлинности; здесь царила земная реальность. Это не был театр Йейтса – драматурга, но Йейтс, человек и художник, не мог остаться нечувствительным к чарам этого театра. Освободившись от эмоционального плена, в котором его держали «актеры и раскрашенная сцена», Йейтс выразил сущность своих претензий к театру Аббатства : «Наши актеры ... производили яркое и волнующее впечатление, потому что они копировали жизнь, им лично известную... Несомненно, что

это создание всего из сопереживания и наблюдения и никогда – из страсти и одинокого мечтания, эта объективность сделала наших актеров, в лучшем случае, великолепными исполнителями комедии...».

И все же Йейтс упорно добивался того, чтобы его пьесы получили подлинное театральное воплощение. Он не ограничивался работой с труппой. Не менее важны были поиски сценической среды для поэтического спектакля. Главное в этих поисках связано с театральными идеями выдающегося английского режиссера – новатора рубежа XIX – XX вв. Гордона Крэга.

В 1901 г. В Лондоне, Йейтс увидел первые режиссерские эксперименты Крэга: оперу Перселла «Дидона и Эней» и «Маску любви». Зрители увидели перед собой пространство, уходящее вдаль, казавшееся бескрайним. Красота спектакля пленяла: рецензенты восторгались изысканной простотой цветовых сочетаний, музыкальной пластикой хора.

Изобретенная Крэгом система ширм дала понять Йейтсу, что он нашел для себя идеальную сцену. Театр Аббатства первым в мире применил ширмы Крэга в постановке «Песочных часов» Йейтса в 1911 году. Постановка имела зрительский успех и в целом удовлетворяла Йейтса. Спектакль, продемонстрировав красоту абстрактных геометрических форм, также опроверг мнение о том, что декорации подавят актеров. К сожалению, все проекты дальнейшей совместной работы с Крэгом так и остались проектами. В творчестве Йейтса эта постановка фактически завершает большой период поисков поэтического театра.

После 1916 г., Йейтс перестает быть театральным драматургом. Исследователи называют несколько причин и не сходятся в едином мнении. Думается, что Йейтс все же обогнал свое время, что театр Аббатства, в котором утвердился бытовая драма, не мог дать сценическую жизнь произведениям поэта, что певцы и музыканты, играющие в поздних пьесах Йейтса важнейшую роль, на практике оказывались рутинерами, нечувствительными к требованиям тонкой и глубокой музыкально-поэтической драмы.

Если говорить о жизни театра, то она во многом зависела от политической обстановки в стране. Во время Пасхального восстания все дома вокруг театра были сожжены и разбомблены, а часть труппы погибла или была арестована. К 1920 г. в Дублине были введены законы военного времени. Ни о какой дотации театру не могло быть и речи, он перешел на полулюбительское существование.

Театр Аббатства, как всякий театр, не обходился без личных интересов, страстей, даже подчас интриг, но в целом он выдерживал в своей деятельности на редкость благородный тон. Даже ссорясь на личной почве, враждующие стороны заботились о благе театра – так, как они его понимали. Поэтому, наверное, и удавалось сохранять единство труппы и высокий художественный уровень в самых неблагоприятных обстоятельствах. Театр развивался как живой организм. Направление его развития могло удивлять

или огорчать тех, кто стоял у его истоков, но они никогда не превращали принципы в догму, препятствующую органическому процессу. Благодаря этому театр Аббатства смог стать исключительным явлением в ирландской культуре и одним из самых интересных и жизнеспособных театральных организмов, родившихся на рубеже XIX – XX веков.

Минаев А.И. (Рязань)

Отечественная общественно-политическая мысль второй четверти XIX века о британском парламентаризме.

Движение декабристов, не смотря на его поражение, заставило правящие круги России активизировать поиск оптимальной идеологической концепции отечественного абсолютизма. Это нашло выражение в создании «теории официальной народности». Её краеугольным камнем стала выдвинутая министром народного просвещения графом С.С. Уваровым (1786 – 1855) формула «Православие, Самодержавие, Народность».

Для нас в связи с «теорией официальной народности» принципиально важными являются два обстоятельства. Во-первых, ее появление во многом было обусловлено противоположением «Россия – Запад», а, следовательно, предполагало идейное обоснование дальнейшей конкуренции российского самодержавия с государственно-правовыми системами западноевропейских стран и США, включая, вне всякого сомнения, британский парламентаризм. Во-вторых, нашедшая свое четкое оформление официальная идеология, с одной стороны, придала законченные очертания отечественному консерватизму, а, с другой стороны, стимулировала дальнейшее развитие либерального и радикального направлений общественно-политической мысли России, в том числе и при освещении европейского политического процесса. Оценки британского парламентаризма в 30-е – 40-е гг. XIX в. приобретали более четкий, идеологически выверенный характер.

Отечественный либерализм, переживавший этап оформления двух своих модификаций – западничества и славянофильства, до некоторой степени был един в признании значения британской государственной модели. Ориентация «западников» на британские социально-политические и государственно-правовые стандарты общепризнанна, в то время как «славянофильская» позиция в этом вопросе нуждается в детальном исследовании. В отечественной исторической науке прочно укоренилось мнение о противопоставлении русскими славянофилами России и Европы. По нашему мнению, данный тезис требует некоторого уточнения. Следует учитывать, что понятия «Запад», «европейская цивилизация» не характеризуются абсолютной однородностью, а, напротив, в социально-политическом аспекте представляют собой совокупность различных

государственно-правовых форм и общественных институтов. По крайней мере, между континентальной Европой, облик которой у многих отечественных мыслителей формировался под влиянием Франции, и Великобританией имели место существенные различия. В связи с этим несомненный интерес представляют англофильские воззрения крупнейшего идеолога славянофильства Алексея Степановича Хомякова (1804 – 1860).

В 1848 г. он написал «Письмо об Англии», которое стало результатом осмысления впечатлений, полученных от поездки в эту страну годом ранее. Хотелось бы подчеркнуть, что, его англофильство носило прикладной, прагматический характер. Обращение к историческим корням и современному состоянию британского общества для А.С. Хомякова определялось поиском параллелей с российской действительностью. Противопоставляя британскую традиционность европейскому космополитизму, он доказывал возможность относительно обособленного исторического существования, что было созвучно с идеей самобытности России. Великобритания была для него не объектом для подражания, но моделью наиболее конструктивного общественного развития.

Великобритания привлекала внимание и отечественных консерваторов второй четверти XIX в., оценки которых государственно-правовой системы этой страны становились определеннее. Отказываясь видеть острейший социально-политический кризис, который был отчасти разрешен благодаря избирательной реформе 1832 г., они рассматривали британский парламент как элемент системы, контролируемой и направляемой монархией.

Так, видный консервативный журналист, писатель и издатель Н.И. Греч (1787 – 1867) в своих «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции», изданных в Санкт-Петербурге в 1839 г., анализируя расстановку политических сил в британском парламенте приходил к выводу о том, что «...сколь ни различны все эти партии в мнениях своих о том, какие средства должно употребить для достижения цели – они согласны в одном, в ревностной приверженности к своему отечеству, к своему государю, в совершенной покорности существующим законам, и в пламенном желании всех благ, славы и величия их любезной Британии».

Начало критическому отношению русских радикалов к британскому парламентаризму было положено В.Г. Белинским (1811 – 1848), который писал: «Те же Чичиковы, только в другом платье: ...в Англии они не скупают мертвых душ, а подкупают живые души на *свободных* парламентских выборах. Вся разница в цивилизации, а не в сущности. Парламентский мерзавец образованнее какого-нибудь мерзавца нижнего земского суда, но в сущности, оба они не лучше друг друга».

Под прессом «теории официальной народности» оказалась и русская периодическая печать. Однако и в этих условиях умеренные издания продолжали фрагментарно информировать своих читателей о событиях в Великобритании. Так, в 1833 г. московский журнал «Телескоп», издававшийся Н.И. Надеждиным (1804 – 1856), откликнувшись по горячим

следам на первую парламентскую реформу, отмечал: «Пример Франции отозвался и в ней (Англии – А.М.) беспокойным движением, усилив давно чувствуемую потребность реформы: но сие движение было гораздо спокойнее и поэтому обошлось без насильственной развязки. Министерство, поддерживаемое королем, умело сохранить мир с парламентом и народом, ...Дело преобразования, с согласия правительства, совершилось тихо, без насилия и ломки, без шума и крови». Говоря о том, что реформа прошла «без шума и крови», журнал все же подчеркивал ее «чувственную потребность», что в 1833 г. вполне могло быть расценено властями как смелое, если не крамольное заявление.

Информирование читателя с европейскими событиями сочеталось на страницах русской умеренной периодической печати с философско-аналитическим осмыслением проблемы «Россия – Запад». Разработка вопроса отношения русского просвещения к западноевропейскому стала центральной задачей созданного И.В. Киреевским (1806 – 1856) журнала «Европеец», начавшего выходить с января 1832 г. Журнал открылся своего рода программной статьей «Девятнадцатый век», в которой намечались перспективы идейного взаимодействия России и Европы. По мнению «Европейца» это взаимодействие должно было перестать быть созерцательным и перейти в практическую плоскость, что подразумевало и активный диалог государственно-правовых систем. «...Главный характер просвещения в Европе был прежде попеременно поэтический, исторический, художественный, философский, и только в наше время мог образоваться чисто *практическим*». Оба этих издания, «Телескоп» и «Европеец», осмелившиеся выйти за рамки официальной идеологии, в скором времени были закрыты.

Внимание общественной мысли и правящей элиты России к британскому парламентаризму содействовало сохранению российского самодержавия в рамках легитимности, недопущению его вырождения в деспотию. Анализ британского государственного механизма, принципов и закономерностей его функционирования формировал либеральную составляющую в правящих кругах российской империи, которая содействовала движению самодержавия в направлении буржуазно-демократических ориентиров.

Общественная мысль России рассматриваемого периода «кристаллизовала» свои основные направления в освещении европейского политического процесса во многом благодаря первым попыткам восприятия британской государственно-правовой системы.

Падерин М.В. (Екатеринбург)

Позиции России и Японии на Дальнем Востоке в середине 1900-х гг. и проблема взаимоотношений в регионе в оценке некоторых российских консервативных мыслителей.

Проблема раскрытия сущности и особенностей позиций России и Японии по отношению к региону Дальнего Востока середины 1900-х гг. неоднозначно освещалась в историографии. В советской историографии М.Н. Покровский указывал, что «дальневосточная политика Витте, несомненно, заключала в себе кое-какие зачатки империализма, главным образом в лице Русско-китайского банка, но в основе это было продолжение захватнической колониальной политики царизма». Современный отечественный автор В.Э. Молодяков видит причины конфронтации России и Японии, с одной стороны, в позиции правящих кругов России, которые «утратили чувство реальности в твердой уверенности, что легко закидать шапками «желтых макак», а, с другой стороны, в позиции Англии, которая «ненавязчиво, но старательно подталкивала Японию к войне». Американский историк Р. Пайпс полагает, что экспансионистские мероприятия России на Дальнем Востоке начиная с 1895 года «вопреки стремлению Николая II к установлению миролюбивых отношений и неодобрению некоторых министров, вели Россию к столкновению с Японией». Видный правый общественный деятель В.И. Гурко в своих воспоминаниях писал, что «...войны с Японией мы отнюдь не желали».

Один из крупнейших отечественных консервативных мыслителей Л.А. Тихомиров не был однозначен в оценке перспектив дальневосточной политики России. Неоднозначно он относился к перспективе возможной войны с Японией. В записи в дневнике от 5 января 1904 года отмечено, что «по-видимому, японская ссора совсем утихает. Объегорят они нас и без войны». Но уже 13 января 1904 года, оценивая возможность войны, Тихомиров, отмечая, что не верит в русскую победу, далее замечает, что «наша политика на Дальнем Востоке прямо противоположна той, которая необходима для нравственного воздействия... Никогда мы не лгали так невероятно, как на Дальнем Востоке. А в то же время – показываем боязнь войны». Если 21 января 1904 года Тихомиров о близости войны с Японией написал «ну, может быть, и лучше, то 25 января, констатируя неготовность России к войне, все же полагает, что «лучше война, чем [американское] посредничество. В войне возможен успех, в посредничестве неизбежно поражение: размякнут, все отдадут, будут кругом обмануты наши, а не враги». Столь решительная позиция сохранялась Тихомировым весьма долго.

Но первые поражения вызвали осознание внешнеполитических осложнений для России. Задним числом критикуется внешнеполитическая линия Ламздорфа: «Наше правительство – поистине удручающее. Оно (то есть Ламздорф) было уверено, что обманут японцев переговорами и оттяжками, а также и уступками, и что войны не будет еще до весны, пока мы не подготовимся. У Ламздорфа лживость азиата соединяется с мозгом

пятилетнего дитяти!» В нынешних условиях Тихомиров отмечает возможность восстания китайцев в русском тылу (записи от 29 января и 4 февраля). Мрачность перспектив военного столкновения выражена и в следующем замечании: «Япония имеет правительство, быть может, самое великое в своей истории. Мы имеем самое слабое, какое только было до сих пор...».

С другой стороны, достаточно рано, хотя и не в полной мере, Тихомировым была осознана истинная позиция Англии в русско-японской войне: «Как слышно, в Туркестане на границе собрано у нас против Индии 200000 войска... Неужто вправду Англия решила так твердо помогать Японии?». В записи от 12 марта Тихомиров, видимо, не осознавая всей сложности ситуации, допускает возможность и столкновения с Великобританией и США: «Если Америка или Англия будут вмешиваться – бить и их, вообще действовать – пан или пропал».

Как последовательный сторонник российской экспансии на Дальнем Востоке, Тихомиров (запись от 11 февраля) говорит о пагубности поддержки нейтралитета Китая и Кореи: «Что это за чепуха? Но тогда, значит, мы не смеем и завоевывать Корею?.. Этот «нейтралитет» Китая все дает японцам, а для нас хуже войны». Экспансионистские соображения же приводят к осмыслению иллюзорной перспективы послевоенного положения на Дальнем Востоке: «...если это [обложение Порт-Артура с суши] вызовет присоединение Китая к Японии, то – можно и на это согласиться. Тогда уже, по крайней мере, можно было бы форменно присоединить Маньчжурию и позабыть прежнюю позорную систему глупого лганья. Я бы согласился на какие угодно жертвы, только чтобы Россия перестала быть такой лгуньей».

В 1904 году выходит брошюра Тихомирова «О смысле войны», где автор призывает к доведению войны до победного конца и где нет места сомнениям в ее исходе, выражаемым Тихомировым в его дневнике. В самом начале данной работы он отмечает: «На берегах Тихого океана кипит кровавая борьба и, вдумываясь в причины ее, нельзя не опасаться, что она окажется спором не на месяцы и годы, а на очень долгий период. Чувствуется, что на Дальнем Востоке поднялся вопрос всемирно-исторический, при решении которого нам понадобятся все наши способности бороться, устраивать и управлять». Подчеркивается, что каждая великая нация имеет свою национальную идею, суть каждой из этих идей есть национальное величие. «Даже английский солдат дрался с бурами не для того, чтобы Чемберлен наполнял свои карманы алмазами, – замечает Тихомиров, – Солдат дрался за Англию, за то великое внутреннее содержание, которое создало английскую нацию».

Дальнейшие неутешительные вести с Дальнего Востока повлекли мыслителя к печальному прогнозу (запись от 7 августа уже 1905 года): «Как Япония заберет Корею и Китай, так Россия – мировой гроб... Мне наши внутренние дела кажутся совершенно ничтожной вещью в сравнении с той гибелью, которое правительство устраивает нам по своей жалкой трусости на

Дальнем Востоке». Неудивительно поэтому, что Портсмутский мир характеризуется им как «постыдный», а его заключение связывается с угрозой Англии войной по отношению к России.

Интересно, что в своей главной работе «Монархическая государственность», вышедшей уже после Портсмутского мира, Тихомиров, отрицая экспансионистские устремления России, всю вину за конфронтацию возлагает на противную сторону; русская политика «была вызвана именно новой территориальной политикой самой Японии, как способ защитить русские владения против неизбежных последствий притязаний Японии на Китай и Корею».

Свое видение перспектив взаимоотношений России и Японии на Дальнем Востоке предложил и С.Ф. Шарапов в статье «Ввиду грядущей мировой войны», появившейся три года спустя после окончания русско-японской войны. Отмечая равнодушие русского общества по отношению к начавшейся в 1904 г. войне с Японией, которое тогда лишь пожимало плечами на то, «как осмелился желтый пигмей напасть на белого великана», и его тревогу по поводу проблемы Дальнего Востока четыре года спустя, публицист отмечает меры Японии, направленные, по его оценке, к подготовке новой войны с Россией с целью «вытеснить Россию совершенно с Тихоокеанского побережья»: реформирование и увеличение армии, «заглатывание и переваривание» Кореи, строительство сети стратегических дорог, превращение аренды Квантуна во владение, японские эмиссары в Турции, Швеции, Финляндии.

Шарапов полагает, что в случае возникновения новой русско-японской войны Китай окажется на стороне Японии. Оценивая численность китайской армии примерно в 100-200 тыс. человек, а японской – около 1 млн. человек, Шарапов отмечает: «На 1200 тыс. японско-китайской армии потребуются сосредоточение за Иркутском по крайней мере 2 млн. наших войск. При войне народной, при войне на своей территории и при талантливых вождях, которых выдвинет именно народная война, да при русском упорстве эта кампания обещает быть, пусть и долгой, и кровавой, но победоносной». К тому же, по его оценке, новая русско-японская война, в отличие от разразившейся в 1904 году, должна вызвать широкий патриотический подъем: «Если первая Японская война не возбуждала ровно ни в ком никакого энтузиазма и ни в каком случае не могла быть названа народной, то вторая война будет иметь совершенно противоположный характер. Теперь уже нет и быть не может в России самого темного человека, который бы не знал, что такое Япония, чего она хочет и во имя чего мы с нею будем драться».

Стратегического союзника на Дальнем Востоке Шарапов видит, прежде всего, в лице США, отмечая, что «этот союз [России и Соединенных Штатов] так естественен, так выгоден и важен для обеих держав, что, надо полагать, возникнет сам собой даже без особых с нашей стороны усилий. Ни

Америка, ни Англия не могут допустить, чтобы Япония захватила наше Тихоокеанское побережье и стала великой континентальной державой.

Таким образом, в воззрениях российских консерваторов на проблемы Дальнего Востока во внешней политике причудливо сочетается осознание реальных угроз русским интересам на Дальнем Востоке и химерические надежды на возможность укрепления влияния России в Китае и Корее. Разнятся представления о потенциальных союзниках России в регионе: если Шарапов видит в этой роли США, то Тихомиров фактически отрицает возможность взаимодействия с какими-либо державами в регионе, отсюда его призыв к ведению решительной политики на Дальнем Востоке. В целом же мы не наблюдаем выработки консервативным направлением цельной программы решения дальневосточного узла отношений России с США, Великобританией и Японией.

Петрунина Ж.В. (Комсомольск на Амуре)

**Религиозная политика египетских властей в Сирии (1831 – 1840 гг.)
в оценках российских современников.**

После заключения Кютахийского мира (1833 г.) Мухаммед Али демонстрировал турецкому султану огромное влияние на отошедших к нему областях и намеревался прочно закрепить за собой приобретенные территории. По условиям этого турецко-египетского соглашения Сирия оказалась под властью Египта. Правителем Сирии египетский паша назначил своего сына Ибрагим-пашу. За время своего пребывания в составе египетской державы (1831 – 1840 гг.) сирийские провинции были практически полностью исключены из сферы внутренней политики османского правительства.

В связи с расширением владений Мухаммеда Али российская периодика затронула и сложившуюся ситуацию в Сирии. Формированию целостного представления в России об обстановке в Сирии способствовали публикуемые мемуары и заметки российских путешественников, государственных, военных и политических деятелей XIX в. Среди поднимаемых вопросов стал вопрос о религиозной политике египетских властей в Сирии в 1830-х гг.

Сирия, в состав которой в тот период входили территории современных Сирии, Ливана, Израиля, Палестины, части Иордании и Турции, выделялась из многих пашалыков Османской империи благодаря особой этно-конфессиональной ситуации. Подполковник Львов представил подробный отчет о жителях Сирии и о местах их проживания. Он отмечал, что в целом земли Сирии можно было бы разделить «по разнородности жителей» на несколько участков – земли маронитов, друзов, метуали, нусери

и ансары. По вероисповеданию жители Сирии делились на христиан, к которым принадлежали греки православной церкви, греки католики, несториане, копты, латвины, сириане, армяне греческого и католического исповедания и марониты. Арабы, турки, туркмены, курды, метуали, вехаби и вообще все полуоседлые и кочевые арабы, находившиеся на полосе, примыкавшей к горной части Сирии, исповедовали ислам. Секты хамзаев, кельбаев, измаили и кадмузии являлись идолопоклонниками. Друзы принадлежали к одной из сект исламизма, придерживаясь многочисленных «условий идолопоклонства». Жиды составляли «три главных отдела верований»: караимов, самаритян и поклонников талмуда (приверженцы иудаизма). Оккупировав Сирию, египтяне для укрепления своей власти должны были учитывать пестрый национальный и конфессиональный состав пашалыка.

Египтяне проводили веротерпимую политику. Одним из важных новшеств стало привлечение немусульман к участию в местных органах административного управления – меджлисах, наделенных судебными функциями, и в налоговом ведомстве. В журнале «Русский вестник» за 1860 г. сообщалось, что в городах были созданы общинные советы, в работе которых принимали участие христиане. Зачастую египтяне при назначении на важные должности отдавали предпочтение представителям немусульманских общин, рассчитывая создать для своей власти крепкую социальную базу. Подобная политика мусульманских властей являлась для сирийского общества невиданным новшеством, поскольку до египетской оккупации немусульмане не играли значительной роли в общественно-политической жизни сирийских провинций. Исключение составляли лишь те районы Горного Ливана, где было большинство христианского населения.

Как было отмечено в заметке журнала «Русский вестник», «краткое время владычества Ибрагим-паши в Сирии было счастливой эпохой для тамошних христиан». Раскрывая это положение, в материале сообщалось, что были усмирены действовавшие против христиан «буйные и изуверные племена». Христиане не только были уравнены в правах с мусульманами, но и получили ряд преимуществ перед ними. Примером этого можно считать разрешение постоянно носить оружие европейцам и «туземным христианам», в то время как не находившиеся на службе мусульмане такого права не имели. К.М. Базили писал, что Ибрагим-паша был не в праве коснуться «духовного закона империи», однако он облегчил участь христиан, запретив те «оскорбления, которые не постановлены законом». Гражданским властям было приказано избегать разбирательства в судах спорных дел между христианами и мусульманами и «соблюдать правосудие к подданным без различия вероисповедания». Египетская администрация разрешила христианам носить белые чалмы, любое платье и разъезжать верхом в Дамаске. Улучшение положения христиан отметил Иерусалимский патриарх в личной беседе с путешествовавшим в 1836 – 1837 гг. по средиземноморским государствам российским писателем и историком Н.С.

Всеволожским. Он подчеркнул, что с тех пор, как Сирия оказалась под властью Мухаммеда Али, прекращено «нахальство нижних чиновников», грабивших монастыри и притеснявших паломников. Теперь «христиане живут довольно спокойно», а Ибрагим-паша, если жалобы доходят до него, «справедливо и беспристрастно судит всякого».

Расположение египетских властей в отношении христиан было болезненно воспринято мусульманами Сирии. Н. Х-вский, опубликовавший свою заметку на страницах журнала «Отечественные записки», отмечал, что Ибрагим-паша обращался с христианами «одинаково, как и с мухаммеданами», что возмущало мусульман, стремившихся «отплатить со временем христианам за потерю своих преимуществ». «Русский вестник» усматривал причину начавшейся вражды между христианами и мусульманами в проводимой политике, когда чиновники и агенты Ибрагим-паши «доводили до излишества презрение к местным обычаям, к племенным и религиозным мусульманским предрассудкам». Религиозный аспект египетской политики стал важным фактором, восстанавливавшим многих сирийских мусульман против власти Ибрагим-паши в пашалыке.

Отечественная печать внимательно следила за ситуацией в Сирии в 1830-х гг., стремясь своевременно отражать события в регионе. Обращение к религиозной тематике свидетельствует о росте внимания христианского населения России к положению единоверцев в мусульманском мире и к вопросу о взаимовлиянии религий.

Попова Е.В. (Рязань)

Демократические преобразования Беназир Бхутто.

В настоящее время Пакистан представляет собой одно из самых опасных мест на земле. Его называют «рассадником» терроризма, так как на территории страны действуют различные экстремистские организации. Важным обстоятельством является наличие ядерного оружия у Пакистана. В этих условиях период правления Беназир Бхутто представляет собой одну из интереснейших страниц в истории Пакистана.

Беназир Бхутто (1953-2007 гг.) была премьер-министром Пакистана дважды в 1988-1990 гг., 1993-1996 гг. Б. Бхутто была убита в результате теракта 27 декабря 2007 г.

С приходом к власти правительство Б. Бхутто (1988-1990 гг.) взяло курс на демократические преобразования в обществе – оно отменило чрезвычайное положение и распустило чрезвычайный совет. В числе первых были провозглашены гражданские права и свободы, из тюрем освобождены политические заключенные, осужденные военными трибуналами в правление предыдущего правителя Зия-уль-Хакка, гарантирована автономия провинций, было объявлено о восстановлении рабочих мест лиц, уволенных во время

прежнего режима. Б. Бхутто восстановила подавленные военной режимом права профсоюзов, отменила запрет студенческих союзов, ограничения на действия неправительственных организаций, в том числе и на действия правозащитных групп, групп защиты прав женщин. Указом премьер-министра студенческие организации вновь обрели право легальной деятельности.

Правительство выделило фонды на электрификацию деревень, на строительство новых дорог, на снабжение населения питьевой водой приемлемого качества. В 1989 г. в Пакистане была введена волоконно-оптическая связь, были разрешены мобильные телефоны. В Пакистане стал вести трансляцию канал Си-эн-эн.

Мировой банк и Международный валютный фонд высоко оценили усилия правительства Б. Бхутто. Шейх Зайед Бен Султан аль-Нахьян, президент Объединенных Арабских Эмиратов, оказал помощь в строительстве Мултанского нефтеперегонного завода. Были построены порт Гвадар в Белуджистане, скоростная дорога по Макранскому побережью, военно-морская база Ормара, плотины Пасни и Гази-Баротха, осуществлен проект по золоту и меди «Саиндак». Был увеличен приток туристов в страну, приватизирована добыча драгоценных камней, поощрив их экспорт.

Правительство Б. Бхутто упростило инвестиционные операции, легализовало частные банки и страховые компании. В течение первого срока правительства Б. Бхутто было открыто 18 тысяч начальных и средних школ.

Необходимо отметить, что были достигнуты положительные результаты в отношении эмансипации женщин в обществе. Женщины вошли в кабинет министров Б. Бхутто, она учредила министерство развития женщин. В университетах была введена специальная программа обучения для женщин. Был облегчен доступ женщин-заключенных к правовой защите.

Для предоставления займов и стимулирования деловой активности женщин был учрежден Банк развития женского предпринимательства. Специализированные учреждения оказывали женщинам помощь в планировании семьи, предоставления консультаций по кормлению и воспитанию детей, регулированию рождаемости.

Было легализовано участие женщин в международных спортивных состязаниях, принимались меры по развитию женского спорта, фактически запрещенного в годы диктатуры. Для мусульманского общества, где ислам используется для угнетения женщин не одно поколение, принятые меры оказались хорошим стартом.

Был разработан автоматизированный способ выдачи населению документов, удостоверяющих личность, что обеспечило базу для проведения честных выборов.

Во время второго срока правления правительство Б. Бхутто (1993-1996 гг.) продолжило курс по эмансипации женщин в обществе, модернизации образования и здравоохранения.

Началось обучение женщин планированию семьи и уходу за детьми. В результате замедлился рост населения, уменьшилась детская смертность.

Правительство Б. Бхутто подписало Конвенцию по борьбе с дискриминацией женщин. Примером для женщин по всему мусульманскому миру стали достижения пакистанских спортсменок на Олимпийских играх и создание Мусульманского женского межпарламентского союза по образцу Международного парламентского союза. Были созданы специальные женские полицейские участки. Впервые женщина стала членом Верховного суда. Были созданы семейные суды, в которых судьи-женщины рассматривали семейные споры, связанные с отношениями между супругами и касающиеся судьбы детей.

Правительство Б. Бхутто продолжило программу строительства и модернизации школ, построило 30 тыс. школьных зданий, доведя за оба срока число начальных и средних школ до 48 тыс. Правительство учредило вспомогательную программу обучения матерей, так как лучший способ воспитать грамотного ребенка, — научить грамоте мать. В результате на треть снизилась безграмотность среди населения, и были увеличены расходы на здравоохранение.

Б. Бхутто, узнав, что каждый пятый рожденный ребенок в Пакистане поражен полиомиелитом, организовала кампанию по обеспечению детей противополиомиелитной вакциной. Сама Б. Бхутто лично возглавила эту кампанию. В результате вакцинации детская смертность значительно снизилась. Всемирная организация здравоохранения вручила Б. Бхутто золотую медаль в знак признания заслуг ее правительства в сфере охраны здоровья. В 1996 г. она вошла в Книгу рекордов Гиннеса как самый популярный международный политик года, ей была присуждена почетная докторская степень Оксфордского университета, французский орден Почетного легиона.

За оба срока правления правительство Б. Бхутто достигло определенных положительных результатов в социальной сфере и в области улучшения прав женщин в пакистанском обществе.

Ручкина Е.В. (Рязань)

К вопросу о характере судебных процессов над анархистами в конце 1920-х–начале 1930-х гг.

В первой трети XX в. окончательно сформировалась однопартийная система в СССР. В капиталистических государствах наблюдается некоторая истерия, связанная с так называемой «красной угрозой». В рассматриваемый период в СССР из идейных противников большевиков остались только анархисты, чьи позиции были также сильны в Европе, США и Латинской Америке. Вследствие ведется борьба с анархизмом.

Средства и методы борьбы с анархизмом можно рассмотреть на примере двух судебных процессов над анархистами, проходивших в указанный период. Это дело итальянских анархо-коммунистов Никколо Сакко и Бартоломео Ванцетти, рассматриваемое в США в 1921–1927 гг., и

дело «Ордена Света», анархо-мистической организации, которое рассматривалось в 1930–1931 гг. в Москве.

Сакко и Ванцетти обвинялись в том, что в 1919 г. совершили нападение на грузовик, который вез зарплату на обувную фабрику, и в том, что совершили подобное преступление в 1920 г., убив при этом бухгалтера и охранника. Непонятно почему, но полиция схватила именно Сакко и Ванцетти. Одно из оснований: во время обыска у подозреваемых обнаружили оружие, а показания итальянцев были крайне противоречивы и путаны.

Процесс длился 7 недель, было опрошено 53 свидетеля. Дело было представлено так: Н. Сакко застрелил инкассаторов, а Б. Ванцетти был его помощником и ждал в машине. Эта версия противоречила показаниям большинства свидетелей, они утверждали, что нападавших было пятеро, внешность все описывали по-разному. Тем не менее, прокурору удалось убедить присяжных в своей правоте.

Суд не смутило и то обстоятельство, что и Сакко, и Ванцетти имели подтвержденное свидетелями алиби. Суд не принял показания, ссылаясь на то, что они были даны итальянскими иммигрантами, а, следовательно, могли быть сфальсифицированы с целью выгородить соотечественников.

На абсурдность версии обвинения указывал и тот факт, что Ванцетти, который якобы был за рулем, вовсе не умел водить автомобиль. У обвинения были лишь две косвенные улики – показания свидетелей, что нападавшие были итальянцами, и наличие у Сакко в момент ареста патронов 32 калибра. Гильзы от револьвера 32 калибра были найдены возле тел инкассаторов.

Судья Уэбстер Тэйер, который вел дело Сакко и Ванцетти, был известен своим подозрительным отношением к иностранцам. Особенно ярко его неприязнь проявлялась в тех случаях, когда речь шла не просто о выходцах из других стран, а о тех, кто не соответствовал его представлениям о благонадежном гражданине США, то есть, о коммунистах и анархистах, перебравшихся в Америку после окончания I мировой войны. Предрассудки судьи Тэйера разделяла большая часть тогдашнего американского общества, опасавшегося «красной чумы».

Сакко и Ванцетти как раз были и выходцами из другой страны, и анархистами. Как и многие левые радикалы, оба были против I мировой войны. В 1917 г., когда США вступили в войну, они бежали в Мексику, чтобы избежать призыва в армию США. Когда война кончилась, оба вернулись. Факт уклонения от призыва также упоминался в ходе расследования. Тем не менее, на момент ареста оба были законопослушными гражданами: Сакко работал на фабрике, Ванцетти торговал рыбой.

По другим источникам, Н. Сакко и Дж. Ванцетти были членами анархо-коммунистической группы, руководитель которой – Луиджи Галиани, был известен своими террористическими взглядами, но в экспроприациях и терактах лично не участвовали.

Судебный процесс был тяжелым испытанием как для обвиняемых, так и для свидетелей, поскольку они плохо знали английский язык. 14 июля 1921

года Н. Сакко и Дж. Ванцетти были признаны виновными в убийстве первой степени и приговорены к смертной казни на электрическом стуле. Дело получило широкую огласку, вследствие чего прошло много митингов и выступлений по всему миру. Среди активистов движения в защиту обвиняемых были Б. Шоу, Г. Уэллс, Б. Рассел, Дж. Дос-Пассос и римский папа Пий X.

В 1925 году португальский иммигрант Селестино Медейрос признался, что был в банде, ограбившей грузовик. Он назвал еще четырех человек, принимавших участие в данном нападении. Тем не менее, следствие не было возобновлено. К лету 1927 г. стало ясно, что дело Сакко и Ванцетти закрыто, следовательно, казни не избежать. Так и случилось – все трое, включая С. Медейроса, были казнены в ночь с 22 на 23 августа 1927 года.

Судебный процесс по делу «Ордена Света» состоялся в 1930–1931 гг. По этому делу проходили 33 человека, все жители г. Москвы.

По социальному составу кружок был достаточно однородным. В него входила, в основном, средняя интеллигенция, дети чиновников, артистов и преподавателей, выходцы из офицерских и дворянских семей.

«Орден Света» имел связи с другими кружками подобного рода. Так, Н.И. Проферансов, один из руководителей «Ордена Света», возглавлял «Орден Духа», организацию, построенную по такому же принципу в Нижнем Новгороде. Подобная же группа, находившаяся в тесных связях с московскими анархо-мистиками и называвшаяся «Орден тамплиеров и розенкрейцеров», существовала в Сочи. Были группы и в Петрограде, Свердловске, Ярославле, Харькове, на Северном Кавказе, что послужило ОГПУ поводом для обвинения мистиков в создании всесоюзной сети антисоветских организаций.

В Москве некоторые члены «Ордена» возглавляли собственные анархо-мистические кружки и общества, например, «Храм искусств» или общество «Братство Милосердия». Впоследствии это позволило следователю ОГПУ предъявить мистикам обвинение в создании сети контрреволюционных организаций.

Сами следователи не слишком интересовались орденскими делами. Главное внимание их было сосредоточено на констатации нелегального характера собраний и антисоветских высказываниях членов кружка. К моменту ареста ОГПУ, уже давно следившее за московскими анархо-мистиками, имело среди них своего агента – некоего Я. К. Шрайбера (Шрейбера). Существенную помощь следствию оказали и сами арестованные, которые не только дали подробные показания, но и изобличали своих товарищей. Сознался и «командор» ордена А.А. Солонович.

Обвинительное заключение по делу контрреволюционной организации «Орден Света» (дело № 103514, 1930 год, по первоначальной нумерации) за подписью помощника начальника 1-го отдела СО ОГПУ Э.Р. Кирре было утверждено 9 января 1931 года.

В обвинительном заключении утверждалось, что арестованные были членами анархо-мистической контрреволюционной организации «Орден Света», которая представляла собой возглавляемую командором ветвь древнего рыцарского ордена тамплиеров. Члены ордена именовали себя рыцарями, были организованы в кружки-отряды, занимались изучением «мистической литературы» и готовили антисоветский переворот.

В заключении также утверждалось, что «Орден Света» ставил своей целью «борьбу с соввластью как властью Иальдобаофа (одного из воплощений Сатаны) и установление анархического строя». Делалось это «путем противодействия и вредительства совласти на колхозном фронте, среди совучреждений и предприятий. Пропагандировался мистический анархизм с кафедры и по кружкам, в которых вырабатывались руководители, главным образом из среды интеллигенции». Пропаганда велась путем рассказа членам кружков легенд, запись которых запрещалась под угрозой исключения из ордена и вплоть до физического воздействия. Последнее следовало понимать как ликвидацию отступника, поскольку чуть ниже говорилось о проповеди «терроризма» вплоть до убийств. И хотя это плохо согласовывалось с тем, что подрывная работа на фронте колхозного строительства заключалась в «попытках евангельской пропаганды среди крестьянской массы», следователя это не смутило.

Что же касается конкретных действий арестованных, то вся их вина заключалась в том, что они регулярно собирались друг у друга на вечеринки, где «путем чтения мистических произведений, рассказывания сказок, чтения докладов, пения и музыки происходила обработка в анархо-мистическом духе намеченных для вербовки в орденские кружки лиц». Серьезнее выглядело обвинение, что московские рыцари посещали музей П.А. Кропоткина, слушали там лекции, причем некоторые состояли членами Анархической секции Комитета по увековечению памяти П.А. Кропоткина, заседания которой проходили в читальном зале этого же музея.

13 января Особым совещанием Коллегии ОГПУ 27 человек были осуждены, с 6 человек, не состоявших в кружке и сотрудничавших со следствием, обвинение было снято.

Если сравнить ход этих процессов, можно обнаружить определенное сходство между ними. Во-первых, оба обвинения фактически сфабрикованы. В первом случае причастность к делу анархистов не была доказана, во втором случае в обвинительном заключении видны явные логические несоответствия. Во-вторых, в обоих случаях анархические взгляды обвиняемых послужили дополнительным критерием для вынесения сурового приговора.

Четко прослеживаются различия в отношении властей СССР и США к анархизму. Н. Сакко и Дж. Ванцетти судили формально не за анархические убеждения, а за уголовное преступление. Но, на их анархическую деятельность, которая не фигурирует в обвинительном заключении, постоянно ссылаются как свидетели обвинения, так и прокурор.

Анархическая деятельность считается фактором, толкнувшим их на преступление. В деле «Ордена Света» пропаганда и анархизма и анархические убеждения являются преступлением, за которое выносятся приговор. Правда, это второстепенное преступление по сравнению с вредительством и подготовкой государственного переворота.

Наконец, судебный процесс над Н. Сакко и Дж Ванцетти велся открыто и публично, вследствие чего и суд, и казнь получили международный резонанс. Дело же «Ордена Света» рассматривается закрыто. Сами его материалы стали доступны для изучения только в последнее время. Это объясняется складыванием тоталитарного государства. Тем не менее, в этих процессах рассматривается стремление и капиталистов, и коммунистов расправиться с анархическими течениями любыми, пусть даже не самыми благородными средствами.

Савельева А.В. (Нижевартовск)

Законодательная деятельность Конгресса США в 1885–1889 гг.

Конгресс США является высшим законодательным органом, поэтому его деятельность вызывает интерес у многих историков.

Отечественные исследователи концентрируют внимание на законотворческой деятельности Конгресса, выявляют его роль в американской политической системе, анализируют влияние на внутреннюю и внешнюю политику в целом (Громько А.А., Савельев В.А., Байбакова Л.В. и др.). Однако роль и место Конгресса в определении приоритетных направлений внутренней и внешней политики США в 1885–1889 гг. остаются неисследованными.

Зарубежные историки проявляют интерес к функциям Конгресса, правам и обязанностям его членов (Orfield G. и др.). Но, несмотря на обширный круг исследований, отсутствуют работы, в которых был бы выявлен механизм разработки и реализации социально-экономических программ развития США, взаимодействия законодательной и президентской ветвей власти по вопросам выбора внутривнутриполитических приоритетов развития страны в 80-е гг. XIX в.

В связи с недостаточной изученностью темы в исторической литературе определяется необходимость обращения исследователей к англоязычным источникам, а именно к стенографическим отчетам Сената и Палаты представителей, к поименным спискам членов американского Конгресса и т.д. Эти источники позволяют выявить специфику деятельности американского Конгресса, а также технологию разработки политических и социально-экономических приоритетов развития страны в 80-е гг. XIX в.

С 7 декабря 1885 г. по 3 марта 1887 г. функционировал Конгресс 49-го созыва, в рамках деятельности которого состоялось две сессии: первая сессия — с 7 декабря 1885 г. по 5 августа 1886 г. (242 дня), вторая сессия — с 6 декабря 1886 г. по 3 марта 1887 г. (88 дней).

Большинство мест в Сенате получили республиканцы (42 места), а в Палате представителей – демократы (182 места).

В наибольшей степени результативной была деятельность второй сессии 49-го Конгресса. Законодательную инициативу в это время проявляли члены Палаты представителей. Инициатива членов нижней палаты американского Конгресса определялась тем, что главным обсуждаемым вопросом в деятельности Конгресса стала тарифная политика США, а согласно Конституции все проблемы по изысканию доходов находились в компетенции Палаты представителей.

Тарифная политика стала предметом споров между демократами и республиканцами. Демократы рассматривали данный вопрос с традиционных позиций. Они пытались найти новые способы защиты низких тарифов для того, чтобы заручиться в этом вопросе поддержкой народных масс. В результате такой способ был найден. Его основа была рассчитана на мелкобуржуазные слои и сводилась к тому, что высокие тарифы подавляют конкуренцию со стороны иностранных товаров и способствуют развитию в стране монополий.

Республиканцы обосновывали противоположный тезис о преимуществах, которые может дать нации протекционистская политика. Снижение пошлин на ввозимые товары, по убеждению республиканцев, приведет к понижению прибылей отечественной промышленности, что, в свою очередь, повлечет за собой повышение рыночных цен и сокращение заработной платы рабочих.

Такие дискуссии имели место и в Сенате. Однако из-за несовместимости мнений было решено отложить обсуждение данной проблемы. В результате пошлины на ввозимые товары остались довольно высокими.

Вторым важным направлением в деятельности Палаты представителей стало создание законодательства, которое защищало бы интересы мелких и средних собственников. В основе мотивов законодателей лежало желание предотвратить распространение требования о национализации железнодорожного транспорта, которое отстаивало фермерское движение и которое пользовалось широкой поддержкой среди других слоев населения.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в пользу закона выступили и некоторые железнодорожные компании, надеясь с помощью правительственного арбитража выработать общую тарифную политику.

4 февраля 1887 г. был принят первый федеральный закон о государственном регулировании междуштатной железнодорожной сети, запрещающий сговоры между железнодорожными компаниями об установлении монопольной цены на перевозку грузов и пассажиров.

Этот закон осуждал практику дискриминационных тарифов и провозглашал, что тарифы должны быть «разумными и справедливыми». Компании должны были уведомить правительство о желании изменить тарифы за 10 дней до принятия решения. С целью наблюдения за выполнением закона была создана Междоштатная торговая комиссия. Она имела право доступа ко всем бумагам компаний, могла расследовать злоупотребления, но вынесенные ею решения обретали силу только после постановлений судебных органов.

Закон 1887 года, несмотря на всю его расплывчатость и крайне ограниченные возможности Междоштатной торговой комиссии, означал распространение власти федерального государства на сферу экономики, которая была подчинена законам рыночной конъюнктуры и частной инициативы.

Важным направлением деятельности Сената стало решение индейского вопроса. По этой проблеме в верхней палате Конгресса проходили острые дискуссии. Конгрессмены хотели создать условия для труда индейцев, что, в свою очередь, должно было их «вразумить» и повысить их культурный уровень.

Во главе с Г. Дауэсом (Массачусетс) сенаторы хотели также ликвидировать племенную организацию индейцев путем уничтожения экономической основы ее функционирования — общинной собственности на землю. Было предложено внедрить в созданные ранее резервации частнокапиталистическую систему землепользования. Это было осуществлено путем принятия закона о разделе резервационных земель на индивидуальные участки. Согласно этому закону происходил раздел общинных земель на личные владения — аллоты по 160 акров (64 га) на каждую индейскую семью. Оставшиеся после этого «излишки» территорий резерваций подлежали аукционной продаже среди белых граждан.

Осуществленный по закону перевод всей жизни и быта индейцев на буржуазные рельсы принес им неисчислимые и непоправимые беды. Фактически разрушался весь уклад индейцев, терялись его социально-экономические и этнические основы, а также самобытная культура. Взамен обещались блага, которыми пользовались белые американцы: права на частную собственность и гражданство.

С 1887 г. начал функционировать Конгресс 50-го созыва. В рамках его деятельности состоялось две сессии: первая сессия прошла с 5 декабря 1887 г. по 20 октября 1888 г. (321 день), вторая сессия — с 3 декабря 1888 г. по 3 марта 1889 г. (91 день).

Партийная характеристика Сената была такова: число мест, занимаемых демократами, увеличилось и достигло 37. Республиканцы потеряли 3 места, и их численность стала равняться 39.

В Палате представителей большинство мест получили демократы (167 мест), а республиканцы (152 места) и представители других партий (Народной партии, Рабочей партии и др.) остались в меньшинстве.

На первых заседаниях 50-го Конгресса депутаты Палаты представителей стали обсуждать вопрос об иммиграции бесплатной рабочей силы в США. Главным аргументом первоочередности обсуждения этого вопроса стал постоянно увеличивающийся поток иммигрантов на территорию США.

В США иммигрировали люди разного достатка, но основную массу переселенцев составляли рабочие и крестьяне из Европы и Азии. Ф. Энгельс отмечал, что иммиграция разделяет «рабочих на две группы — на коренных и иностранцев, а этих последних опять-таки на: 1) ирландцев, 2) немцев, 3) множество мелких групп — чехов, поляков, итальянцев, скандинавов и пр. ... К тому же есть еще и негры».

Заработная плата и уровень жизни рабочих-иммигрантов были крайне низки. Среди этих людей довольно частыми были случаи голодной смерти. «Нью-Йорк дейли трибюн», например, сообщала о таких случаях: о гибели от голода целой семьи, — мужа, жены и 8-летнего ребенка; о попытке матери убить своего 3-летнего сына, так как ей нечем было его кормить и т.д. Особенно тяжела была система надомного труда. Такую работу выполняли многие иммигранты в крупных промышленных городах США.

Наибольшие лишения испытывали рабочие-иммигранты из Азии и негритянское население. Наряду с классовым гнетом, эти слои американских рабочих подвергались расовой дискриминации. Все, от чего страдали рабочие-иммигранты (трудная и низкооплачиваемая работа, скверные жилищные условия, экономическая и политическая дискриминация) еще в большей степени затрагивало негритянских и азиатских рабочих.

В сентябре 1888 года решением обеих палат американского Конгресса был одобрен законопроект Скотта, согласно которому китайцам вообще запрещался въезд на территорию США, в том числе лицам, на время выехавшим из страны.

В октябре 1888 года президент Г. Кливленд, игнорируя все официальные протесты Китая, подписал этот документ. Результатом принятия этого закона стало то, что за пределами страны осталось около 3 тыс. китайцев. Но для экономики США этот закон сыграл свою положительную роль — востребованность американских рабочих на промышленных предприятиях повысилась, а, следовательно, снизилась безработица в США.

В рамках деятельности первой сессии 50-го Конгресса обсуждалась и тарифная политика. Однако к единому мнению республиканцы и демократы не пришли, и в результате сумма пошлин не уменьшилась.

Таким образом, законодательная деятельность Конгресса США в 1885–1889 гг. способствовала ограничению социальных расходов и расширению программы помощи крупным предприятиям и банкам, увеличению пошлин на ввозимые в страну товары, разрушению уклада жизни индейцев.

Самсонов А.А. (Владимир)

Реформа американской ипотечной системы в период президентства Р. Рейгана (1983-1988).

Ввиду начала нового витка экономического кризиса, начавшегося в 2008 году и ознаменованного крахом европейской банковской системы, проблема кризисных явлений в экономике заставляет обратить более пристальное внимание на истоки и предпосылки становления мирового финансово-экономического кризиса в целом. Действующий финансово-экономический кризис 2008 г. не оставил без внимания многие сферы реальной экономики, обнажив ее слабые стороны. Одной из главных проблем стал «мыльный пузырь» ипотечной системы Соединенных Штатов, который стал создаваться во время президентства Рональда Рейгана.

Основным и поворотным моментом в реформировании системы ипотечного кредитования населения стала разработка в начале 80-х годов XX века финансовыми рынками ряда новых технологий, которые оказали существенное влияние на становление ипотечного рынка. Спад на рынке недвижимости, наблюдавшийся в США в 1980-е годы, и методы, применявшиеся для преодоления сложившейся ситуации, привели к ряду значительных перемен на рынках ипотечного капитала, что навсегда изменило способы финансирования операций с недвижимостью в США. В 1983 г. был применен новый инструмент для работы на вторичном рынке ценных бумаг, который явился подлинной новацией на ипотечном рынке. Он известен под названием «Обеспеченное ипотечное обязательство», созданием которого занималась администрация Рональда Рейгана. Использование данного инструмента позволило ссудосберегательным компаниям «переупаковывать» ипотечные обязательства таким образом, чтобы удовлетворить инвесторов, которые до этого не выступали в качестве покупателей ипотечных инструментов (долговых обязательств).

Это привело к расширению числа участников рынка. Например, традиционные инвесторы, такие как пенсионные фонды, приобретают инвестиционные инструменты с более длительными сроками обращения, а фонды, осуществляющие операции с инструментами денежного рынка, покупают инвестиционные продукты со сроками обращения менее одного года. Внедрение «Обеспеченного ипотечного обязательства» стимулировало спрос на ипотечные продукты по более низким процентным ставкам. В 1990-е годы специалисты по разработке финансовых продуктов, работающие в инвестиционных банках, начали создавать «Обеспеченные ипотечные обязательства» таким образом, чтобы их структура не отпугивала своей сложностью потенциальных инвесторов по принципу: чем проще, тем лучше. Инвесторы, вкладывающие средства в ценные бумаги, обеспеченные залогом, должны понимать суть инструментов, которые они приобретают.

Заложенная в конце 1980-х программа по субсидированию так называемых нестандартных кредиторов в середине 2000-х привела к краху на рынке ипотеки. Нестандартное кредитование («subprime market») – это, как правило, процесс выдачи ипотечных кредитов заемщикам, которые не могут получить стандартные ипотечные кредиты, т.е. кредиты, выдаваемые по стандартам «Фэнни Мэй» и других агентств, поддерживаемых правительством США. Как правило, у нестандартных заемщиков (subprime borrowers) кредитные риски, т.е. риски невозврата кредита, являются более высокими. Такие заемщики в недавнем прошлом имели просрочки по кредитам, в отношении данных заемщиков выносились судебные решения или осуществлялась процедура обращения взыскания на заложенное имущество, они проходили через процедуру банкротства. Высокая вероятность дефолта нестандартных заемщиков характеризуется низкими оценками кредитных бюро, зачастую такие заемщики не в состоянии предоставить подтверждение своих доходов. Нестандартные кредиты являются более рискованными для кредитора, т.к. они выдаются заемщикам, не удовлетворяющим традиционным, более консервативным критериям из-за плохой или сомнительной кредитной истории. В 2006 г. нестандартные кредиты составили 20% от всего объема выданных кредитов, в то время как в 2002 г. – только 6%. Большинство кредиторов, работающих на нестандартном рынке, осуществляют кредитование с последующей продажей кредитов инвесторам, практически не имея собственных средств, а привлекая краткосрочные банковские кредиты.

Несмотря на осознание рисков, на которые идут и правительство, выступавшее посредником между кредитными организациями и подобными кредиторами, и ипотечная компания, подобного рода операции производились вплоть до дня банкротства «Фани Мэй», которое положило начало мировому финансово-экономическому кризису.

Теперь действующей администрации Барака Обамы придется решать вопрос о реформировании данного сегмента рынка, что не сможет повлиять на настроения населения в преддверии выборной президентской гонки. Однако вряд ли он сможет обойти данный вопрос.

Соколов А.С. (Рязань)

Денежная реформа в Бельгии 1926 года.

Первая мировая война нанесла экономике Бельгии значительный урон. На протяжении четырех лет страна была практически полностью оккупирована, ее экономика подверглась планомерному разрушению. Были затоплены 90 тыс. гектаров земель, железнодорожная сеть на треть разрушена, большинство заводов страны не работало. Людские потери составили 2% от общей численности населения. Война изменила и

внешнеполитическое положение Бельгии. По Версальскому миру, восточные округа Эйпен и Мальмеди были возвращены, но герцогство Люксембург осталось независимым государством. После войны Бельгия фактически отказалась от своего нейтралитета. 22 ноября 1918 г. в своей торжественной речи перед парламентом король Альберт I говорил о мужестве бельгийского народа, о проблемах внутреннего характера, о всеобщем избирательном праве, а также о послевоенном статусе Бельгии. Он заявил следующее: «Бельгия, победительница и освобожденная от нейтралитета, который на нее налагали договоры, основы которых поправа война, воспользуется полной независимостью». В 1920 г. Бельгия подписала военное соглашение с Францией, оккупировав вместе с ней в 1923 г. Рурскую область. В это же время Бельгия предпринимала попытки заключить договор о гарантиях с Великобританией, пыталась добиться уступок от Нидерландов в территориальном вопросе. Бельгийские политики принимали участие в работе международных конференциях в Женеве и Гааге. В 1925 г. на Локарнской конференции за Бельгией был закреплен новый международный статус – Бельгия перестала быть постоянно нейтральным государством. Таким образом, бельгийская дипломатия добилась значительных успехов в межвоенный период.

Послевоенные экономические трудности вызвали в стране крупные забастовки шахтеров, в результате которых горняки добились введения 8-часового рабочего дня и установления минимума зарплаты. На фоне хозяйственного кризиса активизировалось фламандское национальное движение. Правительство, стремясь предотвратить углубление социального кризиса в стране пошло на ряд уступок в вопросах расширения избирательного права, был принят закон о 8- часовом рабочем дне, отменены исключительные законы против стачек и профсоюзов.

Реконструкция предприятий, выплата пенсий ветеранам и компенсаций за ущерб потребовали значительных финансовых средств, а попытка получить их за счет эмиссии привела к высокому уровню инфляции. Накануне Первой мировой войны Бельгия, наряду с Францией, Швейцарией, Италией и Грецией, входила в Латинский монетный союз. На территории страны была допущена свободная чеканка монет из золота и серебра. Однако, со 2 августа 1914 г. обмен банкнот на золото не производился. Во время войны денежное обращение Бельгии состояло из банкнот Национального банка, билетов, выпущенных Societe Generale de Belgique, вкладных билетов, эмитированных Национальным банком, билетов, выпущенных коммунами, германских марок. Денежное обращение страны, таким образом, представляло собой довольно сложную и запутанную систему. В послевоенный период наблюдался длительный период инфляции бельгийского франка. Так, если в декабре 1913 г. денежная масса страны составляла 1,184,5 млн. франков, то в сентябре 1926 г. она составляла 9,856,8 млн. франков, т.е. увеличилась в 8 раз. Темп обесценения национальной валюты стремительно нарастал. Например, среднегодовой курс в 1919 г. был

32,52 франка за 1 фунт стерлингов, а в 1925 г. 1045,78 франка за 1 фунт стерлингов или 21 за доллар. Чрезвычайно важным фактором, влиявшим на курс бельгийского франка, являлась его тесная зависимость от французского франка. Бельгийский франк с поразительной точностью отражал на себе все колебания французского франка. Дезорганизацию в государственные финансы вносили также такие факторы, как бюджетный дефицит, быстрый рост государственного текущего долга, крупные чрезвычайные расходы на восстановление разрушений, произведенных войной.

Стремясь не допустить краха бельгийского франка в 1926 г. парламент облек правительство на полгода чрезвычайными полномочиями. Был установлен строгий контроль за бюджетными расходами, торговлей валютой, введены новые налоги (например, налог на роскошь), приняты меры против инфляции, которая могла бы подорвать государственный кредит. Королевским декретом от 20 октября 1926 г. министру финансов Франки было дано право заключения от имени бельгийского правительства займа, не превышающего 100 млн долларов. Данный заем был получен от эмиссионных банков США, Англии, Голландии исходя из 7% с погашением 1% в течение 30 лет. Наряду с этим было установлено золотое содержание франка в 0,041842 г. чистого золота и введена денежная единица бельга, равная 5 франкам.

Стабилизация бельгийского франка вызвала отклик в СССР. За два года до этого большевики провели денежную реформу, без помощи иностранных кредитов. На протяжении 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) на своих заседаниях несколько раз рассматривало вопрос о Бельгии. Заместитель председателя Госплана Г.Я. Сокольников указывал, что «господа мирового рынка желают теперь диктовать бельгийскому правительству его финансовую и хозяйственную политику и применяют к «победительнице» Бельгии те же дауэсовские методы «бескровного» подчинения, которые с таким блеском применены к «побежденной» Германии».

Таким образом, в результате денежной реформы Бельгия, так же как и Чехословакия, Польша, Германия, Австрия, перешла на систему золотодевизного стандарта. До 1935 г. бельги разменивались на золотые слитки весом 12,5 кг. или на иностранную валюту, обратимую в золото. С выходом Бельгии из золотого блока размен банкнот на золото был прекращен. С началом немецкой оккупации страны в мае 1940 г. курс франка был привязан к рейхсмарке и сохранялся вплоть до освобождения Бельгии в 1944 г.

Спиридонова Т.В. (Владимир)

Влияние республиканской программы «Контракт с Америкой» на промежуточные выборы 1994 года.

В результате промежуточных выборов в Конгресс 1994 г. в США исполнительная власть оказалась под контролем президента-демократа, а большинство в законодательном органе получили республиканцы, впервые после 1954 г. Они получили 230 мест в Палате представителей (наибольший показатель численности республиканской фракции после 1948 г.) и 53 в Сенате.

Признаки ослабления позиций демократов стали появляться в ходе предвыборной кампании. Исследователи А.Э. Буш, М.Д. Мариани, Дж.М. Стоункеш указывают на то, что уже в сентябре республиканцы превосходили демократов из-за того, что их программа, «Контракт с Америкой», вызывала больше доверие у населения, чем программа демократов. «Контракт с Америкой» включал в себя 10 пунктов – первоначальных законопроектов, которые должны были быть приведены в жизнь республиканцами после победы на выборах: билль о финансовой ответственности; отмена ранее принятого билля об улицах; билль о личной ответственности; билль об укреплении семьи; билль о восстановлении американской мечты; билль о восстановлении национальной безопасности; билль о справедливом отношении к пенсионерам; билль о создании рабочих мест и увеличении заработной платы; билль о реформе общих юридических норм; билль о гражданских законодательных органах.

Разработчик республиканской стратегии Уильям Кристал утверждал, что «Контракт» был необходим, прежде всего, на момент избирательной кампании. В то же время, в нем излагалась будущая законодательная программа республиканцев в Конгрессе. По мнению прессы, плюсом данного документа являлось то, что в нем был представлен курс партии Дж. Буша-ст. на следующий год. Программа была поддержана большинством хорошо обеспеченных граждан, что объяснялось «большей внешней привлекательностью республиканской версии происхождения бед среднего класса и путей их преодоления по сравнению с версией демократов».

По мнению П.В. Шрэмма, самая главная ошибка демократов состояла в том, что они всячески критиковали «Контракт с Америкой», тогда как для многих американцев республиканские принципы оказались более убедительными. Предложенные ими пути решения общенациональных проблем представлялись избирателям возможными и выполнимыми. Среди других причин поражения демократов назывались деморализация и пассивность их лояльных сторонников, с одной стороны, и мобилизация консервативного электората с другой. Не последнюю роль в выборах сыграл и перевес республиканцев в организационных ресурсах. Согласно В.О. Печатнову «выборы превзошли как самые смелые надежды республиканцев, так и худшие опасения демократов».

Таким образом, расстановка сил, сложившаяся в начале 1995 г. между конгрессовскими фракциями оказалась неблагоприятной для президента-демократа У. Дж. Клинтона. Ему не только противостоял оппозиционно настроенный Конгресс, но и общие настроения, царившие в обществе.

Республиканцы планировали уже в первые месяцы начала работы в 104-м Конгрессе проводить свою политическую линию, отраженную в их программе «Контракт с Америкой».

Тумаков Н.Н. (Рязань)

Восстановление наместничества на Кавказе.

За сравнительно небольшой исторический период с начала 1880-х гг. и до 1917 г. русское правительство два раза меняло направление и принципы политики на Кавказе. Оба раза смена политического курса была обозначена крупными административными реформами, выразившимися сначала в упразднении в 1881-1883 гг. института Наместничества на Кавказе, а затем в его восстановлении в феврале 1905 г. Выявление и анализ предпосылок, непосредственных причин, а также всей совокупности факторов, оказавших существенное влияние на колебания правительственной политики на Кавказе, является одной из приоритетных тем в изучении политической истории Кавказа в составе Российской империи в конце XIX - начале XX вв.

Упразднение в 1881-1882 гг. института Наместничества на Кавказе было одним из проявлений стремления правительства к укреплению «русской государственности» на окраинах. Целью реформы было «достижение возможно большего сближения Кавказа с коренным организмом Империи», путем установления «непосредственной связи между отдельными отраслями управления Кавказского края и соответствующими Министерствами». Вместо Наместника на Кавказ стали назначать Главного начальствующего гражданской частью, являвшийся одновременно и командующими войсками округа. Вместе с Наместничеством был упразднен и Кавказский комитет, как утративший свои функции, а его дела были переданы в компетенцию Комитета министров. Издание в 1883 г. указа «О преобразовании управления Кавказского и Закавказского края» завершило формирование новой системы управления Кавказом в составе Главного начальствующего гражданской частью, его помощника, Совета Главного начальствующего, а также управления отдельными частями центральных ведомств.

Новая административная система на Кавказе должна была стать с точки зрения правительственных верхов более эффективным передаточным механизмом для проведения политики «обрусения» Кавказа. В течение двух десятилетий кавказская администрация неуклонно выдерживает политический курс «полного слияния Кавказа с остальными частями империи». Назначаемые на Кавказ Главные начальствующие по гражданской части неоднократно докладывали об успехах «обрусения» Кавказского края. Тем не менее, в феврале 1905 г. правительство идет не только на восстановление института Наместничества на Кавказе, но также на изменение общего направления и принципов политики в этом регионе.

Начиная с лета 1903 года правительственные верхи в Петербурге с нарастающим беспокойством следили за политическими событиями на Кавказе. Непосредственной причиной такого обостренного внимания стал наметившийся на Кавказе острый социально-политический кризис, имевший в своей основе конкретные социально-экономические предпосылки: малоземелье среди местного крестьянства; этническая пестрота населения; массовая миграция в 1890-е гг. армян из Турции и Персии и др.

Проводя политику «обрусения» Кавказа, Главнначальствующие следовали намеченным в Петербурге основным направлениям политики слияния национальных окраин с «коренным организмом Российской империи»: административно-правовая унификация; усиление «русского элемента по европейским и азиатским границам»; культурная и образовательная «русификация» нерусского населения.

Применительно к Кавказу наиболее негативные последствия имели два последних направления.

Усиливавшиеся на Кавказе беспорядки требовали от правительства адекватной реакции - анализа причин кризиса и разработки программы действий по стабилизации ситуации. В этой ситуации ключевую роль в изменении правительственной политики на Кавказе сыграло назначение в августе 1904 года на пост министра внутренних дел либерально настроенного князя П.Д. Святополк-Мирского. Представляя на первом докладе у императора 25 августа набросок программы реформ, новый министр внутренних дел в числе необходимых срочных преобразований упомянул об изменении политики по отношению к окраинам.

В данном случае министр поднял довольно острый вопрос, который уже на протяжении двадцати лет был предметом споров в правительственных кругах.

На должность Наместника был назначен граф И.И. Воронцов-Дашков, который наделялся особыми полномочиями, как в гражданской, так и военно-полицейской сферах управления. Вопросы, разрешение которых требовало участия верховной власти, могли решаться только через Наместника. Ему непосредственно подчинялись все правительственные учреждения Кавказского края. Кроме того, Наместник имел право по собственному усмотрению определять, увольнять и перемещать в пределах края чиновников до пятого класса включительно. Наместник являлся одновременно членом Государственного совета, членом Совета и Комитета министров, главнокомандующим войсками, расположенными в пределах наместничества, а также войсковым начальным атаманом кавказских казачьих войск.

Деятельность графа И.И. Воронцова-Дашкова на Кавказе многогранна и многоаспектна, выполненные им и под его руководством реформы позволили поднять регион на новый уровень развития, укрепить позицию России на Кавказе.

Несмотря на то, что реформы были проведены еще в начале XX века, их значимость до сих пор велика и важно изучение способов правления таким многоконфессиональным и многонациональным краем со своими особенностями, как Кавказ.

Шандра П.А. (Арзамас)

Деятельность органов безопасности КНР в киберпространстве.

В настоящее время китайские специалисты активно работают в направлении «компьютерных войн» и достаточно мощно влияют на компьютерную безопасность многих стран, в чём им эффективно содействуют разведывательные службы КНР.

Разведывательную деятельность в Китае осуществляют две ключевые разведывательные организации КНР: МГБ (Министерство государственной безопасности) и Главное разведывательное управление Народно-освободительной армии Китая (НОАК). И если второе ведомство концентрируется на сборе данных о военном потенциале и разработках российского ВПК, то МГБ КНР занимается политической и экономической разведкой, а также формированием сепаратистских настроений в «зонах жизненных интересов Китая за пределами страны».

Одной из основных заслуг Дэн Сяопина является создание в структурах МГБ и МОБ мощных системно-аналитических подразделений, где сосредоточены специалисты (аналитики, разработчики), которые осуществляют анализ всего массива информации, добываемой спецслужбами гласными и негласными способами, делают долгосрочные прогнозы развития геостратегической и региональной ситуации, разрабатывают и представляют руководству страны варианты планы проведения комплексных операций (с задействованием политико-дипломатических, военно-технических, финансово-экономических и специальных средств) для достижения поставленных политическим руководством целей. В КНР существуют еще несколько центральных аналитических организаций (например, Исследовательское бюро при Госсовете КНР), но ключевую роль играют именно аналитические подразделения МГБ и МОБ, являющиеся предельно закрытыми структурами. Другие службы зачастую выполняют функцию прикрытия, оттягивая на себя силы и средства иностранных спецслужб, и каналов санкционированной «утечки» информации.

МГБ КНР имеет устойчивые оперативные позиции во всех ключевых отраслях легального и нелегального бизнеса в странах АТР и контролирует основные информационные и финансовые потоки. Через многомиллионные китайские общины китайская разведка проникла в государственные и правоохранительные органы стран АТР и имеет возможность преследовать свои интересы. Так, например, в Индонезии 3,5 млн. китайцев владеют 73%

частного капитала страны, а в Сингапуре этот показатель еще выше. Особое внимание МГБ КНР уделяет контролю над СМИ в Азиатско-Тихоокеанском регионе, внушительное число газет, теле- и радиоканалов приобретены агентами и офицерами китайской разведки, в том числе и через мафиозные структуры «Триады», ставшей фактически подразделением МГБ. Благодаря организованному китайской разведкой мощному китайскому лобби КНР решает на территории стран АТР ряд важных экономических задач: обеспечивает продвижение дешевых китайских товаров и добывает для китайской промышленности передовые технологии и научные разработки.

Проведенный китайскими спецслужбами анализ показал, что в случае принятия предлагаемых международными финансовыми организациями схем экономического реформирования, страна рискует потерять социально-политическую стабильность и оказаться в финансово-экономической зависимости от стран Запада. В противовес навязывавшимся США подходам, в системно-аналитическом центре МГБ КНР при личном участии Цзя Чуньвана были разработаны и политическим руководством Китая во главе с Дэн Сяопином утверждены принципиально иные способы добывания финансовых ресурсов и передовых технологий. Именно Дэн Сяопин принял стратегическое решение о приоритетном финансировании и всемерном укреплении МГБ КНР как важнейшего инструмента обеспечения радикальных реформ в КНР.

На сегодняшний день можно четко говорить о создании сети кибер-ресурсов, тесно связанных с деятельностью специальных аналитических структур МГБ и МОБ КНР. Проект Интернет CANETa (Chinese Academic Network), за который отвечал профессор Цянь Тяньбай, являлся научно-исследовательским проектом, осуществляемым Пекинским научно-исследовательским институтом вычислительных машин в 1986 году. Его партнером в этом проекте был Университет Karlsruhe в ФРГ. В мае 1989 года китайская исследовательская сеть (CRN) реализовала контакт с исследовательской сетью ФРГ. CRN смогла предоставить сервис E-Mail в передаче документов, каталогов и т.д. и посредством германской сети DECnet смогла связаться с Интернетом.

В КНР в конце 1990-х годов был также создан Университет национальной обороны Народной освободительной армии КНР (НОАК), а также создан специальный факультет оборонных исследований.

В Китае создана мощная государственная система ведения информационного противоборства, которая позволяет осуществлять массированное применение сил и средств в короткие сроки. Организационным ядром системы являются исследовательское бюро при Госсовете КНР и системно-аналитический центр министерства государственной безопасности. В качестве теоретической базы используются рекомендации и разработки Академии военных наук НОАК.

Кроме того, в рамках реформирования вооруженных сил страны министерство обороны КНР создает научный центр по теоретической

разработке принципов ведения информационной войны. Он будет располагаться в городе Чжэнчжоу (административный центр провинции Хэнань). В него войдут несколько управлений, основная задача которых – формирование теоретической базы, а также разработка основных принципов и методов ведения информационной войны для дальнейшей их реализации. Этот центр будет оснащен всеми новейшими видами техники. Его возможности позволят эффективно бороться и с радиоперехватами, и с подавлением систем ПВО, и с преодолением компьютерной защиты противника. Реализация данного проекта осуществляется под непосредственным руководством генштаба НОАК.

Академия военных наук НОАК (Народно-освободительной армии Китая) - ВУЗ подчиняется главному управлению РЭБ, готовит офицеров радиоэлектронной борьбы командного профиля среднего и начального уровня и инженерного профиля среднего и высшего уровня в интересах ВС КНР. В академии осуществляются научно-исследовательские работы по направлениям:

- в постдокторантуре – «создание инженерных систем, снижающих степень поражения и защищающих от средств поражения»;
- в докторантуре – «создание инженерных систем, снижающих степень поражения и защищающих от средств поражения», «теория и проектирование вооружения», «мосты и тоннели», «артиллерия, самоходное вооружения и боеприпасы».

Китайское сообщество так называемых «красных хакеров». Фактически речь идет о формировании в НОАК подразделений «военных хакеров», которые, как утверждают американские спецслужбы, впервые появились в 2000 году и в настоящее время могут насчитывать до 1 млн. человек.

3 июня 1997 года Академия наук создала Китайский информационный сетевой центр Интернета (CNNIC) в сетевом информационном центре вычислительной машины при Академии наук, исполняющий обязанности государственного информационного центра Интернет. В тот же день был создан рабочий комитет CNNIC. В ноябре 1997 года CNNIC опубликовала первый «Статистический отчет о развитии Интернета в Китае».

Примечательно, что спецслужбы КНР широко используют хакерские атаки военных объектов. Так, 3 августа 2000 года «Washington Post» написала о том, что «хакеры, возможно работавшие на правительственные учреждения в Пекине, взломали компьютерную систему американской атомной лаборатории в Лос-Аламосе и похитили большое количество информации, в том числе и документы, связанные с ядерным оружием». Атаки китайских хакеров на системы минобороны США в период кризиса, вызванного инцидентом с разведывательным самолетом на острове Хайнань, также оказались достаточно эффективными.

В Китае созданы государственные интернет-бригады специального назначения. Агенты посещают веб-форумы и чаты, выдавая себя за обычных граждан. Их задача состоит в оказании влияния на общественное мнение,

посредством публикаций аргументированной позиции по некоторым спорным вопросам, которые обсуждаются в обществе.

О формировании специальных подразделений интернет-полиции написал итайский еженедельник «Southern Weekend». Как сообщается, отряд таких «комментаторов» с апреля 2006 г. работает в городе Суцзянь - прибрежном городе на востоке провинции Цзянсу.

Китайские власти прилагают большие усилия, чтобы не утратить контроль над интернетом, поскольку все больше и больше китайских граждан получают свободный доступ к ресурсам Всемирной сети. Следовательно, у них появляется возможность познакомиться с альтернативными источниками информации. Количество пользователей в Китае уже превысило 100 млн. человек и продолжает быстро расти.

Работа «комментаторов» заключается в том, чтобы защищать государство и правительство в том случае, если в форуме или в чате появится негативный комментарий. Отдел пропаганды города Суцзянь набирал сотрудников из числа государственных служащих. При отборе кандидатов учитывалось, что они должны разбираться в тонкостях государственной политики, быть теоретически подготовленными и «политически надежными». Публикуя тексты в форуме или в чате, эти люди выступают якобы от лица «обычных интернет-пользователей», что очень важно для эффективности их работы.

Как сообщается в китайской прессе, аналогичные бригады пропагандистов сформированы при городских управах как минимум трех провинций. «Мы не первые и не последние, — заявил в интервью Southern Weekend Ма Жичуна (Ma Zhichun), который является сотрудником одной из таких бригад. — Весь народ играет в ту же игру».

Аналогичные подразделения создаются не только на уровне городских властей, но и на более высоком уровне. В прошлом году подразделение из 127 специально обученных офицеров было создано на уровне министерства.

Известно, что в Китае работает огромный штат «интернет-полиции», численность которой составляет 30 тыс. человек. Эти людям приписывается слежка за блогами и форумами, цензура зарубежных информационных источников и даже чтение частной электронной почты граждан. С их помощью государственные власти находят «политически некорректных» блоггеров и сажают их за решетку. В марте этого года в интернете был закрыт форум одного из крупнейших китайских университетов в рамках государственной кампании за улучшение идеологической грамотности студентов.

Власти китайского города Чунцин разработали и запустили сервис Red Microblog, напоминающий Twitter. Им будет управлять городской департамент пропаганды. Первым пользователем стал секретарь местного отдела партии Бо Силай (Bo Xilai). Он уже отметил несколько записями партийного содержания, например: «Мне очень нравятся слова нашего

председателя Мао Цзедун: «Мир принадлежит нам, только нужно работать сообща».

Red Microblog стал ответом на призыв руководителя отдела пропаганды китайской компартии о том, что власти на местах должны активнее осваивать новые технологии. Очевидно, теперь следует ожидать новых смелых проектов, например клона Facebook или YouTube.

Таким образом, спецслужбы КНР достаточно активно участвуют в разработке системы сбора и распространения информации. В данной деятельности достаточно чётко прослеживается два аспекта: 1. создание информации; 2. контроль над информацией. При этом в КНР существует специальная система подготовки кадров для работы в киберпространстве, что, несомненно, соответствует задачам по локализации и ликвидации угроз информационно-коммуникационного свойства.

Шевцов Н.М. (Рязань)

**Расовое учение Жозефа де Гобино и Стюарта Чемберлена
и влияние их идей на националистические настроения немцев на рубеже
XIX-XX веков.**

Расизм как идеология пропагандирующая превосходство одной расы над другими появилась и получила последующее развитие в XIX веке. Расизм приобрел популярность в европейском, и в силу особых причин, в немецком обществе.

Многонациональность Германии и национализация масс в Европе в целом породили рост ксенофобии, которая дала хороший старт немецкому расизму. Империя, возведенная канцлером Отто фон Бисмарком, отличалась заметной этнической гетерогенностью. В Эльзасе и Лотарингии проживало франкоговорящее население, на севере – датчане, в центральной Германии жили несколько миллионов поляков, а также небольшая славянская группа лужичан.

Политика по германизации национальных меньшинств, проводимая правительством, породила в немецком народе чувство нездорового эгоизма и презрения по отношению к людям негерманского происхождения.

Картина межнациональных противоречий дополнилась «еврейским вопросом». «Многие евреи нашли свое место в бизнесе и профессиональной деятельности. Помимо знаменитой семьи банкиров Ротшильдов возникло много других влиятельных финансовых домов принадлежавших евреям; много мужчин-евреев было в медицине, юриспруденции, науке и исследовательской деятельности, в университетах на преподавательских должностях, в журналистике и искусстве». Националистическая программа «свой – чужой» стала бесперебойно работать в сознании большинства немцев.

На этом фоне в Германии начали появляться первые расистские теории получившие свое выражение в книгах, трактатах, эссе, научных статьях.

Одним из первых идеологов расизма в Европе (а, может быть, и самым первым) стал француз Жозеф Артур де Гобино. Именно он стоял у истоков доктрины, согласно которой человеческие расы делились на высших и низших, причем высшей признавалась белая раса. Главным трудом Гобино по данному вопросу являлось четырехтомное произведение «Эссе о неравенстве человеческих рас» опубликованное в Париже в 1853 году.

Согласно его учению, расы делятся на три типа: белая, черная и желтая, причем основным носителем прогресса признавалась белая раса. «История, - писал Гобино, - указывает на то, что все цивилизации берут начало от белой расы и ни одна цивилизация не может развиваться без вклада белой расы».

Гобино одним из первых стал использовать термин – арийцы. Их он считал подлинным сокровищем белой расы, истинными ее представителями. «К их числу Гобино относил часть населения Франции, население Англии, Ирландии и Нидерландов, немцев, проживающих по Рейну и в Ганновере, а также скандинавов».

Также в значительной степени на мировоззрение немцев повлияли взгляды англичанина Хьюстона Стюарта Чемберлена, автора труда «Основы девятнадцатого века».

Область интересов Чемберлена сводилась к концепции, устанавливавшей связь расы с историей. Для того чтобы понять суть общественных процессов в XIX веке, Чемберлен стал искать те элементы, которые, оказали существенное влияние на развитие современной цивилизации. Этими элементами оказались – греческая философия и искусство, римское право и личность Иисуса Христа. «Наследовали это достояние евреи, германцы («две чистые расы») и полукровки романского происхождения». По мнению английского исследователя, падение Древнего Рима было связано с кровосмешением римлян с низшими расами, но германцам удалось сохранить эту высокую культуру.

«Неправильно полагать, - писал Чемберлен, - что тевтонские варвары стали причиной так называемого средневекового заката, - он наступил скорее в результате интеллектуального и морального банкротства, полного расового хаоса, порожденного умирающей Римской империей; однако благодаря тевтонам-германцам миру удалось избежать вечной мглы».

К «тевтонам» Чемберлен относил не только германцев, но и кельтов и славян. Тем не менее, жемчужиной тевтонской расы он признавал только германцев.

Как уже говорилось выше, Чемберлен считал германцев и евреев – двумя чистыми расами. Самую большую главу в книге «Основы девятнадцатого века» он посвятил евреям. Автор «Основ» осуждал евреев за «ощущение ими своего ложного величия», за отсутствие у них «истинной религии», за их «материализм и абстрактный формализм».

Необходимо также отметить, что расистские теории Гобино и особенно Чемберлена быстро стали популярными в Германии. Их книги распродавались многотысячными тиражами. Чемберлен вел переписку с самыми высокопоставленными людьми Рейха, в том числе с кайзером Вильгельмом II. Он посещал элитные клубы и неоднократно получал аудиенцию с представителями правящих кругов Германии, в том числе и с императором. Идеи этого англичанина охватили не только народные массы, но и правящую элиту.

В заключение надо сказать, что расовые учения, распространившиеся в Германии на рубеже XIX-XX веков, были принесены из-за границы. Жозеф Артур де Гобино и Хьюстон Стюарт Чемберлен не были немцами. Но именно они, признавая германскую нацию лучшей из народов Европы, способствовали страту расистской идеологии в кайзеровском Рейхе.

Расистские настроения охватили огромную часть немецкого общества. И именно они предопределили будущее господство национал-социалистов в Германии в 1930-е годы.

Эрлихсон И.М. (Рязань)

Английский театр эпохи Реставрации (1660-1689 гг.).

Театральное искусство является важной составляющей культурного наследия каждой страны. Европейский театр берет свое начало в античности, когда из сельских праздников в честь бога Диониса возникли драма и театр, которые достигли своего высшего выражения в творчестве античных авторов. Культурные традиции античных времен были во многом утеряны в Средневековье, но театр не погиб, а продолжал существовать в различных формах, таких как миракли, мистерии, моралите и площадной фарс. Своего величия театральное искусство Западной Европы достигло в эпоху Ренессанса. Утвердившись в Италии на рубеже XV- XVI вв., создав здесь новую драматургию и профессиональное сценическое творчество, театр Возрождения пережил «золотой век» в Испании, а затем достиг апогея своего развития в Англии эпохи Шекспира.

Во времена протектората Оливера Кромвеля, в период господства пуритан театральное искусство было запрещено специальным указом от 2 сентября 1642 года. Театральное искусство пуритане рассматривали как рассадник греховности, безнравственности и порока. Обвинения, предъявляемые актерам, носили конкретный характер: «во время спектаклей в театре происходят ссоры и драки, у благородных зрителей крадут кошельки, театр заставляет бедные слои населения безрассудно тратить деньги на греховные зрелища».

В 1660 году Карл II со своим двором вернулся в Лондон: с реставрацией монархии возрождается и театральная жизнь. Карл Стюарт

любил театры, но не настолько, чтобы позволить их беспорядочный рост как в елизаветинские времена. Он издал специальный указ, по которому антрепренеры теперь должны были получать патенты у короля. Этот указ вызвал ожесточенную борьбу среди театральных трупп за право владеть патентом. Победителями вышли Вильям Давенант, основавший театр на Линкольн Инн, и Томас Киллигрэ, директор «Королевского театра» на Друри Лэйн.

Театр Реставрации претерпел значительные изменения, которые затронули все аспекты его существования. Прежде всего, изменения коснулись внешней формы – планировка театрального помещения, уровень технического обеспечения. Так, вместо площадных форм шекспировского театра появилась сцена – коробка, требовавшая более строгой композиции пьесы и большей бытовой достоверности. Быстрое развитие науки и техники увеличило возможности декорационного и бутафорского оформления спектаклей и привело к тому, что порой сценические эффекты и роскошные декорации стали главным средством привлечения публики в театр. Здания театра стали меньше и вмещали не более трехсот зрителей. Это объяснялось изменением социального состава публики. Театр Возрождения был более демократичным: часто представители высшего дворянства не находили ничего предосудительного в том, чтобы занимать места рядом с выходцами из городских низов. «В эпоху Реставрации театр стал развлечением, в основном, для аристократов, поведение которых подчас отличалось грубостью и жестокостью. Зрители могли громко разговаривать во время спектакля, не обращая внимания на актеров, покидать зал в любое время, пить вино, и даже устраивать дуэли, часто со смертельным исходом».

Эпоха Реставрации стала временем зарождения системы обучения профессиональному актерскому мастерству. В 1660-х годах Томас Беттертон стал инициатором основания первых актерских школ, где начинающие актеры могли получить профессиональную подготовку. Появилась женская исполнительская школа Англии и сразу же завоевала признание, дав целую плеяду замечательных актрис трагедийного и комедийного плана – Элизабет Барри, Нелл Гвен, Мэри Сондерсон, Энн Брэйсгердл. Прославили свои имена и мужчины-актеры – Томас Беттертон, Джеймс Уилкс, Эдвард Кинастон, Джозеф Хайнс. Актерская профессия постепенно становилась более престижной, и хотя по закону они еще приравнивались к «бродягам», но многим из них удавалось повысить социальный статус и приблизиться к высшим кругам английской аристократии.

Драматическое искусство сделалось выражением того антибуржуазного, антипуританского духа, которым была пронизана господствующая идеология эпохи. Пуританские добродетели – бережливость, набожность, деловитость – были жестоко осмеяны. В многочисленных комедиях нравов буржуа появляется в смешном и неприглядном виде, например в образе обманутого мужа, простофили или скряги. Это вызвало протест буржуазных кругов и положило начало

бесконечным дебатам о том, какой должна быть комедия. Противники театра негодовали, прежде всего, на то, что в большинстве современных комедий порок изображается в самом привлекательном виде, а в зрителях воспитывается чувство восхищения порочными людьми. Причем этот протест выражался в самых разнообразных формах. Так, 2 февраля 1679 года С. Пепис стал очевидцем потрясшего всех события, когда «подвыпивший буржуа ворвался в партер, размахивая дурно пахнущим факелом, во весь голос проклиная короля и придворных, и бросил этот факел на сцену». Самым известным противником театра был Джереми Коллиер, который выпустил в 1698 году трактат «Краткий очерк безнравственности и нечестивости английской сцены», где обличал распущенность сцены и требовал реформы театра вплоть до полного его запрета. Его книга вызвала горячую дискуссию, оказала воздействие на театральные и литературные круги и привела к практическим результатам: на сломе веков значительно изменился репертуар, а также социальный состав театральной публики.

Драматургию Реставрации называют «проблемным ребенком» английской литературы. С одной стороны она ознаменовала расцвет английской драмы, так как в ней нашли полное выражение, как драматический импульс времени, так и богатая традиция английского драматургического искусства. У. Теккерей в очерке «Английские юмористы 18 века» писал: «... она, эта смелая комедия, эта дерзновенная бедняжка, была благодупна и любима публикой, весела, щедра, откровенна, как только могут быть подобные создания. Люди, которые жили вместе с ней, смеялись, брали у нее деньги и пили ее вино, решительно выступали на ее защиту против ополчившихся на нее пуритан. Однако дело этой распутницы было обречено на провал, и можно с уверенностью сказать, что слуги ее отлично понимали... Прочитав две-три пьесы, я чувствовал приблизительно то же, что чувствует большинство из нас, осматривая в Помпее дом Саллюстия и сохранившиеся в нем остатки пьяного кутежа – два-три кувшина, в которых некогда было вино, обуглившийся стол, смеющийся череп шута – а кругом тишина, да безмятежная синева небес над развалинами». Байрон в своем дневнике отмечал: «Что за пьесы! Что за остроумие! Увы! Настоящие комедии мы находим только у Конгрива и Ванбру. Наше нынешнее общество чересчур пресно для таких сочинений».

«Сюжет комедии Реставрации обычно построен вокруг группы молодых мужчин и женщин, характеризующихся такими чертами как остроумие, учтивость и изысканность манер. Место действия - обычно улицы Лондона, кофейни, парки, светские салоны. Главные темы почти всегда любовь, любовные интриги, супружеские измены». Обычно комедия нравов обрисовывает следующие человеческие типы: галантный молодой повеса, неверная жена, обманутый муж, и невинная молодая девушка, чья добродетель в конце пьесы вознаграждается. Огромное значение придавалось изящным диалогам, построенным по принципу «остроумие ради остроумия».

Особенно остроумные диалоги ценились в пьесах, главная цель которых состояла в высмеивании человеческих пороков.

Естественно, каким бы реалистичным ни было искусство, его природа не позволяет проводить прямые параллели с конкретным обществом, в котором оно было создано. Но комедии Реставрации действительно отражают многие основополагающие черты английского общества второй половины XVII века. Король вернулся в Англию в возрасте тридцати лет и правил до своей смерти в 1685 году. Он не стеснялся сам называть себя «распутником», удачливым и умелым дамским угодником. В Уайтхолле царствовали женщины, причем подробности личной жизни монарха стали достоянием широкой публике. Фаворитизм не был новым явлением для английского общества, но такого количества адюльтеров в королевском дворце не видели со времен Генриха VIII. Король и его многочисленные фаворитки сделали все для того, чтобы стремление к любви и плотским наслаждениям стало главным занятием аристократии. Атмосфера пьес соответствует жизни этой общественной группы, их герои были срисованы с графов, герцогов, с самого короля, и какими бы дерзкими и шокирующими ни были бы их поступки и слова, они полностью совпадают с царящим в обществе культом безнравственности, следы которого можно найти в воспоминаниях и исторических анекдотах.

Необходимо упомянуть еще одно обстоятельство, которое связывало театр Реставрации и королевский двор: большинство драматургов этого периода в общественном сознании ассоциировались с «высшими мира сего». Из пяти известнейших драматургов Дж. Этериджа, В. Конгрива, Дж. Фаркара, Дж. Ванбру и У. Уичерли, четверо считались приближенными ко двору, а двое вдобавок были потомственными дворянами. Так или иначе, большинство писателей вращались в высших кругах, и их реализм в изображении типичных характеров и ситуаций объясняется тем, что они были знакомы с ними на личном опыте.

Театр эпохи Реставрации чутко реагировал на все изменения социальной и духовной жизни страны, и поэтому ему приходилось сталкиваться с трудностями, свойственными всему переломному времени: «с одной стороны сцена отражала интересы класса дворян, теряющих свои привилегии, а с другой – новой финансовой и земельной знати, получившей реальные права на управление страной и стремившейся завоевать большинство в Парламенте».

Но целью комедиографов периода Реставрации вовсе не являлось выставление греха в привлекательном виде. Напротив, они анализировали людские пороки, старались проникнуть в их социальную сущность; и комедия нравов была способом точно и ярко отобразить различные явления и стороны жизни. Именно в это время комедия перестала выполнять только развлекательную функцию. Критики писали, что назначение комедии – поучать, а законы комедии заставляют изображать порочных людей, чтобы она соответствовала своему назначению.

Драматургов и актеров привлекала обрисовка конкретных социальных типов и в этом они не щадили ни буржуа, ни светских господ. Мир, каким он явился после буржуазной революции, представал в спектаклях различных лондонских театров во всей своей наготе. Многие спектакли были замечательны своей правдивостью, проникновением в суть различных социальных явлений. Именно с позиций достоверного отражения различных сторон жизни и следует рассматривать театр эпохи Реставрации, который стал важнейшим этапом в развитии европейского сценического искусства.

Совершенно очевидно, что высочайший расцвет, которого достигло театральное искусство Англии в эпоху Просвещения, был бы невозможен без достижений в театральной жизни периода Реставрации. Именно тогда, в результате медленного, не всегда однозначно поступательного развития английского театра, и закладывался тот потенциал, который в последующем вывел Англию на вершину театрального Олимпа, который подарил миру новые театральные системы, драматургические и актерские имена международного уровня.

РАЗДЕЛ II

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Артеменков М. Н. (Смоленск)

Реформы в английской дипломатической службе во время правления Елизаветы I.

Время правления королевы Англии Елизаветы I (1559-1603 гг.) ознаменовалось постепенными реформами в области дипломатической службы. Они были незаметными, постепенными, но оказывали значительное влияние на формирование международной политики королевства. Это, прежде всего, нашло отражение в составе дипломатического корпуса, вопросах найма агентов на службу и повышения их профессиональной подготовки. В целом, в работах некоторых современных исследователей этот процесс получил название «тихой революции».

Изменения в английской дипломатии были ответом на происходившие политические события. Елизавета I оказалась в крайне сложном положении после заключения мира в Като-Камбрези (1559 г.). Изменения в религиозной политике, санкционированные королевой, не могли не сказаться на отношениях с самой мощной державой Западной Европы – Испанией. Это королевство дополнило и без того значительный список противников Англии. Возникла угроза создания единого католического лагеря, противостоять которому английское королевство было не в силах.

Таким образом, для своей защиты Елизавете I и Англии требовалось использовать невоенные средства защиты. Среди альтернативных инструментов политики дипломатия стала играть ключевую роль. Это было главное средство, при помощи которого можно было решить династические и политические вопросы, стоявшие перед королевством.

Главным изменением в структуре дипломатической и административной службы при Елизавете I стало создание профессионального дипломатического корпуса. Начиная с периода средних веков дипломатические функции выполняли придворная аристократия, представители университетов или церкви. Они рассматривали свои дипломатические обязанности как дополнение к более важным и привычным, связанным с их положением в обществе. Очень часто дипломатические функции выполняли дилетанты, не имевшие какой-либо специальной подготовки. Все изменилось в правление Елизаветы I. Дипломаты периода ее царствования стали проходить дипломатическую практику под руководством опытных наставников, что было важнейшей составляющей их профессионального образования.

Прекрасным примером может служить подготовка сэра Николаса Трокмортонна к посольской миссии во Франции. Его молодые помощники (в будущем профессиональные дипломаты) Генри Миддлемор, Генри Киллигрю, Джон Сомерс, Джон Роджерс были наняты в качестве курьеров, секретарей, наблюдателей. Таким образом, они проходили первичную дипломатическую практику, готовясь к выполнению уже собственных заданий. Такое обучение было крайне формальным, но служба у Трокмортонна рассматривалась в качестве первичной и обязательной школы для дипломатов.

Происходило изменение структуры посольств как в Европе, так и в Англии. До Елизаветы миссии были устроены по средневековому типу. Несколько представителей могли выполнять одну дипломатическую миссию, и часто таких посланников сопровождала огромная свита. Во времена Генриха VIII появились изменения и до 30% всех миссий уже выполнялись двумя-тремя заслуживающими доверия дипломатами. При Елизавете I сформировалась новая модель, когда одна дипломатическая миссия поручалась одному человеку. Только 8 % дипломатических миссий этого времени состояли из большего количества представителей. Однако если из этого числа убрать посольства, связанные с крупными международными конференциями и конгрессами, то получится, что только 3 % миссий состояли более чем из одного посла. Одной из причин этому был общий рост подготовки английских дипломатов.

Значимым было и то, что новые послы Елизаветы I, в отличие от своих предшественников, теперь могли опираться на секретарей, которые помогали выполнять их обязанности. Эти члены дипломатического персонала стали официально назначаться на свои должности, получать жалование из королевской казны и постепенно становились неперенными членами всех дипломатических миссий.

Большую роль при поступлении на службу играл опыт работы в зарубежных представительствах. Примером может служить карьера Георга Гилпина, который сыграл важную роль в англо-нидерландских переговорах в 1570-х гг. Прежде чем поступить на королевскую службу, он в течение длительного времени служил секретарем в компании купцов-авантюристов. Эти связи затем помогли ему в дипломатической карьере.

Если продолжить анализ изменений, произошедших в подборе дипломатических кадров при Елизавете I, то необходимо отметить два важных факта, отличавших Англию от остальных стран Европы.

Английская дипломатия при Елизавете практически отказывается от использования священнослужителей в посольствах после 1558 года. Это было достаточно серьезным изменением нетипичным для Европы, но оно было явно неслучайным. Только четыре представителя церкви продолжали службу при Елизавете (и то два из них продолжили переговоры в Като-Камбрези, начатые еще при Марии Тюдор). Если считать в процентах, то всего 1% от всех елизаветинских дипломатов был представителем церкви.

Для сравнения, при Генрихе VIII их количество составляло до 41%, когда они могли выполнять как индивидуальные, так и совместные миссии.

По мнению Г. Маттингли сложившаяся во время Реформации атмосфера религиозного недоверия не позволяла священнослужителям быть хорошими дипломатами, так как они проявляли излишнее рвение в делах веры. Такого объяснения вероятно недостаточно, чтобы объяснить отказ Елизаветы от использования прелатов церкви в качестве послов. Например, Генрих VIII продолжал использовать представителей церкви также часто и после 1530 года, как это делал и до Реформации. Испанцы и французы продолжали использовать прелатов и в XVII веке.

Вероятно, это изменение нельзя объяснить и только тем фактом, что английская королева хотела иметь преданных дипломатов и поэтому приглашала на службу выходцев из дворянства и буржуазии. Другое объяснение состоит в том, что английские монархи могли найти хорошо образованных людей и среди мирян. Еще одна причина может быть связана с окончательным исчезновением христианского единства в Европе. Теперь священнослужители одного государства не всегда могли найти общий язык со своими братьями по вере в соседних странах. Однако самым вероятным представляется, видимо, сочетание всех этих факторов, что и привело к такому изменению в дипломатическом корпусе именно в Англии.

Второй фактор связан с оплатой деятельности дипломатов. Общепринятым является мнение, что дипломаты получали крайне скудное жалование, которое к тому же поступало крайне нерегулярно. Некоторые авторы приводят примеры, что послы часто сами оплачивали свое содержание и даже выполняли дипломатические поручения на собственные средства.

Однако профессиональная дипломатическая служба была бы невозможна, если бы дипломаты не получали регулярного и достаточно большого жалования. Действительно, из донесений послов других стран мы знаем об их финансовых проблемах. Однако это не относится к Англии. После 1560-х гг. дипломатическое жалование выплачивалось регулярно. Кроме того, оно было достаточно высоким. Это было еще одним аргументом к превращению этой службы в профессиональную, поскольку она давала возможность выходцам из мелкого и среднего дворянства скопить значительное состояние.

Наконец, важным изменением стала трансформация социального статуса дипломатов, что во многом рассматривалось как еще один вид поощрения за службу. Генрих VIII полагался на свою аристократию и прелатов. Они составляли до 20% от всех послов и их использовали более чем в 50% дипломатических миссий. Елизавета I использовала своих пэров более скупно. Если исключить большие международные конференции и конгрессы, где статус аристократа был фактически одним из требований для участия, то только в 6% посольств использовались представители высшего сословия. Кроме того, они перестали вести непосредственные переговоры,

как во времена Генриха VIII. Аристократы становились всего лишь красивой ширмой, а за их спиной действовали настоящие профессионалы. Миссии, в которых принимали участие представители высших придворных кругов, становятся все более официальными, но мало значащими в практическом плане.

Такое изменение было связано с несколькими моментами. Во-первых, работа не аристократов стоила дешевле, что было очень важно для английской казны. Во-вторых, они были более зависимы и реже предпринимали самостоятельные шаги. В-третьих, выходцы из дворянства и купечества более охотно служили за границей на протяжении длительного времени, поскольку их карьера напрямую зависела от службы. В отличие от них аристократы стремились как можно быстрее вернуться в Англию, к своим поместьям. Также они хотели сохранить свое влияние на придворную жизнь, а отъезд на длительное время значительно снижал эту возможность. Все это создавало еще одну причину для роста профессионализма дипломатов: выходцы из джентри могли занять должности, которые традиционно принадлежали аристократам.

Карьерный рост большинства из дипломатов Елизаветы I происходил одинаково. Дипломатический корпус состоял из людей, которые были обучены вести дипломатические переговоры. Они часто выполняли зарубежные миссии и имели определенные поручения на территории Англии. По своему социальному положению их можно отнести к придворным Елизаветы I, но в большинстве случаев они имели достаточно скромное происхождение. Служба в качестве послов позволяла им сделать карьеру, получить титулы, должности и награды. В целом, это был неплохой шанс занять достаточно высокое положение в административной лестнице при елизаветинском дворе.

Изменения в политике, таким образом, приводили к росту профессионализма английских дипломатов. Все эти проявления, новый стиль елизаветинской дипломатии были частью временного феномена. Впоследствии этот опыт будет утрачен и востребован лишь в конце XVII века.

Беляев М. П. (Москва)

Дания и Вестфальский мирный конгресс.

Королевство Дания не участвовало в подписании Вестфальских мирных договоров в 1648 г. Тем не менее, являясь инициатором мирного конгресса о прекращении Тридцатилетней войны, это североевропейское государство принимало активное участие в прелиминарных мирных переговорах в Гамбурге в 1641 году.

Проводя линию на прекращение общеевропейской войны, датский король Кристиан IV вёл борьбу за удержание контроля за Зундским проливом. Торговыми пошлинами в пользу датского короля были обложены все суда, проходящие через Зунд. Это было значительным источником дохода Дании. В XVII века Дания включала в себя области по другую сторону Зундского пролива, а также острова Готланда и Сааремаа в Балтийском море. Король Дании был также королем Норвегии, герцогом Шлезвиг и Гольштейна. Гольштейн являлся частью Священной Римской Империи.

Дания стремилась остаться ведущей державой Балтийского региона. Её соперником на Балтике была Швеция. Дания по существу окружила Швецию своими владениями. В сфере интересов Дании была также Северная Германия. Кристиан IV пытался заполнить престолы в секуляризованных епископствах Северной Германии своими родственниками. Датский король установил контроль над Бременом и Ферденем и, таким способом, над устьями рек Везер и Эльба. Менее важной целью датской внешней политики была защита лютеранства.

Борьба за господство на Балтике делала Швецию, даже и лютеранскую страну, главным врагом Дании. Решение Дании вступить в Тридцатилетнюю войну в 1625 г. было продиктовано соперничеством со Швецией за господство в Северной Европе. Результат этой войны для Дании был удручающим: датская армия потерпела поражение, а полуостров Ютландия был захвачен имперскими войсками. В этой ситуации шведский король Густав Адольф, обеспокоенный императорскими победами и возможностью создания новой балтийской державы предлагал Дании продолжить войну против императора, но датский король отказался.

Условия Любекского мира 1629 г. с императором были чрезвычайно мягкими для Дании. Причиной этого был страх императора перед датско-шведским союзом.

Швеции в 30-е гг. г. удалось, благодаря поддержке немецкого протестантизма, усилить свои позиции в Германии. Датский король хотел ограничить растущее влияние Швеции. Средством для этого Кристиан IV считал посредничество Дании на мирных переговорах с тем, чтобы использовать его в своих интересах. Швеция не должна была получить территориальных приобретений, прежде всего, Померании. Кристиан надеялся, что за благоприятную для императора позицию, Дания получит территории секуляризованных епископств в Северной Германии. 25 декабря 1641 г. в Гамбурге при посредничестве Дании был заключён прелиминарный договор между воюющими сторонами в Тридцатилетней войне.

10 июля 1643 г. в Оснабрюк на мирный конгресс прибыл датский посланник Христофер фон дер Липпе. Остальные датские посланники риксканцлер Хёг, имперский советник Греггер Краббе и посланник Гамбурга Лоренц Лангерман прибыли в Оснабрюк 5 сентября. Они встретились с императорскими посланниками Кране и Ауершпергом. Шведские

посланники в Оснабрюке прибыли с большим опозданием: Сальвиус – 27 ноября, Йохан Оксеншерн – только 6 апреля 1644 г. Своё опоздание они мотивировали поздним прибытием французских дипломатов, главного императорского посланника и отсутствием имперских чинов. Хотел ли Стокгольм таким способом устранить датское посредничество однозначно говорить нельзя.

Ввиду задержки приезда шведов, датские и императорские посланники поддерживали более тесные контакты между собой. Однако, Дания не могла выполнять посреднические функции на переговорах. После прибытия Сальвиуса состоялись взаимные визиты, но все же они имели небольшое значение вследствие отсутствия главного шведского посланника Оксеншерны. Отношения между датскими и императорскими посланниками также не были безмятежны. Дания как протестантская страна и в качестве герцогства Голштинии поддерживала требования протестантских имперских чинов. Император принципиально не отклонял датское посредничество, но, разгадав планы датского короля, решил вести также непосредственные переговоры со шведами, если они действительно будут готовы к заключению мирных соглашений. Датские посланники были осведомлены о переговорах имперского генерала Галласа и шведского фельдмаршала Торстенсона о перемирии. Кристиан IV был настроен на заключение наступательного союза с императором против Швеции. Липпе уже в своей первой беседе с Крапе 13 июля намекал на разрешение померанского вопроса не в интересах Швеции.

Датские посланники также намекали, что их король объединился бы с императором и вел бы против шведов войну, если бы он получил Бремен, согласие на проведение всеобщей амнистии, гарантии религиозного мира, предоставление права сбора пошлин по Эльбе, урегулирование спора между городом и епископством Бремен в пользу епископства.

Отношения между датскими посланниками и шведами преимущественно сводились к проблеме приезда Й. Оксеншерна и Сальвиуса. После своего прибытия в Оснабрюк Сальвиус пришёл к выводу, что датчане со шведами имеют общее мнение в вопросе допуска имперских чинов к переговорам и амнистии. Тем не менее, шведские посланники в своих сообщениях уведомляли своё правительство о настоящих намерениях датского посредничества. Со ссылкой на польского наблюдателя Генриха фон Грисхайма (как оказалось, Грисхайм был подкуплен шведами) Сальвиус писал, что уступка Померании Швеции была бы для Дании *casus belli*. Польша поддержала бы Данию в войне деньгами и вспомогательными войсками. Планировалось также тесное сотрудничество Дании с Россией против Швеции, что должно быть подкреплено браком принца Вальдемара Кристиана (сына короля Кристиана IV) с дочерью царя Ириной. Россия при этом должна напасть на шведскую Ливонию и Ингерманландию.

Однако, информация Грисхайма на самом деле была не совсем верной. Польша и Дания действительно сблизилась после серьезного осложнения отношений в ноябре 1637 г. Соперничество со Швецией, страх перед

уступкой Померании Швеции делало Данию и Польшу как бы естественными союзниками. Но, все же, Кристиан IV не принял официально польских союзных предложений. Причина для этого было недоверие датского короля, который считал, что устремления Польши направлены на усиление своего влияния на побережье Балтийского моря. Утверждение, о якобы наметившемся далеко идущем сотрудничестве между Данией и Россией было также преувеличено. Никакого соглашения, которое гарантировало бы русскую поддержку Дании против Швеции, не было достигнуто. Проект датско-русского брака потерпел неудачу: датский принц весной 1644 г. в России был поставлен под надзор и мог уехать только в августе 1645 г.

Несмотря на то, что датско-польские и датско-русские контакты не имели ощутимого успеха, в Швеции за ними внимательно следили и принимали их всерьез, боясь впутаться в ещё одну войну. Но, даже не сообщения из Оснабрюка имели большое влияние на решения шведского правительства. В Стокгольме уже с 30 января 1643 г. обсуждались военная угроза Дании, датско-польские и датско-русские контакты, таможенная политика в проливе. Чем ближе был Вестфальский мирный конгресс, тем сильнее была угроза шведским территориальным требованиям со стороны Дании с помощью её посредничества.

Акселю Оксеншерне удалось добиться на шведском риксдаге принятия заключительной резолюции 26 ноября о войне с Данией. Ещё в октябре Торстенсону удалось заключить перемирие с Галласом. 22 декабря шведский полководец двинулся в Голштинию.

Шведское нападение на Данию в декабре 1643 г. положило фактически конец для датского посредничества в Оснабрюке. Король Кристиан отзывал 5 января своих посланников из Оснабрюка, кроме Лангермана. Лангерман, с одной стороны, до лета 1644 г. сохранял право короля на осуществление посреднической функции, если бы последовало соответствующее указание, с другой стороны он представлял герцогство Голштинию.

Император Фердинанд III хотел использовать новую ситуацию для заключения союза с Кристианом IV. Чтобы не дезавуировать Данию как посредника на переговорах в Оснабрюке, императорские дипломаты отказывались от контактов со шведскими посланниками, а с середины мая 1644 г. требовали участия Дании в конгрессе как условие начала мирных переговоров. Но, в августе Кристиан IV официально отказался от исполнения посреднических функций в Оснабрюке. После этого переговоры между императорскими и шведскими дипломатами возобновились, но без участия какого-либо посредника. Швеция достигла краткосрочной политической цели устранить датское посредничество. Дания оказалась в политической изоляции. Датское влияние в Империи было ослаблено.

Однако датский фактор ещё раз проявился в ходе Вестфальских мирных переговоров. Бранденбург пытался оспорить у Швеции владение Померанией. Весной 1646 г. удалось договориться о поддержке курфюрста

Бранденбурга Нидерландами. Померанский вопрос стал не только немецким, но и европейским вопросом большого значения. Нидерланды в июне 1646 г. установили более тесные связи с Данией, чтобы противостоять Швеции в решении ею померанского вопроса в своих интересах. Из Копенгагена сообщали о стремлении Испании наладить союз между Польшей и Данией против Швеции, чтобы отстаивать его интересы как в Гааге и Берлине, так и на мирном конгрессе.

Вестфальский мир предоставлял Швеции Переднюю Померию и устье Одера - стратегически важные области вдоль немецкого Балтийского побережья и к юго-западу от Гольштейна. Усилились и позиции Бранденбурга. Для Дании этот мир не означал безопасность, скорее, обратное. Он проложил путь к новому и еще более фатальному конфликту со Швецией в 1657-58 гг., что означало бедствие для Дании.

Индеева С. В. (Рязань)

Проблема перебежчиков в русско-шведских отношениях середины XVII века.

По Столбовскому договору под шведское владычество попало большое количество русского и карельского населения, православное по вероисповеданию. Практически сразу же после 1617 года началось переселение русских и карел с территорий, отошедших к Швеции непосредственно в Россию.

В 1619 году новгородский митрополит Макарий получил царскую грамоту с наставлением об обязательной помощи православному духовенству уступленных Швеции земель, чтобы «...от немец мненья не навести...» Митрополит Макарий, в свою очередь, также оповестил православное духовенство новых шведских земель не только о необходимости хранения православной веры, но и обещал помощь и поддержку «...в духовных нуждах...» Шведское правительство всячески старалось подчеркнуть свою веротерпимость и даже в том же 1619 году снарядило специальное посольство во главе с Густавом Стенбуком, которое просило, чтобы «...православной веры греческого закона игуменом и попом, и дьяконом для поставленья и благословенья приезжать к новгородскому митрополиту, а митрополиту их приимати и благословляти и разрешати в духовных делех по-прежнему...»

В 20-30-е гг. XVII века вопрос о перебежчиках решался на уровне администрации приграничных областей, при этом русская сторона часто, ссылаясь на то, что шведы, в нарушение ранних договорённостей, сами не выдают перебежчиков с российской стороны, отказывалась сыскивать тех, кто перешел границу и скрылся на территории России. Так, например, в 1625 году новгородский воевода князь Ромодановский получил от царя указ «...не

торопиться с выдачей шведской стороне перебежчиков...а которые люди объявились в нашей стороне...в свейских росписях имена их не объявились, и вы бы тех людей сажали за наших в дворцовых селех в Устрецкой волости, и в иных волостях, которые от рубежа подалее...а близко рубежа жить не велели, для того, чтобы про них в свейских городех не ведали...и к нашей милости приучали ласкою и подмогою и льготою...». Позже русская сторона соглашается выдавать перебежчиков из «Свеи» только в случае, если та сторона согласится выдать перебежчиков из России.

Совсем другая картина складывается в конце 30-х начале 40-х годов. Принявшая трон шведская королева Христина настаивает на тщательном соблюдении всех договорённостей и не спешит к какому-либо слишком тесному сближению с Россией.

В 1646, 1647, 1649 годах состоялись переговоры между Россией и Швецией уже на высочайшем уровне. Одни из главных вопросов были проблемы в торговых делах и проблемы перебежчиков.

Россия, в свою очередь также была обеспокоена и изменением характера дипломатических отношений со Швецией и тем, что Шведское государство фактически превратилось в самого сильного соперника на Балтийском море, усилив себя и новыми богатыми территориями Прибалтики, отвоёванными у Польши еще Густавом-Адольфом, и победой над самым сильным своим визави – Данией.

Но, с другой стороны, Россия уже перешла на новый этап развития дипломатии и всё настойчивее заявляла и о своих требованиях. Накануне переговоров 1646, 1647 и 1649 годов, российская сторона собрала челобитные русских купцов и выработала такую правильную стратегию поведения по поводу вопроса о перебежчиках, которая позволила на равных вести переговоры со Швецией и достичь приемлемого для России решения не возвращать в Шведское государство тех, кто переселился до переговоров; те же, кто решит уйти на территорию России после 1649 года – подлежали возвращению.

Коньгин А.А. (Арзамас)

Британский экспорт инвестиций во второй половине XIX – начале XX вв.

Начало массовых зарубежных операций британских банкиров восходит к середине XIX века. Продвижение за границу развивалось преимущественно по двум направлениям: за счет образования уже функционирующих банковских учреждений сети заграничных филиалов или создания особых колониальных, «заморских» банков. Уже в 1853 году был образован «заморский» банк для ведения операций на рынках Индии, Австралии и Китая — «Чартерд бэнк оф Индиа, Ауستراليا энд Чайна», филиалы которого находились также в Таиланде, Малайзии и ряде других стран. В 1861 году

для банковского обслуживания Юга Африки в Кейптауне создается «Лондон энд Саут Африкэн бэнк». В начале 60-х годов XIX в. начинает свои операции в Латинской Америке аналогичный банк «Бэнк оф Лондон энд Саут Америка» (БОЛСА), сначала в Аргентине (в 1862 г.), а затем в Бразилии (с 1863 г.). Сфера деятельности создавшихся «заморских» банков была еще весьма ограниченной, однако уже тогда включала в себя важнейшие услуги: кредитование экспортно-импортных операций; помощь в размещении займов на лондонском рынке; розничную торговлю банковскими услугами. При помощи частных банкирских фирм из Великобритании с 1870 по 1913 год было экспортировано свыше 30% всего капитала в форме эмиссии иностранных и колониальных ценных бумаг. К 1904 году Великобритания имела 50 колониальных банков с 2279 отделениями, а в 1910 году уже действовало 72 банка, у которых насчитывалось 549 отделений.

Первые британские монополии, которые вели свои заграничные операции на основе прямых вложений, были колониально-сырьевыми по своему характеру. Особенностью этих компаний, выросших из колониальной политики, являлось сосредоточение их активов в хозяйстве зарубежных стран, тогда как в Великобритании, производственной базой они практически не располагали. Для придания этим операциям «ореола законности», им выдавалась в Британии Королевская хартия на право административного управления теми территориями, где они функционировали.

Владение дочерними и внучатыми компаниями, захват контрольного пакета акций облегчали отдельным магнатам всевозможные спекулятивные операции. Самым показательным примером здесь будет история создания «Бритиш Саут Африка» — детища С. Родса, жаждавшего аннексии целых планет. В 1888 году его представитель приобрел у вождя одного из племен Юга Африки право собственности на минеральные богатства территории племени матабеле. В 1889 году с помощью банка Ротшильдов, финансировавшего его, С. Роде создал «Бритиш Саут Африка», которой королева Виктория выдала хартию на право административного управления. В 90-х годах «Бритиш Саут Африка» распространила свою административную власть на всю Родезию и сохраняла ее почти на протяжении 30 лет. Объектом прямых инвестиций, производимых колониально-сырьевыми монополиями, становились, как правило, те отрасли добывающей промышленности, где оборот капитала совершался быстрее всего. Одной из таких отраслей явилась добыча алмазов.

В то же время рынок Британской империи, при его общем весьма значительном объеме, был крайне неоднороден. Привилегированное положение заняли колонии переселенческого типа — Австралия, Новая Зеландия, Канада, Южно-Африканский Союз. Британские инвесторы рассматривали рынки этих стран как прямое продолжение британского внутреннего рынка с почти одинаковыми возможностями сбыта промышленных товаров и идентичной структурой спроса. В начале XX века многим из этих стран были предоставлены статус доминионов и право

проведения самостоятельной торговой политики. Осваивая «белые» доминионы, британский капитал, с одной стороны, шел традиционным путем — акцент делался на развитие железных дорог, сооружение портов и других объектов инфраструктуры. С другой стороны, параллельно проводилось промышленное освоение их огромных материальных богатств. В 1860 году в период зарождения монополистических отношений на эту группу стран приходилось лишь 12% всех британских инвестиций, однако спустя десятилетие уже к 1870 году эта доля возросла до 30%.

В период становления монополистического капитализма в Британии основным объектом помещения британских средств за рубежом были иностранные государственные ценные бумаги, а также акции и облигации железных дорог зарубежных стран. Тем не менее, уже в этот период намечаются контуры новой схемы помещения капитала, отличавшейся от побудительных мотивов чисто финансового характера, присущих портфельным капиталовложениям. Довольно часто британские фирмы производили инвестиции в конкретные зарубежные предприятия, имея целью осуществить контроль над производством и всей получаемой прибылью. Это можно было достичь, лишь приобретая контроль над акционерным капиталом, а следовательно, и всеми операциями того или иного предприятия: шахт, рудников и т. д., то есть за счет прямых инвестиций.

Часто финансирование расширявшегося производства за рубежом происходило традиционным путем, при помощи лондонского рынка ссудного капитала — за счет выпуска ценных бумаг соответствующих компаний для котировки. В 1913 году структура британских заграничных инвестиций выглядела следующим образом: портфельные вложения — 68%, прямые — 10, вложения капиталистов-мигрантов (экспатриированные инвестиции) — 22%.

Если на заре зарубежного бизнеса в 1815 году вложения Британии составляли около 10 млн. ф. ст., то к середине века они выросли до 250 млн. ф.ст., а к началу первой мировой войны выразались астрономической по тем временам суммой — 4 млрд. ф.ст. Для сравнения можно сказать, что заграничные вложения основных соперников Великобритании — Германии и США, которые по темпам роста промышленного производства в конце XIX — начала XX века её значительно обошли, составляли соответственно лишь 1,2 и 0,6 млрд. ф.ст., что делало меньшими и их доходы от зарубежного предпринимательства. Эти страны в 1914 году, даже вместе с Францией, Бельгией, Нидерландами, Швейцарией и ещё некоторыми странами обеспечивали 55% мировых капиталовложений, а Британия одна — 44%.

На географическое распределение заграничных вложений Великобритании значительное влияние оказывали как факторы развития рыночной конъюнктуры, так и различного рода спекулятивные соображения. Кризисные колебания в британской промышленности приводили к обесценению основного капитала и стимулировали «отлив» избыточного капитала за границу. На протяжении второй половины XIX века

повышенным спросом у британских вкладчиков периодически пользовались ценные бумаги то одной, то другой страны. Такие «приливы» и «отливы» наблюдались в потоке британских вложений в США, в государствах Латинской Америки, на европейском континенте. Так, к концу XIX века Латинская Америка, в особенности три крупнейшие страны — Аргентина, Мексика и Бразилия, конкурировала по масштабам импорта капитала из британской метрополии (примерно 1/4 всего объема) со странами Британской империи, тогда как доля Европы, еще в 1860 году составлявшая 30% всех новых инвестиций, упала к началу XX века до 5%. Перспективы прибыльного помещения капитала в Северной Америке были гораздо более предпочтительными в результате быстрого развития Канады и особенно США.

Помещение функционирующего капитала в разработку заморских источников минеральных ресурсов стимулировалось рядом причин. Прежде всего, сюда относится истощение некоторых видов сырья и не только в самой Великобритании, но и вообще на европейском континенте. На первоначальных этапах индустриализации Британия располагала достаточными собственными источниками сырья и топлива, что в значительной степени определило возможности её быстрого промышленного развития. Однако уже в первой половине XIX века, когда угля и железной руды было еще вполне достаточно, из-за истощения собственных месторождений снизилась добыча олова, меди и других цветных металлов, хотя потребности промышленности требовали все большей их добычи. Результатом явился рост импорта цветных металлов, причем к разработке наиболее богатых зарубежных месторождений (например, меди в Чили) уже в 20 — 30-х годах XIX в. привлекались английские капиталы. Это вело к прекращению разработки английских месторождений полезных ископаемых — так, например, добыча железной руды в Средней Англии была заброшена. Результатом такой политики английского финансового капитала явилось возникновение зависимости Британских островов от импорта сырья и продовольствия — накануне Первой мировой войны ввозились 7/8 используемого сырья и половина необходимых продовольственных товаров.

Важной приманкой, стимулировавшей создание производства на зарубежных рынках, служило также стремление выгадать на транспортных расходах. Географическая удаленность доминионов затрудняла обслуживание их рынков за счет широкого экспорта промышленных изделий, так как существенно удорожала его. В результате приближения зарубежных предприятий к конечным потребителям прибыли компаний возрастали.

Став крупнейшим заимодавцем и экспортером капитала, «мастерская мира» обескровливала свою внутреннюю экономику: в конце XIX — начале XX в. общая норма капиталовложений в Великобритании составила около 9%. Объясняется также и давно известными причинами, которые имели в Великобритании самые крайние формы. Это и высокие цены на аренду

земли, и самые выгодные в мире гарантии, которые предоставляет правительство работникам по отношению к работодателям, и самая дорогая в мире рабочая сила. Приверженность Великобритании принципам «свободной торговли» (низкие ввозные пошлины) отрицательно влияло на инвестиционный климат. Важным также было и то, что возможности экстенсивного развития в британской метрополии были во многом исчерпаны.

Крючков Н.Н. (Рязань)

Система отношений «патрон-клиент» в карьере государственного деятеля XVIII века.

Понятия «*патрон*» и «*клиент*» возникли впервые еще в эпоху античности, когда знатные римские граждане (чаще всего из патрицианских родов) брали под покровительство менее знатных свободных граждан, становившихся зависимыми от них, выступая в суде в качестве *патронуса* — защитника. Вместе с тем, аналогичные отношения появились и в Российской империи в XVIII веке.

В отечественной истории XVIII век занимает особое место. Это героическое столетие становления современной России, ее европеизации. Преобразования, совершенные в первой четверти века Петром Великим, носили всеобъемлющий характер, оказав воздействие на социальную структуру общества, экономику, государственное устройство, вооруженные силы, внешнюю политику, культуру, быт. В это непростое время выдвигаются «птенцы гнезда Петрова» — целая плеяда талантливых военачальников и государственных деятелей. Будучи по своему происхождению людьми самого разного звания, они были обязаны своей карьерой не только своим способностям и талантам, но также взаимной поддержкой и сплоченностью. Знатность рода и родственные связи перестали быть определяющим фактором в карьере — на смену им приходит поддержка «сильных персон» или «милостивцев». В роли покровителя — «патрона» (данное слово прочно вошло в лексикон русского дворянина — *Прим. Н.К.*) мог выступать как влиятельный родственник, могущественный друг, «особа приближенная к Императору/Императрице». В любом случае, вне зависимости от того какие отношения связывали покровителя и опекаемого им «человечка», последний не скупился на уверения в преданности, скромные и не очень подношения.

Характерно, что после смерти Петра развернулась ожесточенная борьба за власть, и каждая из противоборствующих сторон боролась за место под солнцем с помощью назначения своих клиентов и разоблачений действий противников. Естественно, что любой мало-мальски крупный государственный деятель старался окружить себя преданными клиентами, но

прежде того, как стать «патроном» ему самому приходилось искать покровительства милостивца.

Весьма показательна в этом отношении карьера известного государственного деятеля первой половины XVIII века Артемия Петровича Волынского. По справедливой характеристике Н.И. Павленко «...Артемий Петрович Волынский ... к властям предержанным был подобострастен, всегда пресмыкался и составлял уничижительные послания. В общении с лицами, стоявшими ниже в сословной иерархии либо зависимыми от него по службе, он становился высокомерным, властным, недоступным, не терпящим возражений...». Понятно, что самолюбивому человеку — а именно таким был кабинет-министр Анны Иоанновны — тяжело просить и кланяться. Однако в ситуации, когда ты вынужден это сделать единственной успокоительной сентенцией может стать мысль о том, что кто-то когда-нибудь будет кланяться тебе. Кроме того, не стоит забывать о том, что Артемий Петрович происходил из древнего и славного рода, чем он особо гордился. Поэтому если император Петр I, императрицы Екатерина I и Анна Иоанновна, цесаревны Анна Петровна и Елизавета Петровна были «законными» покровителями русского дворянина, то множество безродных выскочек-временщиков доставляли немало поводов для досады и роптания. Именно желание изменить существующее положение вещей, возникшее у Волынского после достижения вершин политической карьеры, и стало причиной охлаждения отношений между ним и последним его покровителем Э.И. Бироном, что, в конечном итоге и привело к опале и казни Волынского.

Но даже приязнь и покровительство сильной персоны, «милостивца» могла сыграть злую шутку. К примеру, дружба Волынского и Виллима Монса, фаворита Екатерины I, в немалой степени способствовала покровительству со стороны императрицы, что в свою очередь могло избавить от царского гнева. Однако в ноябре 1724 года донос о ряде злоупотреблений камергера и начатое следствие открыли глаза Петру I на истинное положение Виллима Ивановича при Екатерине. Участь Монса была решена: по приговору скорого суда он был казнен; Екатерина оказалась в опале и фактически была лишена прав на трон. Артемий Петрович оказался в незавидном положении. С одной стороны, близость Волынского к Монсу оскорбляла императора. С другой стороны, оскорбленный изменой лиц, которым он доверял, Петр готовил большую чистку административного аппарата империи, стремясь искоренить взяточничество и казнокрадство. Подозрительно относившийся ко всем связям Волынского, император охотно прислушивался к доносам его врагов, но по образному выражению А.А. Кизеветтера, «смерть императора сразу обратила колесо фортуны в сторону Волынского».

В аналогичной ситуации оказался весной 1740г. Я.П. Шаховской, упоминающий в своих «Записках...» об «особливой благосклонности» к нему Волынского. Он передает один из разговоров с Волынским, в котором кабинет-министр уведомил его, что по сделанному им представлению

императрице князя должны вскоре произвести в сенаторы. Однако вместо Сената князю пришлось довольствоваться должностью полицмейстера. Как известно, Я.П. Шаховской пользовался благосклонностью и Э.И. Бирона, поэтому вполне мог быть назначен на высокий пост, однако всемогущий фаворит весной 1740 г. находился в ссоре с Волынским. Вмешательство герцога, узнавшего что Шаховской «променял его на Волынского» (о чем он впоследствии сам сказал автору «Записок...»), привело по счастью только к данной кадровой перестановке. Ведь после ареста своего «благодетеля» князь всерьез опасался за свою судьбу: «...не по делам, но по знакомству одного несчастного министра».

Я.П.Шаховской был не единственным клиентом Волынского: в период следствия над Артемием Петровичем, его следователей заинтересовал вопрос «...для чего <он> ласкал офицеров гвардии», на что тот отвечал, что «ласкал военных и гражданских чиновников для того чтобы не слыть грубым». Интересно, что саксонский дипломат Петцольд раскрывает тайну того, как Волынский смог «партией» из преданных ему людей. По его версии, Волынский «...немедленно узнавая от секретаря Эйхлера (одного из своих «конфиденентов» — *Прим. Н.К.*) кому назначали императрица и герцог Курляндский открывавшиеся должности, он поспешал уведомить местных соискателей, каких повышений могут они ожидать от его ходатайства, и подобного рода проделками приобрел себе в государстве славу благосклонного и всемогущего министра».

Не стоит относиться к клиентам с пренебрежением: зачастую они были искренне преданы своему покровителю, не забывая его и в «черные» дни. Так знакомые и друзья Волынского навещали его даже под домашним арестом. Но падение Волынского и процесс по его делу привели к тому, что замешанными в его деле оказались несколько десятков человек. И если влиятельные знакомые кабинет-министра отделались легким испугом, то большинство менее сановных персон были вынуждены пройти через следствие в Тайной канцелярии. При этом каждый из них мог легко быть представлен не только как свидетель, но и как соучастник должностных преступлений Артемия Петровича, а некоторым его наиболее близким сторонникам пришлось поплатиться за «конфиденции» ссылкой, каторгой или головой.

Подводя итог, можно отметить важность проблемы «к кому отмена и кто в милости» для русского дворянства. Соперничающие у престола «партии», активно боролись за милости с помощью назначения своих клиентов и разоблачений действий противников. Каждый дворянин искал себе «своего патрона», выступая в качестве «своего человечка». При удаче, покровитель поднимался на ступеньку выше, перетаскивая за собой шлейф клиентов. При неудаче страдали все.

Куликова Ю.В. (Москва)

Кельты в системе международных отношений античного мира.

С момента появления кельтов на территории Западной Европы античному миру необходимо было искать точки соприкосновения, а значит, налаживать международные отношения.

Античный мир соприкоснулся с кельтами в VI в. до н.э. Ко 2-й пол. I тыс. до н.э. кельтские племена расселились на территории современных Чехии, Франции, Бельгии, Швейцарии, Сев. Италии, Западной Германии (до р.Рейн) и Великобритании. Кельтские племена проникли в Испанию, Дакию, Силезию и даже на территорию Украины.

Кельты обладали своей, непостижимой и загадочной для античного мира культурой, особым религиозным мировоззрением. Они хорошо знали военное дело и имели завидную военную организацию. Не удивителен постоянный интерес античных авторов к кельтам. Этот народ, поражающий римлян своим презрением к смерти, в 390 г. до н.э. организовал военный поход на Рим, захватив который, кельты разграбили и сожгли его. Об этом событии помнили многие поколения римлян, тем более, что набеги кельтов в южные страны Европы происходили почти ежегодно – вплоть до последнего десятилетия III в. до н.э. Примерно в это время кельты создали в Малой Азии быстро эллинизовавшееся Галатское царство, что свидетельствует об интенсивных международных отношениях, как в политическом, так и социально-экономическом направлении.

Воинственность кельтов изначально препятствовала экономическим отношениям и, вероятно, каким-либо попыткам дипломатических отношений. Античный мир вынужден был с оружием в руках отстаивать свою территорию, свои святилища, как, например, в 279 г. до н.э. Дельфы. Грабежи были основой существования кельтских племен, и оставались такими у некоторых даже в период римской экспансии на территорию Галлии (Strabo, IV, 24.2; Paus. 10, 16; Caes. B.G. I, 9-11; VI, 23).

Очень трудно налаживать какие-либо отношения, если об этом народе мало что известно, и то все больше в области мифов. Путаница в названии народов и племен – еще один факт нестабильности таких отношений. Кельты жили среди местного населения – фракийских, иллирийских, иберийских племен, которые остались хозяйствовать на своих прежних землях. С течением времени образовались смешанные этнические группы, так что древние авторы не всегда могли сказать, какое племя иллирийское, а какое – кельтское. Впоследствии такая же путаница была в отношении германских и кельтских племен.

Расселившись на территории Западной Европы, кельты, прежде всего, были вынуждены искать путь взаимоотношений между своими племенами. Такие отношения вполне можно назвать международными, поскольку народы Галлии воевали, заключали союзы между собой и с чужестранцами как самостоятельные политические единицы.

Торговцы, как представители античного мира, действовали на свой страх и риск, а порой и по принуждению. По сообщениям античных авторов, кельты очень любили новости, поэтому часто вылавливали торговцев и путников, заставляя часами рассказывать об увиденном. Вероятно, это и был тот «фактор принуждения», а, кроме того, кельты были падки на заморские товары (Caes. B.G. VI, 24). В то же время для античного мира такой способ был единственной возможностью узнать о повседневной жизни и внутреннем устройстве кельтских племен. По словам Цезаря, это был народ непостоянный, всегда падкий на все новое и обладавший большой способностью подражать всему, что он видел и чему мог где-нибудь научиться (Caes. B.G., VII, 22). Археологические находки свидетельствуют о том, что кельты умели не только подражать чужим образцам, но, благодаря своим творческим способностям, они переделывали их, давая им свое содержание и форму.

Греки стали тем первым проводником в античном мире, которые повлияли на кельтские племена. Мода на греческие вещи была столь распространена среди кельтов, что они готовы были пойти на многое, чтобы получить вожделенное произведение греческого искусства.

Центром общения двух миров была Массалия (совр. Марсель), расположенная в удобном для торговли месте и защищенная скалистой местностью. Современник Тита Ливия, историк галльского происхождения Помпей Трог отмечал, что от массалиотов галлы переняли более высокую культуру, которая смягчила их нравы. Кельты, по его словам, научились обрабатывать землю и возводить стены вокруг городов; стали жить, руководствуясь законами; научились возделывать виноградники и сажать оливы (Justin., XIV, 4). Археологические данные подтверждают слова Помпея Трога, добавляя к этому и тот факт, что кельты умели отжимать оливковое масло, причем, не только для собственных нужд, но для торговли.

Напитком богатых в Галлии и в соседних областях было вино. Полибий прямо ставит в упрек кельтским воинам неукротимое пристрастие к пьянству и обжорству (Polyb., II). В большинстве случаев вино в западную половину кельтской области доставлялось с юга в провансальских и римских амфорах, которые иногда клались в могилы знатных лиц. Греческий историк Диодор Сицилийский сообщает, что в торговле с заальпийскими кельтами итальянские купцы (по-видимому, этруски) за амфору вина получали раба (Diodor, I, 26-27; V, 33). Еще в V в. до н.э. в Чехию попали наборы посуды для вина, а в последнем столетии, когда в кельтском мире сильно возросло римское влияние, мы находим амфоры для вина в оппидумах. Через Массалию долго привозили греческое и южнофранцузское вино, а затем отчасти и итальянское. Начиная со II в. итальянское вино преобладает. Торговля вином на юге нынешней Франции полностью оказалась в руках итальянских торговцев, которые продолжали считать Галлию важным рынком сбыта.

Грекам необходимо было не только вести активную торговую деятельность, но и расширять торговые связи. Это можно было сделать, только наладив тесные отношения с кельтами. Возможно, именно поэтому греческий язык использовался кельтами для ведения документации и переписки (Caes. B.G., VI, 15), ведь язык – один из важных связующих элементов международного общения.

В качестве еще одного такого элемента международных отношений была монета. Кельты были включены в систему денежного обращения греков, а вскоре стали чеканить и собственную монету. Безусловно, греки оказали сильное влияние на художественный стиль кельтских монет и, прежде всего, Массалия, которая с весьма раннего времени пользовалась монетами греческих колоний Малой Азии, затем чеканила собственную монету, взяв их за образец. Эти монеты попадали в Галлию, иногда и в Среднюю Европу, так как бронзовые монеты, отчеканенные по их образцу с изображением нападающего быка, были найдены как в Бибракте, так и в Страдоницах в Чехии.

В собственно Галлии сильное влияние на чеканку монеты оказал статер Филиппа Македонского с головой Аполлона и бигой (двухколесной повозкой с запряжкой и возницей). Изображение было упрощено, позже вместо двух коней появляется только один, как типичный признак галльских монет. Коню на реверсе затем приделали еще человеческую голову (андрокефальный конь, то есть конь с головой мужчины). Греческие имена на этих монетах вскоре потеряли четкость и были заменены местными кельтскими именами; позже имена на монетах появляются лишь изредка, чаще всего на территории треверов. Позже образцом для подражания в иконографии монет кельтов стали римские монеты.

Кельты не были творцами архитектурных памятников монументального характера, они были лишь строителями крепостей, которые говорят об их организаторских способностях и являются результатом хорошо организованной работы огромных коллективов. Там, где все же возводились постройки репрезентативного или монументального характера, это происходило под чужим влиянием и с чужой помощью. Это имело место при постройке крепости с бастionsами в Гейнебурге в позднегалльштаттский период и при постройках на южнофранцузском побережье в латенский период.

Согласно преданиям, кельты учились технике возведения укреплений у греков. Такое утверждение касается не кельтов вообще, а южнофранцузской кельтско-лигурийской области, Галлии греческой (*Gallia Graeca*) в Провансе. На этой территории вскоре возникли оппидумы с крепостными стенами, правильными улицами и храмовыми постройками, что ясно говорит о заимствовании и копировании греческих и восточных образцов с их террасами, необычными для внутренних районов.

Однако не нужно преувеличивать влияние греческого мира на кельтов. Последние археологические исследования позволили утверждать, что кельты

не просто имели более развитую культуру, чем это принято было считать, но и стояли на более высокой ступени развития к моменту завоевания Цезарем Галлии. Так, например, тесные торговые сети основывались в Галлии с момента расселения кельтов на этой территории. Пути были немногочисленны, но очень интенсивны по своему использованию, связывая Британию, Скандинавские страны с Грецией и Италией. В связи с этим, археологические данные позволяют утверждать, что кельты имели хорошо продуманную и постоянно поддерживаемую сеть дорог. Речные переправы стали доступны, благодаря постройке мостов или прокладке бродов. На каждое племя возложена была обязанность по поддержанию того участка дороги, который проходил по его территории. Зачастую воины племени сопровождали путешественников, беря плату за перевозку и взимая дорожные пошлины. Французский исследователь Ж.-Л. Брюно считает разумным предположение о наличии промежуточных станций, где меняли верховых животных, хотя более вероятно, что такими станциями служили отдельные кельтские поселения, расположенные вблизи дорог или на перекрестке путей. К моменту прихода Цезаря в Галлию сеть подобных дорог за три прошедших века значительно уплотнилась. Известно, что Цезарь со своими войсками не встречал на своем пути препятствий в любой области Галлии, а за их качество говорит вычисленный современными исследователями факт: римская армия, обремененная обозами, продвигалась со скоростью 40-70 км в день.

Полибий сообщает о том, что кельты имели тесные международные связи с тирренами (Polyb., II.14). Однако это не помещало кельтским племенам вторгнуться на территорию Италии. Кельтские вторжения подорвали внешнюю торговлю этрусских городов-государств в IV-III вв. до н.э., которая являлась одним из факторов греческой конкуренции и римской экспансии. Греческие колонисты стремились проникнуть к этрусским источникам сырья, в том числе и на южном побережье Галлии, так что в какой-то мере кельты способствовали грекам в этом. Часть галлов укрепились к югу от Альп и перерезала пути, соединявшие Этрурию с побережьем Адриатического моря. Основываясь на археологических данных, можно с уверенностью говорить о том, что ряд этрусских городов был полностью уничтожен в результате кельтского вторжения в Италию. В конце III в. до н.э. кельты окончательно заселили всю территорию Галлии – от Рейна до Пиренеев и от Ла-Манша до Прованса.

С течением времени античный мир стал понимать, что необходимо учитывать как самих кельтов в качестве угрозы, так и распределение сил внутри кельтского мира.

Никто, пожалуй, не доставлял Риму столько беспокойства, как кельты. Рим стал стремиться включить кельтов в собственную внутреннюю систему. Римляне понимали, что завоевание кельтов не только избавит их от многих проблем, но и принесет значительные выгоды в виде земель, золота и серебра.

В настоящее время принято считать, что появление новых элементов в кельтском искусстве IV в. до н.э. в определенной мере коррелирует с распространением кельтских поселений к югу от р. По на Аппенинском полуострове. Влияние итало-кельтского синтеза сыграло большую роль в развитии латенского искусства. Появляются новые художественные приемы. Изысканные растительные мотивы в композиции со стилизованными антропоморфными фигурами приобрели динамический характер и геометрический рисунок. Ранние образцы этого стиля найдены на территории Германии, Швейцарии и Северной Италии, а его близкие дериваты – в Британии и Венгрии.

Кельты были включены римлянами в собственную внутри- и внешнеполитическую жизнь. Впрочем, они лишь повторили опыт греков. Известно, что кельты помогали македонцам, воевали во Фракии, на территории Пелопоннеса, в ряде греческих колоний Южной Италии, в том числе на службе Дионисия Сиракузского и Митридата Понтийского. Постоянные нападения требовали от римлян более решительных действий. В середине IV в. после победы римлян был заключен мирный договор с галлами, продлившийся более 50-ти лет. В 284-283 гг. был заключен еще один мирный договор между Римом и племенем бойев, соблюдавшийся 45 лет. Эти столкновения позволили Риму вывести колонии на территорию гальского племени сенонов. И с этого времени время для договоренностей прошло: Римскому государству нужны земли. Так попытки племени инсумбров договориться, не привели к положительным результатам.

Во время Пунических войн кельты встали на сторону карфагенян, оказывая поддержку врагу военными умениями и стратегическими знаниями: кельты слишком хорошо знали проходы через перевалы Альп, удобные места для переправы через реки, и удобные подходы к римскому войску и самому Риму. То, что кельты непревзойденные лазутчики, римляне уже знали, поскольку сами использовали их для решения своих внутренних конфликтов, особенно, в политических интересах. Так, во время Серторианской войны в Римской республике глава одного из двух коалиционных правительств решил привлечь на свою сторону галлов. Серторий уменьшил налоги для Цизальпинской Галлии и использовал кельтов в качестве личных телохранителей. Его планы были очень разумны. Фактически, он хотел включить галлов в круг интенсивных международных отношений с Римом мирным путем, что, в свою очередь, способствовало бы быстрой романизации провинциалов.

Сулла, еще будучи консулом, активно использовал галлов в качестве своих соглядатаев (App., II, 44). С начала противостояния Марий набирает личный отряд, состоящий исключительно из галлов, Сулла же действует более решительно, собирая вокруг себя таких же людей, вот только использует он для этого иные методы: «угрозами, страхом, деньгами и обещаниями» (App., II, 74). Галлия, таким образом, оказалась в гуще политических событий, поделивших на два лагеря не только Рим, но и

галлов. Во время проскрипций Сулла использовал галлов в качестве наемных убийц. В то же время он наделил своих ветеранов землей на территории Цизальпинской Галлии, объявив ее римской провинцией. Безусловно, такие «международные отношения» дали определенные результаты в плане ассимиляции с местным населением и скорейшей романизации этого региона.

Завоевание Галлии становится одной из приоритетных задач Римского Сената. Ведь галльские земли были богатыми и плодородными, а земельный вопрос в Риме становился все острее. Началось активное «замирение» региона, римские полководцы действовали достаточно жестоко, но галлы не желали покоряться просто так. Восстания вспыхивали одно за другим. Важным было не допустить, чтобы галлы цизальпинские объединились с трансальпийскими.

Из всех войн, предпринимаемых Римом, ни одна не была так кратковременна, как та, которая велась против галлов, с некоторой долей снобизма заявлял Тацит, добавляя, что Галлия была завоевана в пять походов (Ann., XI, 24).

Первые шаги в завоевании Галлии, по свидетельству Аммиана Марцеллина (XV, 12. 5), сделал Марк Фульвий Флакк, который в 125-124 гг. до н. э. вел сражения в южной части этого региона. Хотя крупные сражения были и раньше. Так в 232 г. до н. э. галлы вновь оказались вблизи Рима. В кровопролитной битве у Теламона кельтская армия была окружена и разбита. Римская армия без труда оккупировала территорию Галлии вплоть до р.По.

Свою лепту в завоевание Галлии внес Гай Секстий Кальвин в 123-122 гг. до н. э. и Квинт Фабий Максим, который победил в 121 г. до н. э. аллоброгов и арвернов. В результате этих войн появилась провинция – Gallia Narbonensis (более раннее название – Галлия Трансальпийская) от имени колонии Narbo Martius, основанной в 118 г. до н.э. С этого времени и до V в. н.э. Нарбонская Галлия входила в число наиболее мощных и надежных провинций Римской империи.

Особый интерес для Рима представляла Цизальпинская Галлия, расположенная ближе, чем Трансальпийская. Она не раз рассматривалась как поле для римской колонизации. На этих богатых и плодородных землях обитали галлы, уже вкушившие столь привлекательные с виду плоды античной цивилизации и стремившиеся к получению более возжеленной награды – римского гражданства. Во имя этого многие галлы были готовы на все. Именно поэтому Цизальпинская Галлия очень часто становилась ареной политических интриг со стороны Римского государства. Серторий, Сулла, Марий, Цинна, Помпей для достижения своих собственных целей не скупались на “угрозы, деньги и обещания” (App. Bel. Civ., II, 44, 74, 89), чтобы приобрести поддержку галлов. Но обещания никто не спешил выполнять полностью. Римляне умело подогревали желания галлов, идя на незначительные уступки. Так Серторий снял бремя постоя и зимовки римских легионов, построив для этой цели специальные лагеря. Сулла

объявил весь регион римской провинцией, но галлы не стали римскими гражданами. Кроме того, диктатор поселил в Цизальпинской Галлии своих ветеранов-легионеров, чтобы иметь на этой территории твердую опору.

Тем не менее, обстановка в Галлии по-прежнему не была спокойной, а племена и общины оставались “не вполне покоренными” (Cic. Cat., 3, XI, 22). Сами же римляне не могли не осознавать, что угроза вечному городу все еще сохраняется (Cic. Cat., 2, IX, 20; 3, XI, 22).

Несомненно, основная заслуга в завоевании Галлии принадлежит Гаю Юлию Цезарю. Но при этом Цезарь, следуя опыту своего дяди Марка, сделал решающий для внешнеполитических отношений выбор между германцами и кельтами. В борьбе с германскими племенами галлы стали незаменимыми для Рима. Опасаясь прямого вторжения в Италию, римляне сыграли на национальных чувствах своих соседей, чтобы сделать Галлию своеобразным заслоном от германских вторжений. Замыслы с успехом были воплощены в жизнь в течение последующих столетий существования Римской империи.

О существовании какой-либо особой администрации, отвечающей за внешние отношения у кельтов, нам неизвестно. Однако о посольствах мы знаем из нарративных источников. Можно предположить, что этими людьми могли быть друиды, занимавшие особое место в социальной и политической структуре кельтского общества. Исходя из данных, предоставляемых нам античными авторами, послы существовали, как в отдельно взятом племени, так и в союзе племен. Так, например, Цицерон упоминает послов аллоброгов, явившихся в Рим для решения своих вопросов и оказавшихся замешанными в заговор Луция Сергия Катилины (Cic. Cat., II; IV, 5). В то же время мы знаем об активных отношениях между кельтскими племенами.

Цезарь упоминает о посольствах и послах у галлов. Зачастую, это были люди «избранные» племенем, вождем, или близкий к вождю человек. Таким образом, можно предположить наличие некоей системы, позволяющей иметь налаженную дипломатическую службу. Это было необходимо для контактов между племенами, а с началом первых столкновений с античным миром – с греческими колониями и этрусскими городами, имевшими собственное представление о международных отношениях и договорах.

Отношения с Римом тоже, вероятно, строились, в том числе, и на основе переговоров. Известно, что особыми полномочиями обладали те из галлов, которые получили от Рима почетное звание «друга римского народа». Так племя эдуев, наделенное таким званием, от своего имени и имени своих клиентов отправило в Рим в качестве посла друида Дивитиака. В полномочия этого человека входило ведение переговоров с Римским Сенатом, консулами и иными должностными лицами и политиками, которые могли бы оказать необходимую помощь. Когда же Цезарь в качестве проконсула оказался в Галлии, переговоры от его имени с другими галльскими племенами и вождями вел именно Дивитиак. Можно говорить о наличии международных языков, которые использовались для переговоров. С одной стороны,

греческий и латинский, а с другой – либо единый кельтский (галльский) язык, либо послам приходилось владеть многими диалектами.

Однако в целом политика Рима по отношению к галлам была очень агрессивной. Торговые связи давали меньше пользы, чем наличие свободных плодородных земель, пригодных для выведения колоний и расселения ветеранов, а также рудники и шахты с полезными ископаемыми, включая так необходимые Риму драгоценные металлы.

Таким образом, мы можем говорить о том, что наладить международные отношения кельтов вынудило само расселение на территории Западной Европы и необходимость отношений с другими народами. В свою очередь, античный мир получил прекрасные рынки сбыта. С развитием своего общества кельты, видимо, стали выделять особых людей для поддержания международных отношений, а поскольку самыми образованными из них были друиды, то логично предположить, основываясь на конкретных исторических примерах, что именно за этим сословием была закреплена такая ответственная обязанность. Греки и римляне включали кельтов в круг международных отношений по причине своих собственных политических интересов, решая за счет кельтов свои внутренние проблемы, вмешивая их в собственные гражданские войны и внешнеполитические конфликты, умело используя амбиции и национальные интересы галлов.

Нагорнов В.П., Горбунов Б.В.(Рязань)

Иностранцы военнопленные в Рязани в годы Крымской войны.

В 1853-1856 годах состоялась война между Российской империей и коалицией в составе Великобритании, Франции, Османской империи и Сардинского королевства (Пьемонт). В боевых действиях на стороне коалиции участвовали: немецкая бригада (4250 чел.), швейцарская бригада (2200 чел.), славянский легион (1500 чел.), на стороне России – болгарская бригада (3000 чел.), греческий легион (800 чел.). В советской историографии эта война получила название Крымской войны, в зарубежной она названа Восточной. В этой войне боевые действия развернулись на широком фронте – в Крыму, на Кавказе, в Дунайских княжествах, на Белом, Балтийском морях, на Тихом океане. Особенностью Крымской войны был систематически практиковавшийся с середины 1854 года обмен пленными [2]. Кампания 1854 года началась вступлением англо-французских союзников в боевые действия на Чёрном море против России 5(27) марта 1854 г. Британия и Франция объявила войну России. 30 марта (11 апреля) с соответствующим заявлением выступила Россия.

Моряки английского парового фрегата «Тигр» в Рязани

Одним из первых боевых эпизодов на Черноморском побережье России стала бомбардировка и попытка высадки десанта 10 (22) апреля 1854 г.

объединённой англо-французской эскадрой в составе 28 судов в районе г.Одессы, в ходе которой в гавани было сожжено 9 торговых судов. У союзников 4 фрегата были повреждены и отведены в Варну. Через 20 дней, 30 апреля (12 мая) английский паровой фрегат «Тигр» («Tiger») в условиях густого тумана сел на мель вблизи г.Одессы в районе Малого Фонтана у хутора Кортаца. По распоряжению командира 3-го пехотного корпуса генерал-адъютанта барона Остен-Сакена из колонии Люстдорф был вызван отряд из двух рот пехоты и взвода улан при двух орудиях, которые прямой наводкой стали стрелять по пароходу. Экипаж в количестве 225 человек сдался в плен, фрегат сгорел дотла, несмотря на попытки двух британских кораблей его спасти. По этому поводу французский командующий эскадрой Гамлэн сообщал британскому командующему адмиралу Дондасу: «Мы живо чувствуем потерю «Тигра», это и для нас национальное несчастье». Капитан «Тигра» Джиффард (Giffarg) из-за тяжелого ранения умер и был похоронен в Одессе. Относительно участи пленных англичан император Николай I приказал старшего офицера «Тигра» старшего лейтенанта Ройера (Royer), как старшего по чину в пленной команде, доставить в Петербург; двух английских гардемарин – в Москву, где сдать ректору Московского университета; остальных пленных свезти в Рязань. Позднее Ройер был принят в Петербурге императором Николаем I и освобождён им из плена. Впоследствии Ройер описал своё пребывание в плену в России в книге «The English prisoners in Russia by Royer» [6]. Некрасов в своём «Современнике» дал перевод с английского глав XII-XVIII этих мемуаров, описывающих российские приключения и наблюдения России Ройером [5].

Однако приказание Николая I было исполнено лишь отчасти. Часть пленных осталась в Одессе, где они были обменены на русских, захваченных в Чёрном море, другая часть была направлена в г. Рязань под надзор Рязанского гражданского губернатора Петра Петровича Новосильцева. Так, лейтенанты Вильгельм Эльфинстон Стоун (W. Elfinstone Stone) и Александр Гамильтон (Aleksander Hamilton) прибыли в Рязань 21 июня 1854 г. и находились здесь в плену в течение нескольких месяцев [4]. Старшему лейтенанту Александру Гамильтону было сорок с небольшим лет, он был почтенный и солидный человек. Младшему лейтенанту Эльфинстону Стоуну, общительному и романтичному молодому человеку, было около 28 лет. Так как оба они располагали денежными средствами, им выделили вместительную и опрятную квартиру, содержание которой составляло более рубля в день, по меркам того времени очень значительно. Эльфинстон обзавёлся пони и небольшой таратайкой, а Гамильтон – легавой собакой. Оба офицера были приняты у губернатора Новосильцева, у которого они нередко обедали. Иногда Новосильцев возил их в Дивово с. Городище Зарайского уезда и к княгине М. С. Черкасской, ежегодно проводившей лето с дочерью, княжной Марией Петровной, в своём имении под Рязанью.

Английские офицеры близко сошлись со старшим чиновником особых поручений Рязанского гражданского губернатора, коллежским секретарём

графом М. Д. Бутурлиным, который служил для них личным переводчиком. На Бутурлина была возложена роль соглядатая за пленными офицерами. Как представителю титулованного чиновничества, ему претила эта служебная обязанность. Вот что писал он об этой служебной миссии: «новая моя обязанность заключалась ... служить толмачом для личных нужд военнопленных; на мне лежала неблагоприятная обязанность прочитывать все письма, ими получаемые и отправляемые в Англию, и с них делать переводы по-русски; переводы мои отсылались в Министерство иностранных дел ... Сблизившись с этими офицерами (они были люди отлично образованные и привыкшие к хорошему обществу и со мной обращались по-дружески), я всегда стыдился моего невольного соглядатайства» [1. С. 260]. В дальнейшем Бутурлин однажды получил на своё имя письмо от отца лейтенанта Эльфинстона, английского пастора, в котором тот горячо благодарил за внимание, оказанное его сыну. Английские офицеры познакомились с некоторыми ближайшими к Рязани помещиками и гостили у них про несколько дней, о чём всегда уведомляли губернатора. Оба английских моряка постоянно бывали у Черкасских. Общество молодой княжны Марии Петровны очаровало романтика Эльфинстона и вызвало в нём любовные чувства. Дело дошло до того, что после отъезда англичан из Рязани и Черкасских на зиму в Петербург, княжна Мария Петровна известила Бутурлина о получении письма из Англии от лейтенанта Эльфинстона с выражением нежных его чувств и с предложением руки и сердца. Княжна советовалась со своим респондентом, как вежливо сформулировать отказ.

Но не всем в Рязани нравилось такое отношение к военнопленным со стороны губернатора и чиновничества. Часть населения смотрела на военнопленных как на врагов и считала необходимым жёстко относиться к ним и в содержании, и распорядке. Они порицали либеральное отношение губернатора к военнопленным. Бутурлин так писал об этом: «Это гуманное и свойственное просвещённому человеку обхождение с пленными подобного ему уровня привело к тому, что нашлись в Рязани ретрограды или желчного темперамента люди, которые упрекали Петра Петровича (губернатора – В. Н.) и находили, что и на пленных надо смотреть как на врагов Отечества?» [1. С. 260].

Интересный эпизод, характеризующий отношение простых русских людей к иностранцам, приводит Бутурлин. Однажды он с лейтенантом Эльфинстоном отправился рисовать с натуры живописную местность усадьбы И. Н. Дубовицкого в селе Дядьково, расположенной на горе в двух верстах от Рязани. Там их окружила толпа любопытных крестьянских детей. К детям присоединились взрослые, которые начали расспрашивать, что они за люди и что тут делают. «Хотя к подобным вопросам я привык, – пишет он, – когда мне и прежде случалось рисовать на открытом воздухе, однако же, мне показалось, что на этот раз на нас смотрели как-то подозрительно и со мной не разговаривали со свойственной им почтительностью» [1. С. 264]. При встрече Дубовицкий рассказал, что «несколько человек приходили к

нему с заявлением, что какие-то, кажись, нерусские люди, а должно быть из неприятелей, «снимают планты» с его вотчины, так не прикажет ли он задержать их, и вот, благодаря только его приказаниям оставить нас в покое, мы избегли насильственных действий».

Много позднее, в начале осени в Рязань в качестве военнопленных прибыли старший шкипер и нижние чины. В частности, бывший судовой кок (уроженец Мальты) Антонио Скембри-Витолиоза (Antonio Sckembri-Vitoliosa), который во время пребывания в Рязани прислуживал лейтенанту Эльфинстону Стону; другой уроженец Мальты, матрос Карло Бирч (Carlo Birch) прислуживал лейтенанту Гамильтону; другие матросы Адамс, Иосколю Кингком также находились здесь в плену. В дальнейшем в г. Рязань прибыли другие английские моряки – Францишек Эддингтон, Чарльз Г. Вилькинсон, Матео Дилин [4].

Английские моряки находились в достаточно либеральных для военнопленных условиях. Им позволялось вести почтовую переписку с родственниками и доверенными лицами в Великобритании. Военнопленным позволялось читать и выписывать для себя английские романы и газеты. Офицеры изучали русский язык, ходили на рыбалку, для развлечения совершали прогулки по окрестностям города, часто бывали на обедах у губернатора. За время пребывания в Рязани у пленных английских моряков сложилось позитивное впечатление о русских людях, русской природе и отношении к ним со стороны губернского общества, что нашло отражение в их письмах к родственникам в Англию [8].

Осенью, в начале октября 1854 года, состоялся обмен английских военнопленных на русских. Бутурлин сопровождал английских моряков с «Тигра» в Москву, где сдал их московскому генерал-губернатору графу Закревскому. Бутурлин так вспоминал об этом: «Генерал-губернаторская приёмная была полна высшим и низшим служебным местным составом, и моё появление в парадном мундире с рапортом, вложенном, как следует, между петлицами мундира и во главе английских моряков, также облекшихся в полную форму, произвело сенсацию, лестную (сознаюсь) малодушному моему самолюбию. Но каково было всеобщее и моё удивление, когда на этой аудиенции лейтенант Эльфинстон, выступив вперёд, произнёс с невозмутимой английской флегмой короткую, но довольно правильную, видимо, подготовленную им заранее аллокуцию, [по-латински – публичная речь] графу Закревскому, [1. С. 264].

Военнопленные итальянцы (пьемонтцы) в Рязани.

26 января 1855 года к союзникам присоединилось Сардинское королевство, заключившее договор с Францией, после чего под Севастополь отправились 15 000 пьемонтских солдат, некоторые из которых попали в плен. В зимние месяцы 1855 года под конвоем через Рязань из Воронежа в Москву проходили четверо пьемонтских нижних чинов. По распоряжению рязанского губернатора П. П. Новосильцева пленных, щуплого телосложения, облаченных в тонкие солдатские шинели, снабдили

полушубками, наушниками, валеными сапогами и тёплыми рукавицами, а также накормили и напоили. В благодарность за гуманное отношение пьемонтцы исполнили свои военные марши.

Английские военнопленные в 1855 году.

Ранней весной 1855 года в Рязань на жительство было прислано гораздо больше английских военнопленных, чем в предыдущем 1854 году. Сначала прибыли два комиссариатских чиновника, из них один ирландец, по фамилии Маккартни, по определению М.Д. Бутурлина, «неотесанный чурбан». М.Д. Бутурлин поместил их в двух своих свободных комнатах, чтобы они могли сэкономить свои квартирные деньги. Так как они не принадлежали к офицерскому званию, то им выделялось содержание, столь ничтожное, что они вынуждены были влачить полуголодное существование.

Вторая партия английских пленных, прибывшая в Рязань в начале апреля 1855 года, состояла из семи сухопутных офицеров и одного моряка. Это были пехотный полковник Келли, пехотный капитан Фромптон, пехотный стрелковый (rifleman) капитан Дуф, пехотный капитан Монгомери, пехотный поручик Байрон (или Бирон), гусарский поручик Клауз (Clowes), уланский поручик Чадвик и командир транспортного судна «Кулоден» - капитан Каррю (Carrew). Все они, за исключением моряка Каррю, сделались постоянными гостями губернатора П.П. Новосильцева, но в салонный кружок жены губернатора, Меропы Александровны, попал только молодой Дуф, принадлежащий к аристократической фамилии, образованный человек, отлично говоривший по-французски [7].

Молодой Дуф, участвовавший в Инкерманском сражении, рассказывал Бутурлину, как «его сердце содрогалось, когда он видел, какое опустошение производили в рядах русских колонн выстрелы карабинов Минье, тогда как пули русских солдат не пролетали и половины расстояния до неприятеля» [1. С. 283].

Из прочих офицеров по-французски говорили только рыжий полковник Келли, да и то с грехом пополам, и капитан Монгомери. Моряк Каррю был человеком грубоватым, с ним мало общались даже его соотечественники, и он не бывал у Новосильцевых. Рыжий, приземистый, коренастый полковник Келли, добрый и простодушный человек, говорил Бутурлину, что «Рязань тем приятнее ему, что напоминает города в Нижней Канаде, где он квартировал со своим полком». «Те же широкие улицы, те же одноэтажные деревянные домики с заборами между ними, и что если бы пришлось ему перезимовать у нас, то он не побоялся бы русских зим, так как в Канаде он свыкся с продолжительными снегами, с ездой в санях и с трескучими морозами» [1. С. 283].

Капитан Фромптон был человек любознательный и общительный, но, не зная французского языка, не мог часто пользоваться гостеприимством Новосильцевых. Гусар Клауз и улан Чадвик, весёлые и добрые, но ничем не выделяющиеся молодые люди, были типичными представителями армейской молодёжи. Помимо этих восьми английских офицеров был флотский медик,

по утверждению Бутурлина, мизантропического и раздражительного темперамента.

В августе 1855 года М.Д. Бутурлин отвез всех английских военнопленных в Москву для обмена, где сдал их гражданскому губернатору Капнисту. Прощаясь, он сопровождал англичан к московскому английскому пастору.

Французский военнопленный капитан Эрманс.

В числе военнопленных, находившихся в Рязани, был француз, алжирской пехоты капитан Эрманс. Это был человек средних лет, с легкой проседью, плотного телосложения, открытого и весёлого нрава, как и все его соотечественники. Он часто бывал у губернатора. П.П. Новосильцев поместил его к тогдашнему полицмейстеру подполковнику Фелькнеру, что в конечном итоге закончилось скандалом. Однажды в поздний час полицмейстер, приревновавший к Эрмансу свою супругу, женщину в высшей степени непривлекательную, не впустил своего постояльца, а на следующий день взбешенный француз, вынужденный провести ночь на улице, пожаловался губернатору, правда, безрезультатно. Возмутителю спокойствия пришлось искать себе другую квартиру [7].

Англичане в 1856 году: генерал Вильямс и его секретарь Черчилль.

На Кавказском театре военных действий крупной победой России стало взятие стратегически важной крепости Карс. С этим важным событием связаны имена последних английских военнопленных в Рязани.

Среди английских военнопленных, находившихся в Рязани в 1856 году, следует отметить г-на Черчилля, служившего секретарём по дипломатической части военного советника (фактического руководителя обороны крепости Карс) английского генерала Вильямса [9]. После капитуляции турок генерал Вильямс со своим штабом на зиму переселился в Тифлис, но вслед за тем г-н Черчилль был выслан в Рязань. В Рязани он сблизился с чиновником для особых поручений при Рязанском губернаторе Новосильцеве графом М.Д. Бутурлиным, благодаря чему был освобождён от надзора за личной корреспонденцией.

После заключения мира император Александр II пригласил к себе в Петербург английского генерала Вильямса [9]. Знаменитый защитник Карса выехал из Тифлиса уже не как военнопленный, а в статусе царского гостя. С ним отправились адъютант Титздель и русский офицер, находившийся при нём в качестве ординарца и переводчика. В Рязани Вильямс пробыл несколько дней и захватил с собой своего секретаря Черчилля.. Генерал Вильямс провёл вечер у и.д. губернатора, графа Д. П. Толстого. «Собой он был широкоплечий, плотный, среднего роста мужчина около пятидесяти лет, с усами и с коротко стриженными волосами, с заметной проседью, с добродушным открытым лицом, военной осанкой, свободно говорил по-французски (хотя, конечно, с английским акцентом) и отчеканивал каждое слово. Рассказывал он нам много интересного как о свежих военных действиях в Азии, где он играл видную роль, так и о своей прежней службе в

Индии, и всё это он нам передавал с оживлением и с полной, по-видимому, откровенностью и даже словоохотливостью, не всегда свойственной его землякам», - так описывали Вильямса. Генерал высоко отзывался о военных способностях Н.Н. Муравьёва. «Я хорошо его знаю, - говорил он, - и очень его люблю, и потому могу о нём сказать, что он, будучи в душе добрейшим человеком, напускает на себя личину суровости и как бы домогается, чтобы его ненавидели». «Костюм генерала Вильямса состоял из двубортного сюртука без эполет, но, помнится мне, с одним золотым жгутом и красным гарусным шарфом, очень похожим на гусарский кушак наших нижних чинов. Головной убор его был не кепи, как у французов, а круглая и плоская фуражка с козырьком, точь-в-точь как русская ». [1. С. 293-294].

Рязань, наряду с другими губернскими городами Центральной России, неслучайно была выбрана для местопребывания иностранных военнопленных в ходе Крымской войны. Сказывалась близость к Москве, административно-полицейский характер губернского города. Военнопленные размещались по губерниям небольшими компактными группами с целью установления над ними бдительного полицейского надзора. По положению о пленных, утверждённому императором 16 марта 1854 года, (первоначально предназначавшемуся для турок, так как с европейскими странами Россия воевать не предполагала) для размещения иностранцев из рядов турецкого войска назначались Рязань и Калуга. Позднее пленных английских офицеров было предписано высылать в Рязань, а нижних чинов - в Воронеж, французских офицеров - в Калугу, а нижних чинов - в Тамбов. Для итальянцев предназначалась Кострома. Но эти требования к распределению не всегда соблюдались [2. С. 155].

Анализ пребывания иностранных военнопленных в Рязани в годы Крымской войны позволяет, несмотря на ограниченный характер материала, прийти к определённым выводам относительно характера взаимоотношений этих военнопленных и российского общества. Они в принципе совпадают с общероссийскими тенденциями, заключающимися в следующих основных положениях [2]:

Гуманное отношение к пленным в годы Крымской войны вполне соответствовало нормам большинства западноевропейских стран. Высшие слои провинциального общества, ориентированные на европейскую модель поведения, уделяли пленным европейцам повышенное внимание, принимая их как «своих». Слои населения, занимавшие низшие ступени социальной иерархии и ориентированные на традиционную национальную культуру, относились к военнопленным с настороженностью и подозрительностью, хотя и не переходящими в открытую агрессию.

Примечания

1. Записки графа М. Д. Бутурлина. - Т. 2. - М: Русская усадьба, 2006.
2. Миловидов Б. П. Иностранные военнопленные и российское

общество в годы Крымской войны // Российская история. – 2010. – №5. – С. 153-164.

3. Молчанова А. Пленные англичане в России // Исторический вестник. – 1886. – №1. – С. 180-194.

4. Нагорнов В. П. Английские моряки в плену в Рязани (1854). С. 13-14 // Российский флот и Рязанский край. Опыт историко-энциклопедического словаря. – Рязань: Пресса, 2011. – 448 с.

5. Ройер А. Пленные англичане в России. Рассказ старшего лейтенанта королевского парового фрегата «Тигр» // Современник. – 1855. – Т. 53 – С. 27-53. (перевод с англ. глав XII-XVIII).

6. Royer A. The English prisoners in Russia. – L., 1855.

7. Записки графа М. Д. Бутурлина. 1853-1858. // Русский архив. – 1898. – Кн. 2. – Вып. 5, 6, 7, 8. – С. 5, 303, 406, 522.

8. Дело о письмах английских военнопленных, находящихся в городе Рязани // ГАРО. – Ф. 5. – Оп. 4. – Д. 308 (на 142 листах).

Овчинников В.М. (Смоленск)

Французская фортификация в контексте военно-политического развития Франции во второй половине XVII столетия.

В период складывания Вестфальской системы военное положение европейских государств требовало принципиально новых решений и подходов в вопросе о безопасности и стратегической устойчивости. До этого времени указанная проблема не стояла столь остро по той причине, что большинство конфликтов были зачастую скоротечны и не требовали затрат значительного количества материальных ресурсов. Кроме того, военная практика предшествующего периода концентрировалась на проблеме уничтожения ограниченного контингента сил противника в сжатые сроки, и осады крупных стратегических точек были направлены не более чем на ослабление его боеспособности. Подобная ситуация ставила как военных, так и политиков перед проблемой низкой эффективности имеющихся фортификационных средств.

В условиях технологического скачка периода раннего нового времени Франция заявляет о своих претензиях на гегемонию в Европе. Король-Солнце желал дать законы Европе, именно так он рассуждает в своих мемуарах, однако для этого требовались кардинальные изменения в структуре вооруженных сил, в соответствии с новыми веяниями в стратегии и тактике, основанными, в свою очередь, на богатом римском опыте. Во Франции утверждается римский принцип технологического превосходства над противником, который становится частью военно-политической концепции абсолютизма. Конечно, французские условия значительно отличаются от голландских, где развитая система фортификационных

сооружений и мощная мобильная армия становятся не залогом стабильности или орудием политического давления, как во Франции, а скорее необходимым условием существования.

Основой формирования концепции «нового лимеса» были три так называемые системы Вобана, изложенные в его трактате «Об атаке и обороне крепостей». Хотя ко времени Вобана постепенная атака крепостей при помощи земляных подступов и сап уже применялась, а французский инженер де Виль в значительной мере ее усовершенствовал, тем не менее, именно Вобан считался во Франции истинным "отцом постепенной атаки", как Эрарде-Бар-ле-Дюк - "отцом фортификации" вообще. Основная идея постепенной атаки Вобана была в том, чтобы подаваться вперед медленно, но верно, с наименьшими потерями, что весьма ярко выражалось афоризмом: *«побольше пота, поменьше крови»*.

В.В. Яковлев подчеркивал: *«Чтобы оценить предложения Вобана по атаке и обороне крепостей, достаточно сказать, что его указаниями и теми началами, какие он положил в основу осадных действий, пользовались до Порт-Артура (1904 г.) включительно; в мировую войну, если и не пользовались приемами Вобана полностью, то потому, что атака и оборона крепостей вследствие различных обстоятельств протекали в совершенно особых условиях»*.

Культивируя исключительно бастионную систему и отчетливо сознавая ее недочеты, Вобан, строго говоря, не оставил какой-либо определенной системы, но его преемники из рассмотрения различных крепостей, которые он построил и исправил, старались вывести общие начала расположения крепостных фронтов. Таким образом, им удалось составить три способа укрепления или три системы Вобана.

Стоит подчеркнуть, что в тот период мощные фортификационные сооружения рассматривались, как мы полагаем, не в качестве узлов обороны, а скорее, наоборот, в качестве плацдармов для дальнейшего ведения наступления. Один из очевидцев оккупации Страсбурга написал в 1681 г. следующие строки по данному вопросу: *«...этот город - одно из колес повозки, на которой французы въедут в Империю...»*. Кроме этого, они препятствовали действиям мародеров в приграничных областях. Стоит также упомянуть, что с учетом возрастания роли снабжения в ведении боевых действий, крепости становились чрезвычайно важными сооружениями, обеспечивающими подвоз всего необходимого войскам. В таких условиях невероятно важным был контроль над основными транспортными артериями того периода – реками.

Именно о важности контроля водных перекрестков и переправ на границах указывает интендант из Лотарингии Тюрго, который подчеркивал: *«Крепости настолько эффективно контролируют территорию, что позволяет легко заблокировать любой участок водного пути...»*. Как видно, французы, как и римляне, активно пытались использовать естественную

преграду – Рейн для контроля приграничных территорий, пользуясь, как мы полагаем, римской концепцией лимеса.

При этом учитывается и тот факт, что в новых условиях крепости становятся в большей степени оружием политическим, нежели просто системой защиты особо важных территорий. Подобная трактовка новой роли фортификационных сооружений подразумевала под собой также активное технологическое развитие вооруженных сил государства. Пользуясь выражением самого Вобана, лишь тогда люди стали осознавать изящество великого, все тонкости войны.

Естественно, также стоит упомянуть и о том, что линии обороны применялись, в том числе, и для удержания новых территорий, мы полагаем, что это попытка воспользоваться римской практикой «политической ассимиляции» новых территорий. Тем не менее, огромную роль играла и оборонительная доктрина Вобана, которая подразумевала под собой создание именно по римскому образцу мощной системы пограничных укреплений. Уже к началу войны за испанское наследство было создано четыре системы укреплений, прикрывающие территорию всех Нидерландов, пространство от Меца до самого моря.

Также активно применялась практика, унаследованная еще от Ришелье, который использовал цитадели для потенциально опасных городов, что было исключением в рамках общей доктрины. Именно по этой причине Бордо лишился своих укреплений после восстания 1675 г., а Париж - еще в 1670 г.. По той же самой причине была возведена грандиозная цитадель Лилля в 1667 г., по сути, это было актом политическим. Как видно, ориентируясь на римские образцы, была создана глубокоэшелонированная (для своего времени, конечно), линия обороны Франции и ее новых европейских территорий. Уничтожение старых укреплений и возведение цитаделей было, как мы полагаем, в первую очередь, идеологическим актом, нежели политическим.

Вероятно, именно Вобан, несмотря на огромный практический опыт, был одним из идеологов кабинетной войны, когда вся военная машина была подобна механизму, от эффективности работы которого зависела стабильность существования государства. Стандартизируя ведение боевых действий, подчиняя его определенным канонам, любая кампания была подобна драматическому произведению, где повествование разворачивалось шаг за шаг по известной ранее схеме.

Более того, некоторые ученые видят в развитии вобановской концепции имитацию механистической картины мира, описанной Ньютоном: *«Вобана считали гением механики, систематизации и теоретического анализа, его проекты кажутся нам идеальными, потому что одним из параметров каждого элемента укреплений было также и время, в течение которого последний будет захвачен, что дает возможность очень легко выделить в рамках каждой его крепости несколько линий обороны,*

соответственно, каждая из стадий обороны может быть предсказана и просчитана заранее...».

Подобное рассмотрение этого процесса позволяет утверждать, что появление подобной концепции ознаменовывает собой завершение формирования военной машины по примеру римской, являющейся частью государственного механизма в качестве одного из его институтов. Это требовало проведения целого комплекса реформ в области экономики и налогообложения, что маршал де Вобан довольно подробно описал в своем трактате «Политические рассуждениях мессира де Вобана».

Степанова В.В. (Нижевартовск)

Европа и Сибирь в XVIII-XIX веках: опыт узнавания.

Осмысление места и роли Сибири в мировой культуре раскрывает малоизвестные аспекты формирования международных коммуникаций, объясняет характер взаимного общения. Процесс становления контактов между Европой и Сибирью трансформирует образ Сибири в Европе и Европы в Сибири.

Думается, что в плане выявления особенностей той или иной культур в прошлом и настоящем в исторической, культурологической науке накоплен определенный материал и в настоящее время не хватает работ по синтезу, существовавших культур Европы, России, Сибири.

Первая встреча сибирской и европейской культур относится к XVI-XVIII векам. Этот период стал чрезвычайно важным для узнавания и становления контактов двух культур. Со стороны европейцев интерес к продвижению России на восток был обусловлен тем, что это было движением к Индии, Китаю, на которые претендовали Англия, Голландия. С другой стороны, Сибирь заинтересовала европейских ученых, которые обогатили знания по географии, полезным ископаемым, этнографии за счет изучения сибирских материалов. Открытием для европейцев стал труд австрийского посла в России Сигизмунда Герберштейна «Русский дорожник» с описанием путей на Печору, к Югре и Оби. Этот труд открыл новую культуру Сибири для европейцев.

Р. Джонсон перевел на английский язык русскую этнографическую статью в 1589 году «О человеках незнаемых в Восточной стране», составленную в XV веке. Это было первое развернутое описание сибирских народов, где подлинные реалии переплетались со средневековыми европейскими легендами.

В XVI веке Обь стала фигурировать на европейских картах. Быстрая колонизация Россией такого огромного региона как Сибирь изумляло европейцев, которые не могли «переварить» земли Северной Америки. В европейском сознании процесс освоения Сибири и рост экономического и политического влияния России объединился.

Два варианта были представлены в XVI - XVIII веках освоения огромных территорий (Америка и Сибирь). Россия в процессе освоения Сибири, к середине XVII века вышла к берегам Тихого океана, русские землепроходцы приняли участие в открытии Америки с Востока. Этот факт предопределил встречу двух цивилизаций Восток - Запад, включила российский элемент в процесс освоения Нового света этнологически, материально, и ментально, что имело колоссальное влияние на международные контакты, на общественную мысль и культуру обеих сторон. Об освоении Америки с Востока написано множество исследований, популярных работ, изданы документы, мемуары, письма, созданы иллюстрации, поэмы.

Объединение с Россией с Сибирью меняло геоцентр страны, а этот фактор влиял на геоцентр европейской культуры, что заставляло европейцев учитывать этот фактор при строительстве дорог, складов, гаваней, прокладки новых торговых путей.

XVIII век - это эпоха великих сибирских экспедиций, большинством которых руководили западноевропейские ученые, приглашенные на русскую службу: Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, Г. В. Стеллер, П. С. Паллас, И. Г. Георги, И. Г. Фальк и другие.

Добытые сведения попадали в западную литературу, в науку землеведения, их использовали при составлении и исправлении карт Запада. Значение русских открытий для географического кругозора Европы неопределимо, но при этом существовали противоположные оценки о цивилизационной роли Сибири и результатах ее открытия для европейской научной мысли. Независимо от споров о месте и роли Сибири, она стала восприниматься как связывающее звено между Европой и Азией.

Вторая встреча культур - Европы и Сибири произошло в XIX веке. В этот период появляются в исторической литературе понятия «Восточная Сибирь», «Западная Сибирь», которыми начинают пользоваться и европейские авторы.

XIX век в истории взаимоотношений Сибири и Европы представляет сложный узел взаимоотношений. Сибирь представляла пограничный раздел, в котором переплетались черты старой и новой культур, что представляло большой интерес для исследователей.

Быт и нравы сибиряков были необычными. Они сочетали новые модные фракы из Европы и бритье бороды с играми в карты. Однако, в библиотеках крупных сибирских городов как Тюмень, Тобольск, Иркутск на полках лежали книги европейских мыслителей, экономистов, историков, которые читались и обсуждались.

В XIX веке продолжалось исследование Сибири европейскими учеными, такими как Эрик Лаксман, Франц Бенедикт Германн, Фридрих Гербер, Карл Фридрих Ледебур, Александр фон Гумбольдт, Георг фон Гельмерсен, Эрнст Гофман, Георг Адольф Эрман, Александр фон Миддендорф и другими. Кроме научных изысканий Сибири, во многих

европейских государствах вводились целые курсы по изучению истории Сибири.

Итогом интереса европейцев к культуре Сибири стала Всемирная выставка в Париже 1900 года. Сибири был посвящен специальный зал, оформленный предметами из коллекции князя Ухтомского. Особенно впечатляющим в павильоне Сибирь был зал, посвященный сибирской железной дороге, представленной как панорама.

Интерес европейцев к Сибири прошел путь от «узнавания» этого региона: его географического положения, природных условий, быта населения, языка, культуры, покорения Российским государством и других сведений, почерпнутых через путешественников, исследователей (XVI-XVIII век), к взаимному стремлению наладить торговые и культурные контакты на государственном уровне (XIX-начало XX века).

Процессы, происходящие в Европе, получали своеобразное отражение в русской и сибирской истории. На этом фоне наибольший интерес представляла история Сибири как колониальная проблема.

Колониальная система до XIX века была одинакова во всех государствах. Она включала «эксплуатацию колонией метрополией и исключение влияния прочих государств». В начале XIX века сложились три разнородные колониальные системы (голландская, английская, французская). Голландия создала систему доходных колоний, используя не эксплуатацию колониального населения, а повышение «колониальной производительности». 25 тысяч голландцев держали в руках большую часть Ост-индского архипелага с 29 тыс. кв. миль, с 20 млн. туземцами и извлекали огромный доход. Голландия получила в XIX веке 51 202 600 гульденов чистого дохода. Этим она обязана гению генерал-губернатора Явы генералу Ван-ден -Боша, который в 30-е годы ввел в колониях, приносящих до того одни убытки, широкую культуру предметов потребляемых Европой: кофе, сахар, табак, индиго. Газеты писали, что «счастлива та страна, где генералы употребляют свои таланты на разведение кофе».

Значительно позже колониальными проблемами занялась Германия. Профессор Г. Кейтген, которому поручили составить программу лекций в колониальном институте города Гамбурга, включил в программу лекции по истории и культуре России для немецких коммерсантов. Его основной аргумент состоял в доказательстве того, что Германия оказалась совершенно не знакомой с азиатской частью России, а также русской колониальной политикой в Сибири. Германские купцы и промышленники часто жаловались на свое полное незнание условий русской жизни, что существенно отражалось на ведении торговых и промышленных дел.

Зарубежная пресса, политические деятели, считали, что такие части российской территории как Кавказ, Туркестан, Киргизская степь, Амурский и Уссурийский край, Сибирь, Камчатка, Курильские острова и Сахалин, Мурманский берег, похожи по экономическим и административным условиям на колонии европейских государств.

В России же официально не пользовались термином колония. В русских газетах и журналах XIX века много говорилось о колониальных проблемах других стран, но ничего о колониях России.

Сибирь была завоевана медленно и постепенно. В Российской империи был сформирован принцип внешней политики: «Россия не грозит Европе. Будущность и наличие русской расы не на Западе, а в успехах в Азии - естественной области распространения русского влияния».

Потеря государственной самостоятельности является важнейшим признаком создания колонии. Русское государство, навязывая свой контроль, размещая казачьи отряды и своих чиновников, создавая в Москве Сибирский приказ в 1637 году, который Ф. Бродель сравнивает с Советом Индии, сформировала колониальный тип управления.

Именно этот приказ создал сибирскую администрацию, находящуюся под полным контролем центральной власти, взял под жесткий контроль торговлю мехом, а позднее золота и других товаров. Но из-за огромных пространств Сибирь превращается в своеобразную территорию-колонию, что существенно повлияет на последующую историю русского государства. Удержать полный контроль над торговлей не удавалось. Города и ярмарки Сибири превратились в сеть обмена русских и европейских товаров на товары из Китая, Индии, Персии. «Денежные приманки» от торговли в Сибири привлекали торговый капитал русских и зарубежных купцов. Сибирь превращается в уникальный социокультурный феномен, уникальный мир, не похожий ни на какой другой. Сибирь находится на стыке цивилизаций, центрально-азиатской, южноазиатской, если брать малочисленные народы севера, монгольскую и буддистские традиции. Но эта зона, принадлежавшая и российской цивилизации, развернута во внешние культурные ареалы европейской культуры. Сибирь - это завоеванная Россией земля, которая медленно и постепенно превращалась в особую территорию со своей культурой, своим бытом и нравами. Сибирь становилась важнейшим компонентом мировых процессов.

Феоктистов С.А. (Рязань)

Англо-русские торговые отношения (середина XVI в. – конец XVII в.)

В конце XVII – начале XVIII в. начинает складываться экономическая ситуация, когда Россия и Англия стали необходимы друг другу как экономические партнеры. Англия была крайне заинтересована в торговле с Россией. Русский импорт, состоящий из предметов морского снабжения, приобретал для Англии исключительное значение, особенно в связи с осложнением торговых отношений со Швецией. Высокие внутренние цены в Англии, которые побуждали ее модифицировать свои средства производства, толкали ее также и на то, чтобы вывозить сырье и даже готовые изделия

пригодные для прямой перепродажи в Европе из стран с низкими ценами. В то же время никто кроме британцев не мог купить у России производимое ею огромное количество экспортных товаров. Возрастающий спрос на них вызывал быстрый рост их производства в России.

В британской торговле с Россией главным действующим лицом была Компания купцов-предпринимателей, но более известна под названием Московская (Русская) компания, которая была основана в середине XVI века, получившая в 1555 году королевскую грамоту на привилегии. Необходимо отметить, что в одних источниках данная компания называется Московская, в других источниках и исследованиях она называется Русская. В нашем исследовании мы решили придерживаться названия «Русская компания». Всего в компании в тот период насчитывалось 201 купец. Именно они открыли и освоили новый морской путь из Западной Европы в Россию – через Баренцево и Белое моря. Открывшие этот путь англичане получили от Ивана Грозного большие привилегии на торговлю в России, которые не раз подтверждались русскими царями. «...Такие дарственные предоставлялись и подтверждались в 1556, 1564, 1569, 1572, 1586, 1599, 1621, 1626, 1628 годах». В Англии «Русская компания» также получила право монопольной торговли с Россией и действовала как юридическое лицо. Британские купцы в России не были независимыми торговцами, они являлись служащими и сотрудниками данной компании. В 1613 году положение в компании изменилось – она перешла в разряд «регулируемой». Это позволяло английским купцам заниматься торговлей от своего имени и вкладывать в нее свой личный капитал. Однако все они были вынуждены действовать по общим правилам и на всех них действовали вводимые ограничения. Вступить в Русскую компанию мог только тот английский купец, «отслуживший определенный срок ученичества в российской торговле и сумевший внести вступительный взнос 50 фунтов стерлингов».

Торговая «Русская компания» имела право вести беспошлинную торговлю на всей территории России, «на значительной части которой присутствие каких-либо других иностранцев вовсе не дозволялось», а члены компании имели свободный доступ «во все части империи, передвижения по ней или проживания в любых местах, которые они сочтут подходящими, и аренды там домов с освобождением от уплаты налогов, а также найма русской прислуги сообразно их нуждам», свободный беспошлинный провоз товара в Персию и обратно через русскую территорию «без необходимости проходить какой-либо досмотр по пути в том или ином направлении». Однако в 1649 г. английские купцы, после казни английского короля Карла I, были лишены всех привилегий и высланы из внутренних российских городов. Согласно Новоторговому уставу 1667 г. иностранным купцам, в том числе и англичанам, разрешалось торговать только в крупных портах. Все это привело к резкому сокращению деятельности Британской «Русской компании», к ее упадку. Компания никак не могла приспособиться к торговле без привилегий. По английским источникам к 1697 году торговлю с Россией

вели не более 20 купцов, которые вывозили из Англии в основном изделия из шерсти платили пошлину в размере 4–5%, как и другие иностранцы. [2, 33] Общий внешнеторговый оборот Англии к этому времени в целом составил 7 008 492 фунт. стерл., из них на Россию приходилось всего 64 192 фунт. стерл. (в пересчете на русские деньги – 321 тыс. руб.) или 0,92% от общего объема внешнеторгового оборота Англии. [3, 207] Причем из России было вывезено товаров всего лишь на 2 фунт. стерл. Согласно спискам английских таможен, общий тоннаж всех торговых судов, вышедших из английских портов в течение 1700 года, был примерно равен 317 000 тонн.

Без малого почти полвека английские купцы ни на минуту не оставляли своих надежд на восстановление своих привилегий. В официальных документах и в частных переписках не раз звучало желание английских купцов и официальных лиц восстановить былые привилегии для своей торговли.

9–10 марта 1696 года из Москвы выехало Великое посольство, в составе которого находился сам царь Петр I. Путь посольства проходил через Ригу, герцогство Курляндское в Амстердам. Недалеко от Амстердама в местечке Утрехте 1 сентября 1697 года состоялась встреча Петра I с Вильгельмом III. В ходе подготовки к этой встрече в своем письме секретарь английского короля У. Блатвейн писал статс-секретарю У. Трамбеллу, что «не могли бы мы надеяться на получение каких-либо преимуществ в торговле или, по меньшей мере, на восстановление наших прежних привилегий», несмотря на то, что «...не удалось исправить ни лорду Карлайлу, ни какому-либо другому королевскому послу. В настоящий же момент, вероятно, наиболее уместно, чтобы купцы направили мне челобитную или мемориал о том, какие преимущества они хотели бы получить в своей торговле в тех землях». И эти мемориалы были написаны английскими купцами.

24 октября 1697 года в Гааге английскими послами в ходе переговоров с полномочными представителями российского императора был вручен первый мемориал о восстановлении торговли между Россией и Англией. В нем английские купцы призывали возродить торговлю в прежних объемах «дабы торговые агличане толь многие годы продолженное подворье паки вновь восприяли и обыкновенные вольности без налога употребляли». В этом же послании впервые английские купцы предложили начать ввозить новый товар – траву никоцианскую (табак).

В другом мемориале купцы, входящие в Эстляндскую компанию, предложили Совету по делам торговли реорганизовать Русскую компанию и расширить свою торговлю в России. Суть этих предложений состояла в следующем.

Во-первых, разрешить вступать в Русскую компанию купцам из других компаний, в частности из Гамбургской и Эстляндской, на тех же условиях что и остальные купцы. Это позволить английской стороне резко расширить торговлю в Архангельске. По подсчетам самих же английских купцов к 1697

году торговлю в северном порту вели всего 12–13 человек, а за предшествующие три года в Россию Русская компания отправила всего 6–9 кораблей. В то же время Голландия, основной соперник английских купцов в прибалтийской торговле, ежегодно отправляла от 40 до 50 судов в Россию.

Во-вторых, по их мнению, в отличие от ряда европейских стран (Пруссия, Дания, Швеция, Норвегия) Россия обладала несоизмеримо большими запасами для английского флота. Поэтому, в случае войны на Балтийском море, когда поставки этих товаров могут резко сократиться или прекратятся совсем, Англия сможет без особо сильных затрат быстро восполнить недостаток разных товаров для английского Адмиралтейства.

В-третьих, Россия в это время не имела еще своего торгового флота, а из ряда европейских стран (Пруссия и Дания) многие товары в Россию поставлялись на кораблях этих стран. Следовательно, все «доходы от фрахта» доставались иноземным купцам. Развивая свой (английский) торговый флот и начав полномасштабную торговлю с Россией, фрахтовая прибыль от вывозимых из Пруссии, Дании, России товаров «получало бы наше (английское – С.Ф.) государство».

Следующим аргументом купцов Эстляндской компании было то, что за 140 лет своего существования Русская компания не смогла создать полномасштабную торговлю с Россией и торговала лишь только в одном порту – в Архангельске. Имея монопольное право на торговлю в России, представители Русской компании совсем не обращают своего внимания на балтийские порты, тем самым резко сужая возможности английской торговли.

4 и 10 августа 1697 года в Уайтхолле состоялись заседания Королевского комитета по делам торговли и колоний на которых рассматривался вопрос о состоянии торговли с Россией. В ходе заседаний были выработаны рекомендации лордам-судьям для переговоров с русским царем.

Предлагалось попытаться восстановить прежние привилегии в полном объеме английских купцов в России. Если это не удастся сделать, то следует добиваться, во-первых, «сокращения пошлин путем их снижения наполовину или на одну треть», во-вторых, заверений от русских послов в том, «что в будущем никаким другим иностранцам не будет отдаваться предпочтение по сравнению с нами и что мы будем иметь право на любые привилегии, которые в любое время впоследствии могут быть предоставлены другим иностранцам».

Заинтересованность в расширении своей торговли в России проявляли не только купцы Эстляндской компании, но и представители других компаний. В одном из английских архивов находится оригинал одного источника, который был представлен 4 февраля 1698 г. в Совет по торговле и колоний.

Купцы Виргинии во главе с М. Пери написали очень лаконичный документ, состоящий из 12 пунктов. В нем они доказывали необходимость

расширения торговых отношений с Россией. Необходимость реорганизации Русской компании они доказывали тем, что за время своего существования она получила достаточно прибыли, которая «покрыла все их издержки, трудности и риски», а возможность пользоваться привилегиями данной компании всеми купцами, в том числе и других компаний, отвечала бы национальным интересам всей Англии. Имея особые привилегии в Архангельске, представители Русской компании к концу XVII века довели торговлю с Россией до мизерных количеств. В то же время купцы, торгующие в Нарве и имеющие значительный торговый оборот, вынуждены выплачивать значительные пошлины. Это является сдерживающим фактором и, по мнению купцов Виргинии, возникает необходимость в уравнивании возможностей торговли купцами различных компаний в портах России. Как и купцы Голландской и Эстляндской компаний, купцы Виргинии заметили, что многие товары, экспортируемые из ряда европейских стран (Пруссии, Дании, Швеции, Норвегии) и необходимые английскому Адмиралтейству, «можно вывозить из России по более низким ценам». В случае возникновения военных действий на Балтийском море (а дух войны уже витал в воздухе) и невозможности экспортировать эти товары из этих стран, Россия, имеющая неограниченные возможности, с лихвой восполнит эти потери.

Купцы Виргинии, как и купцы прибалтийских компаний, обратили внимание и на то, что «упущенная прибыль» от фрахта достается в основной массе «иноземцам», что крайне невыгодно Англии. Развивая торговлю с Россией и используя английский торговый флот в перевозке российских товаров, правительство Англии сможет получать значительную прибыль в казну страны от фрахта английских торговых кораблей.

Так как территория России в основном находится в холодном климате, по мнению купцов Виргинии, и необходимость теплых вещей весьма значительна, то «увеличение вывоза туда (в Россию – Ф.С.) шерстяных изделий и прочих товаров, производимых фермерами или изготовляемых на мануфактурах» как в самой Англии, так и в английских колониях в Америке, «будет способствовать» увеличению прибыли как английских купцов, так и самой Англии.

В этот период администрация Русской компании проводила недальновидную политику и часто злоупотребляла своей властью. Такое положение не устраивало многих английских купцов, и численность компании к середине XVII века сократилась до 50 человек. А в 1694 году, из-за многочисленных жалоб английских купцов, было назначено парламентское расследование. К этому времени численность купцов сократилось уже до 14 человек. 25 марта 1699 года в Англии был принят парламентский акт о «расширении торговли с Россией». Теперь любой британский подданный мог стать полноправным членом компании, уплатив пятифунтовый взнос. 14 апреля 1699 года новым положением

воспользовались 73 человека, причем 48 из них имели отношение к табачному договору.

Таким образом, на рубеже XVII и XVIII веков в Англии сложились необходимые условия для расширения торговли с Россией. Купцы прибалтийских компаний (Голландской и Эстляндской), купцы Виргинии в своих документах, которые они представляли в Совет по делам торговли и колоний, привели достаточно веские аргументы в расширении торговли с Россией и необходимости реорганизации Русской компании. К их мнению стало прислушиваться английское правительство, которое начало предпринимать отдельные шаги в сближении с Россией. Необходим был повод или одно предложение, чтобы начались полномасштабные переговоры по торговле в России. И вскоре такой повод появился.

Феоктистов С.А., Малиновская А.В. (Рязань)

Россия и Франция: установление постоянных дипломатических отношений (1702-1717 гг.).

XVIII век в истории взаимоотношений России и Франции – это эпоха становления русско-французских дипломатических, экономических и культурных связей. Его без сомнения его можно с полным основанием назвать периодом «прорубания окон» во все стороны внешнеполитических и экономических интересов России. Действительно, военно-политические успехи Петра I уже в самом начале XVIII века ознаменовали собой исторический выход нашей страны в Балтийское море – к портам Западной Европы. Вслед за этим последовало подписание первого русско-французского союзного договора между Петром Великим и Людовиком XV (Амстердам, 1717).

В отличие от Англии, которая на всем протяжении XVIII века была нашим торговым партнером, Франция всегда была врагом. Именно поэтому историческая наука решала проблему русско-французских торговых отношений, продвигаясь в методологическом плане вслед за С.М. Соловьевым, который утверждал, что «с Францией не ладилось у нас с самого начала», то есть на противопоставлении России и Франции.

Установление российско-французских отношений началось еще в XI веке, когда дочь киевского князя Ярослава Мудрого в 1051 году стала супругой короля Франции Генриха I. Однако, из-за разных причин (разделение христианской церкви в 1054 году, упадок Киевской Руси и феодальная раздробленность Древнерусского государства, 300-летние монголо-татарское иго, географическая отдаленность России и Франции) во взаимоотношениях России и Франции наступает пятивековая пауза. По мнению Ю.В. Борисова, различия были велики. И в экономике, и во внутренней политике, и в культурном развитии двух стран, и в сфере

международной жизни. Французское королевство выступало на авансцене европейской политики. Русское же правительство настойчиво искала возможности установления прочных связей с Францией, однако в отличие от многих других западных держав, лишь только в начале XVIII столетия были установлены постоянные дипломатические отношения. «Московские цари привыкли уже принимать английских, немецких, венецианских послов, но ни одного француза еще не видели в Москве»– пишет П.В. Безобразов, характеризуя конец XVI века.

Только к 30-м годам XVII столетия ситуация изменяется. В 1630 году Россия и Франция заключают соглашение, позволяющее французам торговать на территории Российского государства, уплачивая 2%-ю пошлину. «Всё чаще и чаще появляются у нас французские купцы, доктора и даже офицеры, поступающие в военную службу». Тем не менее, данное соглашение не послужило твёрдой основой для дальнейших контактов двух государств в других сферах. В царствование Михаила Фёдоровича русские посланники совершают четыре визита во Францию (1654, 1681, 1688).

В 1667 году, после назначения боярина А.Л. Ордын-Нащокина главой Посольского приказа, царский стольник Петр Потемкин в Париже сообщил о том, что в Россию открыт свободный доступ французским товарам и французским купцам предоставляются такие же права и льготы, как и англичанам и голландцам. Французские купцы в ответ на предложение Потемкина отправиться с товарами в Архангельск сообщили, что они не хотят рисковать и отправляться в столь далекое путешествие не могут до тех пор, пока между двумя странами не будет заключен торговый договор. Тем более, что в 1668 году Петру Потемкину французскими представителями вручается проект франко-русского торгового договора. Через год в Париже, под покровительством короля, была основана Северная компания, основная задача которой заключалась в организации торговли с Голландией, Северной Германией, Данией, Швецией и Россией. Несмотря на государственную поддержку, Северная компания, не выдержав конкуренции англичан и голландцев, в начале XVIII века потерпела крах.

Таким образом, к началу XVIII века у Франции, в силу исторической эволюции и географического положения, были все основания относиться к нашей стране, по крайней мере, равнодушно. Хотя многие европейские страны такие, как Англия, Голландия, Швеция, Дания, Австрия и др. установили постоянные дипломатические отношения и вели активную торговлю с нашей страной, Франция не считала нужным следовать их примеру. «Контакты от случая к случаю были для французской стороны более чем достаточными, ...хотя торговля с Россией могла бы быть очень значительной и прибыльной для французских купцов».

Отправной точкой для установления постоянных дипломатических отношений между ними двумя странами послужило решение французского правительства направить своего посла в Санкт-Петербург на постоянной основе.

В 1701 году Петр I во время аудиенции французского посла при дворе польского короля Августа II сообщил ему, что Россия готова установить не только тесный дружеский контакт с Францией, но и заключить торговый договор между двумя странами. При этом царь подчеркнул, что недоволен действиями купцов Англии и Голландии, затруднявших русскую торговлю на Балтийском море, и заключение франко-русского торгового договора будет способствовать активизации торговли обоих государств. Важность этих предложений породила в Версале надежду на то, что русский царь присоединится к французской политической системе.

В то же время успешные шаги России на юге (взятие Азова) настораживали Францию, являющуюся союзником Турции, а военное противостояние России со Швецией, (которая являлась союзницей Франции), в Северной войне не могло быть одобрено правительством Франции, стремившимся не допустить наше государство на европейский рынок. Сама же Россия считала установление и поддержание дружественных отношений с Францией достаточно важным. С этой целью велась активная дипломатическая работа: «Постников (дипломатический агент – А.М.) ... заверял французских министров в дружбе, канцлер Головкин писал в Париж любезные фразы, и Людовик (Людовик XIV – А.М.) вообразил, что, быть может, и в самом деле Петр I очень дорожит дружбой с ним».

В конце сентября 1702 года в Москву был направлен специальный посланник дипломат Балюз, призванный извещать короля об обстановке в России и личных качествах государя, протяженности границ Российского государства, а также передать условия, на которых Франция согласна вступить в «прочный и постоянный» союз с Россией. Посол Франции в России был принят со всей любезностью, однако, российский канцлер, стараясь извлечь из договора как можно больше выгоды в пользу России, не высказал прямого желания вступить в союз с Францией, аргументируя это решение нежеланием терять действующих союзников (Данию и Англию). Эта миссия не увенчалась успехом в связи с тем, что, с одной стороны, российская сторона проявила сдержанность и не высказала никаких определенных предложений, а Франция, с другой стороны, проявив непонятную враждебность, в 1703–1704 годах захватила в Дюнкерке два русских торговых судна и конфисковала их груз. Для того чтобы уладить этот конфликт Петр I направляет в Версаль русского посланника Матвеева, который встретил во Франции довольно холодный прием: «... По обыкновенной гордости сей двор наши дела и нас не велико ставит..., а сменить дружбу англичан и голландцев на французскую не обещает нам прибытку».

Получив донесение Балюза, французский король отзывает посла из России, посчитав его дальнейшее пребывание там бесполезным. Людовик XIV «был чрезвычайно недоволен тем, что был введен в заблуждение и отправил своего посла в Москву в уверенности, что Царь добивается его союза и дружбы». В то же время, информация, полученная Людовиком XIV о

Петре показала властность и упорство российского государя, что возвысила его в глазах короля Франции. Несмотря на неудачный исход французского посольства, переписка между Россией и Францией продолжалась, хотя об установлении дружественных отношений говорить было ещё рано. Об этом свидетельствует захват в 1703 и 1704 годах российских кораблей французскими пиратами без последующего возмещения ущерба. Однако, «шведский корабль, захваченный французскими пиратами, отдан назад» по просьбе шведского посланника «и со всеми товарами». Данный инцидент негативно сказался на отношениях России и Франции: в течение последующих 5 лет сближение держав никак не проявлялось.

Лишь гром пушек под Полтавой заставил Францию пересмотреть свое отношение к России. «Людовик XIV пришёл к убеждению, что при таком положении дел не следовало пренебрегать союзом с этим государством, власть которого усиливалась с каждым днём». Тем более сама Франция к тому времени уже была истощена длительной войной за испанское наследство. Но во франко-русских отношениях неудачи преследовали обе стороны. Весной 1711 года Балюз был снова командирован в Россию, на этот раз для поддержания расположения российского государя, для дальнейшего более тесного сближения, а также для вовлечения России в войну с Турцией, что стало бы значительным облегчением для Швеции. Российский монарх стоял на своем и прекращать войну со Швецией и делать французского короля посредником в мирных переговорах не собирался. Кроме того, к Балюзу в России отнеслись с недоверием, так как Францию посчитали замешанной в настрое Турции против России (хотя прямых доказательств этому не было). «Таким образом, второе посольство Балюза в Россию кончилось столь же неудачно, как и первое». Представитель Франции покидает Россию. В том же году неудачной была и миссия Ла Ви, комиссара королевского флота в Гамбурге, и миссия секретаря русского посольства Волкова, направленного в Фонтенбло. Отношения между державами вновь приостанавливаются вплоть до 1715 года.

В это же время заканчивается война за испанское наследство. 11 марта 1713 года Франция подписывает Утрехтский мирный договор с Англией, Испанией, Голландией, Пруссией, Савойей и Португалией, а 6 марта 1714 года – Раштатский мирный договор с императором «Священной Римской империей» Карлом VI Габсбургом. Таким образом, к 1715 году политическая система в Европе резко изменилась. Появились явные признаки упадка Турции, положение Польши было серьезно подорвано, а Швеция склонялась к отказу от роли ведущей державы Европы – эта ноша не соответствовала ее силам. Новая держава, Россия, все смелее и сильнее выступала на авансцену Европы.

1 сентября 1715 года умирает Людовик XIV, и власть переходит в руки регента при малолетнем Людовике XV, герцога Филиппа Орлеанского. Он твердо решил отказаться от «политики величия». Для него важнее всего было поддержать и укрепить мир, поэтому он искал пути сближения с Англией,

Нидерландами и Пруссией. Это требовало изменения французской политики на севере Европы, особенно по отношению к Швеции и России. В свою очередь Петр I уже больше не мог рассчитывать на поддержку британцев. Став «хозяином балтийских вод», Петр I вызвал зависть Сити и торгового Лондона. В это время за Зундом появилась британская эскадра военных кораблей, угрожавшая русскому флоту. Петр I еще в 1707 году обеспечил себе тесный союз с королем Пруссии. С ним же добивался дружбы и французский регент. Так сложились условия, которые привели не только к разрядке напряженных русско-французских отношений, но и к настоящему соглашению между Францией и Россией.

В конце 1716 года Петр I предпринял свое второе путешествие по западным странам. Проезжая через Германию, он встретился с королем Фридрихом-Вильгельмом Прусским, который понял, что русского царя можно использовать против Австрии, старого врага Пруссии. Король Фридрих поручает одному из своих дипломатов, графу Книппгаузену, сопровождать русского царя и быть его помощником в отношениях с Версальским кабинетом.

По приезде в Гаагу князь Борис Куракин в беседе с французским послом в Голландии маркизом Шатонефом сделал официальное предложение об установлении официальных дипломатических отношений с Францией. «Царь по соглашению с королем Прусским, признал полезность установления связей с Францией; он хочет заключить договор с ней и считает важным, чтобы это дело было обсуждено немедленно под его наблюдением.» Когда русский царь делал свое предложение об установлении дипломатических связей, он хотел заручиться посредничеством французов при переговорах со Швецией, чтобы положить конец Северной войне. Однако в Париже еще колебались, так как во внешней политике правительства Франции боролись две тенденции. С одной стороны, среди французских дипломатов было немало людей, считавших, что союз с Россией мог быть более выгоден, чем союз со Швецией. С другой стороны, эту оптимистическую точку зрения не разделяла другая часть дипломатов во главе с советником регента кардиналом Дюбуа. Он не доверял русским и боялся досадить англичанам. «Парижский двор разрешил Шатонефу вступить в сношения с уполномоченными царя Головкиным, Шафировым и Куракиным, ... но в Париже не придавали никакого значения переговорам с Россией, и вели их только для виду, чтобы удовлетворить желанию Петра». Видя, что переговоры в Гааге затягиваются, Петр I решил сам поехать во Францию. 20 мая 1717 года русский царь высадился в Дюнкерке, а 7 мая въехал в Париж. Во Франции русское посольство ведет себя достаточно чинно, тепло и дружелюбно, чем производит хорошее впечатление на французских политиков. Личный визит российского монарха во Францию оказал на французское правительство необходимое влияние и заставил герцога Орлеанского перевести отношения России и Франции на новый уровень.

«Система Европы изменилась, основой всех ваших договоров остается Вестфальский договор. Почему в свое время Франция объединилась со Швецией? Потому что тогда король Швеции овладел землями в Германии, и силами Швеции и ваших союзников в Германии этот союз мог уравновесить могущество австрийской империи», – говорил Петр I. «Теперь это положение изменилось: Франция потеряла союзников в Германии; Швеция, почти уничтоженная, не может оказать вам никакой помощи. Сила русской империи бесконечно возросла, и я, царь, предлагаю вам себя на место Швеции... и приведу также Пруссию».

При первых встречах с регентом Франции Петр I повторил свои вышеназванные предложения. Регент назначил маршала Тессэ для ведения переговоров с тремя русскими министрами (князь Б. Куракин, граф Толстой и барон П. Шафиров).

Маршал Тессэ в своих «Мемуарах» сделал одно важное признание: «Его Королевское Высочество не считает нужным облекать свои связи с царем в формы иные, чем простые выражения дружбы и переписка, дополненная торговым договором».

И все же договориться удалось. После нескольких совещаний стороны гарантировали соблюдение Утрехтского и Баденского договоров, а также тех соглашений, которые могут положить конец Северной войне. Причем, как немецкий государь, так и русский царь охотно допускали посредничество французского короля.

Безусловно, французское правительство пошло на данный шаг после длительных сомнений и колебаний, в которых немалую роль играло значение Швеции для Франции. Тем не менее, 4 августа 1717 года в Амстердаме был заключён союзный договор между Россией, Францией и Пруссией, подразумевающий взаимную помощь и поддержку.

Таким образом, к концу второго десятилетия XVIII века намечается радикальный поворот во французской политике в отношении России. Несмотря на длительные разногласия, а также непростую ситуацию на международной арене, в результате грамотного ведения переговоров, Россия и Франция стали сближаться и в 1717 году подписали международный трактат. В дальнейшем станет ясно, что он не оказал ожидаемого влияния на отношения между державами, тем не менее, договор сыграл важную роль, переводя отношения между Россией и Францией на новый уровень и послужив основой для их дальнейшего развития.

Феоктистов С.А., Тимакова М. (Рязань)

Русско-французские торговые отношения в XVIII веке.

Франция вступила в отношения с Россией, в том числе и в торговые, позднее всех других держав Европы. Французы открыли для себя Россию

лишь к концу XVI века и на всем протяжении вплоть до второй половины XVIII века взаимоотношения Франции и России характеризовались взаимным недоверием и конфликтностью. Потребовались десятки лет, прежде чем Россия и Франция, осознав преимущества взаимного согласия и сотрудничества, стали доверять друг другу. Стоит сказать, что фактически, русско-французские отношения развивались волнообразно.

В начале XVIII века французские купцы, имеющие обширные торговые контакты в Леванте, Юго-Восточной Азии, Америке, не рисковали отправлять свои торговые корабли в Россию. К тому же в 1703 году один французский корабль, который рискнул отправиться в устье Северной Двины, был выдворен из порта английскими и голландскими торговыми судами. Этот эпизод и неприязненные отношения между Россией и Францией в первое десятилетие XVIII века наложили свой отпечаток на русско-французские торговые связи.

Ситуация немного изменилась лишь только во втором десятилетии XVIII века. В 1718 и в 1719 годах в Петербурге появились первые французские торговые корабли. В это же время начинают свою деятельность в России первые французские купцы. Если в сохранившихся списках иностранных купцов за 1719 год упоминается только один француз, то уже в 1721–1725 годах становится известно о деятельности восьми французских коммерсантов в Санкт-Петербурге. К сожалению, их деятельность на берегах Невы была непродолжительной, они не сумели приспособиться к незнакомым условиям в России.

Лишь только в середине 40-х годов XVIII века возобновляются торговые связи России и Франции. П.В. Безобразов в своей монографии отмечает, что «Елисавета Петровна искренно желала и искала союза с Францией...». Так в 1745 году в Санкт-Петербургский порт из Франции прибыло 10 кораблей, а в 1755 году – уже 19. Однако необходимо отметить, что все эти корабли принадлежали купцам третьих стран. При этом необходимо отметить, что если в 40-х годах ведущую роль в посредничестве между французами и русскими играли датчане и гамбургцы, то в 50-х годах эта роль переходит уже голландцам и выходцам из Любека.

Несмотря на фактический разрыв русско-французских дипломатических отношений в 1748 году, они все же поддерживали эпизодические отношения, сообщая о радостных или печальных событиях в царствующих домах. Однако в торговых кругах обеих стран очень сожалели о том, что нет прямой русско-французской торговли, и на их товарах наживаются купцы третьих стран. В конце 1752 года в Петербурге был получен первый сигнал о желании торговых кругов Франции нормализовать отношения с Россией. Путешествуя по Германии, Италии и Франции граф Санти, служивший при дворе царицы оберцеремонимейстером и отпущенный на лечение за границу, в одном из писем вице-канцлеру Воронцову от 18 ноября 1752 года сообщал о своих встречах в Париже, Фонтбло и Лионе с французскими банкирами и торговцами. Они в один

голос выражали ему сожаление о затруднениях во франко-русской торговле, возлагая при этом всю ответственность на маркиза де Ла Шетарди и д'Алиона. [5, 642] Далее граф Санти сообщал, что Исаак Вернет, один из самых влиятельных банкиров и кредиторов французского правительства, интересовался возможностью восстановления русско-французских дипломатических отношений. Очень трудно сказать, кто стоял за спиной банкира: купцы или, учитывая его тесные контакты с Версалем, кто-либо из министров.

Важную посредническую роль в восстановлении дипломатических отношений между двумя странами оказал русский торговец французского происхождения Мишель Мишель родился в России, так его отца, рабочего суконной фабрики в Лионе, пригласил Петр I. В Петербурге Мишель держал модный галантерейный магазин и по торговым делам очень часто ездил во Францию. По французским источникам известно, что его услугами еще в конце сороковых годов пользовался французский консул в Петербурге: использовал его в качестве курьера. Кроме того, его покупателями были влиятельнейшие сановники России: Петр и Иван Шуваловы, вице-канцлер Воронцов и др. Как никто другой Мишель подходил на роль тайного агента русско-французской дипломатии.

В 1755 году в Россию без лишнего шума из Польши приезжает сотрудник посольства в Польше шевалье Мейссонье де Валькруассан. В конфиденциальных инструкциях министра иностранных дел ему поручалось выяснить возможность восстановления дипломатических отношений с Россией. Тем более в Версале были обеспокоены сближением России и Англии. Как выяснил К. Валишевский, инициатива восстановления дипломатических отношений принадлежала принцу Конти, который и подыскал очередного тайного агента – шевалье Маккензи Дуглас, шотландца по происхождению. Он меньше всего привлекал внимания главного противника Франции в России канцлера Бестужева. Эта поездка готовилась со всей тщательностью.

4 октября 1755 года Дуглас приезжает в Петербург и сразу же попал в затруднительное положение. Так как он был подданным Великобритании и по существующим порядкам его должен представить ко двору посол его государства, который вежливо отказался это делать, Дуглас вынужден был обратиться за помощью к Мишелю. Мишель сумел устроить конфиденциальную встречу с вице-канцлером Воронцовым. Установив контакт с вице-канцлером и не желая привлекать внимания противников Франции, шевалье 20 октября, сославшись на нездоровье, выехал из Петербурга. В Германии его догоняют два письма от Воронцова, из которых можно сделать вывод о возможности и даже желательности продолжения начатого диалога.

1 мая 1756 года заключается Версальский оборонительный союз между Австрией и Францией. Учитывая то, что Австрия издавна была союзником России и ради этого союза не намеревалась отказаться от этой дружбы, в

Версале пришли к выводу о целесообразности привлечения России к франко-австрийскому союзу. Чтобы осуществить этот план, необходимо было в первую очередь восстановить дипломатические отношения между двумя странами.

27 января 1756 года шевалье Дуглас был вызван к принцу Конти, который снабдил его не только подробной инструкцией его действий, но и личным письмом к вице-канцлеру Воронцову. В одном из ее пунктов говорилось о крайней желательности возобновления торговых отношений между двумя странами. Тем более, что восстановление этих отношений послужит хорошим поводом для назначения в Петербург французского консула и это позволит подготовить почву для возобновления официальных дипломатических отношений.

В ходе тайных переговоров между Дугласом и Воронцовым, было решено направить тайного русского эмиссара в Париж с целью более полного выяснения намерений французского двора. В последних числах апреля вице-канцлер подает записку императрице, в которой говорилось, что «посылкою нарочной персоны во Францию надобно не медлить».

7 мая 1756 года шевалье Дуглас был приглашен к Воронцову, который вручил ему письмо от имени императрицы, где говорилось о намерении восстановить нормальные отношения между двумя странами. Это письмо было решено отправить с Мишелем, опасаясь нежелательных мер со стороны скрытых или явных врагов Франции. Тем более Дуглас в своих письмах «хочет продолжительно писать, что он ответа на свои предложения еще ожидает и чаёт вскоре оный получить». Эта предосторожность Дугласа была понятна, если учесть, что переговоры велись за спиной Бестужева.

Таким образом, до середины XVIII века торговые отношения между Францией и Россией носили эпизодический характер и не могли оказать существенное влияние на состояние внешней торговли России. К тому же большая часть французских товаров в Россию поступало через купцов третьих стран. Лишь весной 1756 года наметился серьезный поворот во внешней политике России, связанный со многими причинами, среди которых особое значение имело установление регулярных торговых связей.

В 1750 году в Санкт-Петербургский порт в адрес французской компании Раймберт и К^о приплывает из Роттердама первый корабль, на котором находились французские товары. А в 1755 году их становится уже 7. Всего же за 50-е годы XVIII века в Санкт-Петербургский порт прибыло 22 корабля, что было немало в то время.

Учитывая то, что засилье Англии во внешней торговле России оставалось еще большим, а чрезмерная ориентация внешней торговли на Англию губительно сказывается на торговых отношениях с другими странами, то начало торговли отношений с Францией позволит французским купцам занять достойное место на русском рынке и они в состоянии будут составить конкуренцию как англичанам, так и купцам других стран, занимавшихся перевозкой французских товаров в Россию. Тем более, что

прямые торговые связи между двумя странами положительно скажутся на развитие торговли между купцами двух стран.

После многих перипетий, в конце июня – начале июля 1756 года после восьмилетнего перерыва были восстановлены дипломатические отношения между Францией и Россией.

В 60-е годы объем внешней торговли по сравнению с прошедшим десятилетием значительно возрос. Однако их развитие остается довольно противоречивым. В начале 60-х годов количество приплывших судов было незначительным, а в некоторые годы в Санкт-Петербургский порт не приплывало ни одного французского корабля (1764, 1765 гг.). В середине 60-х гг. как французские дипломаты, так и французские негоданты пытаются привлечь внимание своего правительства к торговле с Россией, побудить принять меры для ее активизации, заключить торговый трактат или хотя бы снизить пошлины для французских товаров.

В письме французского негоданта и торгового консула М. Рэмбера в Санкт-Петербурге, датированное 27 апреля 1766 года и посвященное развитию не только русско-французской, но и в целом балтийской торговли, говорится о необходимости поощрения государственным вознаграждениями французских судовладельцев и коммерсантов, чтобы заинтересовать их начать более активную торговлю с Россией.

Герцог Прален в своем письме генеральному инспектору от 18 февраля 1766 года пишет, что заключение русско-французского торгового соглашения было полезно обоим государствам. Однако подписание такого соглашения возможно лишь в том случае, если в России смогут ощутить все преимущества прямой русско-французской торговли, которая до настоящего времени совершенно не развита. «Считаю, пора всерьез озаботиться этим вопросом. Поездка господина Монтаза по нашим южным провинциям помогла ему увидеть в наших средиземноморских портах весьма благоприятные к тому предпосылки. Мне представляется, эти всходы благодатны для возделывания и могут принести весьма полезные государству плоды во многих делах».

М. Россиньоль, который являлся французским консулом в России, в своем письме из Санкт-Петербурга, датированном 22 апреля 1766 г. пишет что «любая торговля никоим образом не должна зависеть от дел политических и может расти и развиваться даже в отсутствии соответствующих представителей при обоих дворах. Только так Франция сможет однажды добиться влияния в России и использовать затем эту страну в своих интересах». Далее М. Россиньоль замечает, что только через торговлю Англия господствует в России и доверие к Англии будет подорвано только с подрывом ее торговли. «И то, и другое перейдут к Франции только таким путем и только тогда, когда она применит к тому имеющиеся в ее власти средства».

М. Рамберт в своем письме от 27 апреля 1766 г. герцогу Пралену пишет, что необходимо «обеспечить нашим торговцам и судовладельцам

свободы и гарантии, необходимые в иностранных государствах, чтобы французские торговля и мореплавание стали процветающими». Добиться это возможно только через «заключение торговых соглашений».

Российская сторона также проявляла заинтересованность в улучшении торговых отношений между двумя странами. Герцог де Шуазель, являющийся министром иностранных дел Франции, в своем письме от 4 мая 1766 г. французскому послу маркизу де Боссэ пишет, что «князь де Голицын заявил, что российский двор хотел бы провести переговоры и заключить торговое соглашение с Францией... Он заверил меня в том, ...что его двор заинтересован только в выгоде для обеих стран». При этом герцог де Шуазель напомнил князю, что пять лет назад он отправлял в Петербург проект торгового соглашения, на который «его двор до сей поры не дал ответ» и если российский двор и впрямь заинтересован в возобновлении переговоров, пусть они и представляют «новый проект торгового соглашения, о чем я тогда и доложу королю».

Однако хлопоты остались безрезультатны. Несмотря на то, что Россия в 1766 году заключает англо-русский торговый договор, в середине 60-х годов французские купцы неожиданно активизируют свою деятельность. В 1766, 1767 и в 1769 гг. количество приплывших французских кораблей резко возросло – их приплывало более 10 судов ежегодно. «По самым скромным оценкам годовая торговля на севере и на Балтике достигает 150 миллионов, треть этой суммы считается за Францией, как по продаваемым ею излишкам, так и по получаемым товарам. Эта торговая доля Королевства позволяет задействовать до 1500 судов. Однако торговля и мореплавание между северными народами и Францией почти полностью осуществляются через посредников. Это положение надо менять», – пишет в своем письме М Рэмбер от 2 апреля 1768 года.

При Людовике XVI представителем Франции при дворе Екатерины II был назначен Жюинье. Данная ему инструкция была написана «совсем в другом тоне, чем писались инструкции при Людовике XV». Екатерина была в восторге от Жюинье: «Очень честный человек, и он изменил здесь тон своих предшественников». Фактически, Жюинье больше наблюдал за тем, что делалось в России, и не предпринимал никаких действий. П.В. Безобразов пишет: «Специальное поручение было дано ему один раз. В Париже распространился слух, что между Екатериной и королем английским заключен договор, по которому Россия обязалась послать в Америку на помощь Англии двадцатитысячные войска». Жюинье поручали расстроить дела Екатерины с английским королем. Но в последний момент Екатерина передумала, несмотря на «большую симпатию» к Англии, и французскому послу не пришлось прикладывать усилия.

Необходимо также отметить, как и прежде, голландцы, любекцы и гамбургцы сохранили более чем прочные позиции в посредничестве. Появились и новые моменты. Согласно исследованиям В.Н. Захарова, активную роль в русско-французских отношениях в результате

определенных усилий правительства стали играть русские купцы. Всего за это десятилетие в Санкт-Петербургский порт приплыло более 54 кораблей.

В 70-е годы XVIII века начинается новый этап в деятельности французских купцов. С приходом к власти во Франции Людовика XVI в 1774 году происходит коренной поворот в отношениях двух стран: «Началась новая политика, более миролюбивая вообще и более дружелюбная по отношению к России».

Именно в эти годы настает пик торговли России с Францией, а ведущую роль в обеспечении русско-французских контактов переходит к французским купцам. Особенно среди французских купцов выделялись Жан Мишель и компания Йозефа Раймберта. Помимо них в Петербурге появились еще несколько французских компаний (Франц Ноэль Грелинг и К°, Генгриер, Биллиот и К° и др.). К сожалению, русские купцы не смогли выдержать конкуренцию иностранных купцов и практически все к концу 70-х годов разорились. Исключение составил только Ф. Ямщиков, который на протяжении всего десятилетия регулярно получал товары из Бордо. Всего за десятилетие приплыло более 174 иностранных кораблей, причем в некоторые годы (1773, 1774, 1776, 1777 гг.) приплывало больше кораблей, чем в целом за 50-е годы. Активность немецких и английских купцов остается на прежнем уровне. По данным ведомостей о составе купцов количество французов, принявших участие во внешней торговле превосходило численность многих иностранных купцов (голландцев, немцев, итальянцев и др.). Только англичане по числу торгующих несколько превосходили французов. Так в 1764 году численность французских купцов составляла 33 человека, в 1765 году – 38 человек, то уже в 1774 году их стало 44 человека.

Новые надежды для французских коммерсантов в России появились в 80-е годы XVIII века. Российское правительство стремится расширить внешнюю торговлю без посредников. Оно заключает целый ряд торговых договоров со странами Западной Европы, в том числе и с Францией в 1786 году. Однако этот договор не имел долговременных последствий для деятельности французских фирм в Петербурге. Великая Французская революция, которая началась в конце 80-х годов, резко осложнило торговлю между нашими странами. В середине 90-х годов в Петербурге, по наблюдениям В.Н. Захарова, нет сколько-нибудь заметных французских внешнеторговых фирм.

Таким образом, развитие объема товарооборота русско-французской торговли во второй половине XVIII века можно охарактеризовать как нестабильным, несмотря на то, что ежегодно он возрастал. Только в 90-е годы этот показатель резко падает в связи с революционными событиями во Франции. 60-е и начало 70-х годов характеризуется отрицательным сальдо (импорт превышает экспорт продукции). Лишь только в 1773 году показатель экспорта почти сравнялся с показателем импорта и составил 239 тыс. рублей. Начиная с 1774 года, показатель экспорта начинает превышать импорт, причем в отдельные годы это превышение составляет более 400 тыс. рублей.

Пик товарооборота русско-французских отношений приходится на 1792 год (1 068 371 рублей). Однако к концу века этот показатель падает почти в 5 раз и составляет в 1799 году 225 400 рублей.

Царев А.С. (Рязань)

Отто фон Бисмарк и попытка германо-английского сближения.

В 1861 году принц Вильгельм стал прусским королём Вильгельмом I. 23 сентября 1862 король назначил Бисмарка министром-председателем правительства Пруссии, наделив его широкими полномочиями. С самого начала своей министерской деятельности Бисмарк уделял большое внимание внешней политике. Основной целью всей международной деятельности была попытка установления верховенства Пруссии в Германии. В связи с этим неизбежным становилось столкновение с Австрией, второй претенденткой на господствующую роль в процессе объединения страны.

Не имея возможности вести войну на два фронта, Бисмарку необходимо было заручиться поддержкой других великих держав. К позиции Франции несмотря на сочувствие, высказываемое Наполеоном III делу германского национального единства, у Бисмарка было недоверие. От Англии, целиком поглощенной своими заокеанскими интересами, в то время Бисмарк мог ожидать, в лучшем случае, только «платоническое доброжелательство», и на тот момент его это вполне устраивало, так как поддержка России, отношения с которой он в течение долгого времени планомерно улучшал, при такой ситуации дипломатически обеспечивала выполнение планов Бисмарка.

После разгрома Австрии неизбежной становилась война с Францией, которая по своему существу была продолжением, хотя точнее будет сказать завершением, предыдущей войны. Эта война была необходима для осуществления основной цели Бисмарка: устранить из Германского союза Австрию, исконную противницу Пруссии к расширению за счёт германских государств, а эвентуально к захвату гегемонии над всей Германией.

Разгром Франции в ходе франко-прусской войны 1870-1871 гг. и образование Германской империи открыли новую эпоху в истории Европы. Теперь в центре Европы существовала могучая военная держава. Как итог прусско-германский режим создал в Европе особый тип международных отношений, вошедший в историю XIX - начала XX в. под именем «вооруженного мира». Его сущностью стала систематическая подготовка к локальным войнам, а затем и к мировой войне.

Подтверждал это и тот факт, что Германия аннексировала у Франции Эльзас-Лотарингию, что порождало неизбежность новых войн между двумя этими великими державами. В таких условиях Германия, как еще молодое и неокрепшее государство, не могла себе позволить сколько-либо серьезных конфликтов с другими великими державами.

Несмотря на возросшую мощь немецкого государства, долгое время эта страна была не опасна для Англии. Бисмарк же в условиях постоянной возможности войны с Францией пытался найти пути сближения с великой морской державой.

В «Мыслях и воспоминаниях» Бисмарк умолчал о том, что он даже в моменты самой тесной дружбы с Петербургом постоянно искал сближения с Лондоном. Очень часто страна находилась на распутье между Россией и Англией.

Преследую все те же цели, в конце 70-ых годов Бисмарк вносит определенные коррективы в свою политику в отношении Франции. Он усиленно направлял внимание французской дипломатии на заокеанские предприятия. Желая ухода Франции из Европы, он надеялся, что завоевания в Северной и Тропической Африке, в Индо-Китае отвлекут французов от европейской распри и вместе с тем поведут к столкновениям Франции с другими колониальными державами и прежде всего с Британской империей.

Неожиданно быстрое восстановление Франции после опустошительной войны 1871 года тревожило Берлин. К 1875 году в военных кругах все больше стали высказываться за превентивную войну с Францией. Однако в возможный конфликт вмешались Англия и Россия, предотвратив тем самым новую войну.

Бисмарк понял, что рассчитывать на благожелательный нейтралитет Российской империи больше не стоит. В то время как Англия, видя в Германии второго Наполеона I, считала необходимым укротить Бисмарка. Т.е. к 1875 г. сложилась реальная угроза антигерманской коалиции.

Перед Бисмарком встала сложная задача, с одной стороны сохранить хорошие отношения с Россией, с другой наладить отношения с Англией, с третьей не дать сблизиться ни одной из выше перечисленных стран с Францией.

На Берлинском конгрессе, при полном содействии Бисмарка, была достигнута одна из основных целей британской дипломатии - разрыв союза трех императоров. В России были возмущены поступком канцлера, вследствие чего русско-германские отношения сильно обострились. А в отношениях с Англией наметилось потепление.

Однако в 1879 г. Бисмарк, вопреки сопротивлению Вильгельма I, настоял на заключении военно-политического союза с Австро-Венгрией, исключительно направленного против России. Одновременно с Веней Бисмарк обратился в сентябре 1879 г. и в Лондон. Но переговоры с английским правительством скоро были прерваны, так как он был вынужден признать, что его замыслы были разгаданы в Лондоне. Немецкий канцлер, раздувая существующие между Российской и Британской империями противоречия, стремился вызвать между ними военное столкновение. Английское правительство и общественное мнение распознали эту довольно неуклюжую махинацию, что в итоге не привело к улучшению отношений.

Ловко играя на разногласиях европейских государств, Тройственному союзу удалось привлечь внушительное число союзников, однако все попытки Бисмарка добиться участия в союзе Англии оказались бесплодными. Несмотря на острые колониальные противоречия с Францией и Россией, Англия, как и прежде, не хотела связывать себя договором с любым европейским государством, оставаясь верной политике «блестящей изоляции». Остались в памяти и неуклюжие попытки Бисмарка вызвать военные столкновения между Англией и Россией.

Лишь к концу XIX века, опасаясь образования широкой антианглийской коалиции, правящие круги Великобритании стали склоняться к отказу от политики «блестящей изоляции». После того как переговоры Англии с Россией о тесном сближении не привели к положительным результатам, английский министр колоний Джозеф Чемберлен, выдвинул предложение о заключении англо-германского союза, основанного на широком политическом соглашении и заострённого против политики России на Дальнем Востоке. Этому способствовало и увеличение военной мощи Германии. Если раньше заявляя колониальные претензии, Германия не могла осуществить их и стать серьезным противником, так как не имела военно-морского флота. То к концу XIX века разрешив эту проблему, Германия приступила к осуществлению своих планов, обратив внимание на территории в Юго-Западной, Западной и Восточной Африке, и натолкнулась на такие же устремления Великобритании. Несмотря на свои интересы в этом регионе, Германская империя понимала, что попытка участия в этой колониальной войне неминуемо приведет к столкновению с Англией на европейском театре военных действий. А страна пока еще не располагала достаточными силами для ведения войны на два фронта. Кроме того будущий конфликт отвлечет Англию от Ближнего Востока, где Германия на тот момент так же активно проводила свою политику. Поэтому подобный договор был ей удобен. Тем более это позволяло наметить определенное англо-германское сближение, то к чему так долго стремился Бисмарк.

Свидетельством этого стал англо-германский договор 1898 года о разделе португальских колоний и отказе поддержки Германией бурских республик в возможном конфликте, несмотря на свои интересы в этом регионе.

Раздел португальских владений так и не состоялся. Во многом из-за двойной политики Англии. Нейтралитет Германии в англо-бурской войне тоже был во многом условным, так как империя все равно сохраняла заинтересованность и политическую значимость в предстоящем конфликте. Так кайзер оказывал тайное содействие инициативе некоторых членов Пангерманского союза, которые занимались сбором добровольцев на войну в Южной Африке. А многие немецкие фирмы получили неплохой доход от продажи оружия бурам.

Таким образом, мы видим, что на протяжении всей своей политической карьеры Бисмарк пытался улучшить отношения с Англией, показать, что Германия является ее единственным ценным и надежным союзником на континенте.

Следуя политике «блестящей изоляции» Великобритания не вмешивалась в конфликты, связанные с процессом объединения Германии, высказывая позицию благожелательного нейтралитета.

После создания германской империи и начала активной колониальной политики, интересы двух стран постоянно пересекались. Желание Германии улучшить отношения с одной стороны и опасность для Англии оказаться в международной изоляции позволили установить более тесные отношения

Однако двойная политика обеих стран привела к тому, что все договоренности не смогли обрести прочный и долговременный характер.

Шевцов Н.М. (Рязань)

Идеи экспансии в Германии на рубеже XIX-XX веков.

С конца XIX века в Германии набирают обороты идеи экспансии и агрессивной национальной политики. Начиная с 1890 года немецкое государство оказалось в руках кайзера Вильгельма II. Его амбиции сказались не только на внутреннем, но и на внешнем политическом фронте. Международная политика Германии стала заметно отходить от идеи Бисмарка создания межгосударственных союзов обеспечивавших стабильность и безопасность страны. Она стала приобретать черты мировой, колониалистской и конфронтационной.

Такая империалистическая ориентация постбисмарковского правительства была обусловлена давлением буржуазных кругов, кругов большого бизнеса Рейха.

Почему немецкая буржуазия становилась убежденным сторонником *Weltpolitik*? К концу XIX века Германия превратилась в крупнейшую индустриальную державу мира, а перед Первой мировой войной не многие страны могли сравниться с ней по силе экономического потенциала. «В последние мирные годы Германия производила две трети всей стали и половину всего каменного и бурого угля в континентальной Европе, а также на 20% больше электроэнергии, чем Британия, Франция и Италия вместе взятые».

Обладая динамично развивающейся промышленностью и имея в своих руках огромные ресурсы, Германия, явно, не хотела оставаться в тени международных проблем.

Империалистическая направленность ее внешней политики имела свою предысторию.

В 1807 году, когда Пруссия потерпела сокрушительное поражение от наполеоновской Франции, Иоганн Готлиб Фихте стал читать свои «Речи к немецкой нации» в Берлинском университете. «Речи к немецкой нации» были своего рода учением носившим, в принципе, расистский характер. «Согласно этому учению, романские народности, в особенности французы и евреи являются упадочническими расами. Только германской нации дарована способность возродиться».

Преемником Фихте стал Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Его философия была пропитана духом этатизма. «По Гегелю, государство есть все или почти все. Он утверждал так же, что государство как высшее проявление «мирового духа», «мораль вселенной» безраздельно властвует над индивидуумом, высший долг которого состоит в том, чтобы быть членом государства, ибо право мирового духа выше всех особых привилегий».

По мнению Гегеля «мировая история – это не империя счастья». Моменты счастья согласно Гегелю – это пустые страницы истории, поскольку в такие периоды жизни человечества отсутствуют конфликты и войны. «Война является великим чистилищем. По мнению Гегеля, она содействует этическому здоровью народов развращенных долгой жизнью в мире».

Таким образом, можно заключить, что милитаристские устремления немцев, концепция авторитарного государства, помноженные на идею избранности и особой миссии Германии стали давать свои всходы уже в начале XIX века.

Милитаризм глубоко пустил свои корни в сознании немецкого народа. «Империалистический образ мышления распространился не только в высших слоях общества, но проник в средние слои и даже в отдельные группы рабочего класса».

Публичные заявления германских политиков приобретали все больший империалистический оттенок. Вот, к примеру, что сказал статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Бернхард фон Бюлов в своей речи перед Рейхстагом 11 декабря 1889 года: «В нашем девятнадцатом веке Англия все дальше и дальше расширила свою колониальную империю французы утвердились в Северной Африке и в Восточной Африке. Время, самое время нам разобраться в позиции, которую мы займем по отношению к процессам, разыгрывающимся и готовящимся вокруг нас. Праздно стоять в стороне, как мы это часто делали раньше, мы больше не можем и не хотим. В грядущем столетии немецкий народ будет молотом или наковальней».

Германская буржуазия требовала расширения рынков сбыта для своих товаров. Политические и военные деятели неоднократно упоминали о необходимости приобретения колониальных владений.

Но колониальная политика заставляла Германию вступить в жесткую конкурентную борьбу с другими европейскими странами. Военные бонзы и ближайшее окружение кайзера прекрасно понимали, что их государство

нуждается в хорошей обороне. Они утверждали, что морской флот мог стать гарантом стабильности Рейха в международных вопросах.

С этого момента открывается новая страница в немецкой истории, а именно – интенсивное строительство морского флота и гонка морских вооружений. Один из апологетов данной политики статс-секретарь военно-морского ведомства Альфред фон Тирпиц высказал свое мнение о законопроектах касающихся стремительного увеличения германских ВМС: «При наличных обстоятельствах есть лишь одно средство, чтобы защитить германскую торговлю и колонии: Германия должна иметь флот такой силы, чтобы даже для самого большого флота война была бы таким риском, что его собственное превосходство оказалось бы в опасности».

Естественно, что в такие времена в самом Рейхе становились популярны расовые теории и концепция войны. В 1890-е годы в Германии происходит расцвет социал-дарвинистских идей, которые органично сочетались с обычным расизмом. Антрополог Людвиг Вольтман однажды заявил, что германский народ является вершиной эволюции человечества. А, значит, делался простой вывод: германская раса должна господствовать над другими народами. По мнению Вольтмана немцы должны были править миром, но другие человеческие расы мешали этому.

«Подобные представления о международной политике как об арене борьбы между различными расами за превосходство или выживание широко распространились среди представителей политической элиты Германии к началу Первой мировой войны».

Из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод: к концу XIX века Германская империя превратилась в мощнейший мировой экономический фактор, с которым невозможно было не считаться. Но территория этой страны явно не соответствовала ее внутреннему потенциалу. Большой бизнес и военно-бюрократическая верхушка Германии стали оказывать давления на правительство с целью расширения сфер влияния своей страны в мировой экономике вооруженным путем. Результатом такой позиции немецкой элиты стала Первая мировая война и десять миллионов потерянных жизней.

Шигарева А.Н. (Кострома)

Пруссия и Россия: от вражды к союзу (1763-1772 гг.)

В определении приоритетных направлений послевоенной внешней политики Пруссии Фридрих II исходил, главным образом, из двух предпосылок: Пруссии был необходим альянс, который мог бы обеспечить восстановление разрушенной страны и обезопасить её со стороны Австрии. Другим основанием, рассчитанным на более отдаленную перспективу, была реализация давних планов по расширению территории прусского

государства. Кроме того, оказавшись в числе держав лидеров, сумевших сохранить по итогам мира положение довоенного статус-кво, Фридрих осознавал новые открывающиеся возможности равного статусного положения Пруссии, санкционированного ведущими европейскими государствами, в международной политике.

Каким образом политик, который длительное время вел борьбу против осуществления насильственного раздела собственного государства другими державами, сам становится активным участником раздела своего ослабленного соседа – Польши? В чем причина установления союзнических отношений с Россией и сохранения их в течение длительного времени при всей негативной оценке новой роли Российской империи в европейской политике? Признаки оборонительной или наступательной внешней политики были отражены во внешнеполитической доктрине этого периода?

Политические реалии и подкрепление нового статуса после заключения Губертусбургского мира настоятельно требовали от короля закрепления союзничества с одной из великих держав. Прекращение под грузом взаимных претензий и противоречий ещё в годы Семилетней войны союзных обязательств с Англией подталкивало прусского короля к альянсу с другой европейской державой. Восстановление прежних союзнических отношений, существовавших до «дипломатической революции» 1756 г., с французской монархией также не представлялось возможным. Король не верил в способность Франции проводить активную внешнюю политику после окончания Семилетней войны и в намерения французской дипломатии поддержать линию Пруссии против Австрии.

Альтернативой Англии и Франции могла стать для Пруссии Российская империя, которой Фридрих не отводил роли принципиального противника в отличие от Австрии, объясняя её причастие к враждебной коалиции во время Семилетней войны лишь игрой случая, интригами австрийских и русских дипломатов. Определенные шаги в направлении сближения с Россией уже были сделаны королем: мир между Пруссией и Австрией был подписан в Губертусбурге 4 февраля 1763 г., и в этот же день Фридрих II, не откладывая, начал переговоры о союзе с Россией. Несмотря на то, что Екатерина II была далека от «прусофильских» взглядов Петра III, она по-прежнему рассматривала союз с Пруссией как перспективное направление российской политики в Европе.

Обстоятельством, по мнению Фридриха, ускорившим оформление русско-прусского альянса стала кончина 5 октября 1763 г. польского короля Августа III. В связи с этим активизировалась польская политика русской императрицы, желавшей видеть на польском престоле своего ставленника и нуждавшейся в таком союзнике, как Пруссия. Несмотря на то, что истоки политики, направленной на разрушение польского государства, «восходят к Великому курфюрсту Фридриху Вильгельму», доминирующим направлением внешней политики Пруссии, по мнению Б. М. Туполева, она стала лишь после сближения с Россией.

В соглашении с Россией от января 1764 г., заключенном на 8 лет, гарантировавшем взаимную защиту владений обеих держав и определявшем в тайных статьях военную и финансовую взаимопомощь в случае, если на Россию нападут со стороны Крыма, а на Пруссию со стороны Рейна, Фридрих видел реальный шанс выхода из политической изоляции и обеспечение безопасности Пруссии в Европе. Большие последствия для будущей политики союзников имели статьи о совместном участии в польских делах. Пруссия обязывалась препятствовать любым попыткам сделать польское королевство наследственным и не допускать никаких реформ по введению в ней самодержавного образа правления. Несомненно: заключение союзного договора с Россией воспринималось Фридрихом как важный шаг, подтверждающий право Пруссии участвовать в большой европейской политике, с таким трудом приобретенное по итогам последней войны. В союзе с Россией он усматривал реальный шанс выхода из политической изоляции и новую возможность продолжения политики объединения Пруссии за счет польских земель.

Фридрих всегда настаивал на том, что именно Российская империя инициировала дальнейшие международные события, которые привели к разделу Речи Посполитой; эта позиция в основном разделяется западной историографией. По его мнению, избрание на польский престол Станислава Понятовского не имело бы никаких прямых последствий для раздела Польши, если бы русская императрица ограничилась только этим и не проводила политику, направленную на укрепление позиций диссидентов в Польше. Эти требования России стали причиной внутреннего возмущения в польском государстве, которое, в конечном итоге, вылилось в гражданскую войну. Польская знать, которая стала искать поддержку в Турции, тем самым спровоцировала предъявление Портой при поддержке Франции ультиматума России. Король забывает о том, что все «самоуправные» действия русской императрицы были санкционированы её союзницей – Пруссией. Очевидно, что «просвещенный» протестант Фридрих, как и последовательница идей Просвещения Екатерина II, также получившая протестантское воспитание, не смогли в полной мере оценить роль католичества в Польше и последствия столь грубого вмешательства в её религиозные дела. Католический фанатизм польской шляхты был не понятен Фридриху, убежденному стороннику принципа веротерпимости, считавшему внутренние и внешние конфликты по религиозным причинам пережитком прошлого.

Имел ли Фридрих реальную возможность влиять на внешнеполитическую линию Российской империи в Польше в это время? Иными словами, был ли Берлин равноправным партнером Петербурга? На всем протяжении русско-пруссских союзных отношений дипломатии Фридриха II приходилось отстаивать самостоятельную позицию в отношениях с Россией. Впрочем, Фридриху так и не удалось избежать позднейших обвинений в полном подчинении интересам российской внешней политики. Ф. Энгельс прямо назвал короля «покорным слугой

преемницы Петра I». В попытке проследить историю партнерства России и Пруссии после окончания Семилетней войны нельзя обойти вопрос о позиции Фридриха по вопросу о «северной системе» Н. И. Панина. Как известно, «Фридрих II был не просто равнодушен к панинской «северной системе», – писал М. Робертс, – но настроен абсолютно негативно по отношению к ней. Будучи достаточно осторожным, чтобы не говорить этого вслух, он, тем не менее, дал Екатерине ясно понять, что если даже Англия присоединится к северной системе всего лишь путем договора только с Россией, это не будет иметь для него никакого значения». Однако при всей осторожности искусного дипломата, каковым являлся Фридрих, его подлинное отношение к проекту «северной системы» не является тайной для историков. Прусско-русский альянс должен быть стать, по мысли его создателя графа Панина, ядром разветвленной системы союзов, к которой в будущем должны были присоединиться Дания, Швеция, Англия, Саксония и Польша. Но то, что подогревало честолюбивые планы русского министра обеспечить превосходство России на Севере Европы, серьезно расходилось с намерениями короля. Эти расхождения имели принципиальный характер. Для короля было очевидно, что руководством в этом союзе завладеет Россия, роста могущества которой он никогда не желал. Фридрих отказывался от включения в широкую систему союзов, считая, что союз с Петербургом является гарантией неприкосновенности его европейских владений, тогда как появление новых союзнических обстоятельств не гарантирует безопасность прусских границ. Об отсутствии перспектив в «Северной системе» для реализации собственной внешнеполитической стратегии он уведомлял посланника в Петербурге Сольмса в 1770 г.: «Действительно, чем более я размышляю об этом (предложение Панина о создании «Северной системы» – А.Ш.), тем менее нахожу причины заключать новые союзы с государствами этой части Европы. Он (союз с Россией) заменяет все прочие... Я не вижу во всей Северной системе ни малейшего основания, которое могло бы склонить меня к этому». В связи с этим необходимо отметить осторожное отношение Фридриха к заключению каких-либо договоров, «не основанных на будущих гарантиях», отражающее большую, нежели ранее, приверженность принципу защиты безопасности Пруссии. Кроме того, меньшая отягощенность обязательствами перед союзниками позволяла прусской дипломатии «сохранять свободу действий, чтобы иметь возможность при необходимости принять соответствующее собственным интересам решение». Эффективное выполнение внешнеполитических задач возможно лишь при сохранении самостоятельной позиции в отношениях с союзниками, – к такому выводу приходит король.

В письме к принцу Генриху в феврале 1770 г. король писал о том, что русские должны почувствовать разницу между отношениями равноправных государств-союзников и властителей с их подданными. Политика России, нарушавшаяся принцип баланса сил в Европе, по его мнению, стала главной и основной причиной дальнейших международных событий. Он был

убежден, что «деспотичные» действиями России в Польше способствовали обострению противоречий в самом польском государстве и стали поводом для начала новой русско-турецкой войны в 1768 г. «Уж лучше бы мы не брались ставить на польский престол короля!» – сокрушался Фридрих II в письме к Сольмсу.

Противоречивая позиция по отношению к России как партнеру по союзу объясняется негативной оценкой новой сильной международной роли Российской империи в европейской политике во внешней концепции короля. В основе постепенного перерастания прусско-русского союзничества в соперничество лежал страх Фридриха перед её потенциалом, её динамичной наступательной политикой, сложность проведения самостоятельной политики в союзе с таким государством.

РАЗДЕЛ III

ЗАПАД, ВОСТОК, РОССИЯ: СОТРУДНИЧЕСТВО, ПРОТИВОРЕЧИЯ, КОНФЛИКТЫ (XX-XXI ВВ.)

Аболмасов В.В. (Рязань)

К вопросу об англо-советских экономических отношениях в 1933-1937 гг.

Отношения между СССР и Англией в 1933—1935 годах развивались в условиях, определявшихся многими факторами. Большое влияние на них оказывало экономическое положение СССР и Великобритании, а также те значительные изменения, которые произошли в Европе в связи с приходом в Германии в начале 1933 года к власти фашизма.

Экономический кризис привел к полному расстройству английской экономики. Правда, со второй половины 1932 года индекс промышленного производства Англии начал возрастать, превысив в 1935 году предкризисный уровень, и объем промышленной продукции Англии стал увеличиваться. Однако промышленное производство Великобритании росло крайне неравномерно, и ряд отраслей промышленности с трудом выходил из кризиса. Так называемые старые отрасли промышленности Англии — угольная, металлургическая, судостроение, текстильная — развивались очень медленно и лишь позднее, во второй половине тридцатых годов, начали медленно восстанавливаться. После мирового экономического кризиса значительными темпами развивались в Англии так называемые новые отрасли промышленности, главным образом автомобилестроение и производство электромашин. Одной из причин, вызвавших оживление английской промышленности в 1933—1937 годах, явились военные заказы. Экспорт Англии после кризиса непрерывно увеличивался и в середине тридцатых годов почти достиг предвоенных размеров.

Экономический кризис резко обострил борьбу ведущих стран мира за рынки сбыта и сферы влияния. Каждая из стран использовала крайние методы в борьбе за увеличение экспорта, и расширение экспорта одной страны наталкивалось на активное сопротивление других капиталистических государств. Американские монополии начали теснить Англию на многих имперских рынках. Борьба английских монополий за рынки сбыта и сырья сопровождалась острой конкуренцией со стороны других стран, в результате которой Англии все труднее удавалось удерживать свои позиции на мировом рынке.

В отличие от этого развитие Советского Союза происходило на стабильной основе. Успешно выполнив в 1932 году первый пятилетний план, построив фундамент социализма, Советская страна превратилась в могучую индустриальную державу. В стране была решена труднейшая задача коллективизации сельского хозяйства. К концу 1932 года СССР вышел на второе место в мире по выплавке чугуна, по сельскохозяйственному машино-

строению и добыче нефти. Была создана мощная оборонная промышленность. В 1933 году советский народ приступил к осуществлению второй пятилетки. Второй пятилетний план к 1938 году был также успешно выполнен, и в 1938 году страна вступила в третью пятилетку. По объему валовой промышленной продукции Советский Союз вышел на первое место в Европе и второе место в мире.

Значительно укрепилось международное положение СССР; в 1934 году он имел дипломатические отношения с 25 государствами.

Через всю историю советско-британских экономических отношений на протяжении полутора десятков лет красной нитью проходила борьба двух противоречивых тенденций: с одной стороны, тенденция к сотрудничеству с Советским Союзом, взаимно выгодному для обеих стран, а с другой — тенденция к экономической изоляции СССР. В конце 1933 — начале 1934 года взяла верх тенденция развития экономического сотрудничества с СССР.

3 июля 1933 г. по предложению британской стороны в Лондоне были возобновлены переговоры о новом англо-советском торговом соглашении. 16 февраля 1934 г. было, наконец, подписано временное торговое соглашение между двумя странами. 1 марта оно было обсуждено и одобрено палатой общин без голосования. В первой же статье этого документа нашел отражение принцип наибольшего благоприятствования. Соглашение зафиксировало признание Англией монополии внешней торговли СССР и ее готовность предоставлять Советскому Союзу торговые кредиты.

Это торговое соглашение, которое заложило прочные основы для развития советско-английской торговли. Однако в 30-х годах объективные возможности, заложенные в торговом соглашении 1934 года, не были полностью использованы. Более того, в те годы отношения между двумя странами в целом неоднократно подвергались серьезным осложнениям, главным образом в силу проводившейся тогдашними руководителями Великобритании (и ряда других стран Запада) политики «умиротворения» фашистских агрессоров и подстрекательств к войне против Советского Союза.

1936 год ознаменовался важным фактом в развитии отношений двух стран — заключением соглашения о кредите.

Развитие торговли между двумя странами в значительной степени тормозилось из-за отсутствия нормальных кредитов. Огромный процент по тем кредитам, которые предоставлялись время от времени английской стороной Советскому Союзу на сравнительно незначительные суммы, не мог, разумеется, стимулировать развитие торговли между двумя странами.

Одновременно с переговорами с Англией советское правительство вело переговоры о кредите с рядом других стран. Предоставление Советскому Союзу кредитов Германией и Чехословакией заставило английское правительство пересмотреть свою прежнюю политику в отношении кредитования СССР.

Первоначально английское правительство вынашивало идею заключения такого кредитного соглашения, которое связывало бы вопрос о предоставлении кредитов с погашением Советским правительством царских долгов, но этот метод кредитования был решительно отвергнут Советским правительством.

28 июня 1936 г. было подписано кредитное соглашение между СССР и Великобританией. Англия предоставляла кредит в 10 млн. ф. ст. Это был первый кредит в серии аналогичных кредитов, предоставленных впоследствии Англией ряду стран. Он был самым крупным соглашением департамента экспортной торговли Англии, которое когда-либо заключалось им за время его существования. Условия английского кредита были лучше условий, полученных Советским Союзом в Швеции, Германии, Чехословакии.

1937—1938 годы явились годами значительного увеличения англо-советской торговли. И в течение всего действия кредитного соглашения 1936 года вплоть до начала второй мировой войны результаты торговли между СССР и Англией были одинаково благоприятными как для Англии, так и для СССР.

Ананьева Н. П. (Рязань)

О причинах японских погромов в США в начале XX века.

Окончание русско-японской войны открыло новую страницу в истории японо-американских отношениях и стало началом нового этапа дальневосточной политики США. Сделав ставку на Японию во время войны, тихоокеанская политика США оказалась перед гораздо большей угрозой соперничества, чем с любой европейской державой, чьи интересы на Востоке продолжали оставаться второстепенными по сравнению с другими аспектами их внешней политики.

Первый удар по расчетам и планам США был нанесен в вопросе об участии американского капитала в обладании отошедшей к Японии южной частью КВЖД.

Столь же безрезультатными оказались и попытки одного из американских предпринимателей добиться получения концессии на разработку угольных залежей в Инчжоуском районе Мукденской провинции.

Постигшее американских бизнесменов разочарование незамедлительно сказалось и на правительственных кругах США. В беседах с Т. Рузвельтом и другими государственными деятелями Америки российский дипломат Бахметев при проезде через Вашингтон вынес впечатление, что они признают свою ошибку, поскольку поняли, что, горячо приняв сторону Японии с самого начала русско-японской войны, «оседлали не ту лошадь».

В большой мере на японо-американских отношениях сказались также острые столкновения на почве торговых интересов. Овладев Южной

Маньчжурией, японцы, прежде всего, озаботились закрытием в нее дверей для иностранцев и их товаров. При перевозке своих товаров по ЮМЖД японцы ввели для них привилегированные тарифы и возврат пошлин, одновременно создавая искусственные помехи для ввоза и продажи других иностранных товаров и широко практикуя подделку иностранных торговых марок.

Вместе с тем, на японо-американских отношениях не могло не сказаться вытеснение под японским нажимом ряда американских предприятий, длительное время оперировавших на Дальнем Востоке. В их число, в частности, входила успешно действовавшая в Японии и получавшая там значительные дивиденды «Консолитейтед Тобакко Компани», продукция которой с помощью искусственных мер оказалась изгнанной не только с японского, но и с китайского и корейского рынков. Крупнейшая японская коммерческая компания «Жицу Буссан Кайша» оказывала финансовую помощь бойкоту американских товаров в Китае, используя это движение для подрыва позиций своих конкурентов.

В ответ на это государственный департамент США в феврале 1906 г. обратился к японскому правительству с протестом по поводу препятствий, создаваемых американской торговле в Маньчжурии. Но в следующем месяце Госдепартамент был вынужден констатировать, что японцы продолжают использовать оккупацию Маньчжурии для лишения иностранцев возможности там торговать.

В апреле 1906 г. американское правительство наряду с правительством Японии, обратилось к Китаю, настаивая на скорейшем открытии для иностранной торговли Аньдуна и Мукдена. Под их давлением из Пекина последовало распоряжение Юань Шикаю о немедленном открытии указанных городов. Однако если японцы извлекли из этого вполне осязаемые результаты, то для американских интересов это имело символическое значение.

Не больше выгод извлекли американские бизнесмены из попытки принять участие совместно с японцами в организованной последними выставке в Мукдене. Не найдя юридических оснований к отклонению американского желания, но не будучи заинтересованными в популяризации товаров конкурента, японцы прибегли к резкому сокращению первоначально запланированных масштабов выставки, число павильонов которой оказалось уменьшенным с 600 до 239.

Теперь уже не только американская, но и английская печать заговорила о нетерпимости японцев, о применении ими недопустимых приемов в конкурентной борьбе, об ущемлении коммерческих интересов держав в Маньчжурии. В июле 1906 г. «Таймс» поместил сообщение из Пекина, в котором указывалось на явное нарушение японцами принципа «открытых дверей» в Китае, и был сделан вывод, что от этого страдают торговые интересы Англии и США. Вскоре наряду с жалобами и упреками, наряду с

попытками достигнуть «взаимопонимания» путем дополнительных уступок, в тоне США начали проскальзывать новые ноты.

Когда в июле 1906 г. команды нескольких японских парусных шхун высадились на остров Св. Павла (из группы Алеутских островов) и перебили там несколько сот котиков, что для японских морских охотников было делом вполне обычным, на сей раз американцы реагировали на браконьерство по-новому. Ими было пущено в ход оружие, и пятеро японцев поплатились жизнью, а двенадцать оказались брошенными в тюрьму. Этот неожиданный прием вызвал в Японии большой шум. Японские газеты объявили объяснения американского правительства совершенно неудовлетворительным и требовали от него официальных выражений сожаления и достаточного вознаграждения семьям убитых. Хотя японское министерство иностранных дел призывало общественное мнение страны к сдержанности, эти усилия успехом не увенчались.

Ухудшению японо-американских отношений в большой мере способствовало в это время движение против японской иммиграции, охватившее тихоокеанские штаты США.

Японию быстро охватило антиамериканское брожение. Газеты пестрили выступлениями против США, с возмущением указывали, что американцы третируют японцев, ставят им на вид, «что они, несмотря на свои успехи, все-таки остаются «желтыми»... избегают соприкосновения с ними, точно так же, как с китайцами и даже неграми». Предпринятая Т. Рузвельтом попытка использовать президентское послание конгрессу, чтобы выразить дружеские чувства к Японии, лишь породила у японцев сомнения в реальности последствий его красноречия.

Потерпев фиаско в своих расчетах относительно Маньчжурии, США были готовы искать «место под солнцем» где-либо в ином районе Китая.

Принимая во внимание свою военную слабость и учитывая неготовность к вооруженному столкновению с первоклассными в военном отношении соперникам, США не рискнули прибегнуть к прямой агрессии против Китая, а использовали метод постепенного сближения с ним.

Создание видимости помощи Китаю, защиты его интересов и целостности стали на этом этапе генеральной линией американской политики в Китае.

В 1905 конгресс США принял решение вернуть Китаю свою долю контрибуции, которая фактически превышала издержки американских вооруженных сил при подавлении восстания «Ихетуань» и убытков, понесенных миссионерами и частными лицами.

Одновременно с выведением политической линии в Китае американская дипломатия предприняла попытку смягчить отношения с Японией.

Однако все приемы американцев не могли сколько-нибудь существенно повлиять на японо-американские отношения и умерить охватившее Японию негодование в связи с расистскими гонениями против

японцев в Калифорнии. Когда весной 1907 г., в Сан-Франциско начались настоящие японские погромы с грабежами, увечьями и даже убийствами, дело дошло до того, что японские газеты стали грозить Соединенным Штатам войной.

В течении всего послевоенного периода японо-американские отношения продолжали оставаться весьма напряженными. Не только правительственные круги, но и буржуазное общественное мнение США стало относиться к Японии чрезвычайно враждебно, что особенно ярко проявлялось на тихоокеанском побережье США.

Еще в начале 1900 г. в Соединенных Штатах насчитывалось свыше 24 тыс. японцев, большинство которых поселилось в Калифорнии, где многие из них владели небольшими участками земли, успешно конкурируя с американскими фермерами. Значительная часть японцев работала в качестве батраков и неквалифицированных рабочих на промышленных предприятиях. Первые антияпонские выступления произошли в 1900 и 1904 гг., когда Американской федерацией труда была принята резолюция, направленная против японских рабочих. Поддерживая это движение, законодательное собрание Калифорнии 1 марта 1905 г. выступило с требованием «защиты от японцев».

С 1900 по 1906 г. с Гавайев в США переселилось до 30 тысяч японцев. В связи с этим антияпонское движение в Калифорнии принимало еще большие размеры. В городах Тихоокеанского побережья США был организован бойкот японских товаров, начались погромные выступления против японцев. В конце 1905 г. такие выступления вспыхнули в Сан-Франциско и вскоре распространились по всей Калифорнии. Поводом для них послужили обвинения японцев в конкуренции на рынке труда и вызванном ими снижении заработной платы. Провоцируя дальнейшее обострение снижения расовой розни, власти Калифорнии в октябре 1906 г. запретили обучение японских детей совместно с детьми белого поселения, предложив им обучаться лишь в особых школах, специально созданных для «азиатов».

Как бы в ответ на прокатившиеся по Японии митинги протеста, американское правительство в феврале 1907 г. запретило въезд в США японским эмигрантам с Гавайских островов, а в мае 1907 г. в Сан-Франциско разразился японский погром.

В основе возникшей вражды лежали не расовые и не национальные противоречия, а обострившаяся конкуренция и столкновение интересов американских и японских монополий, борьба за Маньчжурию, закрытие которой для американского капитала было воспринято им крайне болезненно.

Стремление США расширить сферы своей деятельности на Китай и Сибирь и создать опорные пункты для их колонизации в Маньчжурии и на русском Дальнем Востоке оказались безрезультатными.

Муссолини и Гитлер: общее и особенное во внешней политике фашистской Италии и нацистской Германии.

Муссолини и Гитлер для современного среднего читателя и многих историков как бы сливаются в единое воплощение абсолютного зла: агрессивные, крайне правые диктаторы, пришедшие к власти сходным путем, опиравшиеся на схожую идеологию, сражавшиеся в едином блоке во второй мировой войне и уничтоженные почти одновременно в результате разгрома. При этом очевидная схожесть застилает от исследователей многочисленные и серьезные различия, которые делают подлинную картину гораздо сложнее. Достаточно отметить, что именно фашистская Италия – не демократическая Англия, Франция или США – первоначально самым решительным образом выступала против агрессивных шагов Гитлера в Европе. Во многом намерение Запада умиротворить Германию, а не противодействовать ей, предопределило решение Муссолини поддержать Гитлера. Говоря словами английского историка Ричарда Лэма «Британская политика толкнула Муссолини в объятия Гитлера». Пристальное изучение внешней политики обоих диктаторов позволяет, выявить, по крайней мере, столько же различий, сколько и совпадений.

Дискуссии по вопросам внешней политики Муссолини и Гитлера осложняются тем, что историки до сих пор не пришли к согласию по основному вопросу – о конечных целях, запланированных обоими диктаторами. Например, целый ряд историк подчеркивает, что, хотя фашистские лидеры придали внешней политике своих стран крайний радикализм, оба они основывались на вполне традиционно понимаемых национальных интересах Италии и Германии. А.Дж.П. Тэйлор («Происхождение второй мировой войны», 1961), например, использует в качестве иллюстрации своего мнения меморандум Бетман-Голльвега, относящийся к сентябрю 1914 г. и условия Брест-Литовского мирного договора(1918), подчеркивая, что цели Гитлера не выглядят в этом свете новыми. Р.Дж.Б. Босворт в своем исследовании («Муссолини», 2002) отмечает, что агрессивная политика фашистской Италии напоминала действия великой державы XIX века, борющейся за обретение колоний. Как бы то ни было, хотя цели внешней политики Муссолини и Гитлера были вполне традиционны, этого никак нельзя сказать о методах их достижения.

Х. Тревер-Ропер («Военные цели Гитлера», 1960), анализируя «Майн Кампф» (1924) и «Госсбахский меморандум» (1937), отмечает крайний радикализм идей Гитлера, которые в дальнейшем проводились с фанатичной убежденностью и последовательностью. В противоположность этому общепринятой является оценка Муссолини как оппортуниста в вопросах внешней политики, и Тэйлор заходит дальше всех, оценивая Муссолини как

«пустого, недалновидного хвастуна без идей и целей». Подобное отсутствие четко определенных целей, на наш взгляд, объясняется экономической слабостью фашистской Италии, которой, по словам министра иностранных дел Д. Гранди, приходилось быть «со всеми и против всех». Цель при этом формулировалась следующим образом: «Мы должны вооружаться и не вмешиваться в конфликты как можно дольше, чтобы подороже продать свое участие в грядущем великом кризисе».

И Муссолини и Гитлер признавали хорошие отношения с Британской империей как условие достижения своих внешнеполитических целей. На протяжении 1920-х гг. важной составляющей британской внешней политики был страх возрождения военной мощи Германии и, одновременно с этим, эскалации курса Советской России на мировую революцию. Эти опасения оправдывали в глазах британских политиков и их французских коллег исключение обеих стран из числа членов-основателей Лиги Наций.

Политика Муссолини в отношении Великобритании строилась на ее страхе перед набирающей силу и жаждущей мести Германией. Этим объясняются его энергичные шаги по укреплению Версальской договорной системы. По образному выражению итальянского дипломата Р. Гварильи, «Италия самой историей была обречена примыкать то к одному лагерю, то к другому, постоянно отстаивая свои собственные интересы, выкраивая себе платье из лоскутов, срезанных с одеяний ее многочисленных противников, а до тех пор, пока ее собственная мантия не была готова, прятаться от дождя под обширным плащом Англии». Подобная метафора крайне верна для оценки внешней политики Муссолини времен Локарнской конференции 1925 г., результатом которой стало признание Германией западных границ, установленных послевоенными договорами и ее вступление в Лигу Наций в следующем году. Муссолини лично почти не принимал участия в работе конференции, он посетил только одно заседание и даже не удосужился прочесть итоговые договоры. Но зато он весьма эффектно обставил свое прибытие в Локарно, появившись во главе флотилии быстроходных катеров, привлекая всеобщее внимание. Британский министр иностранных дел О. Чемберлен, разделивший вскоре Нобелевскую премию мира со своими французским и германским коллегами, охарактеризовал Муссолини как «человека, с которым можно вести дела», о чем сразу же было напечатано во всех итальянских газетах. Подобную политику ориентации на Британию Муссолини продолжал и в 1930-е гг. Неверно говорить о том, что приход к власти в Германии Гитлера в 1933 г. подвиг Муссолини к более агрессивной по отношению к западным демократиям политике. Скорее наоборот: он первоначально воспринял Гитлера как соперника, как угрозу положению Италии в Европе. В своих оценках и выражениях в адрес нацистского фюрера, крайне нелестных и порой даже оскорбительных, дуче также не стеснялся. В результате Италия единственная из европейских держав противостояла первым агрессивным шагам Гитлера. В 1934 г. после убийства нацистами австрийского канцлера Э. Дольфуса Муссолини отправил войска

на Бреннерский перевал, воспрепятствовав планам Гитлера относительно аншлюса с Австрией. Затем по личной инициативе Муссолини была созвана Конференция в Стрезе (апрель 1935 г.) с участием премьер-министров Англии и Франции. Результатом стало формирование «фронта Стрезы»: три государства обязались препятствовать всяким дальнейшим агрессивным шагам Германии в Европе, особенно в отношении Австрии. Вплоть до начала Итало-Абиссинской войны Муссолини строил внешнюю политику Италии, ориентируясь главным образом на Англию. Можно утверждать, что и после начала агрессии против Эфиопии, бывшей членом Лиги Наций, дуче надеялся урегулировать все спорные моменты, опираясь на поддержку Англии.

Политика Гитлера, наоборот, основывалась на стремлении использовать страхи Великобритании перед Советской Россией в целях скорейшей ревизии Версальского договора в пользу Германии. Неприятие британскими политиками Советской страны граничило с патологией и было вызвано идеологическим антагонизмом. Большевики отказались платить по царским долгам, национализировали частную, в том числе иностранную, собственность и предали дело Антанты, заключив сепаратный мир с Германией, которая развернула наступление летом 1918 г., чуть было не приведшее ее к победе. Называя Ленина «чумной бациллой», У. Черчилль призывал «задушить большевизм в колыбели» и стал одним из организаторов неудачной интервенции Англии в России во время гражданской войны. На протяжении 1920-х гг. отношения между Великобританией и СССР оставались напряженными. Одним из драматичных эпизодов стала история с фальшивым «письмом Зиновьева» в 1924 г., когда консерваторы обвиняли коммунистов в подготовке революции в Англии, что привело к разрыву дипломатических отношений между двумя странами.

К моменту прихода к власти Гитлера в январе 1933 г. Германия была союзником СССР, продолжалось с переменным успехом сотрудничество, начатое договором в Рапалло 1922 г. Гитлер немедленно отверг сотрудничество с советами и заключил договор о сотрудничестве с Польшей, бывшей заклятым врагом СССР после советско-польской войны 1920-21 гг. Эта враждебность к коммунизму подвигла Великобританию на подписание англо-германского морского соглашения 1935 г., позволявшего Гитлеру развивать военно-морской флот до 35 % тоннажа британского, и, как и он и рассчитывал, серьезно подорвавшего солидарность «фронта Стрезы».

Курс Великобритании на умиротворение Германии становился очевидным, о чем свидетельствовал и отчет британской делегации на переговорах по морскому соглашению кабинету министров: «Мы должны принять предложение герра Гитлера, пока оно остается в силе. Принимая во внимание исторический опыт и нынешнюю мощь Германии, делающую ее способной стать нашим серьезным морским противником, у нас могут появиться причины жалеть об упущенном шансе». Муссолини был взбешен

тем, что англичане исключили Италию и Францию из переговоров, ограничившись двусторонним соглашением с Германией.

Расчет Гитлера при розыгрыше «русской карты», т.е. запугивании всех коммунистической угрозой, строился на том, чтобы добиться сближения с Великобританией. Тот же эффект это оказывало и на Италию. И Гитлер, и Муссолини в равной степени враждебно относились к марксистской идеологии. Поэтому они с одинаковой готовностью согласились помочь генералу Франко, возглавившему мятеж против левого правительства Народного фронта в Испании. Именно во время испанских событий, когда Муссолини отправил в Испанию около 80 тыс. итальянских солдат и офицеров, а Гитлер – 20 тыс., происходит сближение двух диктаторов, оформившееся затем в формальный союз. Вскоре по инициативе Муссолини начинает оформляться «ось Рим-Берлин» – союз для координации усилий по борьбе со сталинским Коминтерном. По этому соглашению Гитлер признавал Средиземное море «итальянским озером», а в ответ Муссолини признавал законность германских притязаний в Центральной и Восточной Европе, что было серьезным поворотом его внешней политики, ранее безоговорочно выступавшей за защиту суверенитета Австрии. В оправдание этого поворота Муссолини заявил на митинге в Милане 1 ноября 1936 г.: «Одна великая держава в последнее время привлекает все больше симпатий итальянского народа, я говорю о Германии... Эта вертикаль между Римом и Берлином не призвана разделить народы Европы, скорее она станет осью, вокруг которой будут вращаться европейские государства, объединенные волей к миру».

В новой ситуации союз с Гитлером требовался Муссолини для защиты позиций Италии в Европе и для поддержки его притязаний в Средиземноморском бассейне и в Африке. Как он отмечал в 1939 г., «браться за решение такой сложной задачи, не имея поддержки в Европе, было бы абсурдным. Политика оси Рим-Берлин, таким образом, отвечает исторически обусловленным целям Италии». Вскоре после этого и Япония, также обеспокоенная деятельностью Коминтерна по развязыванию мировой революции, вступила в Антикоминтерновский пакт. Таким образом, сформировался базис военного альянса стран «оси» в составе Германии, Италии и Японии.

В следующем 1937 г. Муссолини был удостоен грандиозного приема во время своего визита в Германию и через два года подписал «Стальной пакт», который обязывал Италию вступить в возможную войну на стороне Германии, даже в случае, если Гитлер совершит агрессию. Все же, несмотря на то, что события в Испании способствовали значительному сближению двух диктаторов, в их политических курсах осталось немало различий. Во-первых, Гитлер рассматривал войну не только как способ уничтожить коммунизм и продемонстрировать свою военную мощь (цели, которые разделял Муссолини), но и как шанс увеличить экономическую мощь Германии. Плата, которую он требовал от Франко за германскую помощь во

время гражданской войны, представляла собой так называемый «проект Монтана». Его осуществление дало бы Германии доступ к 75 % испанской руды, жизненно важной для нацистской военной машины. Во-вторых, Гитлер намеревался использовать гражданскую войну в Испании как возможность вовлечения в конфликт Италии, что уменьшало ее возможность вмешиваться в австрийские дела. После сокрушительного и позорного поражения итальянских войск в наступлении под Гвадалахарой Гитлер смог включить Австрию в Третий Рейх, не встретив противодействия со стороны Муссолини, как это было в 1934 г. Хотя Италия и была готова к такому развитию событий при наличии своих обязательств и ожиданий в рамках оси Рим-Берлин, манера, в которой был совершен аншлюс, была оскорбительна для Муссолини и ясно свидетельствовала о том, что не он был старшим партнером в союзе.

Эти же факторы престижа и мощи, которые помогают понять различие в подходах Муссолини и Гитлера во время гражданской войны в Испании, также различно проявлялись и в их агрессивной захватнической политике.

Имперская политика Муссолини была направлена больше на завоевание престижа, чем на укрепление итальянской мощи. Единственная из стран-членов Антанты Италия не была удовлетворена условиями Версальского договора, которые сами итальянцы характеризовали словами «искалеченная победа». Пришедший к власти отчасти на волне оскорбленного национализма, Муссолини сразу же оккупировал греческий о-в Корфу в 1923 г., воспользовавшись как предлогом убийством итальянского дипломата, и отозвал войска только после получения солидной компенсации. Затем он сосредоточился на Балканах, отобрав у Югославии порт Фиуме в 1924 г. и усилив нажим на Албанию, которую аннексировал в 1939 г. Макгрегор Нокс отмечает, что эти действия показывают, что дуче, как и Гитлер, считал себя человеком, избранным судьбой, которому предначертано сделать так, чтобы Италию «уважали и боялись» на международной арене («Итальянские союзники Гитлера», 2000), ведь все эти территориальные захваты приносили престиж, но не материальные выгоды Италии. Еще более это проявилось во время агрессии против нищей и слабой Абиссинии, которую Муссолини развязал в 1935 г. Единственным мотивом здесь было стремление взять реванш за унижительное поражение под Адовой в 1896 г. и стремление воссоздать пусть и довольно призрачную, но современную Римскую империю. Отказ Франции и Великобритании поддержать его притязания во многом предопределил решение дуче о выходе Италии из Лиги Наций и о сотрудничестве с Гитлером.

Гордость Германии также была ущемлена оскорбительными условиями Версальского договора, в особенности – статьей о «военной виновности», но более вопросов престижа Гитлера волновали все же проблемы утраты германского величия, потери германской мощи. На всем протяжении 1930-х гг. его внешняя политика была направлена на методичное восстановление утраченной мощи. Ремилитаризация Рейнской области в 1936 г. усилила

германские военные позиции, так как устраняла угрозу открытой и незащищенной военной границы с Францией. Этот шаг Гитлера был прямым нарушением Версальского (1919 г.) и Локарнского (1925 г.) договоров, но Муссолини, озлобленный на Англию и Францию, не пошедших у него на поводу в вопросе об Абиссинии, заранее дал понять, что не присоединится к осуждению Германии. Аншлюс Австрии более чем достаточно компенсировал территориальные и людские потери, понесенные Германией в 1919 г., а когда Гитлер посетил Рим в мае 1938 г. и проинформировал Муссолини о готовящемся захвате Чехословакии, он также встретил понимание со стороны дуче. Председательствовавший на конференции в Мюнхене годом позже Муссолини откровенно выступал в пользу Гитлера, который получил в результате требуемые им Судетские области Чехословакии, чрезвычайно важные в экономическом плане. Ну и наконец, последний предвоенный внешнеполитический кульбит Гитлера, заключившего в сентябре 1939 г. пакт о ненападении с Советским правительством, идеологическим врагом нацистского режима, показывает, что его стремление к выигрышу в «чистой силе» перевешивало все соображения государственного престижа.

Захарова О.В. (Владимир)

Лига Наций и международный статус Канады.

Канада наряду с другими доминионами активно использовало Лигу Наций в решении вопросов о войне и мире. Ещё на первом заседании Ассамблеи Лиги Наций в 1920 г. доминионы требовали их независимости от английских делегатов по различным вопросам обсуждения и голосования. Они выступали против включения в устав Лиги статьи 10-й, которая гласила: «Члены Лиги обязуются уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членной Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения, Совет указывает меры к обеспечению выполнения этого обязательства».

В 1922 г. канадские представители в Лиге Наций внесли поправку к этой статье, предложив дополнить её следующим образом: «... имея в виду политическое и географическое положение каждого государства. Мнение, высказанное Советом, в таких случаях должно рассматриваться, как мнение первостепенной важности и должно быть обсуждено всеми членами Лиги, которые должны использовать свои усилия в соответствии с заключениями Совета, но ни один член не должен быть обязан вступать в какие-либо военные действия без согласия своего парламента или другого представительного учреждения».

Канадская поправка не была принята Лигой Наций (против этой поправки голосовала Персия). Наконец, в 1923 г. Канада добилась принятия Ассамблеей Лиги разъяснительной резолюции, которая рекомендовала при применении военных санкций к агрессорам учитывать географические и специальные условия каждого государства и иметь согласие законодательного органа каждого члена Лиги.

За разъяснительную декларацию голосовали все доминионы – члены Лиги Наций (Канада, Южно-Африканский союз, Австралия, Новая Зеландия, Ирландское свободное государство).

Английское консервативное правительство направило по этому поводу Генеральному секретарю Лиги решительный протест 27 ноября 1924 г.: «... С самого вступления в силу статуса Лиги Наций правительство его величества неизменно придерживалось того взгляда, что ни статус доминионов, ни всякая иная конвенция, заключённая под наблюдением Лиги, не могут определять внутренних отношений между отдельными частями Британской империи. Правительство его величества, поэтому полагает, что содержание статьи 18-й статута не применимо к статьям соглашения от 6-го декабря 1921 г.».

Правящие круги метрополии не желали вмешательства Лиги Наций в её взаимоотношения с доминионами. В том же 1924 г. доминионы отклонили предложение английского правительства консерваторов о созыве конференции для обсуждения вопроса о Женевском протоколе. Проект протокола о мирном разрешении международных конфликтов был выработан Лигой Наций и утверждён в Женеве 2 октября 1924 г. В его разработке активное участие приняло лейбористское правительство Макдональда, которое стремилось продемонстрировать своё миролюбие, чтобы обеспечить себе поддержку на предстоящих выборах.

Но пришедший на смену правительству Макдональда консервативный кабинет Болдуина не торопился подписывать протокол. Позиция доминионов в этом вопросе совпадала с позицией английского правительства, так как они не желали связывать себя обязательствами Женевского протокола.

На запрос английского правительства премьеры канадского, австралийского и южно-африканского правительств один за другим уведомили английского министра иностранных дел Чемберлена, что парламентские работы не дают им возможность прибыть в Лондон, и предложили разрешить вопрос о Женевском протоколе путём обмена телеграммами.

Вскоре выяснилось, что доминионы не собираются утверждать Женевский протокол о гарантиях и разоружении, что они не заинтересованы в поддержании установленного Версальским миром статус-кво в Европе и не намерены подвергать себя опасности новой войны из-за европейских конфликтов. Эта позиция нашла поддержку в британском парламенте при обсуждении протокола. Чемберлен заявил, что «... доминионы были в

полном объеме осведомлены о протоколе. Они вправе принимать решения по этому протоколу, следуя своим интересам».

Канадский премьер-министр М. Кинг на запрос британского правительства по поводу протокола писал: «Мы не считаем, что в интересах Канады... рекомендовать парламенту присоединиться к протоколу и в частности к его жестким постановлениям о применении экономических и военных санкций в любой будущей войне». Женевский протокол был отклонен английским правительством в феврале 1925 г., и в качестве альтернативы был выдвинут новый проект создания гарантийного договора с участием Германии.

Таким образом, Лига Наций во многом способствовала становлению и укреплению внешнеполитического суверенитета Канады.

Зыкова Н.Л. (Иркутск)

Современный буддизм в контексте геополитики России (к постановке проблемы).

Говоря о российском буддизме и его роли в геополитической ситуации России, следует отметить несколько важных моментов, связанных с историей и характерных для него в настоящее время.

Буддизм (в лице его последователей) оказался на территории России в XVII веке в ходе колонизации «инородческих» земель Сибири. С этого времени он становится внутренней геополитической проблемой России. Отношение к нему государства было практическим. Наличие буддийских регионов позволяло России более активно налаживать отношения с буддийскими странами. Это проявилось и в появлении практического востоковедения, прежде всего монголоведения. Дальнейшее благосклонное отношение к буддизму имперского правительства, безусловно, было связано с национальными интересами России и ее геополитикой в странах буддийского мира. Важным моментом, во многом определившим сегодняшнюю ситуацию в буддизме, явилось то, что в начале XX в. на территории России появилось два очага буддизма - на исторических, традиционных территориях (Бурятия и Калмыкия) и за их пределами (открытие Санкт-Петербургского храма-дацана в 1915 году). Возведение храма имело, прежде всего, геополитический характер. Его появление (а это был первый буддийский храм в Европе) демонстрировало не только наличие в России крупной мировой религии - буддизма, но и давало определенные выгоды (дипломатические, политические, экономические) во взаимоотношениях со странами буддийского мира, особенно с соседями (Китаем, Тибетом, Монголией).

Существовали и экономические интересы России в этих регионах. В 20-е годы XX века уже Советское государство продолжало использовать «буддийский» фактор в отношениях с Монголией, Тибетом, Китаем. Не секрет, что революция была во многом экспортирована в Монголию, целый ряд бурятских коммунистов (большинство из которых являлись идеологами реформированного буддизма) участвовали в формировании правительства МНР.

Таким образом, геополитический фактор являлся чрезвычайно важным для России в ходе взаимоотношений с народами, исповедующими буддизм.

Однако распространение буддизма в России вызвало целый ряд проблем международного характера, связанные с буддизмом, которые актуальны и по сей день. Это объясняется политикой России в странах Восточной и Центральной Азии, в которых распространен буддизм. Прежде всего, это касается Монголии и особенно Китая, в котором по-прежнему достаточно остро стоит вопрос о статусе Тибета и тибетского буддизма. Налаживание политических и экономических отношений с Китаем осложняет активная поддержка российских буддистов политики Далай-ламы по отношению к Тибету и тибетскому буддизму. Решение Далай-ламы по поводу кандидатуры нового духовного лидера является достаточно авторитетным для всех последователей школы Гелуг в России. В течение целого ряда лет российские буддисты (прежде всего школы Гелуг) неоднократно проводили так называемые «медитации протеста» перед зданием посольства КНР в Москве, требуя назначения указанного Далай-ламой Панчен-ламы. Таким образом, проблема института «перерождения», характерного для тибетского буддизма, создает известную напряженность среди последователей тибетского буддизма Гелуг в России, что может привести к осложнению отношений России и КНР.

В последнее время новый очаг напряженности появился в Монголии в связи с выявлением Далай-ламой нового «перерождения» Богдо-гегена, духовного и политического главы Монголии (последний Богдо-геген VIII умер в 1924 г.). Современные власти Монголии не готовы признать нового харизматического буддийского лидера, поскольку он является по своему статусу одновременно и ее правителем. Вместе с тем нового Богдо-гегена, который является тибетцем и живет в Индии, единодушно признали буддисты Бурятии, Калмыкии, Тывы которые считают его «живым Буддой». Это может в дальнейшем осложнить отношения Монголии и России, поскольку кандидатура Богдо-гегена не имеет поддержки правительства МНР.

Все эти процессы, происходящие в тибетском буддизме, оказывают самое непосредственное влияние на российских буддистов, формирование «буддийского менталитета», ощущения ими своей причастности к буддийскому миру, особенно к тем странам, которые находятся в непосредственном соседстве с Россией. Никогда прежде (в советское время) буддисты России не были вовлечены в столь стремительные процессы,

происходящие в монгольском и тибетском буддизме. В настоящее время эта вовлеченность носит массовый характер. Так, в Москве создан Центр тибетской культуры и информации, курируемый Далай-ламой. Его главная цель состоит в содействии возрождению буддизма в России. Эту же миссию исполняют тибетские монахи из Индии, Непала, ряда других буддийских стран, из буддийских западных центров тибетского буддизма. Они занимаются лекционной и проповеднической деятельностью в Москве, Санкт-Петербурге, ряде других крупных городов России, в Калмыкии, Тыве, Бурятии, куда их приглашают буддийские общины.

В настоящее время традиционный российский буддизм столкнулся с целым рядом внутренних проблем; одна из наиболее значимых - это отсутствие необходимого числа буддийского духовенства, особенно лам высокого духовного ранга. За годы советской власти была разрушена система образования буддистов, которая не в состоянии восстановиться в столь короткий срок. Поэтому местные и федеральные российские власти вынуждены как бы соглашаться с ситуацией, когда тибетские ламы, имеющие классическое буддийское образование, в настоящее время оказывают весьма существенную помощь в развитии российского буддизма в регионах и ряде крупных городов России.

Все эти проблемы связаны с национальными интересами России и международной политикой в странах Востока. Необходимо сочетать интересы государства (политические, экономические), связанные с международными отношениями с соседними восточными странами, где распространен буддизм (Монголией, Китаем), и интересы российских граждан, исповедующих буддизм, которые рассматривают Далай-ламу XIV как живого бога на земле, не оскорблять чувства верующих, запрещая или откладывая визиты Далай-ламы в Россию, что негативно воспринимается буддистами. Поддерживая и развивая политические и экономические отношения с КНР, нужно стремиться к смягчению «тибетского синдрома» среди последователей буддизма в России.

Таким образом, в настоящее время «буддийская проблема» требует тонкой и дипломатичной политики как в отношении буддистов России, так и в отношении соседних стран, с которыми России необходимо поддерживать всесторонние отношения.

Калигин А. А. (Рязань)

Остин Чемберлен и политика Великобритании по отношению к СССР.

Остин Чемберлен не раз подвергался критике как своими современниками, так и последующими поколениями. Он занимал достаточно важные посты в своей сорокалетней политической карьере, но кресло премьер-министра так и не занял. Неспособность достичь высшего

политического поста наводила на мысль о его недостаточно сильном характере, который влиял на принимаемые им политические решения.

Отношение Чемберлена к СССР было весьма противоречивым в период между всеобщими выборами 1924 г. и разрывом дипломатических отношений в 1927 г. Он пытался не позволить англо-советским отношениям отвлечь его от задачи обеспечения международной стабильности в западной Европе. Хотя он был шокирован насилием, последовавшим после революции 1917 г., министр иностранных дел был полон решимости не позволить идеологической антипатии стать движущей силой британской политики по отношению к Советскому Союзу. Он заявлял, что будет придерживаться другого политического курса: держаться трезвомыслящей дипломатии, чтобы снизить напряжение, возникшее между британским и советским правительствами, т.к. разрыв дипломатических отношений дал бы советскому правительству «больше рекламы и свежий материал для пропаганды».

Многолетняя политика Чемберлена в отношении СССР всегда была уязвимой для обвинений. Министр иностранных дел никогда не отрицал, что советское правительство последовательно вело себя неподобающим образом, нарушая правила традиционной дипломатии. Британское правительство имело право разорвать дипломатические отношения с Москвой, но, по мнению Чемберлена, была опасность того что это способствовало бы международной нестабильности, которая стала бы угрожать британским национальным интересам. Такая политика представляла собой превосходную возможность построить внешнюю политику на реалистической оценке международной обстановки, но Чемберлену было трудно возобладать в политическом окружении, где отношение к Советскому Союзу было результатом идеологии и эмоций, а не хладнокровных дипломатических расчетов. Он в значительной мере подорвал свое собственное положение в январе 1927 г., объявив Кабинету министров, что Форин оффис планирует направить ноту протеста советскому правительству, после того, как выяснилось, что Москва вмешивалась в дипломатическую переписку иностранных держав. В течение нескольких недель О. Чемберлен оставался уверенным, что С. Болдуин по-прежнему выступает против любых попыток разорвать дипломатические отношения, но он был вынужден признать, что затягивание с отправкой ноты может привести к дальнейшим нарушениям со стороны Советов. Несколькими днями ранее Кабинет министров уже согласился, что «если Советское правительство продолжит проводить внешнюю политику в том же духе, то разрыв отношений в ближайшие несколько месяцев практически неизбежен». Министру иностранных дел становилось все труднее оправдывать поддержание дипломатических отношений с СССР, когда его собственное ведомство взяло на себя инициативу протеста против нарушений дипломатического протокола советским правительством.

Обыск, проведенный в штаб-квартире советского акционерного общества АРКОС 12 мая 1927 г., был последней каплей, которая привела к

принятию решения о высылке советских чиновников из Лондона. Незадолго до этого, источники из числа сотрудников разведки выяснили новые данные о советской шпионской деятельности в Великобритании. Согласно им, сотрудник АРКОС незаконным путем получил секретные данные о военной подготовке британских войск. Хотя они так и не были найдены в ходе обыска, британское правительство было полно решимости осуществить высылку советских дипломатов, ссылаясь на многочисленные документы, свидетельствующие о том, что советские чиновники занимались деятельностью, которая, по их мнению, никак не совместима с их официальным статусом. Чемберлен не предпринял серьезной попытки выступить против решения, принятого в Кабинете министров. Некоторые младшие чины Форин оффиса продолжали утверждать, что «пока они видят лишь надуманные доказательства для разрыва дипломатических отношений».

23 февраля 1927 г. Чемберлен направил советскому правительству ноту, в которой он обвинял СССР в ведении «антибританской пропаганды». В начале ноты констатировалось неважное состояние англо-советских отношений. Естественно, что всю вину за это он возложил на советское правительство. В заключении, нота предупреждала, что дальнейшее ведение подобной политики повлечёт за собой разрыв торговых и дипломатических отношений.

Министр иностранных дел решительно защищал в парламенте решение Кабинета министров о высылке советских дипломатов, выставляя СССР как нарушителя соглашений, и требовал немедленного разрыва отношений. Такой шаг ясно показывает противоречие с его прежней точкой зрения, согласно которой поддержание дипломатических связей с Москвой - лучший способ для осуществления политического давления на советское правительство. В действительности, решение о высылке советской миссии было кульминацией многих месяцев давления. Обыск АРКОС был, прежде всего, поводом для решения Кабинета министров от 23 мая о том, что «торговое соглашение с СССР нужно расторгнуть и выслать советских представителей из Великобритании».

Отправка ноты протеста создала политический импульс, который предназначался для подрыва продолжительной политики министра иностранных дел по отношению к СССР. Борьба Чемберлена в защиту своей политики в годы перед обыском в АРКОС показывает пределы его влияния в Кабинете министров. Он смог в течение тридцати месяцев не реагировать на призывы разорвать отношения с Москвой, настаивая на том, чтобы международные дипломатические соображения взяли первенство над внутренним политическим давлением. Но он был неспособен защитить свою политику перед лицом решительной оппозиции из Кабинета министров, поддерживаемой «правой» прессой.

Капицын В. М. (Москва)

Идентификация «Запад – Восток» в трансформации национализма и демократии

В глобализации все больше государств широко открывается заимствованию культурных образцов. В систему взаимодействия национализма и демократии включаются новые факторы; глобализационные и внутривнутриполитические процессы становятся все более трудно предсказуемыми; обозначается их внешняя виртуальная управляемость, символическая, но выступающая как часть объективной реальности. Усложняются национальные процессы, а вместе с этим и процессы демократизации. Возрастает роль «перекрестной» идентификации людей и общностей и управления идентичностями.

Традиционные подходы к исследованию национализма во внутренней политике и международных отношениях не всегда улавливают содержание и тенденции развития обществ, культуры, сознания, настроений. Идентификационный метод и дискурс-анализ более операциональны в решении проблемы релевантности данных, валидности измерений. Дискурс-анализ – способ интерпретации событий с соответствующим репертуаром смыслов, способствующим конструированию коллективной идентичности сообщества (мы-идентичности) через соотнесение со Значимым Другим, например, описываемым собирательным понятием «Запад».

В ряде исследований подчеркивается влияние идентичности (в частности, работы «Власть идентичности» М. Кастельса, «Машина, творящая богов» С. Московичи). Почему возрастает интерес к изучению идентификации? Классик теории идентификации Э. Эриксон посвятил этим проблемам ряд работ, в том числе исторических: «Молодой Лютер», «Правда Ганди». В традиционном подходе Э. Эриксона идентичность – это чувство личностного (группового) тождества и исторической непрерывности, основанное, с одной стороны, на восприятии себя как тождества и осознании непрерывности своего существования во времени и пространстве, с другой, признания другими этого тождества и непрерывности. Главный фактор сохранения идентичности – историчность. Обладать идентичностью значит ощущать себя неизменным независимо от ситуации; воспринимать прошлое, настоящее и будущее как единое целое.

Рассмотрение национализма и демократии в контексте международных отношений с использованием идентификационного метода, применяется редко. Но многие государства развивались и строили свои отношения именно на основе соотнесения (идентификации) с другим государством (блоками государств), влиявших на цивилизацию конкретной страны и международную жизнь в целом. Подобная идентификация включает конкуренцию образов разных Значимых Других. Поиск Значимых Других был по-своему актуален еще для Древней Греции, Рима, Македонии, Персии (древние греки, деля мир на эллинов и варваров, искали свою идентичность).

Близкие к современности образы Востока и Запада возникли значительно позднее: после Великих географических открытий при делении открытых земель на *Indias Occidentales*) и *Indias Orientales*.

В Индии исторически значима идентификация с Великобританией, Пакистаном, Китаем; в Пакистане – Великобританией и Индией. Япония соотносит себя с Китаем, Кореей, Россией, а также Западом, особенно США. В Германии давно среди конкретных стран немцы соотносили себя с Великобританией, Францией (Западом) и Россией (Востоком). Г. Рормозер считает, что путь России в Европу лежит через Германию, «соединяющую обе части нашего континента». Это – интересный момент для характеристики соотношения национализма и демократии.

На постсоветском и постсоциалистическом пространстве дихотомия «Запад – Восток» продолжает влиять на ход демократизации и модификации национализма, и нередко осложняет формирование национальной «мы-идентичности». Для Украины остается в качестве Значимого Другого Россия, но усилилась ориентация на ЕС и США. Идентификация части населения Украины с блоком НАТО толкуется политической элитой как достаточное основание для присоединения к этому блоку, что, однако, может привести к усилению федеративной идентификации Востока и Запада страны и, возможно, даже расколу. Молдавия соотносит себя с Румынией, Россией, Украиной, ЕС; при этом ориентация на Румынию и ЕС усиливала идентификацию жителей Приднестровья с Россией. В Грузии ориентация на США и НАТО усиливает пророссийскую идентификацию Абхазии и Северной Осетии. Не снят с повестки дня вопрос об идентификации жителей Джавахетии и Аджарии в Грузии.

Свои внутренние идентификации по линии «Запад – Восток» проходят в Эстонии, Латвии, Польше, Германии, Испании, Болгарии, Киргизии, Казахстане, Иране, Ираке, Афганистане. Активнее этот разлом стал проявляться в Турции после прихода к власти Президента Эрдогана, активно использующего ресурс идентификации с территориями и народами, входившими ранее в состав Османской империи, оживляющего образ Великой Империи. Усложнение процесса идентификации по линии «Восток – Запад» характерно сейчас для Ливана, Египта, Ливии, Туниса, Сирии, Йемена. Во многих государствах все это преломляясь во внутренней (усиление правых, в том числе националистических, партий) и во внешней политике, приводило к новым проявлениям «незападных демократий».

Значение идентификационного анализа актуализируется в восприятии соотношения локальности, территориальной целостности и внешнего влияния. Образы и матрицы идентификации включаются в конструирование политико-правового оформления не только внутренних локальных ареалов, но и территорий государств, а также внешнеполитических конфигураций. А. Ослон по результатам проект «Георейтинг» 2000-е гг. отметил: «Территориальная целостность – всего лишь следствие гораздо более фундаментального фактора: присутствия «целостности» в умах большинства

населения». Удержание «целостности» в социальной реальности возможно, если это понятие переживается как что-то значимое, желательное, («целостность может быть реальной, если она реальна в воображении миллионов людей и дорога им»), а также содержит в себе образ пространства, которому все государственные, политические, экономические, военные, социальные, информационные и прочие процессы когерентны».

Онтологическая основа такой идентичности – соединение в исторически сложившемся пространстве таких составляющих как территориальность, население, духовность и агентность (интеллектуальный и экономический потенциал). Поэтому здесь мы видим усиление обусловленности национализма, причем восприятие целостности государства довольно противоречиво связано с идентификацией «Запад – Восток». В одних случаях наблюдается последовательное усиление национализма в контексте благоприятного восприятия «Запада» (ЕС, США, НАТО) как Значимого Другого. В других – определенное дистанцирование от «Запада» и демократии в ее «западническом» и глобализированном варианте.

Применение идентификационного метода и соответствующего дискурс-анализа предполагает учет современных дискуссий об **историчности** и **модерности** идентичностей. Последнее также проливает свет на соотношение национализма и демократии. В ключе абсолютизации историчности и национализма «работает» примордиалистский подход (в частности, у Ю. Бромлея), в соответствии с которым идентичность – внутренняя и постоянная структура, корни которой в интерпретации своего происхождения в контексте этноса и культуры. Но в условиях глобализации актуализируется **модерность** идентичности, в том числе её гражданский компонент, предполагающий подвижность «воображаемых сообществ»: «Европа – это не географический объект, а воображаемое пространство, творимое нашими ментальными картами, ... с текучими границами, ...основа которых скорее идеология и политика, нежели картография» (Дж. Марсиа).

Исследователи отмечают, что социальная коммуникация во все большей степени перемещается в виртуальный мир всемирной Сети, которая через свое функционирование создает техническую базу для вовлечения в коммуникацию все большего количества людей, что определяет ее действительно массовый характер. Процесс виртуализации общественной жизни, массовая сопричастность людей к виртуальной реальности предопределяет доминирование тенденции дивергенции, которая приводит к ослаблению социокультурных связей и децентрации системы в целом. Виртуальная реальность становится посредником в отношениях человека с окружающим миром, а часто и заменяет его, становясь исключительной средой человеческого бытия, способствует расширению восприятия модерности идентичностей, в том числе приводит к новым взаимодействиям этнической и гражданской идентичностей. В этом ключе следуют конструктивистские подходы, когда идентичность представляется конструктом в подвижном социальном пространстве. Возникают

инструменталистские подходы: происхождение этнических чувств переводится в символический капитал при достижении конкретных целей.

За рассуждениями об идентичностях открываются выходы на международные тенденции. В частности, возникают концепции «сильных» и «слабых» («маргинальных») цивилизационных идентичностей и культур в зависимости от обеспечения воспроизводства социокультурной и территориальной целостности общества. «Сильные» культуры сумели сохранить исторический подход к национально-государственной идентификации, сочетая историю, иерархизм с модерностью и ситуационностью, воспитывая уважение к целостности государства и порядку, воспроизводя «наступательную» идентичность. Слабые общества, не обеспечивающие воспроизводство национально-государственной идентичности, основанной на самобытных социокультурных матрицах, превращаются в некий придаток обществ с «сильными» идентичностями, в резерв для «разборки» на «модули» для поддержания «сильных» культур.

Киреев А.А. (Благовещенск)

Опыт мирового лидерства (на примере деятельности администрации США Б. Клинтона).

Президент Клинтон – яркая и противоречивая личность, которая привлекает к себе внимание не только ученых, но и широкой общественности. Его политическая деятельность на высшем государственном посту в Соединенных Штатах Америки (1993-2001 гг.) пришлась на сложный период ломки традиционных отношений и стереотипов времен «холодной войны». С его именем, как в Америке, так и во всем мире были связаны ожидания долгожданных преобразований в экономике и, особенно, международных отношениях, которые положили бы начало новым отношениям в мире, основанным на демократии, гуманизме и равноправии.

На выборах 1992 г. Клинтон, кандидат от партии демократов, противостоял не только президенту-республиканцу Джорджу Бушу, опытному и авторитетному политику, но и третьему, независимому кандидату миллиардеру Россу Перро. Однако именно малоизвестному Клинтону избиратели отдали предпочтение. В пользу него сыграли несколько факторов.

Во-первых, Клинтон сумел сплотить партию после долгого периода кризисов на основе новой идеологии. В ней слились идеи либерализма и государственного вмешательства в жизнь общества и экономику. «Новые демократы», возглавляемые Клинтоном, выступали за сохранение свободы торговли и предпринимательства при повышении ответственности бизнеса перед обществом. Эти идеи соответствовали всеобщим ожиданиям в стране,

которая пережила жесткие консервативные реформы Рейгана и его последователя Буша.

Во-вторых, Клинтон сделал в своей предвыборной программе упор на экономику. Это было как нельзя к стати после экономического спада начала 1990-х гг. Клинтон говорил, что в условиях прекращения «холодной войны» нет нужды в больших военных расходах и пора заняться внутренними делами – сделать благополучие американцев главной задачей. Лозунгом компании стало его изречение: «Все дело в экономике, глупый».

В-третьих, Клинтон как новичок большой политики олицетворялся рядовыми американцами с переменами в их жизни. В отличие от своих конкурентов он как бы был живым воплощением американского мифа о человеке, которые происходил с самых низов общества и за счет своих способностей выбился на самый верх. Он не походил на Буша, представителя американской аристократии и на Росса Перро, который олицетворял собой американский крупный бизнес.

Экономика стала главным направлением деятельности администрации Клинтона в ходе первого президентского срока (1993-1996 гг.). Он коренным образом изменил политическую линию демократов на менее либеральную, чтобы она соответствовала общественному мнению и получила значительную поддержку со стороны избирателей.

В годы правления администрации Клинтона американская экономика развивалась удачно. Уже в 1994 г. впервые за десять лет мировой экономический форум в Швейцарии назвал американскую экономику самой конкурентоспособной в мире, а в 1995 г. не только подтвердил свою оценку, но и отметил, что опережающее развитие США по отношению к Японии и Германии усиливается.

Главными заслугами администрации и лично президента стало сокращение дефицита бюджета почти в 2,5 раза, а начиная с 1998 г. бюджет США стал бездефицитным. Безработица составила менее 5% - самый низкий показатель за четверть века. США стали опережать главных конкурентов по ряду важнейших экономических показателей, особенно в сфере высоких технологий.

Главной причиной такого успеха было прекращение «холодной войны», что позволило высвободить ресурсы для ускорения развития гражданской экономики. Средства, полученные после сокращения военных расходов, пошли на помощь здравоохранению (рост расходов в 2 раза) и образованию (в 1,5 раза). Такое распределение расходов соответствовало стратегической установке правящей элиты США: в электронно-информационную эпоху главным фактором конкурентоспособной экономики является «человеческий фактор», т.е. образованное и здоровое население.

Клинтон имел к этим успехам непосредственное отношение. Именно он правильно уловил желание большинства американского общества воспользоваться ведущим положением страны после окончания «холодной войны» для решения насущных проблем внутренней политики. Несмотря на

некоторые неудачи (например, провал реформы медицинского страхования) ему удалось поднять благополучие США на новую высоту.

Пожиная плоды успешной экономической политики, Клинтон связывал свои достижения с великим президентством и продвижением Америки к процветанию под его руководством. Достижения он в первую очередь связывал с расцветом в экономике и повышении уровня жизни, ее качества, образования и здравоохранения. К внешней политике у него интерес проявлялся исключительно по остаточному принципу.

Именно поэтому внешняя политика стала серьезным испытанием для Клинтона, ведь он не имел практического опыта руководства в этой сфере. Тем не менее, он улучшил свой международный имидж, когда летом 1994 г. после дипломатических усилий его администрации в Белом доме израильский премьер-министр Ицхак Рабин и иорданский король Хусейн подписали мирный договор между Израилем и Иорданией.

В конце этого же года администрация успешно провела операцию по восстановлению свергнутого президента Гаити Жана-Бертрана Аристида. Одновременно Клинтон оказал решительную поддержку российскому президенту Борису Ельцину в его борьбе за власть.

В то же время, администрация столкнулась с рядом проблем. Неудачно закончилась миссия американского миротворческого контингента в Сомали. Там американские солдаты стали заложниками гражданского конфликта в этой стране и понесли потери. Клинтон приказал вывести американский контингент из Сомали. Он не желал гибели солдат при проведении гуманитарных акций.

Однако, данный шаг негативно сказался на политике США. Нежелание нести потери привело к затягиванию вмешательства в такие события как этнические конфликты в Руанде и Боснии. Политика невмешательства привела к эскалации жестокости в этих странах и многочисленным человеческим жертвам. Позже Билл Клинтон нашел в себе мужество признать эту ошибку. В дальнейшем он уже не колебался в использовании силы для достижения поставленных целей. Мирный договор по бывшей Югославии был окончательно подписан в Дейтоне, штат Огайо, в ноябре 1995 г. после использования американских миротворческих частей.

Начиная с 1994 г. администрации Клинтона пришлось работать в тяжелых условиях. В тот год демократическая партия утратила большинство в Конгрессе США. Теперь все правительственные инициативы должны были проходить через парламент, где большинство было у оппозиции – партии республиканцев. Эта ситуация потребовала от президента немало выдержки и умения.

Клинтон пошел по пути, который был единственно правильным в данной ситуации. Он начал перестраивать свою политику таким образом, чтобы она отражала задачи не только партии демократов, но и затрагивала интересы республиканцев. Такая позиция была гибкой и помогла администрации преодолеть трудности и переизбраться на второй срок.

Клинтон даже ввел в правительство нескольких республиканцев, что окончательно сделало его политику двухпартийной и придало ей устойчивость.

Наибольшие изменения претерпел внешнеполитический курс. Ведь республиканцы требовали более жесткого проведения американских интересов в мире. Эта жесткость проявилась в операциях против режима Саддама Хусейна в Ираке в декабре 1998 г. и Слободана Милошевича в Сербии весной 1999 г. Параллельно Клинтон фактически запустил процесс реформирования Североатлантического альянса (НАТО), где главным стал процесс его расширения за счет государств Восточной Европы. Все эти мероприятия потребовали вновь усилить военно-промышленный комплекс США и привели к постепенному увеличению военных расходов.

Президентство Билла Клинтона можно считать началом новой большой эпохи для Соединенных Штатов Америки. Безусловно, его правление стало одним из самых спокойных и удачных за весь XX век. Это определяется экономическими успехами правительства и повышением престижа и благополучия страны. За эти восемь лет отсутствовали какие-либо крупные вооруженные конфликты, а страх ядерной катастрофы ушел в прошлое вместе с «холодной войной».

Клинтон является прогрессивным президентом. Это мнение не только американцев. Это объективные данные развития страны. Даже его противники из партии республиканцев вынуждены признать это. Он если и не решил всех проблем, то при нем американское общество обратило внимание на то, что ранее просто не замечали (например, рост функциональной неграмотности населения, экологические проблемы и т.д.).

Деятельность президента Клинтона можно считать противоречивой, так как он не раз вынужден был менять свою тактику. Однако, подобное поведение полностью соответствовало духу времени. Ведь мир, который возник после окончания «холодной войны» не отличался стабильностью и во многом был не понятен и сложен для политиков, выращенных на противоборстве с Советским Союзом. Разумный политик должен был меняться, чтобы нащупать необходимые правильные пути. Насколько эти пути верные должно было продемонстрировать время.

Клышевич М.А. (Рязань)

Германо-советское сближение (1920-1922 гг.) и позиция США.

После Октябрьской революции в России и окончания Первой мировой войны в международных отношениях появляется целый ряд новых проблем: в отношении Советской России это были вопросы юридического признания нового государства и взаимные долговые претензии стран Запада и советской страны; в отношении Германии – споры по поводу выплаты репараций и

вопросы, связанные с ее экономическим восстановлением. Несомненно, США, являясь крупнейшей мировой державой, не могли оставаться в стороне от решения этих вопросов. Соединенные Штаты с самого начала заняли позицию непризнания советского правительства до тех пор, пока оно не согласится выплатить все долги, о чем они неоднократно заявляли на Парижской мирной конференции и впоследствии при обсуждении «русского вопроса». Также американское правительство видело в советском государстве поставщика ресурсов для своей промышленности, о чем свидетельствовали комментарии к «14 пунктам» президента США Вудро Вильсона. В то же время деловые круги США выступали за развитие торговых отношений с Советской республикой, что подтверждается большой заинтересованностью, проявленной к открытой в мае 1919 года в Нью-Йорке миссии Л. Мартенса. Представители многих крупных фирм обращались в советскую миссию с вопросом, какие товары и в каком объеме могут быть предметом экспорта в Россию. Однако работа миссии подвергалась противодействию со стороны правительства США.

Взаимоотношения с Германией составляли одно из важнейших направлений европейской политики Соединенных Штатов. Основными факторами, определявшими внешнеполитическую стратегию США в отношении Германии, были: обострение противоречий между державами-победительницами; завоевание большевиками власти в России и угроза социалистической революции в Центральной Европе; исключение Германии из конкурентной борьбы на море. Приоритетными задачами политики США в отношении Германии стали: сохранить Германию в качестве бастиона против большевистской России, воспрепятствовать использованию Германии западными державами в качестве репарационной колонии, подготовить ее рынок для американской экономической экспансии, а также оказывать через Германию влияние на европейскую политику.

После ноты Советского правительства с призывом о созыве международной конференции по урегулированию споров и решению вопросов экономического восстановления Европы, США, Англия и Франция начинают переговоры с целью согласования своих позиций. В отношении Советской России позиции США совпадали с Францией. Тесному сотрудничеству этих стран содействовало наличие противоречий обеих стран с Англией. Однако США и Франция расходились в германском вопросе: американское правительство выступало за пересмотр Версальского договора, снижение репарационных платежей, сохранение Германии в качестве сильной державы. Во всех этих вопросах Франция стояла на противоположных позициях. Между Англией и США шла ожесточенная борьба за рынки сбыта, источники сырья, сферы приложения капитала. Между ними имелись существенные разногласия в русском вопросе. Однако наряду с этим Англия и США занимали почти одинаковые позиции в германском вопросе.

В течение декабря 1921 года сотрудники американского посольства в Лондоне неоднократно предпринимали попытки завязать переговоры с представителями Советского правительства. Путем этих переговоров представители США пытались не только выяснить позицию Советского правительства в отношении Генуэзской конференции, но и помешать расширению англо-советских отношений, обеспечить защиту американских интересов в России.

1 декабря 1921 года государственный секретарь США Чарльз Юз направил меморандум министру торговли Джону Гуверу. В этом документе был детально разработан план захвата американскими монополиями российского рынка при помощи промышленных кругов Германии. Гувер решительно возражал против этого плана, поскольку в нем предусматривалось сотрудничество американского и германского капиталов в развитии торговли с Россией. США, по мнению Гувера, могли одни, без сотрудничества с кем бы то ни было, взять дело реконструкции экономики Советской России в свои руки с помощью Американской администрации помощи (АРА). Кроме того данный проект мог привести к расширению промышленного производства Германии и окончательной потере монополиями США русского рынка. Таким образом, план Юза, связанный с попытками предпринять экономическую интервенцию в Россию, был отклонен. США не хотели делить русский рынок с другими странами, в частности с Германией, в которой видели своего будущего конкурента.

Созыву Генуэзской конференции предшествовало совещание Верховного Совета Антанты в Каннах, на котором присутствовал в качестве наблюдателя и представитель США. В то время как в Вашингтоне изучали принятые в Каннах решения, из Франции пришло сообщение о падении кабинета Аристида Бриана. Оно было с удовлетворением встречено правящими кругами США, которые хорошо знали об антибританских настроениях Раймонда Пуанкаре. В русском вопросе и Вашингтон, и Париж заняли твердую позицию и выступали единым фронтом против признания Советского правительства и за продолжение политической и экономической блокады Советского государства. Вследствие отставки Бриана и прихода к власти Пуанкаре американское правительство отложило вопрос об участии США в Генуэзской конференции.

Официальный отказ американского правительства от участия в Генуэзской конференции последовал после совещания глав правительств Англии и Франции в Булони 8 марта 1922 года, по поводу чего государственный департамент США направил итальянскому правительству ноту. В ней говорилось, что правительство США с глубочайшим интересом относится к конференции, однако, в результате рассмотрения каннских решений и программ работ конференции, правительство США пришло к выводу, что конференция носит политический характер и что правительство США «не могло бы с пользой принимать в ней участие». Главная и основная причина, которая привела правительство США к отказу от участия в

Генуэзской конференции, состояла в том, что в конференции участвовала советская Россия, и на повестку дня был поставлен вопрос о признании советского правительства. Несмотря на отказ, США подчеркнули свою заинтересованность в экономической эксплуатации Советской России. Вместе с тем, определенная часть торговой, промышленной и финансовой буржуазии продолжала настаивать на своих интересах. Так, сенатор Фрэнс предлагал послать членов международной комиссии военных долгов и делегатов других комиссий, которые могли бы представлять президента США на международной экономической конференции. Отказавшись от участия в конференции, правительство США поручило своему послу в Италии Ричарду Чайлду присутствовать в Генуе в качестве наблюдателя.

Правительство, деловые круги и пресса Соединенных штатов с большим интересом следили за ходом переговоров в Генуе. Особенно враждебно была воспринята новость о выдвижении Советской Россией контрпретензий странам Запада, поскольку, по мнению американской администрации, Россия явилась на конференцию не для того, чтобы «собрать дань» с других стран.

Тревогу в правительственных кругах США вызвало подписание Рапалльского договора между Советской Россией и Германией. В связи с этим президент США Уоррен Гардинг направил срочное распоряжение государственному секретарю Юзу рассмотреть вопрос, не нарушает ли заключенный договор американские права и интересы в России. В то же время Белый дом и государственный департамент делали все возможное, чтобы дискредитировать Рапалльский договор, подорвать его международное значение.

Государственный департамент США заявил, что заключенный между Германией и Россией договор ничего не значит для Соединенных Штатов Америки. 17 апреля, когда стало известно о подписании советско-германского договора представитель США Чайлд срочно направился к итальянскому министру иностранных дел Карло Шанцеру. Произошел длительный разговор о договоре и мерах, которые необходимо принять против Германии и советской России. Несмотря на то, что официальные круги Германии постарались заверить Чайлда, что новый договор не имеет и не будет иметь в его окончательной форме никаких военных статей или намека на союз с Советской Россией, представитель США провел по этому вопросу переговоры и с Ллойд Джорджем, и с представителями французской делегации. Враждебно отнеслась к заключению договора и американская официальная пресса, высказываясь о чрезвычайной политической опасности соглашения.

Общественное мнение США совершенно по-другому восприняло заключение Рапалльского договора. Деловые круги признавали подписание договора несомненным успехом советской дипломатии, так как это могло в будущем способствовать установлению дипломатических и торговых отношений между США и Советской Россией.

Подводя итог, можно сказать, что политика Соединенных Штатов по противодействию германо-советскому сближению и сотрудничеству во многом была неудачной. Попытка США сорвать проведение Генуэзской конференции или навязать свои условия участникам не удалась, так как не была в полной мере поддержана другими странами Запада. Заключение Рапалльского договора открыло путь к тесному экономическому и политическому сотрудничеству двух государств, что мешало Америке в реализации проектов по эксплуатации Германии и Советской России. Кроме того, договор создал прецедент по юридическому признанию Советской России, что привело впоследствии к необходимости установления с Россией дипломатических отношений остальными странами Запада, в том числе, и Соединенными Штатами Америки.

Кудухов К.С. (Липецк)

«Хивинское направление в деятельности Коминтерна (1920-1921 гг.)»

Деятельность Туркестанского Бюро Коминтерна в среднеазиатских ханствах бывшей Российской империи до настоящего момента слабо изучена в отечественной исторической науке, хотя коминтерновские структуры сыграли важную роль в подготовке «революций» в Хиве и Бухаре и советизации этих государств в 1920-х гг. Исследование деятельности Коминтерна в Хиве (Хорезме) на базе новых архивных материалов позволяет восполнить этот пробел.

1 февраля 1920 г. в Хиве произошло низложение хана и объявлена свобода, тогда же было составлено временное хивинское правительство. Коминтерн стремился взять под свой контроль политику нового государства. «Хивинская работа» Туркбюро Коминтерна к тому времени заключалась в подготовке к реорганизации Хивинской коммунистической партии (ХКП), выработке программы для партии, а также созданию «временного бюро», в задачи которого входило содействовать «революционным» процессам в Хорезме.

Планы Туркбюро Коминтерна предусматривали проведение съезда ХКП, на котором планировалось выработать политику по национальному и аграрному вопросам. Также планировалось послать не временного, а постоянного представителя в Хиву. Реальная работа Туркбюро в Хиве на начальных этапах сводилась к контролю и недопущению изменений в политической обстановке Хорезма.

Главной задачей ХКП был переход отсталой страны к социализму. Но Коминтерну и советскому правительству трудно было осуществить действенную помощь. Председатель хорезмского правительства Юсупов и военный назир Шакиров всячески препятствовали работе сотрудников Туркбюро.

Произошел правительственный переворот, в результате которого Хорезм был провозглашен Советской республикой. Сформированное заново правительство, несмотря на нежелание представителей Хивинской компартии, состояло из «пришлых элементов», людей, чуждых Хорезмской республики.

Представители компартии Хорезмской республики указывали на то, что насаждение культурного и политического самоопределения страны производилось Советским правительством, более того, одним из виновников, по их мнению, в таком насаждении является и Туркбюро Коминтерна, которое сформировало ЦК компартии Хорезма, затем распустило его.

Во главе ХКП находилось Временное бюро, сотрудники которого представляли собой членов РКП(б) и компартии Туркестана, что свидетельствовало о характере власти. Видно, что после того, как власть в Хиве перешла под контроль советского правительства, агитационно-пропагандистской работе Коминтерна и местных властей внимание уделяться перестало вовсе. Проведение съезда ХКП долгое время задерживалось из-за, якобы, отсутствия программы ХКП. После того, как программу послали в Туркбюро Коминтерна, она бесследно исчезла, и копий не осталось.

Значительную часть сотрудников Туркбюро, занятых работой по «хорезмскому направлению» составляли бывшие члены Совинтерпропа, поскольку технический аппарат этой организации перешел к Туркбюро Коминтерна, а оно в свою очередь занималось революционной работой в сопредельных странах, в том числе и в Хорезме. К середине 1921 г. полномочия у Бюро стали весьма значительные и как следствие, отсюда были недовольства со стороны членов ХКП, жалующихся на самоуправство и чрезмерное влияние со стороны Туркбюро, от которого при этом, по словам временного представителя РСФСР Альфина, никакого проку.

К лету 1921 г. Туркбюро Коминтерна имело представителя в Хорезме для руководства деятельностью ХКП. Временно на эту должность был назначен сотрудник по фамилии Тазитдинов. Помимо этого, в Хиве имелось два «информатора» (Абдуллаев и Гарфункель), ведущих сбор информации и сообщающих последние новости. С момента революции в Хиве, туда было откомандировано свыше 30 сотрудников Совинтерпропа для продолжения работы и поддержания постоянной связи.

Работа среди крестьянства практически не проводилась, не говоря уже о помощи, хотя члены ХКП неоднократно просили о создании прочной ячейки Коминтерна в работе с крестьянством. Со стороны Коминтерна этого сделано не было, более того члены ХКП обращались даже в Исполком Коминтерна, «через голову» Туркбюро Коминтерна.

В сравнении с Хивой, «бухарское направление» было более перспективным для Коминтерна. Стратегическое положение Бухары более других стран подходило, как база для дальнейшего распространения революции на Восток. И, хотя Хива не была обделена вниманием, тем не

менее, деятельность Коминтерна в этой стране не была столь активной, поскольку значительные силы коммунистов Советской России и Туркестана были брошены на создание «революционной среды» в бывшем Бухарском эмирате.

Кузьмин Ю.М. (Вятка)

Чехословацкие реформы 1968 г. и общественные настроения в стране (по документам ЦРУ США).

Старт чехословацким реформам был дан в начале января 1968 г. после избрания Александра Дубчека первым секретарем ЦК КПЧ. И уже 12 января Совет национальных оценок ЦРУ США подготовил «Специальный Меморандум» № 1-68 «Чехословакия. Новое направление». Характерно, что в самом начале этого документа отмечалось, что «эта коммунистическая страна Европы становится менее коммунистической и более европейской...» Далее утверждалось, что новые люди, которые пришли к власти, «начинают делать акцент не только на экономические реформы, но на политические преобразования. Они также предполагают сократить влияние партийной власти на внутреннюю и внешнюю политику государства».

После важнейшего апрельского (1968 г.) пленума ЦК КПЧ в донесении ЦРУ из Праги от 12 апреля указывается, что партийная «программа действий», появившаяся после шести дней дебатов центрального комитета КПЧ, является одной из самых прогрессивных реформ, которые пытались когда-либо проводить коммунистическое правительство.

В то же время в этом донесении говорится о том, что «компромиссы апрельской программы отражают опасения многих членов ЦК КПЧ слишком быстрыми изменениями статус-кво и попытками смягчить страхи Москвы, которые могли привести к тому, что реформаторы-коммунисты могли бы потерять контроль над ситуацией».

21 июня 1968 г. в документе ЦРУ, озаглавленном «Дубчек может разрешить деятельность новых политических партий», говорится о том, что «режим А.Дубчека может позволить образование новых политических партий, которые будут работать в рамках Национального фронта». Источник указывает, что в Национальный фронт входит КПЧ и четыре подчиненные ей партии, а также ряд общественных организаций. Далее отмечается, что «Москва еще не сделала каких-либо выводов из этого сообщения о данных шагах, которые затрагивают щекотливую тему первенства коммунистической партии в стране».

В этот же день поступило еще одно донесение из Праги в Вашингтон «Чехословакия движется вперед по пути реформ». В нем отмечено, что «Чехословакия на этой неделе сделала некоторые важные шаги по пути

реформ, несмотря на продолжение советского давления, чтобы предупредить или предотвратить выполнение апрельской «программы действий».

В частности, приводится следующий факт: «15 июня лидер партии А. Дубчек подписал документ, который позволит другим политическим партиям в рамках Национального фронта вместе с коммунистами определять и осуществлять государственную политику. Хотя коммунистическая партия сохранит «ведущую роль», но документ подтверждает, что власть не должна быть монополией одной политической партии, и обеспечивает положение, при котором каждая партия, входящая в Национальный фронт, будет иметь право реализовывать свою собственную программу».

Все обозначенные процессы, которые проходили в стране в первой половине 1968 г., вызывали поддержку со стороны чехословацкого народа и руководители КПЧ пользовались огромным доверием. Об этой поддержке свидетельствует целый ряд документов, которые подготовили представители ЦРУ в Чехословакии.

Но уже с конца июля 1968 г. оптимизм в оценках событий в Чехословакии сменяется на тревогу. 24 июля 1968 г. в документе ЦРУ «Оценка текущей ситуации в Чехословакии» говорится о том, что «реформы и тенденции самостоятельности в Чехословакии заканчиваются, вероятно, произойдет свертывание чехословацких реформ – всё это является результатом советского давления». Далее источник сообщает, что «режиму А. Дубчека придется быть более лояльным к советскому блоку, но всё это может создать неблагоприятную общественную реакцию, которая может произойти из-за любого сокращения ранее заявленных реформ».

В заключении этого документа приводятся интересные суждения о том, что «ни словаки в целом, ни чехословацкие рабочие пока еще не стали очень вовлеченными в либерализацию, и чехословацкая армия не вызовет проблем, так как все военачальники в Чехословакии консервативны в их политической ориентации и настроены в основном просоветски».

Серьезные проблемы для чехословацкого руководства в стране начинают проявляться в начале августа после встречи полных составов политбюро ЦК КПСС и президиум ЦК КПЧ в Чиерне-над-Тиссой 29 июля - 1 августа 1968 г., в которой участвовал также президент Л.Свобода.

Второго августа в меморандуме американской разведки «Ситуация в Чехословакии» сообщается, что «А. Дубчек выступил по радио в попытке успокоить возбужденный чехословацкий народ, он указал, что в Чиерне-над-Тиссой...не была назначена дата размещения советских войск на западной границе Чехословакии. Чехословацкие вооруженные силы, сказал он, являются «достаточной гарантией защиты нашей государственной границы и к тому же, границ социализма».

Поводом для радиообращения А. Дубчека стали события 1 августа. Демонстрация приблизительно ста молодых людей, которая началась в Праге днем, превратилась в массовый митинг нескольких тысяч человек на одной

из площадей города. Демонстранты высказали обеспокоенность угрозами суверенитету страны.

А. Дубчек завершил свое выступление следующим образом: «не должно быть никакого неправильного употребления различных действий и встреч для выражения...антисоциалистических и антисоветских чувств».

После ввода 21 августа 1968 г. на территорию Чехословакии войск пяти стран Варшавского договора, авторитет и влияние А. Дубчека и других руководителей страны начинает расти. Как сообщает источник из Праги, «люди проявляют поддержку Дубчеку в демонстрациях и забастовках». На автомобилях и в окнах домов появляются портреты А. Дубчека и Л.Свободы, постоянно встречаются надписи: «Дубчек - Свобода – защита народа».

23 августа в Праге и ряде городов страны преобладает более спокойная обстановка – общественность своё внимание сосредоточила на переговорах, которые начались в Москве между советскими и чехословацкими руководителями.

26 августа было подписано Московское соглашение, в котором была достигнута договоренность, что войска союзных стран, временно вступивших на территорию Чехословакии, не будут вмешиваться во внутренние дела Чехословацкой Социалистической Республики и по мере нормализации обстановки в ЧССР эти войска будут выводиться с ее территории. В нем было обозначено еще несколько вопросов.

После возвращения чехословацких руководителей в Прагу в стране возникает противоречивая ситуация. Дело в том, сообщает источник ЦРУ, условия урегулирования от 26 августа, а также двусмысленность по нескольким важным проблемам, может действительно расколоть чехословацкое общество. Сообщается о горячих спорах, которые ведутся на улицах Праги. Вечером 27 августа на Вацлавской площади собралось 1500-5000 человек с лозунгами: «Мы хотим знать правду», некоторые молодые люди держали в руках разорванные портреты А. Дубчека и Л. Свободы.

Этот же источник сообщает, что некоторые региональные партийные организации утром 28 августа выразили неудовлетворенность московским соглашением. У чехословацкой общественности вызвало возмущение добровольное согласие чехословацких лидеров с фактом оккупации.

Тем не менее, режим Дубчека выдержал первые 48 часов критического периода, и он успешно преодолен, наступает успокоение, большинство людей начинают занимать выжидательную позицию.

Уже в начале сентября из Праги поступают успокаивающие сообщения. Это связано с тем, что в самом конце августа большая часть вооруженных сил союзников покинули крупные города страны. 3 сентября сообщается, что ситуация в Праге и по всей стране начинает возвращаться к нормальному состоянию.

Но на первый план вновь начинает выходить проблема московского соглашения от 26 августа 1968 г. Решение московских переговоров население начинает поддерживать только до известной степени. Среди населения

начинается дифференциация взглядов. Возникает реальная опасность, что в глазах общественности и членов партии начнет падать авторитет чехословацких участников переговоров. Если же начнет колебаться авторитет руководства страны и партии, то это повлечет за собой падение авторитета партии в целом.

Очень показательным в этом плане является донесение ЦРУ от 27 сентября 1968 г., в котором констатируется, что реакция населения на вмешательство СССР в Чехословакию изменилась, но неспособность режима убедительно оправдать свою политику привело многих людей к тому, что они стали сомневаться в правильности действий их лидеров.

Дело доходит до того, сообщает источник из Праги 22 декабря 1968 г., что некоторые железнодорожники готовы объявить забастовку из-за растущей неудовлетворенности в Чехословакии режимом А. Дубчека и его отступлением от программы реформ.

Таким образом, в донесениях американских представителей ЦРУ из Праги просматривается тенденция ослабления позиций чехословацкого руководства среди общественности страны. Здесь можно выделить два критических момента: встреча советских и чехословацких руководителей в Чиерне-над-Тиссой и подписание московского соглашения 26 августа 1968 г. Можно констатировать факт постепенного возвращения КПЧ к старым порядкам, к просоветской позиции. Но чехословацкое общество очень серьезно изменилось за прошедшие восемь месяцев, и возврат к доянварскому состоянию общества был уже невозможен. Об этом свидетельствовали события, которые произошли в стране в последующие годы.

Мостяев Ю.Н. (Рязань)

Индия как военно-промышленная база союзников в ЮВА в годы второй мировой войны.

Еще в 1940 г. Франк Нойс, советник английского правительства по торговле с Индией, охарактеризовал значение Индии во время войны следующим образом: «Ее важнейшей экономической функцией является выполнение роли центра снабжения стран, начиная от Египта, где уже находится часть ее войск, до Малайи. Она будет... делать все, чтобы снабдить сырьем и готовыми товарами все побережье Индийского океана и Красного моря, освобождая, таким образом, ресурсы и, главное, флот Англии для использования в более важных целях». Именно это и произошло в годы второй мировой войны.

Перед второй мировой войной в стране имелись немногочисленные заводы: артиллерийский (орудия и снаряды) в Коссапуре; оружейный с

производством снарядов в Ишапуре; патронные в Кирки и Калькутте (частный); пороховой в Аруванхабе, также несколько мастерских и химическая лаборатория, что позволяло поставлять орудия, винтовки, боеприпасы в размерах, способных удовлетворить потребности одной полевой армии. Велись работы по созданию предприятий химической промышленности, продукция которых могла быть использована для военных целей.

Одним из факторов, оказавших серьезное влияние на экономический рост Индии к началу второй мировой войны, был и тот факт, что из-за растущей угрозы для английских и других торговых караванов, идущих из Европы на Восток, несколько сократился ввоз в страны Азии товаров из европейских стран. В результате возрос спрос на индийские товары со стороны азиатского и африканского континентов, для которых Индия в силу ее географического положения была наиболее удобной базой снабжения.

Комиссия Чэтфилда, посетившая Индию в 1938 г., наметила план по расширению производственной мощности военной промышленности Индии на 20% путём переоборудования существующих предприятий и организации производства. В январе 1939 г. комиссия Чэтфилда настаивала на срочном ассигновании 34 млн. фунт. ст. на оборудование и расширение военных заводов. Но её указание, что значительную часть средств можно получить за счёт сокращения персонала, встретило сильную оппозицию со стороны Генерального штаба Британской Индии. В связи с возникшим конфликтом опубликование доклада было задержано до сентября, и никаких эффективных мер в этом направлении не предпринималось вплоть до падения Франции и осознания угрозы для Индии со стороны Японии через Индокитай. Только тогда на модернизацию артиллерийских и других военных заводов правительством было ассигновано 70 млн. рупий. В докладе комиссии были четко определены новые принципы взаимозависимости вооруженных сил и промышленности Индии, соответствующие условиям современной войны. Если прежде ее вооруженные силы опирались на индустриальную мощь Великобритании, то в новых условиях ее стратегическая уязвимость требовала, чтобы Индия в большей степени ориентировалась на собственную промышленность. В соответствии с рекомендациями комиссии на реорганизацию армии и модернизацию военных отраслей индийской промышленности было выделено 34 млн. фунта стерлингов. 16 млн. из них планировалось потратить на реконструкцию старых и строительство новых фабрик, производящих оружие и взрывчатые вещества.

Результаты выполнения рекомендаций были отмечены в лондонской газете «Таймс» от 14 июня 1939 г. сообщением о вступлении в строй 8 новых заводов, производящих новейшее оружие и взрывчатые вещества: начали выдавать продукцию военные заводы в Джаббальпуре, производящие артиллерийские орудия, в Госсицуре, специализирующемся на выпуске авиационных бомб. Отмечалось также, что в Индии ведутся интенсивные

работы по подготовке выпуска пулеметов системы Брэна. По данным главнокомандующего англо-индийской армией генерала Кэсселса, к маю 1940 г. производство военных предприятий в Индии выросло в шесть-семь раз по сравнению с предыдущим годом, при этом производство снарядов увеличилось не менее чем в 12 раз.

В первые же дни войны промышленность Индии стала получать значительные военные заказы на поставку для Англии, других стран Британской империи боеприпасов, стали и угля, железной руды, марганца, слюды, изделий из джута, хлопчатобумажных тканей «хаки», шерстяных изделий (одеяла, шинели и пр.). С началом войны взамен существовавших раньше организаций, немедленно был организован специальный департамент снабжения, который сконцентрировал в своих руках распределение военных заказов и наблюдение за их выполнением. Было создано Бюро экономических ресурсов, главной задачей которого стало обеспечение развития экономических ресурсов, необходимых для войны, а также осуществление контроля над экспортом, ценами и т.д.

Переключение экономики Англии на военные рельсы вызвало резкое сокращение экспорта промышленных изделий и товаров в колонии. Экспортные возможности также ограничивались нехваткой морских судов и нарушением коммуникаций. Так, ввоз текстильных изделий в Индию с 647,1 млн. ярдов в 1938/39 г. уже в 1940/41 г. упал до 447 млн., в 1941/42 г. до 181,6 млн., в 1942/43 - 13,1 млн., в 1943/44 г. - 3,7 млн., в 1944/45 г. - 5,2 млн.

Возникший дефицит во многих товарах создал более благоприятные условия для развития различных отраслей местной промышленности. В результате общий индекс промышленной продукции в Индии с 1939 г. по 1944 г. вырос на 26,8 %. Число рабочих, занятых на индийских заводах, за эти годы увеличилось с 1751 тыс. до 2520 тыс., в том числе рабочих, занятых на военных заводах - с 30 709 до 185 605 человек.

Война дала толчок развитию такой базовой отрасли хозяйства, как черная металлургия. Выплавка стали увеличилась с 1068 тыс. тонн в 1939 г. до 1425 тыс. тонн в 1944 г.. Производство цемента за этот же период выросло с 1720 тыс. тонн до 2048 тыс. тонн, серной кислоты с 587 тыс. тонн до 804 тыс. тонн, электроэнергии - с 2,5 млрд. квт/ч до 3,8 млрд. квт/ч. Во многом это было вызвано возрастающими военными заказами.

Рост производства происходил не только в результате создания новых многочисленных предприятий, преимущественно небольших по размеру и не требовавших сложного оборудования, но и за счет более интенсивного использования существующих производственных мощностей. Количество фабрично-заводских предприятий возросло с 10 466 в 1939 г. до 14 761 к концу 1945 г. В основном это было связано с почти полным отсутствием собственного машиностроения в условиях, когда импорт промышленного оборудования не только не возрос, но даже сократился. Так, если в 1938 г. в Индию было завезено из Англии производственного оборудования общим весом 71,7 тыс. тонн, то в 1942 г. - 34,6 тыс. тонн, в 1943 г. - 27,5 тыс. тонн,

т.е. налицо видно сокращение ввоза почти в 3 раза. Одновременно количество рабочих в обрабатывающей промышленности выросло с 1,75 млн. человек до 2,64 млн. Несмотря на препятствия, чинимые этому процессу официальными властями, прекратить пусть стихийную, но все же прогрессирующую индустриализацию Индии оказалось невозможным. Требования военного времени брали свое. Индия к концу войны почти на 90% сама обеспечивала потребности своих вооруженных сил.

Британская Индия не могла снабжать свою армию необходимой современной техникой. Такие современные виды вооружения, как танки, самолеты, тяжелые артиллерийские орудия в стране не выпускались. Была организована только их сборка из отдельных частей, поставляемых из США и Англии. Хотя с началом войны в Индии начали изготавливать отдельные детали, узлы машин, инструментов и несложных станков. Разного рода оружие боеприпасы стали производить не только государственные заводы, но и частные компании. Железнодорожные мастерские начали выпуск танков и бронемашин. По сведениям «Нью-Йорк таймс» от 2 декабря 1940 г., только в 1941 г. на индийских заводах предполагалось выпустить 3 тыс. бронемашин. В Индии в годы войны была создана определённая база машиностроения. К 1943 г. в Индии имелось 54 фирмы, производящих станки. Ежемесячно выпускалось около 400 различных машин. Только заводы Тата выпускали до 50 тыс. самых различных инструментов в месяц. Помимо специальных военных заводов в 1942 г. производством вооружения занималось около 230 механических и 23 железнодорожных мастерских, выпускающих примерно 700 различных видов вооружения, в т.ч. 6-дюймовые орудия, бронемшины, пулеметы, автоматы, винтовки, снаряды, мины, всего около 400 предметов различного военного снаряжения, которые раньше здесь совсем не производились. Парк механического транспорта индийской армии увеличился с 5 тыс. машин в преддверии войны до 60 тыс. к началу 1942 г.

Организованный в начале войны под техническим руководством американских специалистов авиасборочный завод в Бангалоре уже в июле 1941 г. начал выпускать учебные самолеты и истребители и приступил к сборке американских бомбардировщиков, в конце 1942 г. приступив к производству различных частей самолетов за исключением моторов. Другой авиасборочный завод был открыт в Синде. Эти предприятия стали поставлять около 1500 самых разнообразных деталей авиационного оборудования.

Индийский журнал «Eastern Economist» писал в августе 1945 г.: «Во время войны мы получали заказы на различные детали. Но никогда ... заказы на целое производство, так что практически умеем делать все только частями. Мы умеем производить ремонт судов, а также строить небольшие суда, но мы не делаем никаких крупных объектов в целом. За время войны мы отремонтировали 6500 судов водоизмещением около 40 млн. тонн, но мы не создали постоянно действующую судостроительную промышленность.

Мы имеем самолетосборочный завод, выпускающий около 70 самолетов в месяц. Страна также производила инструменты для приборных досок, алюминий, баллоны для самолетов, но никогда не изготавливала их целиком... Мы могли производить все и ничего. Мы были лишь поставщиками всего и всякого, специалистами по починке и ремонту всех вещей на свете, но ничего не производили. Мы не имели ни системы, ни плана. Вернее был план - точный и проработанный - план предотвращения индустриализации страны в послевоенный период».

Но в целом роль Индостана как британской и индийской военно-экономической базы боевых действий на суше и на море против держав «фашистской оси» намного возросла, чему способствовали богатейшие и разнообразнейшие природно-сырьевые ресурсы древней страны.

Мухамадиев М.Р. (Казань)

Российско-индийское сотрудничество на современном этапе.

В современном глобализирующемся мире большое значение играют межгосударственные связи крупнейших стран мира. Таковыми, безусловно, являются и Индия с Россией. Сегодня обе страны занимают важное место на карте мира в политическом, экономическом и культурном плане. Еще со времен существования СССР поддержка многих народов Азии стала одним из приоритетных направлений во внешней политике.

Советский Союз активно поддерживал Индию в ее борьбе за независимость от Британской империи. С 1947 года, с момента обретения статуса независимой страны, были установлены дипломатические отношения между Индией и СССР.

Сравнивая пути развития Индии и Советского Союза, важно отметить, что развитие этих государств было сильно переплетено. Особенно это касается Индии. Уже с начала независимого существования были разработаны, отчасти на опыте СССР, пути экономического развития. Выразилось это в ведении плановой системы экономики, то есть повторявшей по существу экономическую систему нашей страны. Роль государственного сектора была крайне высока, хотя в отличие от Советского Союза в Индии существовал частный капитал, причем в весьма крупных размерах, переросший со временем в крупные монополистические объединения.

Во второй половине XX века знаменательными событиями в развитии отношений двух стран стали постоянные двусторонние дипломатические визиты, где отношения добрососедства и дружбы были еще более закреплены.

Длительное время главным партнером Индии в сфере военно-технического сотрудничества оставался Советский Союз, а индийская армия на 80% была укомплектована советским оружием. Именно военное сотрудничество определяло основные векторы развития отношений между Индией и СССР. В период советско-индийского сотрудничества Индия пользовалась советским оружием в решении главных своих внешнеполитических проблем в частности в вооруженных конфликтах с Пакистаном.

Но с развалом Советского Союза и крушением советской системы отношения двух стран несколько охладели. Несмотря на дружественные отношения Индия начала все больше отдаляться от России. И вина в этом, прежде всего самой России. Начало 1990-х годов обозначило коренной слом не только внутреннего устройства жизни в России, но и радикальную смену внешнеполитических приоритетов. Связи со старыми испытанными союзниками де-факто были признаны менее важными, чем сулящее (как тогда казалось) самые радужные перспективы «сотрудничество с Западом и прежде всего с США».

Однако в 90-е годы, тем не менее, сотрудничество продолжилось. Даже сами внутривластные процессы, происходившие в двух странах в это время, имеют определенные схожие особенности. Обе страны в 90-е годы оказались в процессе экономической модернизации и реформ. Причем, даже премьер-министр Индии, проводивший экономические преобразования, отмечал, что если бы «Индия промедлила с началом реформ, ее ждала бы «печальная участь России». Реформы в Индии не означали разрыва с прошлым. Она по-прежнему оставалась привержена принципу смешанной экономики, то есть сосуществования государственного и частного секторов экономики и двух форм собственности. В этом плане Россия как раз приблизилась к Индии. Ведь сейчас в нашей стране сильна роль государственного сектора, но в то же время идет активная поддержка представителей мелкого и среднего бизнеса. То же самое происходит сейчас и в Индии. Важно отметить, что немалую роль в экономике стран играют крупные финансово-промышленные группы, которые, несмотря на определенного рода борьбу с ними, превратились в крупные монополистические объединения. И не случайно, что в списках Forbes среди богатейших людей мира значатся, как русские, так и индийские предприниматели.

Если же говорить собственно об отношениях Индии и России, то важно отметить, что они остались столь же дружескими и партнерскими. Уже в 1993 году между Индией и Россией было подписано Соглашение о военном сотрудничестве. В следующем 1994 году среди прочих документов было подписано Соглашение о реализации долгосрочной программы военно-технического сотрудничества (ВТС) на период до 2000 года. А в 1998 году действие этой программы было продлено до 2010 года. Во время визита в Индию президента РФ В.В.Путина, в октябре 2000 года, было подписано

соглашение о создании Межправительственной российско-индийской комиссии по ВТС. Уже в начале XXI века военное партнерство России и Индии еще более углубилось. В декабре 2000 года в Иркутске был подписан генеральный контракт между корпорацией «Хиндустан Аэронотикс Лимитед» и «Рособоронэкспортом» о лицензионном производстве в Индии 140 истребителей СУ – 30МКИ, которое рассчитано на 20 лет. Кроме того, Индия заключила контракт с Россией в 2001 году на поставку 310 танков Т – 90С.

Все эти факты, конечно, говорят о тесном сотрудничестве России с Индией на современном этапе. Можно еще много перечислять различные двусторонние контракты и соглашения, однако хотелось бы затронуть другую сторону взаимоотношений, а именно проанализировать проблемы сотрудничества двух стран.

Современная Индия – это ключевой игрок, стоящий наравне с такими странами, как США, Китай, Япония, и одновременно поле битвы за сферы влияния. По существу сотрудничество Индии с Россией ограничено военными контрактами, причем далеко не всегда представители Индии выбирают российскую продукцию. Так, например, произошло в 2011 году, когда Россия проиграла крупнейший в этом веке оружейный тендер – на поставку Индии самолетов МиГ–35. В Советское время такое вряд ли могло произойти. В чем же причины?

Во – первых, Индия действительно приобрела статус мировой державы, с которой приятно и выгодно иметь дело. То есть у России увеличилось число конкурентов за преобладание на индийском рынке. Причем конкуренты неслабые – это США и многие ведущие страны Европы.

Во – вторых, Индия сумела совершить за два десятилетия мощный рывок вперед в сфере высоких технологий. Российские технологии и продукция оказались невостребованными. В этом кроется главная причина спада в экономических связях. Ежегодный товарооборот между странами сегодня снизился примерно в 4 раза по сравнению с последними годами существования СССР.

Но если проанализировать позицию правящих кругов, то ситуация в целом выглядит обнадеживающе. В Индии по-прежнему смотрят на Россию, как на надежного партнера в международных делах и традиционного друга Индии. Лидеры наших государств ежегодно встречаются друг с другом, обсуждая наиболее острые проблемы сотрудничества и мировой политики.

О сближении позиций в последнее время говорит и одна из организаций, куда входят обе страны. Деятельность БРИК в последнее время приобретает важное значение в решении важных мировых проблем, особенно тех, которые возникают между участниками организации (Бразилии, России, Индии и Китая).

Политические лидеры Индии и России сходятся во мнении, что «БРИК – это очень перспективный форум, очень перспективный саммит, на базе

которого можно выстраивать отношения быстро развивающихся экономик, к числу которых относится и индийская, и российская экономика».

Сейчас Индия играет заметную роль в мировых делах, в решении международных проблем. У России весьма выгодное положение в отношении Индии. Это определяется и историческими предпосылками и рядом объективных факторов, которые играют в пользу России. У Индии и России нет принципиальных разногласий, не имеется территориальных претензий друг к другу. Поэтому нужно правильно расставить приоритеты, причем, прежде всего самой России. Чтобы лозунг о братстве русского и индийского народов «Хинди – Руси – бхай – бхай!» был актуален и в наши дни.

Паничкин Ю.Н. (Рязань)

Советско–афганские отношения после Второй мировой войны (1945-1947 гг.).

Советско-афганские отношения после Второй мировой войны складывались в тяжёлой для Афганистана внешнеполитической обстановке, обусловленной отношениями с Пакистаном, возникшими после деколонизации Британской Индии. Дело в том, что пуштунские территории, отторгнутые от Афганистана в 1893 году Великобританией, вошли в состав Пакистана, а его граница с Афганистаном была установлена по т.н. «Линии Дюранда (от имени британского чиновника, демаркировавшего эту границу в 1993 г.). Попытка пуштунских националистов во главе с Абдул Гаффар Ханом создать в 1947 г. независимое государство «Пуштунистан», поддержанная Афганистаном, успеха не имела. Афганские власти считали, что теперь, после деколонизации Британской Индии, пуштунские территории должны быть возвращены Афганистану или на них должно быть сформировано независимое пуштунское государство.

В июле 1949 г. в Кабуле на своей первой сессии парламент Афганистана рассмотрел вопросы отношений Афганистана с Пакистаном и, одобрив политику всемерной поддержки зарубежных пуштунов, аннулировал прежние афгано-британские соглашения, заключённые до образования государства Пакистан в 1947 г. При этом парламентом Афганистана было заявлено о непризнании «Линии Дюранда» в качестве афгано-пакистанской границы.

Вскоре после создания Пакистана, т.е. в августе 1949 г. на его территории в населённом пункте Тирах, находящемся в 5-7 милях от «Линии Дюранда» в полосе «свободных пуштунских племён» (полоса вдоль границы с Афганистаном, где законы Пакистана не действуют, а действуют законы обычного права «Пуштунвали», а реально – воля вождей племён) состоялось собрание представителей пуштунских племён Пакистана и Афганистана, на

котором мулла Нур Дал был провозглашён главой несуществующего государства «Пуштунистан». В январе 1950 г. «президентом Пуштунистана» был провозглашён Факир из Ипи, с 30-х гг. ведший вооружённую борьбу в Северном Вазиристане (область в полосе свободных пуштунских племён Пакистана) против британского колониализма, а после образования Пакистана, не признав его, стал вести борьбу против этого государства. Значение этого движения за т.н. «Пуштунистан» имело не в полосе свободных пуштунских племён Пакистана, а в поддерживавшем его Афганистане, который, в свою очередь, находил поддержку в Советском Союзе.

Уже в 1947 г. вдоль «Линии Дюранда» начались вооружённые столкновения, угрожавшие перейти в межгосударственный конфликт. В 1950 г. афгано-пакистанские отношения обострились снова ввиду того, что авиация Пакистана произвела бомбардировки пуштунских деревень как на территории Пакистана, так и на соседней территории Афганистана. Пакистан осложнил условия транзита афганских товаров через его территорию, резко ограничил поставку бензина в Афганистан, что привело к сокращению афганских внешнеторговых операций. Пакистан выступил с военными угрозами в адрес Афганистана. Попытка Кабула использовать содействие США для разрешения афгано-пакистанского конфликта не дали результатов.

В связи с этим Афганистан обратился за помощью к СССР и в 1950 г. было заключено Соглашение между правительствами СССР и Афганистана. Транзит Афганских товаров теперь проходил через территорию Советского Союза, что и вынудило Пакистан снять ограничения по транзиту афганских товаров.

Попытки Афганистана получить от США помощь в предоставлении вооружения и боевой техники натолкнулись на неприемлемые для Афганистана условия. В сентябре 1954 г. Пакистан был вовлечён Западом в блок СЕАТО, а в 1955 г. в Багдадский пакт (с 1959 г. – СЕНТО). Попытки же вовлечь Афганистан в военные блоки оказались неудачными, а значит, рассчитывать на широкую помощь от западных стран Афганистану не приходилось. Афганская политика всё больше поворачивалась в сторону широкого сотрудничества с Советским Союзом. В Афганистане могли меняться правительства, но не менялась внешнеполитическая ориентация.

Очередное политическое противостояние между Афганистаном и Пакистаном возникло из-за того, что правительство Пакистана решило распустить все провинции его Западной части и создать единую провинцию Западный Пакистан. Теперь пуштуны, как и другие народности Западной части страны, фактически лишались своей автономии, что и вызвало протесты со стороны правительства и пуштунов Афганистана. Ситуация снова обострилась. Пакистан закрыл все афганские консульства, приостановил политические и торговые отношения. Снова был прекращён транзит афганских товаров через территорию Пакистана.

Однако экономическая блокада Афганистана снова провалилась. В мае 1955 г. афганское правительство снова обратилось за помощью к правительству Советского Союза и в июне того же года был подписан Договор о транзите товаров для Афганистана через территорию Советского Союза. В декабре 1955 г. в Кабул прибыла советская правительственная делегация во главе с Председателем Совета министров СССР Н.А. Булганиным и Первым Секретарём Президиума Центрального Комитета КПСС Н.С. Хрущёвым. Н.А. Булганин и Н.С. Хрущёв заявили о полной поддержке Афганистана по вопросу о «Пуштунистане». Советским Союзом была оказана Афганистану экономическая помощь. Была также оказана помощь в предоставлении Вооружённым силам Афганистана советского вооружения и военной техники, в подготовке гражданских и военных специалистов. На помощь Афганистану были направлены гражданские и военные специалисты.

Таким образом, сотрудничество СССР и Афганистана в послевоенный период развивалось успешно и имело широкие перспективы. Оно помогло Афганистану выйти из тяжёлого положения, связанного с внешнеполитическими коллизиями, а Советскому Союзу приобрести в лице Афганистана дружественного соседа.

Писчикова Н.П. (Рязань)

Роль США в развязывании русско-японской войны 1904-1905 гг.

Россию и США связывали более чем вековые дружественные дипломатические отношения. На протяжении XIX века США стояли на путях сотрудничества с нашим государством. Заметим, что в начале своей карьеры Т. Рузвельт тоже искренне симпатизировал Российской империи. Но с приходом к власти главной идеей нового президента становится господство США на Тихом океане. Он отдавал себе полный отчет в тех возможностях, которые открываются перед американским капиталом в Китае и на Дальнем Востоке. США интересовал бассейн Тихого океана, но в данном регионе уже было распространено влияние России, Тихоокеанской державы. Представившуюся возможность развязать войну на Дальнем Востоке и втянуть в нее Россию, с целью ослабления и вытеснения из данного региона, США не преминули, сразу же использовать. В Японии Рузвельтом усматривался барьер против нее и против других континентально европейских держав с их территориальными устремлениями и Китая.

Поэтому с началом русско-японской войны мнение о России у США резко поменяется. Рузвельт открыто станет поддерживать Японию, несмотря на официально провозглашенную политику «доброжелательного нейтралитета».

США боялись возраставшего влияния России в Маньчжурии, которое сможет внести изменения в американскую политику «открытых дверей» и ограничить интересы американских партнеров в Китае. Ареной, на которой российская и американская дипломатия вступили в противоречия, стала Маньчжурия.

В 1903 году американская дипломатия была заинтересована в открытии портов в Маньчжурии, поэтому переговоры Китая с Россией в начале XX века о привилегиях последней в Маньчжурии вызвали резкое недовольство США. Именно этот вопрос раскрывал настоящую роль Маньчжурии для США, так как американские правящие круги преследовали свои политические цели: для них маньчжурский вопрос играл не торговую, а дипломатическую роль. Следовательно, открытие для иностранной торговли какого бы то ни было порта Китая, означало, во-первых, проникновение иностранных торговцев и товаров, а во-вторых, поселение иностранцев, которые смогли бы влиять не только на торговлю, но и на внутривнутриполитическую жизнь. Отсюда ясно, что требования по отношению к Китаю об открытии новых пунктов в Манчжурии для иностранной торговли позволяли США создать условия, помешавшие бы усилению позиций России в Маньчжурии.

Вашингтон ставил перед собой задачу нейтрализовать и вытеснить Россию из Маньчжурии. С этой целью США пошли на поддержку политики Великобритании и Японии и негласно поддерживали англо-японский союз, выступавший против влияния России на Дальнем Востоке. Заключение договора было воспринято в США с большим воодушевлением. Государственный департамент во главе с Хэем считал создание англо-японской группировки серьезной гарантией успешного развития «американской торговли и промышленности» на Дальнем Востоке.

Хотя Вашингтон с радостью воспринял весть о заключении союзного договора между Японией и Великобританией, присоединиться к нему открыто он не мог. Давняя дружба, связывающая народы России и США, а также существование сильного изоляционистского крыла в американском конгрессе не позволили США открыто присоединиться к союзу против России. Пойти на разжигание конфликта внутри страны Рузвельт не осмелился. Однако это ни в коей мере не мешало правящим кругам США самым тесным образом сотрудничать с Великобританией и Японией в борьбе против России на Дальнем Востоке. США встали на позицию дипломатического нейтралитета, по финансовой и торговой помощи.

Образовавшийся союз Великобритании и Японии и стоявшие за ними США взяли курс на развязывание войны на Дальнем Востоке. В апреле 1903 года министр иностранных дел Великобритании обратился к правительству США с предложением о более тесном сотрудничестве на Дальнем Востоке, заверив Вашингтон, что у Великобритании и США общие интересы в Китае, которые необходимо защищать, и Лондон во всем последует за США в деле защиты. Кроме того, Великобритания надеялась, что США будут

информировать Лондон о дальнейших действиях США. Государственный секретарь Хэй ответил положительно на данное обращение и выразил готовность информировать своего союзника о каждом шаге, предпринимаемом американскими дипломатическими представителями в Петербурге или в Пекине, советуясь и тесно сотрудничая с английским правительством по делам Дальнего Востока.

Следовательно, к середине 1903 года на Дальнем Востоке фактически образовалась объединенная англо-американо-японская коалиция, которая, хотя и не была оформлена специальным соглашением, однако выступала единым блоком против России.

Правительство США проводило явно антирусский курс. Оно знало, что при малейшем намеке или поощрении со стороны США, Япония быстро решит вопрос в пользу начала войны с Россией. За месяц до начала военных действий, а именно 12 января 1904 года правительство США сообщило японскому правительству, что в случае войны «американская политика будет благожелательна Японии».

Решимость Токио начать войну против России во многом определялась позицией США. Подтверждение этому мы можем найти в действиях государственного секретаря США. Когда после разрыва русско-японских дипломатических отношений Кассини заявил ему, что этот разрыв произошел в большой мере благодаря уверенности Японии в благосклонном отношении к ней США, Хэй лишь попытался оправдать действия японского правительства ссылкой на усиленное давление народных масс, недовольных медлительностью русско-японских переговоров. Эта беседа происходила 9 февраля 1904 года, когда, по предположению Кассини, Хэй уже располагал информацией о нападении японских миноносцев на русский флот.

Усиливавшееся влияние России на Дальнем Востоке наносило урон политике США в данном регионе. Поэтому США решили использовать третью силу в качестве противоборствующей стороны, так как сами США не могли напрямую начать военные действия по охране своих интересов в Китае. Япония как нельзя лучше подходила на эту роль. Отношения США с Японией носили характер сотрудничества. Вашингтон активно поощрял политику Японии на Дальнем Востоке. За счет столкновения России и Японии США хотели решить следующие задачи: проникнуть в захваченные Японией области Китая, противопоставить японскую экспансию растущему влиянию России на Дальнем Востоке и использовать Японию для создания выгодного США «равновесия сил» в этом районе. Борьба за установление «равновесия сил» и «открытых дверей» на Дальнем Востоке стала ключевым моментом дальневосточной политики Соединенных Штатов. Следовательно, такую политику США избрали для того, чтобы путем различных методов использовать противоречия других держав в данном районе в собственных интересах.

Итак, в начале XX века именно США шли на нарушение дружественных отношений с Россией. Перед войной, сделав все возможное

для сближения с Японией, которое было направлено, прежде всего, против России и Китая. Это обстоятельство не могло не воодушевлять японское правительство на начало войны против России. 8 февраля 1904 года Япония напала на Россию с уверенностью, что ее действия найдут отклик в США. Вашингтон, поддерживая Японию, рассчитывал на то, что с помощью Японии можно будет лишь при помощи материальных затрат добиться ослабления России, установить «равновесие сил» на Дальнем Востоке, защитить принцип «открытых дверей» и «равных возможностей» в Китае. Сыграв роль активного советчика в деле начала войны против России, США намеревались занять лидирующее положение в бассейне Тихого океана и отвести угрозу от своих дальневосточных владений со стороны Японии.

Плеханов А.Е. (Рязань)

Российская власть в начале XX века: экономические интересы и попытки сближения с Англией.

После заключения англо-русского соглашения 1907 г. русская дипломатия стала более активно заниматься европейскими делами. Это было возвращение к старой политике, направленной на разрешение противоречий между Россией и австро-германским блоком, которые по остроте не уступали англо-русским разногласиям в Азии. Дипломаты старой школы, такие, как А.И. Нелидов и А.К. Бенкендорф всегда считали, что призвание русской дипломатии состоит в том, чтобы свести в первую очередь счеты с Германией и добиться разрешения европейской, точнее балканской проблемы. Поворот во внешней политике был вызван объективно действующим процессом становления России и все большее ее вовлечение в систему мирового капитализма.

Французские, бельгийские, германские, английские, голландские займы и инвестиции сделали свое дело. Это и предопределило возврат русской дипломатии к европейским делам. Вопрос о присоединении России к англо-французскому соглашению 1904 г., в результате чего началось оформление Антанты, имел принципиально важное значение. Франция с помощью займов старалась теснее привязать к себе Россию, отлично при этом сознавая, что чем крепче она будет связана финансовыми узами, тем больше можно добиться от нее политических уступок.

Ссудив России 10 млрд. франков, Франция не могла, оставаться равнодушной к судьбе своего должника и была весьма заинтересована в развитии России, не располагающей собственными средствами для разработки своих естественных богатств. В свою очередь английское правительство, понимающее, какое решающее значение будет иметь в

надвигающемся англо-германском конфликте, участие России в том или ином из лагерей, всячески стремились привлечь ее на свою сторону.

Что касается самой России, то дело обстояло гораздо сложнее. Если азиатская политика влекла за собой обострение англо-русских противоречий, то европейская политика означала ухудшение русско-германских отношений на почве неминуемого австро-русского конфликта, в котором Англия, в силу англо-германских противоречий была естественным союзником России. Исконная же мечта России пробиться к проливам и овладеть Константинополем всегда встречала на своем пути, как показал предшествующий ход мировых событий яростное сопротивление со стороны Англии. Это можно было осуществить на почве англо-русского сближения, на договорных началах. Возвращаясь к активным действиям на Балканах, и следовательно обостряя австро-русский конфликт, русская дипломатия должна была позаботиться об укреплении своего дальневосточного тыла путем окончательного урегулирования русско-японского конфликта. Этому могла способствовать главным образом Англия – союзница Японии. Таким образом, интересы России в Европе толкали ее к сближению с Англией.

Но наряду с совпадающими интересами России и Великобритании, у них существовали и существенные разногласия. Если для Великобритании противоречия с Россией были менее существенными, чем с Германией, и она готова была отказаться хотя бы временно от дальнейшей экспансии с тем, чтобы собрать все свои силы на разрешение основного противоречия, то для России англо-русское противоречие не уступало русско-германскому, поэтому Россия колебалась.

После русско-японской войны, отсутствия дееспособной армии, а главное все большая зависимость от Франции, заставила Извольского пойти гораздо дальше Ламздорфа. Большой французский заем 1906 г. на деле дал лишь минимум того, что было необходимо. Россия и дальше нуждалась в иностранных займах, поэтому Франция стремилась сблизить Россию с Великобританией. Благодаря настойчивым дипломатическим усилиям французских дипломатов, 20 марта 1906 г. состоялась встреча русских и британских представителей. Английская сторона дала принципиальное согласие на участие английских банков в русском займе.

Именно в это время Э. Грей со своей стороны, указывал, что с политической точки зрения участие Англии в русском займе крайне желательно. Англо-русские трения отдаляли момент образования широкого антигерманского блока. Французская дипломатия во главе с министром иностранных дел Т. Делькассе стремилась сблизить Россию с Великобританией и создать единый блок государств, противостоящих Германии.

Французскую дипломатию, в ее стремлении сблизить Россию с Великобританией поддерживала и русская дипломатия во главе с министром иностранных дел России Извольским. Еще перед вступлением

в новую должность Извольский совершил турне в Лондон и Париж, где согласовал с Бенкендорфом и А.И. Нелидовым внешнеполитическую линию нового кабинета.

Программу, которая являлась дополнением к русско-французскому союзу, англо-русским и русско-японским соглашениями, Извольский представил Николаю II. Правительство России искало выхода не в освобождении от иностранной зависимости, а в том, чтобы найти нового крупного кредитора и торгового контрагента и с его помощью ослабить зависимость от других стран. Таким партнером могла стать Англия – крупнейший экспортер капитала и могучая торговая держава.

В начале XX в. Англия оставалась одной из самых могущественных в экономическом отношении и одной из самых богатых стран мира. По-прежнему весьма прочными были позиции Англии в международной торговле и в банковском деле. В Англии находились крупнейшие товарные биржи, здесь заключались сделки на покупку и продажу сырья. Через Англию шел огромный товарный поток во все страны. Лондон был также и международным финансовым центром. Английский фунт служил мировой расчетной единицей. Английский капитал кредитовал перевозки товаров между всеми странами, извлекая из этих операций огромную прибыль.

Однако к началу XX в. в экономике Англии все более явственно вырисовывалась ее слабость: отставание по темпам развития промышленности от других стран и прежде всего от Германии и США. Причина отставания заключалась в том, что ее промышленность, имевшая старую технику, не могла конкурировать с молодым производством Германии и США, где вводились самые новые машины и самая передовая технология.

По размерам колониальных владений к началу XX в. Англия оставила далеко позади все другие капиталистические страны. Экономическое могущество Англии опиралось на огромные колониальные владения, которые служили обширным рынком для английских товаров и обеспечивали за Англией ряд важных видов сырья. В обстановке обострения международного соперничества за колонии и рынки – внешнеполитическое положение Англии ухудшилось. Стремление английских руководящих кругов закрепить свои позиции привело ее к многочисленным столкновениям с другими державами. Ее превосходство в прошлом позволяло ей, пользуясь противоречиями между державами, балансировать и играть роль арбитра между ними. Руководители дипломатического ведомства Англии называли такую политику в конце XIX в. «блестящей изоляцией», поскольку она балансировала между австро-германским и франко-русским блоками. Но теперь положение изменилось. Англия являлась крупнейшей колониальной империей, и за ее счет мог произойти передел мира.

Руководители Форин Офис медленно подходили к пониманию того, что на роль главного противника Англии все более выдвигается Германия. Англия и Германия осуществляли попытки завязать контакты и начать переговоры, с тем, чтобы урегулировать отношения между собой, но это им не удалось, потому что противоречия были не разрешимы. О том, что английская дипломатия долго не принимала всерьез германской угрозы, свидетельствует та медлительность и нерешительность, с какой она шла на урегулирование отношений с Францией и Россией – со странами, которые должны были стать ее союзниками в борьбе против Германии. Однако обострившиеся отношения с Германией заставили ее пойти на заключение договора с Францией 8 апреля 1904 г.

С еще большим трудом продвигалось урегулирование англо-русских противоречий, хотя эти противоречия постепенно отодвигались на второй план враждой с Германией. Английская дипломатия долго не могла отказаться от старого представления о «русской угрозе», хотя по существу противоречия между обеими державами – Англией и Россией – теряли свой прежний острый характер.

Необходимым условием соглашения между Англией и Россией было представление России некоторых уступок на Ближнем Востоке, в частности согласия на захват проливов. Англия много лет боролась против этого требования, опасаясь за свое господство в Средиземном море. В результате английская дипломатия решила пойти навстречу претензиям России. В апреле 1907 г. английское правительство объявило, что оно не возражает против изменения статуса проливов. Это уступка открыла путь к англо-русскому соглашению по другим вопросам. Но достичь решения этого вопроса удалось после длительных усилий обеих сторон.

Англо-русское соглашение, подписанное 31 августа 1907 г., урегулировало спорные притязания обеих сторон в Персии, Афганистане и Тибете. Таким образом, к 1907 г. Англия заключила договор с Францией и конвенцию с Россией, что открывало путь к их сотрудничеству.

Родригес А.М. (Москва)

СССР и Аравийские эмираты: поиск альтернативного партнерства.

После распада Османской империи на огромной территории Аравийского полуострова развернулся сложный процесс формирования самостоятельных государств, шла напряженная борьба, прежде всего, между Хиджазом и Недждом, претендовавшими на руководящую роль в объединении многочисленных племен и народностей. В южных районах

полуострова оформилось независимое Йеменское государство. Объединение родственных племен укрепляло позиции аравийских стран перед угрозой вторжения в их пределы и страных держав.

В поисках средств продолжающегося в рассматриваемый период противостояния давлению западного колониализма арабские национальные силы предпринимали попытки найти поддержку со стороны Советского государства. Об этом, в частности, свидетельствовали политические связи хиджазских и египетских националистов с советской делегацией на Лозаннской конференции 1922—1923 гг. Арабские народы стремились использовать моральную и политическую поддержку СССР в своей антиколониальной борьбе. Советско-хиджазские переговоры в Лозанне привели к установлению дипломатических отношений между СССР и Хиджазом. В 1924 г. в хиджазской столице Джидде было открыто агентство и генеральное консульство СССР. Советским послом в Хиджазе был назначен К. А. Хакимов, а хиджазским посланником в Москве стал эмир Лофталла.

Несмотря на неблагоприятную обстановку, сложившуюся в ходе военных действий между Хиджазом и Недждом, советское агентство и генеральное консульство развернуло работу по закреплению политических и экономических отношений между СССР и странами Аравийского полуострова. В первое же время деятельности торгово-политического представительства нашего государства в Джидде отчетливо проявилось стремление торговых кругов не только Хиджаза, но и соседних с ним территорий, установить связи с советским рынком. Поэтому Народный комиссариат внешней торговли СССР (НКВТ СССР) и Российская внешнеторговая палата (РВТП) приступили к разработке мер по вовлечению внешнеторговых и производственных организаций в налаживание советско-аравийской торговли. К разрешению этой коммерческой задачи приступил К. А. Хакимов. В своем экономическом обзоре Хиджаза он отметил, что торговля с аравийскими государствами неизбежно встретиться со многими трудностями экономического и политического порядка. Восстановление внешнеторговых связей этих государств сдерживалось распрями между отдельными эмиратами и вмешательством в их внутренние дела империалистов Запада. Раздел Северной Аравии, в особенности «английский коридор» от Суэца через Палестину, Ирак, Персидский залив к Индии изолировали Хиджаз, Нежд, Асир, Йемен от их давних северных коммерческих партнеров. Судьба внешней торговли аравийских стран всецело определялась общей обстановкой на полуострове.

С постепенной стабилизацией внутривнутриполитической обстановки и отказом английского правительства в мае 1927 г. от своих намерений установить протекторат над аравийскими территориями появились более благоприятные условия для расширения внешнеторговых связей хиджазского королевства. В 1927 г. «Руссотюрк» при содействии РВТП предпринял попытку установить торговые связи с Хиджазом-Недждом. 16 мая из Одесского порта был отправлен в Джидду пароход «Теодор Нетте», на борту

которого находилось 150 тонн сахара, 80 тонн муки, 180 тыс. метров мануфактуры, 100 ящичков спичек, партии медных изделий, фарфоро-фаянсовой посуды и стекла, образцы нефтепродуктов и других товаров. По прибытии парохода в Джидду 3 июня была открыта месячная выставка образцов товаров советской промышленности, ставшая первой подобного рода выставкой на Аравийском полуострове. Она широко рекламировалась через местные газеты, расклейку объявлений и раздачу ленточек, по плота от и улицам городов и селений ходили глашатаи и выкрикивали всякого рода объявления и сообщения, призывая посмотреть «в большевистском консульстве большевистские товары».

Местным властям, — как отмечал в своем сообщении из Джидды корреспондент ТАСС, — особенно льстило, что над зданием советского консульства, где была размещена «Руссотюрком» выставка советских промышленных изделий, развевались хиджазское, турецкое и советское знамена - Организация торговой выставки и ее экспонаты получили хорошие отзывы посетителей. В ходе выставки были осуществлены сделки на 30 тыс. ящичков керосина, 10 тыс. бидонов бензина (трудно поверить, учитывая будущее нефтяное процветание Аравии), выявились потребности местного рынка в лесоматериалах. После окончания торговой выставки ее экспонаты составили постоянно действующий музей образцов экспортной продукции при советском консульстве в Джидде, сразу же привлечший внимание коммерсантов не только Хиджаза-Неджада, но и других арабских стран.

В октябре 1927 г. третьим пароходным рейсом в Джидду были направлены наряду с известными арабским покупателям товарами лесоматериалы, льняные изделия, парфюмерия. За 1927 г. Советским государством было поставлено в Хиджаз-Нежд 750 тонн муки и 470 тонн сахара, что составило 25% емкости сахарного и 10% мучного спроса аравийского рынка. В то же время «Руссотюрком» были закуплены значительные партии аравийского кофе и кожевенного сырья, собраны образцы других товаров, распространенных на рынках Аравийского полуострова. С целью знакомства советских хозяйственников с экспортными возможностями хиджазского государств «Руссотюрк» доставил образцы его товаров на Нижегородскую ярмарку 1927 г.

В апреле 1927 г. многие западноевропейские газеты стали распространять слухи о сообщениях голландского консульства в Джидде о расширении «коммунистической пропаганды», «распространении прокламаций», «советских дипкурьерах» и «большевистских агентах в Аравии». Правительство Ибн Сауда опровергло эти заявления, а голландское консульство в официальном заявлении уведомило, Что никаких обвинительных высказываний в адрес сотрудников советского консульства в Джидде оно не делало. Английская «Дейли Телеграф» также увидела в существовании торгово-дипломатической миссии СССР в Джидде «чрезвычайно опасный фактор в связи с близостью с Суданом и легкостью сообщений с народами Восточной Африки и Аравийского полуострова».

Наиболее открыто выражала свое беспокойство по поводу развития советско-арабской торговли консервативная Англия, ее недовольство и даже раздражение, по признанию самих правительственных кругов, было вызвано тем обстоятельством, что советские товары довольно быстро находили массового покупателя, предпочитавшего приобретать товары лучшего качества. Не без раздражения британское правительство заявляло о том, что внешнеторговая деятельность Советского государства «создает опасность» всем европейским державам на Востоке. Как и в Египте, англичане стремились препятствовать торговле Хиджаза-Неджада с СССР.

Правительство Ибн Сауда в 1931 г. обратилось к Всесоюзному внешнеторговому объединению «Востгосторг» с предложением заключить соглашение на 100 тыс. ящиков бензина и керосина. К началу 1932 г. поставки нефтепродуктов в Джидду были выполнены «Нефтесиндикатом». В связи с тяжелым состоянием финансовой системы арабской страны Советское правительство не стало настаивать на немедленной оплате этих поставок, постепенное погашение коммерческого долга в течение года было определено соглашением между «Востгосторгом» и министерством финансов Саудовской Аравии (с 1932 г. так стало официально именоваться государство Хиджаз-Нежд и присоединенные области). Находившийся в сентябре — октябре 1931 г. в Джидде уполномоченный НКВТ СССР в странах Красноморского бассейна А.А. Юрьев вступил в переговоры с представителями деловых кругов о расширении связей с советским рынком, было получено согласие Ибн Сауда на устройство в Джидде постоянной выставки образцов новых изделий советской промышленности. Такая выставка была организована, на ней с большим успехом экспонировались сельскохозяйственные орудия, машины и другие товары.

В августе 1932 г. были возобновлены торговые переговоры между правительствами СССР и Саудовской Аравии. Они длились по июль 1933 г., но успеха уже не имели. В последующие годы правительство Ибн Сауда уже не стало проявлять даже интереса к ним, хотя некоторые представители королевского двора иногда высказывались о пользе для их страны торговых связей с СССР. В беседе с Н.Т. Тюрякуловым Ибн Сауд, оправдывая свою позицию, говорил, что время для договора еще не наступило. «Хаджаз еще ни с кем не заключил торгового договора и в связи с этим испытывает ряд затруднений. Вообще же все вопросы, которые могут интересовать обе стороны, немедленно получают удовлетворительное решение, но для этого нужно выждать некоторое время». Находясь в большой политической и экономической зависимости от Великобритании и испытывая серьезное давление с её стороны, саудовское правительство опасалось идти на более тесное сближение в торговле с СССР. Английские официальные круги пытались запугивать Ибн Сауда «большевистской опасностью» и склоняли его к более тесному политическому и экономическому сотрудничеству с Англией. А ещё через несколько лет ситуация изменилась радикально. Английские и американские нефтяные компании получили концессии на

поиски нефтяных месторождений и их последующую эксплуатацию. Углеводороды были обнаружены в огромном количестве, и со временем дождь нефтедолларов обрушился на Саудовскую Аравию и соседние эмираты. Следовало подумать уже о внутренней безопасности правящих режимов от революционных движений, а также и об угрозах извне (в частности со стороны Ирана и Ирака). В этой ситуации стратегическим партнером и гарантом безопасности становился Запад. Ещё до второй мировой войны и тем более до «холодной» правительство Королевства обвинило СССР в безбожии и агрессии, назвав коммунизм адскими происками, и в 1934 г. наложило мораторий на дипломатические отношения между двумя странами. Многообещающее начало и надежды на взаимосотрудничество и взаимопонимание не были реализованы.

Савосина Ю.В. (Рязань)

К вопросу об англо-советском экономическом сотрудничестве на протяжении 20-х гг. XX века.

Современная экономическая политика крупных держав направлена на постоянное взаимодействие и сотрудничество на всех торговых направлениях. Однако нередко различие в политических взглядах, отличия в понимании современных приоритетах приводят к конфликтным ситуациям между различными государствами, что в свою очередь негативно отражается на развитии экономических взаимодействий между ними. В такой ситуации необходимо обращаться к опыту прошедших лет, и на анализе исторических фактов пытаться преодолеть сложности, свойственные современным двусторонним экономическим отношениям.

Одним из примеров могут служить англо-советские экономические отношения в 20-е гг. XX в. Исторический опыт взаимодействия этих стран помогает ставить на практическую основу отношения между ними в настоящее время, находя точки соприкосновения в истории взаимоотношений этих двух государств. Научный путь дает возможность познать и осмыслить те исторические события, которые позволяют играть этим государствам важную роль в современности.

Англо-советские отношения на протяжении 20-х гг. XX в. определялись идеологическими доктринами правящих партий двух государств, с одной стороны, и необходимостью экономического сотрудничества – с другой.

1920-е гг. характеризуются двойственностью внешней политики СССР. Провозгласив принцип мирного сосуществования основой своей внешнеполитической деятельности, большевистское руководство на практике опиралось на «экспорт революции» и на принцип пролетарского интернационализма, что резко противопоставляло Советскую страну Европе.

С течением времени, когда стало ясно, что курс на «мировую революцию» оказался несостоятельным, стала преобладать тенденция к нормализации отношений, в первую очередь экономических, с капиталистическими странами.

Правительство Великобритании, являвшееся союзником царской России в годы Первой мировой войны, и признавшее Временное правительство, ставшее ее лояльным партнером, долго не признавало большевистское правительство России, активно боролось за уничтожение большевизма в годы гражданской войны. Однако когда стала ясна вся тщетность этих усилий, а необходимость в экономическом сотрудничестве стала объективной необходимостью, Великобритания была вынуждена искать новые подходы к отношениям с СССР.

В начале 1920 г. начались первые попытки установления торговых связей между Великобританией и Советской Россией. 16 января 1920 г. была принята резолюция Верховного Совета союзников о снятии экономической блокады с Советской России и восстановлении торговых отношений с русским народом, минуя Советское правительство. Торговые операции было решено вести через русские кооперативные организации. Однако Советское правительство не устраивало ведение торговых дел посредством кооперации, хотя оно и осуществило попытку организации данной торговли. В результате план организации подобной торговли при посредстве кооперации так и не был осуществлён.

Весной 1920-1921 гг. ведутся англо-советские торговые переговоры в Лондоне. Необходимо отметить, что, несмотря на название «торговых», переговоры носили, в первую очередь, общеполитический характер. В условиях современного мира можно зачастую увидеть, когда торгово-экономические переговоры опираются на решение политических проблем.

16 марта 1921 г. в Лондоне полпредом и торгпредом Советской России Л.Б. Красиным и министром торговли сэром Р. Хорном было подписаны Англо-советское торговое соглашение между РСФСР и Великобританией и декларация о признании претензий.

Основные пункты его сводились к следующему: обе стороны обязывались воздерживаться от всяких враждебных действий и пропаганды друг против друга. Советская республика особенно должна была воздерживаться от подобных актов в Индии и в Афганистане, а британское правительство - в странах, которые ранее составляли часть Российской империи. Подданные обоих государств получали право беспрепятственного возвращения на родину. Великобритания и Россия возобновляли торговые отношения и взаимно обменивались торговыми представителями, которым присваивался ряд дипломатических привилегий (дипломатический иммунитет, право шифра, право дипломатической переписки). Британское правительство обязывалось не предпринимать никаких шагов к завладению золотом и имуществом, принадлежащим Советскому правительству.

В особой декларации, приложенной к соглашению, обе стороны обязывались урегулировать взаимные материальные претензии в будущем мирном договоре, а Советское правительство признавало в принципе необходимость уплатить возмещение частным лицам, поставившим товары или оказавшим услуги России.

Это было первое соглашение общего характера между Советской республикой и Великобританией. Оно прорвало дипломатическую блокаду РСФСР и открыло целую серию «полуполитических», «полоторговых» соглашений, заключённых Советским правительством в течение 1921-22 гг. с рядом стран Западной Европы: 6 мая 1921 г. - с Германией, 2 сентября 1921 г. - с Норвегией, 7 декабря 1921 г. - с Австрией, 26 декабря 1921 г. - с Италией, 1 февраля 1922 г. - со Швецией, 5 июля 1922 г. - с Чехословакией. Все перечисленные соглашения были заключены по образцу англо-советского с весьма незначительными изменениями в каждом отдельном случае.

Хотя англо-советское торговое соглашение означало лишь фактическое признание Советского правительства, однако, торговля между этими странами в 1921 г. значительно возросла.

В 1923 г. в период, когда английское правительство пыталось повторить военно-экономическую интервенцию против СССР, английский экспорт в Советскую страну резко снижается.

Однако, экономическая взаимозависимость двух государств заставила их встать на путь обоюдного решения политических проблем. Так, 8 августа 1924 г., в результате работы англо-советской конференции, были подписаны общий договор и договор о торговле и мореплавании между СССР и Великобританией. Были установлены дипломатические отношения и созданы более прочные политические, правовые и экономические основы взаимоотношений между двумя государствами, что способствовало быстрому росту англо-советской торговли.

Можно говорить об успешном развитии англо-советских экономических отношениях на протяжении 1924-1926 гг., которые характеризовались резким скачком в сторону увеличения торгово-экономического баланса двух государств после признания СССР де-юре. Данный факт подтверждает взаимозависимость политических и экономических факторов в развитии двухсторонних отношений.

В 1926-1927 гг. политические разногласия СССР и Великобритании возобладали над торгово-экономической необходимостью. Ряд политических (приход к власти консервативного правительства Болдуина, настроенного негативно по отношению к правительству СССР), социальных (забастовка английских рабочих), дипломатических (ряд провокационных налетов на советское представительство, на офисы советской торговой делегации и компании «Аркос») событий привели к ухудшению англо-советских экономических отношений в целом, что спровоцировало резкий спад торгово-экономического баланса двух государств.

В мае 1927 г. правительством Великобритании были разорваны дипломатические отношения с правительством СССР. Снижение торгово-экономических контактов продолжалось вплоть до осени 1929 г., когда в ноябре был подписан протокол о немедленном возобновлении дипломатических отношений между СССР и Великобританией, а так же об урегулировании спорных вопросов.

Факторы, приведшие к подписанию нового англо-советского договора 1929 г. и расширению торговых связей были самые разнообразные. Снижение англо-советского торгового баланса на протяжении 1927-1929 гг. привело к внутри социальным проблемам в Великобритании, вызванными недовольством рабочего класса, финансовыми потерями предпринимателей и разногласиями внутри правящей партии в отношении СССР.

Мировой экономической кризис 1929 г. стал ещё одним фактором, который усилил социальные и экономические проблемы Великобритании.

В свою очередь, доступность и близость советского рынка, рост социального недовольства, торгово-экономические проблемы английских торговых предпринимателей вынудили правительство Великобритании искать пути решения политических проблем в угоду экономической необходимости.

Англо-советские экономические отношения в 20-е гг. XX в. характеризуются двойственностью в политических взаимоотношениях, постоянной дипломатической напряженностью, развитием социальных проблем внутри государств.

В современном мире установление и расширение успешных торгово-экономических контактов вынуждает правительства различных государств идти на многие политические и дипломатические уступки друг другу. Исторический опыт позволяет избегать ряда ошибок при заключении важных торгово-экономических связей.

События настоящего времени ещё раз демонстрируют нам взаимозависимость экономических проблем с политикой ведущих мировых держав, с развитием социальных настроений и сложной мировой обстановкой.

Сафронов Б.В. (Рязань)

США в АТЭС.

США сыграли определенную роль в создании АТЭС. После Второй мировой войны в Азиатско – Тихоокеанском Регионе (АТР) прослеживалось четкое деление стран по принадлежности к западному или восточному блоку.

В регионе всегда была достаточно сложная ситуация: из-за мировой конфронтации страны региона близкие географически, имеющие общие исторические корни, схожую культуру не имели возможности проводить

общую экономическую политику. В этот период США смогли закрепиться в регионе в качестве ведущей державы, оказывающей определяющее влияние, на ход событий в АТР. При этом надо отметить, что это признаваемое лидерство определялось не политическими мотивами, а экономической мощью США.

Когда в январе 1989 года премьер – министр Австралии Б. Хоук озвучивал предложение о создании новой региональной организации, то в списке стран, первоначально предложенным Хоуком в качестве участников организации отсутствовали США, что вызвало негативную реакцию со стороны правительства США и Хоуку пришлось изменить свою позицию.

Положение США в мире требует постоянной заботы о том, чтобы продолжать сохранять свое лидерство. Взятая на себя роль глобального лидера требует от США следить затем, чтобы ни один регион мира не остался бы без внимания. Г. Киссинджер писал: « враждебный азиатский блок, объединяющий наиболее многонаселенные страны мира, обладающий огромными ресурсами и самыми трудолюбивыми гражданами, несовместим с национальными интересами Соединенных Штатов. Поэтому Америке следует сохранять свое присутствие в Азии, и её геополитической целью должно оставаться предотвращение объединения азиатских государств в недружественный США блок».

Главным условием, обеспечивающим главенство США, был экономический динамизм. Америка расширила свое лидерство за счет использования новейших научных достижений в первую очередь в военных целях, что позволило её армии контролировать весь земной шар. Кроме того американское глобальное превосходство, подкрепляется сложной системой союзов и коалиций, которые буквально охватывают практически весь мир.

За годы «холодной войны» США подписали 42 соглашения с азиатскими странами. Союзниками США на основе официальных договоров в АТР являются Япония, Республика Корея, Австралия и Новая Зеландия, Филиппины. Сотрудничество США с Таиландом развивается на базе совместного заявления, подписанного в 1962 году. В 1979 году американский конгресс принимает Закон об отношениях США с Тайванем.

В годы «холодной войны» американская система строилась по принципу добровольной защиты стран подписавших соглашения с США. США обязывались защищать эти страны всей своей военной мощью, в том числе и ядерной. Но попытки США создать объединение своих союзников в рамках СЕАТО провалилось. Страны региона постоянно, оглядываясь на США, в тоже время не забывали о своих интересах внутри региона, а эти интересы зачастую не совпадали. Особенно это касалось Японии, Южной Кореи и Китая.

Американское руководство продолжает свою политику по разделению мира на противоборствующие лагеря, выстраивая «ось зла» или « пояс нестабильности». В тоже время существующая система двусторонних

договоров с Японией, Южной Кореей и Австралией содержит ряд противоречивых моментов.

Окончание «холодной войны» привело к политическим изменениям в регионе: ушла идеологическая составляющая, которая играла ведущую роль в отношениях между странами. Стало возможным строить новые отношения, основываясь на прагматических интересах применяя принципы взаимодействия, взаимодополнения и доверия.

После развала биполярного мира США, стали гегемоном в мировой политике, так как они удовлетворяли всем условиям делающих их таковыми:

- имеют эффективный экономический механизм, основанный на производстве инновационного типа;
- доминируют в мировой валютной системе;
- имеют главенствующие позиции в мировой торговле и контролируют большую часть крупных транснациональных корпораций;
- имеют силовые возможности глобального масштаба;
- имеют мощные военные союзы;
- осуществляют эффективную военную политику;
- имеют привлекательное общество с точки зрения культуры, идеологии, образования и науки.

Начала меняться система взаимоотношений со странами региона, выстроенная США в предыдущие годы. Можно сказать, что только две страны АТЭС: Австралия и Япония продолжают неуклонно двигаться в фарватере США, четко следуя курсу выбранному Вашингтоном. Японцы рассматривают свой альянс с Вашингтоном в качестве средства противодействия потенциальным угрозам их национальной безопасности со стороны северной Кореи и укрепляющейся военной мощи Китая. Для США укрепление союза с Японией является составной частью «Программы совершенствования системы передового базирования вооруженных сил США на Тихоокеанском театре военных действий». Цель этой программы противодействовать «угрозе» со стороны Северной Кореи и военно-экономическому усилению Китая.

Соединенные Штаты, исходя из своих соображений, стараются не доводить дело до прямой конфронтации в решении достаточного большого вопроса по поводу Тайваня и взаимоотношений между Северной и Южной Кореей. Сохраняя за собой роль некоего гаранта, тем не менее, США предпочитают переложить решение этих проблем на плечи самих участников противостояния. Остальные страны региона, предпочитают действовать самостоятельно в рамках региональных группировок, учитывая в первую очередь свои национальные интересы.

США не скрывают своих претензий на лидерство, в рамках многосторонних структур оправдывая их в первую очередь значимостью своего военного присутствия. З. Бжезинский, оценивая цели участия США в такой организации как АТЭС, писал: «Америка принимает также участие в деятельности таких зарождающихся транстихоокеанских многосторонних

организаций как Азиатско – Тихоокеанский форум экономического сотрудничества (АРЕС), становясь главным действующим лицом в делах региона».

США воспринимает интеграционные процессы в АТР как придаток своей системы военно-политических союзов и контролируемых структур. Участие в многосторонних механизмах необходимо США для того, чтобы с помощью коллективно вырабатываемых мер доверия, превентивной дипломатии, введения разнообразных региональных режимов, возрастающей транспарентности в сфере обороны в условиях незыблемости и неизменности американских позиций, держать под контролем оборонные потенциалы региона, профилактически предотвращать нежелательные для США действия со стороны других стран.

Филькина О.Ю. (Рязань)

**К вопросу о преемственности
финансовых отношений стран Антанты с Российской империей на
начальном этапе Первой мировой войны.**

Начавшаяся Первая мировая война стала катализатором, ускорившим финансовое сближение Великобритании и России.

Накануне Первой мировой войны российское правительство не сочло нужным заключить какие-либо финансовые соглашения со своими союзниками по Антанте - Францией и Великобританией - о возможной помощи российскому правительству на случай войны с Германией. В первую очередь такое соглашение было необходимо с Францией, выступавшей, на протяжении четверти века, в качестве главного кредитора России. Финансовое сотрудничество России с Францией, безусловно, было проверено временем, но и здесь не удалось обойтись без взаимных претензий.

После объявления войны французское правительство «установило отсрочку платежей по вкладам и займам», точнее сказать, оно наложило мораторий на золотую наличность, и банки прекратили выплаты по вкладам. Под действие моратория попали и русские правительственные вклады во французских банках. Происходившее было чревато своими последствиями, поскольку большая часть от общей суммы свободной наличности России - 666,3 млн. руб., находившейся за границей, хранилась во французских банках - 463 млн. руб. В одночасье российское правительство оказалось в крайне затруднительном положении, поскольку оно не могло вовремя оплатить первые военные заказы за границей, утвержденные Советом министров в августе 1914 г. на сумму 118,8 млн. руб.

Вот почему в первые месяцы войны все внимание российского министра финансов было приковано, в большей степени, к проблеме снятия моратория с сумм царского правительства во Франции. П.Л. Барк настойчиво

боролся за право России распоряжаться своей свободной наличностью. Вопрос о валюте изначально принял государственно-важный статус.

Российское правительство легко бы избежало всех этих трудностей, по крайней мере, в первые месяцы войны, если бы оно могло свободно распоряжаться своими вкладами во Франции. Но финансовые отношения России с Францией складывались крайне неудачно. Французские банки отказались платить по вкладам царского правительства, а сами при этом требовали уплаты долгов русских акционерных банков.

С большим трудом российский министр финансов П.Л. Барк справился с первыми платежами по заграничным заказам. Но это было только начало, а количество заказов нарастало в огромной степени, и они не могли быть реализованы вовремя из-за отсутствия свободной валюты за границей.

Дипломатическая переписка между Францией и Россией, длившаяся более двух месяцев, не дала никаких результатов. Вопрос о ликвидации задолженности российских акционерных банков оставался нерешенным. Российская казна по-прежнему была лишена возможности свободно распоряжаться своими вкладами.

К началу октября 1914 г. российское правительство, имевшее на счетах французских банков 737 млн. франков, было вынуждено расплачиваться за внешние поставки вывозом своего золота. Кроме того, Государственный Банк должен был дать обещание после получения кредита в 500 млн. франков в будущем больше не прибегать к авансам Французского банка для оплаты купонов по займам. В дальнейшем этот пункт был снят и не вошел в соглашение Государственного и Французского банков.

Взвесив все «за» и «против», П.Л. Барк продолжал настаивать на скорейшем подписании соглашения о финансовых расчетах с банками, рассчитывая таким способом получить «наши вклады», несмотря на «формальное продление моратория».

Таким образом, только 5 месяцев спустя после начала Первой мировой войны вопрос о вкладах российского правительства был «окончательно и вполне благополучно разрешен».

Все те месяцы, пока шла длительная переписка между Парижем и Петербургом, вклады российского правительства во Франции значительно уменьшились. Свободная наличность к концу декабря 1914 г. сократилась до 300 млн. франков, т.е. почти до $\frac{1}{4}$ по сравнению с началом войны.

Подписанное соглашение имело большое значение для французских и российских банков. Оно расчистило почву для дальнейшего сотрудничества между банками двух союзных держав, способствовало активизации финансовой деятельности российских банков. В то же самое время российское правительство, проявившее недостаточную требовательность к своей союзнице, лишилось большей части своей свободной наличности, ушедшей на оплату платежей по займам. За первые пять месяцев войны «русское правительство не только не получило ни копейки кредитов от союзной Франции, чем был нанесен безусловный ущерб вооружению армии,

но было вынуждено вести дипломатическую борьбу за право использовать свои собственные капиталы для повышения боеспособности армии, которая приносила в интересах своей союзницы серьезные жертвы на фронте».

Союзная Франция, проигнорировав требования российского правительства вернуть вклады Государственного Банка в самом начале войны, тем самым подтолкнула его к поиску новых источников покрытия громадных военных расходов. Франция собственноручно лишила себя пальмы первенства в деле внешнего кредитования России. Российское правительство, измотанное постоянными противоречиями с французами по вопросам финансовой помощи, решилось, в конечном итоге, заменить «несговорчивого партнера». Как никто другой на эту роль подошла Великобритания, сумевшая доказать свою финансовую благонадежность.

Хуссейн М.Х. (Воронеж)

Российско-иранское сотрудничество и его значение в контексте международных отношений 1990-х гг.

Как известно, процесс исторического развития России во многом детерминирован географическим фактором. Традиционный ареал существования российской государственности на «стыке» двух цивилизаций создавал объективные предпосылки для развития взаимодействия России, с одной стороны, с западной европейской цивилизацией, а с другой – с азиатской восточной. В этой связи, необходимо, заметить, что магистральная тенденция исторического развития России целиком и полностью определялась характером взаимоотношений с Западом и Востоком. От эффективности такого рода сотрудничества напрямую зависели и зависят перспективы российской цивилизации. Примеров, подтверждающих данный факт, великое множество. В рамках этой статьи проанализируем взаимоотношения России и крупнейшего субъекта ближневосточного региона - Исламской республики Иран в период 1990 – х гг.

В первую очередь стоит отметить, что с начала 1990 – х гг. начинается принципиально новый этап во взаимоотношениях Ирана и России, что было обусловлено изменившейся геополитической конъюнктурой.

Фундамент для развития двусторонних отношений был заложен в 1989 г. В ситуации крушения социалистического лагеря и неудачно складывающейся для Ирана войны с Ираком стороны рассматривали нормализацию двусторонних отношений в качестве попытки своеобразной адаптации к новым геополитическим реалиям. В результате официального визита в СССР председателя иранского парламента и исполняющего обязанности верховного главнокомандующего вооруженными силами. А. Рафсанджани была подписана Декларация о принципах отношений и

дружественного сотрудничества между СССР и Исламской Республикой Иран.

Новым моментом, озвученным в тексте Декларации, было заявление о согласии Советского Союза «сотрудничать с иранской стороной в деле укрепления ее обороноспособности».

Основные направления в сотрудничестве России и Ирана охватывали в указанный период проекты железнодорожного, автомобильного и морского сообщения, транспортировку газа и нефти в Европу, многостороннюю координацию действий на Каспийском море, в том числе сохранение его экологических параметров, организацию судоходства, морской нефтедобычи, рыболовства и др.

Кроме того, руководство СССР, а позднее Российской Федерации дало подтверждение своей готовности оказать Ирану всемерное содействие в упрочении его обороноспособности и восстановлении военного потенциала, начав поставки самого современного вооружения: радарных систем, самолетов. Показательно, что уже в период 1987-1990 гг. военной техники и оружия было продано на сумму 2,5 млрд. долларов, в 1991- 1994 гг. - на 1,2 млрд. долларов.

Важное место в ирано-российских отношениях с начала 90-х годов стало занимать сотрудничество в области мирного атома. Первое соглашение с Ираном в этом направлении было подписано в 1992 г.

Неудивительно, что США, реализующие в указанный период времени стратегию глобального доминирования, старались воспрепятствовать ирано-российскому сотрудничеству, представляя его как основу создания в Иране ядерного потенциала, что угрожало, с точки зрения Вашингтона, мировой стабильности. Используя проблемы внутривосточного положения России в 1990 –е гг., США оказывали прямое давление на Москву, требуя прекратить продажу и предоставление Ирану ядерных технологий. В частности, Б. Клинтон, оценивая результаты ирано-российского сотрудничества, подчеркивал, что оно «приведет к ослаблению национальной безопасности России в долгосрочной перспективе», поскольку США выражали готовность прекратить финансовую помощь России.

Таким образом, давление Вашингтона приняло форму экономического шантажа, что вынудило Москву в 1995 г. официально заявить о недопущении предоставления Ирану технологий по обогащению урана.

Однако данный шаг со стороны России являлся во многом декларативным, поскольку после 1995 г. российско-иранское сотрудничество в данной сфере получило новый импульс к развитию.

Так, в начале 1995 г. Иран подписал контракт на сумму почти 1 млрд. долл. на строительство российской стороной атомной электростанции в районе города Бушира, а 6 марта 1998 г. сессия российско-иранской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству завершилась подписанием в Тегеране нового соглашения по строительству третьего и четвертого блоков АЭС в Бушире. Примечательно, что в 1997 г. в

соглашение по инициативе России был включен пункт об осуществлении контроля российских специалистов на всех стадиях строительства с целью недопущения развития запрещенных ядерных технологий.

Другими словами, стороны приняли меры для придания сотрудничеству открытого характера, что лишило США реального повода усматривать в нем нарушение международных норм. Одновременно Россия увеличивала количество специалистов, работающих в Иране.

Дальнейшей активизации российско-иранского сотрудничества не помешал даже принятый под непосредственным давлением Вашингтона в 1999 г. закон, вводящий жесткий контроль над экспортом в Иран.

Так, уже в 2000 г. стороны договорились о расширении сотрудничества в военной сфере, а министр обороны РФ демонстративно подчеркнул, что Россия готова поставлять в Иран современные подводные лодки и образцы другой военной техники. При этом РФ в одностороннем порядке аннулировала указанный договор 1995 г., а в ходе визита в 2001 г. в Иран президента РФ В. Путина были подтверждены все обязательства России относительно сотрудничества по ядерной программе. Кульминацией российско-иранского сотрудничества стал заключенный в 2001 г. Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран.

Данные факты позволили США рассматривать варианты введения экономических санкций против российских компаний, даже несмотря на новые заверения российского руководства о непредставлении Ирану ядерных военных технологий.

В итоге стоит констатировать, что в 1990 – е гг. образовались прочные основания для российско-иранского сотрудничества, которое получило устойчивую перспективу для развития. При этом обе стороны рассматривали это взаимодействие как вариант «сдерживания» США, что было особенно выгодно Ирану.

Таким образом, пример эффективного сотрудничества России и Исламской республики Иран в 1990 – е гг. лишний раз подчеркивает огромное значение такого взаимодействия в контексте обеспечения стратегических целей российской внешней политики.

Шандра А.В. (Арзамас)

К вопросу о влиянии Великих держав на образование новых независимых государств Арабского Востока.

Одним из наиболее острых вопросов формирования нового порядка в международной политике после завершения Первой мировой войны стал вопрос о судьбе частей распавшихся империй. Если в Европе данная ситуация решилась посредством создания относительно небольших

мононациональных государств, то распад Османской империи создавал целый ряд трудностей, которые и предстояло преодолеть Великим державам. Неоднозначность и сложность положения дел обуславливались как политической нестабильностью на территории бывших санджаков и вилайетов Османской империи, так и обострившимся вопросом о легитимации власти в этих частях. Однако следует заострить внимание на том обстоятельстве, что особое место в данных процессах отводилось Великим державам, которые, исходя из собственных интересов, разделили регион Арабского Востока на сферы влияния.

В ходе Первой мировой войны «ближневосточный вопрос» выступил как один из сложнейших во взаимоотношениях союзников по Антанте. Однако особую остроту обрёл на Парижской мирной конференции. Данная проблема решалась достаточно противоречиво и непоследовательно, и в итоге была сведена к учреждению и распространению на территории Арабского Востока так называемой мандатной системы.

По сути, создание мандатной системы не предполагало наделение представителей арабских частей Османской империи весомыми властными полномочиями, что было серьёзным просчётом со стороны Великих держав. Установление фактического контроля Великобритании и Франции способствовало возникновению конфликтных ситуаций, в которых формирующиеся или уже существующие политические элиты противопоставляли себя мандатным администрациям. С другой стороны, именно Великие державы, прежде всего, Великобритания и Франция, заложили основы процесса модернизации общественно-политической и экономической жизни бывших владений Османской империи, отчасти подготовили их переход из статуса объектов международной политики к её субъектам.

Вопрос о распределении мандатов на территории бывшей Османской империи оказался одним из самых острых на Парижской мирной конференции. 30 января 1919 г. резолюция Верховного Совета по мандатному вопросу была одобрена. В документе провозглашалось, что от Турции отторгались Армения, Сирия, Палестина, Аравия и Курдистан с намерением установить на этих территориях формы мандатного управления без назначения стран-мандатариев. Мандаты на ближневосточные территории были отнесены к классу «А», наделявшему подмандатные территории наибольшей самостоятельностью. Высший Совет Антанты определил, что бывшие вилайеты Османской империи имеют основания считаться «независимыми нациями», но им потребуется помощь административных советов мандатариев. При этом последние при осуществлении обязанностей должны руководствоваться пожеланиями местных обществ. Этот принцип без особых изменений летом 1919 г. вошёл в текст Версальского договора, и стал статьёй 22 Устава Лиги Наций.

Утверждение мандатной системы следует рассматривать как закрепление юридической части масштабного «ближневосточного вопроса»,

побудившей союзников к расширению дискуссий в направлении определения перечня стран-мандатариев и их территориальных зон ответственности. Несмотря на то, что окончательное решение по мандатному вопросу было принято лишь в 1920 г., а сами мандаты вступили в силу с 1922 года, Великие державы уже на завершающем этапе Первой мировой войны приступили к созданию оккупационных зон и формированию в них аппаратов управления. В конечном счете, ответственность за организацию власти на подмандатных территориях полностью оказалась в руках французского и британского МИД, колониальных ведомств, института Верховных комиссаров и мандатных администраций. При этом допуск представителей местных политических и элит, религиозных лидеров или религиозных организаций был резко ограничен. Эта система полностью отвечала принципам смешанного колониального контроля, оправдывала себя в течение сравнительно короткого временного промежутка, поскольку фактически не учитывала специфику общественно-политического и экономического развития арабских стран. С другой стороны, именно мандатная система как форма контроля со стороны Великих держав, явилась переходным периодом в становлении суверенитетов стран ближневосточного региона.

Прежде всего, следует отметить, что в арабских странах существовали и существуют различные трактовки и подходы к понятию «суверенитет» и описанию его как основного компонента политической жизни. Данная категория не только содержала в себе идеологические основы и теоретические компоненты непосредственно независимости государства, но и позволяла формировать базис для геополитических притязаний на лидерство в регионе. В этом плане наиболее сложным является противостояние Саудитов и Хашимитов. К примеру, эмир Фейсал на Парижской мирной конференции заявил о стремлении «воссоздать «Великую Сирию», и включить в её состав территории Ливана и Палестины. Вместе с тем, Великие державы рассматривали ближневосточный вопрос как инструмент решения части собственных противоречий, по сути, и предполагавший разделение Ближнего Востока на составные части. Одним из основных механизмов реализации подобной стратегии становится поддержка и поощрение своего рода этнического национализма на Арабском Востоке. При этом ряд политических деятелей периода между двумя мировыми войнами, указывали на явное существование некой «арабской общности», объединяющим фактором которой выступал, в частности, ислам. Поэтому саму по себе идею разделения арабской общности на этнические составляющие следует отнести к политической сфере. Вероятно, что регулярное апеллирование к извечному противостоянию течений ислама было также направлено на углубление противоречий между этносами, проживавшими в границах арабской «общности». В этой связи необходимо отметить, что «страновой» вариант суверенитета арабских государств – это, во многом, последствия политики Великих держав, которые, во-первых, стремились к недопущению создания общеарабского «ядра», а, во-вторых,

поощряли сепаратистские тенденции отдельных представителей политической элиты бывших владений Османской империи. Особенный интерес вызывает процесс создания Трансиордании, которая была выделена из состава Палестины в марте 1921 г. в отдельную подмандатную зону. Фактически, создание Трансиордании было продиктовано желанием Лондона смягчить арабо-еврейские противоречия в Святой Земле, установить контроль посредством передачи власти представителям династии Хашимитов. Под влиянием этих факторов также шёл процесс легитимации власти. На наш взгляд, именно вмешательство Великих держав в политическое развитие традиционной политической культуры Арабского Востока и предопределило доминирование силовых вариантов легитимации власти.

В целом, образование суверенных государств на Ближнем Востоке напрямую связано со становлением и функционированием мандатной системы. Именно мандатная система определила географические параметры новых независимых государств, выступила импульсом качественного обновления их политической системы, позволила существенно обновить социальный облик и экономику стран. Можно отметить, что «страновой» вариант суверенитета арабских стран позволил им постепенно обрести статус субъекта международных отношений, а также подготовить условия для модернизации всех сфер жизни. Вместе с тем, процесс повлёк за собой появление жесточайших этнических и конфессиональных противоречий между странами региона, что позволяет ведущим игрокам мировой политики до сих пор вмешиваться во внутривосточные процессы и корректировать их развитие, исходя из собственных интересов.

РАЗДЕЛ IV ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ: ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

Аронина Н.В. (Владимир)

Национальный герой Эфиопии Михаил Бабичев.

Русская община в Эфиопии в 30-е годы XX века насчитывала не более 60 человек. Преимущественно это были представители русской интеллигенции, владеющие самыми разными профессиями.

Невероятным образом сложилась судьба родившегося уже в Эфиопии и ставшего национальным героем африканского государства Михаила Бабичева. К сожалению, не всем известно его имя, хотя сложно переоценить ту роль, которую сыграл этот человек в новейшей истории Эфиопии.

Михаил был старшим сыном Ивана Филаретовича Бабичева – единственного иностранца, получившего в Эфиопии высокое звание фитаурари (начальника авангарда императорской армии). Бабичев-старший был командирован в Эфиопию в 1898 г. – он был одним из офицеров, сопровождавших российскую дипломатическую миссию. Позднее его уволили из армии за то, что самовольно покинул службу ради экспедиции к берегам озера Рудольфо. Иван Бабичев женился на свояченице раса Тэфэри Мэконнына (будущего императора Хайле Селассие I), перешёл на эфиопскую службу. В семье родилось пятеро детей: два сына и три дочери. В 1904 г. вышло прощение от императора Николая II, и Бабичеву официально разрешили остаться в Африке и стать полноправным членом русской колонии. Иван Бабичев жил в Аддис-Абебе до самой смерти (1955 г.).

Мишка (так его звали эфиопы) вырос в аддис-абебской аристократической среде. После окончания школы поступил в танковое училище. Но когда Эфиопия закупила самолёты, стал первым в стране лётчиком, а позднее и личным пилотом императора Хайле Селассие I. Фактически Михаил Бабичев – создатель эфиопских ВВС.

Как известно, Эфиопия стала первым объектом фашистской агрессии. Во время войны с итальянцами 1935-1936 гг. Бабичев был главнокомандующим эфиопской эскадрильи и за всю войну не потерял ни одного одномоторного самолёта из тех двенадцати, что были в его распоряжении. Весной 1936 г. после сокрушительного поражения в битве при Май-Чоу эфиопская армия была вынуждена начать отступление. Вскоре итальянцы без боя заняли Аддис-Абебу. За несколько дней до этого Бабичев вывез эфиопского императора вместе с его родственниками и ближайшим окружением в Джибути, а затем в Великобританию. Спустя пять лет все они вернулись на территорию уже освобождённой с помощью британских союзников Эфиопии.

В апреле 1941 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Эфиопией. Обмен дипломатическими миссиями состоялся в июле

1943 г. Первый лётчик Эфиопии стал сотрудником первой эфиопской дипломатической миссии в Москве. В российской столице он встретил свою будущую супругу Людмилу. В этом браке родился сын Александр. В 1947 г., когда вступил в силу сталинский закон о запрете на браки с иностранцами, Михаил был вынужден спешно покинуть Советский Союз. Долгая разлука с женой и сыном убивала Бабичева. Но на бесконечные письма и запросы приходил только один ответ: «Семья выбыла в неизвестном направлении». Оказалось, что жена Михаила, спасаясь от преследований, скрывалась у родственников, а позднее вышла повторно замуж и поменяла фамилию себе и сыну. Они стали Шахназаровыми.

Скончался Михаил Бабичев в 1964 г. в Эфиопии. Его похоронили в центре Аддис-Абебы, возле собора Святой Троицы, на кладбище Героев. На могиле надпись: «Здесь покоится первый Эфиопский лётчик».

Низложение Хайле Селассие I в сентябре 1974 г., а затем и смерть императора (1975 г.) не могли не отразиться на жизни эфиопской ветви семьи Бабичевых. В 70-80-е годы Бабичевы как родственники низложенного императора подверглись гонениям.

3 октября 2010 г. исполнилось 75 лет со дня начала второй итало-эфиопской войны, и наконец-то состоялась совместная русско-эфиопская служба у могилы национального героя Эфиопии Михаила Бабичева, о которой так долго мечтали его потомки и в России, и в Африке.

Баринов А.В. (Рязань)

Сербские правящие династии Обреновичи и Карагеоргиевичи: сравнительный анализ.

Монархическая чехарда в Сербии XIX века отчасти напоминает ту, средневековую, где сын бунтовал против отца. Конечно, было все не так просто, с оттенком некоей изысканности, свойственной Новой истории, но с престола добровольно никто не ушел. Весь XIX век в Сербии происходил матч равных соперников: князей Обреновичей и князей Карагеоргиевичей. Эти два феодальных рода попеременно занимали сербский престол: Обреновичи в 1815-1842 и 1858-1903 годах, Карагеоргиевичи — в 1842-1858 и 1903—1941 годах. В отличие от своих балканских соседей сербы не стали звать на престол кого-то из зарекомендовавших себя европейских королевских династий, а обошлись своими соотечественниками.

Основателем династии Обреновичей был Милош, принявший фамилию Обренович по имени Обрена, у которого работал в качестве пастуха и приказчика. Младшие его братья, Ефрем и Йован, тоже назывались Обреновичами. Первый из них, превосходивший образованием неграмотного Милоша, управлял западными округами Сербии и умер эмигрантом в Валахии. После отречения Милоша в 1839, несколько месяцев правил

Сербией его больной, слабый и нерешительный сын Милан II Обренович. После его смерти в 1839 г. власть перешла ко второму сыну Милоша, Михаилу III.

С 1842 по 1859 гг. Обреновичи жили в эмиграции. В 1859 г. в Сербию вернулся и вновь занял престол Милош Обренович. В 1860 г. ему наследовал Михаил III Обренович. После смерти последнего в 1868 году княжеская корона перешла к усыновленному им его двоюродному племяннику, Милану IV Обреновичу, внуку Ефрема Обреновича. Его сын Александр I был последним королем из династии Обреновичей, 29 мая 1903 г. его убили вместе с женой королевой Драгой. С Александром прекратился род Обреновичей и его место на сербском троне вновь заняла династия Карагеоргиевичей.

Сербская династия Карагеоргиевичей ведет свое начало от князя Кара-Георгия (Черного Георгия). Кара-Георгий был избран в ночь с 13 на 14 февраля 1804 г. вождем сербских повстанцев, выступивших против турок в районе Белграда. Вскоре восстание охватило почти всю Сербию и принудило султана признать Сербию (по Ичкову миру 1806 г.) автономной областью. В декабре 1808 года Народная Скупщина провозгласила Кара-Георгия верховным наследственным вождем сербов. Но уже через пять лет, когда в связи с общеевропейским кризисом (и, в особенности, в связи с отвлечением России от сербских дел войной с Наполеоном) Сербия была предоставлена самой себе, Кара-Георгий не смог справиться с возникшими трудностями и бежал (2 октября 1813 г.) в Австрию, где был арестован. Правление в Сербии перешло к Милошу Обреновичу, избранному вскоре в князья. Кара-Георгий пытался, во время очередного восстания в Сербии против турок, проникнуть на сербскую территорию, но был схвачен турками, очевидно, не без помощи его соперника - Милоша, и убит (в июле 1817 года). Вторым из Карагеоргиевичей, сын Кара-Георгия - Александр, был избран сербским князем в 1843 году, после того как князь Михаил Обренович (преемник отрекшегося Милоша) должен был бежать в результате поддержанного Австрией восстания сербов, руководимого Вучичем. Александр Карагеоргиевич княжил по 1858 год, когда он под давлением России был низложен Скупщиной. Сербским князем был провозглашен старый Милош Обренович. В третий раз Карагеоргиевичи возвратились на сербский престол в 1903 году, после убийства Александра Обреновича и его жены Драги. В июне 1903 года королем Сербии был избран сын Александра Карагеоргиевича Петр, которому наследовал его младший сын Александр.

Хотелось бы чуть подробнее остановиться на некоторых представителях обеих династий. Начиная с короля Милана I династия Обреновичей стала позором для Сербии: при Милане были замучены тысячи патриотов, а государственный долг вырос до грандиозных даже по современным меркам масштабов. Сам же король цинично признавался перед придворными: «Едим прошеное, носим брошенное, живем краденым...». В правление последних Обреновичей Сербия стала ориентироваться на

Австрию, несмотря на то, что именно благодаря победе России в войне 1878 года повысила свой статус и стала полностью независимым государством, а в 1882 году князь Милан надел королевскую корону. Непомерные амбиции Милана привели к сербо-болгарской войне (ноябрь 1885 года), закончившейся поражением сербов. Милан обвинил в этом Россию, которая якобы предала сербов и оказывала поддержку болгарам. Под нажимом российской дипломатии, он отрекся от престола, и эмигрировал в Австрию, где жил до конца своих дней.

Александр Обренович (1889-1903), став королем, продолжил дело отца, то есть верой и правдой служил Австрии, все больше закабалая Сербию. В геополитическом смысле это означало проигрыш российской дипломатии и прозападную ориентацию Сербии. Сам Александр как король оказался слишком инфантильным для своего высокого звания. Верхом его чудачеств стала женитьба на некоей Драге Машинной, которая была на 10 лет старше и имела сомнительную репутацию.

В Сербии продолжались смены правительств каждые два месяца и шатания во внешней политике. Бюджет страны находился также в плачевном состоянии. Все это привело к недовольству в народе, и в июне 1903 года заговорщики проникли во дворец, застрелили Александра и Драгу и выбросили их голые тела на улицу прямо из окна.

Королевский престол вновь заняли Карагеоргиевичи и правили до начала Второй мировой войны. Последний Карагеоргиевич был низложен Скупщиной и изгнан из страны. Он эмигрировал в Америку, где скончался в 1970 году. Его сын Александр II Карагеоргиевич, живет в Сербии, является формальным претендентом на престол, верит в восстановление монархии, считая, что она может принести Сербии единство и стабильность.

Беспалова Л.Н. (Нишневартовск)

Социально-политическая практика Отто фон Бисмарка в 80-90-е годы XIX века.

Отто Бисмарк представлен в отечественной исторической литературе как, возможно, наиболее жесткая и консервативная фигура на германской политической арене XIX века. Историки отдают должное О. Бисмарку в деле создания великой германской империи, но при этом основной акцент делается на реакционных политических мерах и успешной военной дипломатии.

При этом мало внимания уделяется механизму социального лавирования между различными общественными слоями, который активно используется О. Бисмарком в конце XIX века для достижения национального единства. С этой целью О. Бисмарк порывает с одними партиями и примыкает к другим, более влиятельным, принимает неожиданные

политические решения. Его действия отражали стремление к согласию различных общественных сил, при котором все производственные классы перешли бы на сторону государства и существующего общественного строя.

В 70-е гг. XIX века политика О. Бисмарка носит протекционистский характер. Он ввел покровительственные таможенные тарифы отечественным промышленникам с целью их защиты от иностранной конкуренции, что сблизило его с интересами представителей индустрии. Еще в начале 70-х гг. назрел кризис в отношениях О. Бисмарка с консервативной партией, настаивавшей на поддержке крупных аграриев, которых он относил к бесполезным «трутням» немецкого общества, неспособным управлять собственными землями. Он начинает сотрудничать с поддерживавшей его курс на консолидацию империи Партией свободных консерваторов, именовавшейся с 1871 г. Немецкой имперской партией. Среди ее лидеров были такие «капитаны индустрии» как Крупп и фон Штумм, высшая бюрократия. К 1879 г. О. Бисмарк добился с помощью покровительственных тарифов союза крупных предпринимателей и землевладельцев, т.е. объединения финансовой и социальной элиты. О. Бисмарк также убедился, к собственному удовлетворению, что покровительственные тарифы способствуют падению цен на промышленную продукцию, став бременем для иностранного производителя, но не немецкого потребителя, а также эффективно защищают внутренний рынок от иностранной конкуренции, способствуя увеличению прибыли немецких работодателей и повышению зарплат немецким рабочим.

Следующим шагом, которым О. Бисмарк надеялся усилить национальное чувство, стало приобретение колоний. С этой целью Бисмарк, который долгое время был глух к мольбам энтузиастов немецкого колониализма, в 1883-1885 гг. сделал неожиданный поворот и приобрел колонии в Африке и в Южном море. Как и в отношении покровительственных пошлин, он хотел создать для Германии в эру «нового империализма» рынок сбыта ее продукции. При этом он стремился защищать интересы как работавших в Южном море немецких бизнесменов, так и фабрикантов и рабочих, которые производили реализуемый товар.

В 1880-е гг. в пользу немецкого рабочего класса О. Бисмарк организовал революционную систему социального страхования. Он был искренне убежден, что монархия должна примирять различные интересы, «чье столкновение тормозит наше экономическое и политическое развитие». Он надеялся добиться осознания населением Германии, что «предпринятая правительством социальная реформа, которая нацелена на защиту рабочих от случайностей судьбы, приведет к примирению и выравниванию классовых интересов». Позитивные результаты социальной политики О. Бисмарка первыми ощутили высококвалифицированные рабочие - главная опора социал-демократов. Одна из основных задумок канцлера - примирение «рабочего сословия» с государством, реализовывалась через усиление

реформистского крыла социал-демократов, которому в дальнейшем удалось перехватить у консерваторов инициативу в решении социальных проблем.

В последнее десятилетие своего канцлерства Бисмарк часто говорил о светском школьном образовании и обязательной военной службе как единственно действенных средствах для достижения национального единства. «Я разделяю с Вашим Величеством веру в будущее нашего военного образования и вижу в нем противовес многим дурным последствиям нашего гражданского воспитания», - писал он в 1881 г. императору Вильгельму II. Преувеличивая преимущества, которыми обладают учителя государственных школ в отличие от церковно-общинных, он намеревался со временем передать эти школы в руки государства. О. Бисмарк надеялся, что влияние патриотично настроенных светских учителей и профессоров, равно как привычка к дисциплине и послушанию, приобретаемая на военной службе, приведут немцев к национальному единению, которое консолидировало бы существующий порядок и защитило от неблагоприятных перемен.

При этом он считал опасным для народа и слишком «доступное» школьное образование. В качестве доказательства своего мнения он приводил такое явление как «русский нигилизм». Нигилисты, на его взгляд, это «полуобученный пролетариат», неспособный правильно усвоить тот избыток знаний, который дает им обучение в гимназии. В «патологических результатах, которые приносит с собой школьное образование, даваемое сверх необходимого» О. Бисмарк видел реальную опасность для политического будущего своей страны. Но, даже осознавая эту опасность, он и в более поздние годы возлагал свои надежды на будущее на немецких студентов и их профессоров. И в первую очередь канцлер О. Бисмарк верил в немецкую молодежь, которая однажды «посмотрит критичным взглядом на сегодняшнюю политику, на партикуляризм 10 или 12 фракций, которые борются друг с другом», и сможет сделать великое немецкое государство единым. И как покажет будущее, эта вера не была обманчивой.

Таким образом, в конце XIX в. О. Бисмарком был приобретен опыт по консенсусным технологиям в решении рабочего, аграрного, промышленного вопросов. Опыт социально-политической деятельности Бисмарка ценен тем, что в Германии после длительного периода раздробленности был создан механизм урегулирования конфликтов по наиболее острым политическим вопросам.

**Васильева С.А.
Тарасов О.А. (Рязань)**

Генерал-губернатор А.Д. Балашов и его влияние на процесс модернизации тюремной части в российской провинции в 20-е гг. XIX в. (на примере Рязанской губернии).

В конце 1819 г. император Александр I учредил пост генерал-губернатора пяти центральных губерний: Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской. На эту должность был назначен один из крупных государственных деятелей «александровской эпохи» – Александр Дмитриевич Балашов.

Окончив Пажеский корпус, он начал свою карьеру в 1791 г. поручиком лейб-гвардии Измайловского полка. В 1799 г. уже в чине генерал-майора был назначен комендантом в Омскую крепость, а в 1800 г. стал ревельским военным губернатором. Позже был переведен в столицы, где занимал посты сначала московского, а затем петербургского обер-полицмейстера. Добившись личного расположения императора, А.Д. Балашов в 1809 г. стал петербургским военным губернатором, а в октябре 1810 г. он был назначен министром полиции и членом Государственного совета. Во время наполеоновских войн он находился в действующей армии, состоял в свите Александра I и исполнял различные военные и дипломатические поручения. В 1819 г. министерство Полиции было упразднено, и Александр I предложил А.Д. Балашову пост генерал-губернатора.

Местом его пребывания была избрана Рязань, поэтому, вступив в новую должность, А.Д. Балашов сразу же приступил к наведению порядка и развитию благоустройства в Рязанской губернии. В первом же письме императору генерал-губернатор так оценил положение дел в Рязанской губернии: «В селениях власть помещика не ограничена. Недоимок миллионы. Полиция ничтожна. Судьи вне уважения. Хозяйственной части нет и признаку». Основное внимание решительный и грозный генерал-губернатор уделял совершенствованию делопроизводства, сбора налогов и выполнения повинностей, благоустройству территорий, развитию народного просвещения.

А.Д. Балашов установил строгую служебную дисциплину: чиновников обязали регулярно представлять губернатору письменные отчеты, был определен четкий график работы – с восьми утра до шести вечера. Рабочий день самого генерал-губернатора начинался в шесть часов утра, когда он принимал отчеты от полицейских чинов. К десяти утра ежедневно перед ним были обязаны отчитаться все остальные чиновники города. Отдельным пунктом в еженедельном письменном отчете полицмейстера обобщались сведения о содержащихся в тюремном остроге «с показанием о каждом времени нахождения под стражей, когда вступил в сей тюремный замок, каких ли и за каким ли присутственным местом, о пересыльных показывать числом как и военных».

Благодаря кипучей деятельности А.Д. Балашова в Рязани появились дом трудолюбия, школа канцелярских служителей и дворянское воспитательное заведение (прообраз современных интернатов). Впервые в истории Рязани улицы замостили брусчаткой: Большую Мещанскую (часть совр. ул.Семинарской), Конюшенную (нынешняя ул.Каширина) и Зарядскую

(нынешняя ул.Радищева). При этом на городских строительных работах в Рязани начал активно использоваться труд колодников, чего до этого, очевидно, не было (по крайней мере в полицейских рапортах прежних времен это не нашло отражения). Так, судя по сохранившимся документам, весной 1821 г. более половины рязанских арестантов ежедневно направлялись на внешние работы: мужчины для очистки Новобазарной площади и моста на Астраханской улице, а женщины – для мытья полов в присутственных местах.

С момента своего назначения в 1819 г. А.Д. Балашов принимал самые энергичные меры по организации в Рязани тюремной службы на современном уровне. В ходе неоднократного личного инспектирования деревянного острога, знакомства с условиями содержания арестантов, генерал-губернатор каждый раз обобщал свои замечания в указаниях полицмейстеру, который, в свою очередь, давал наставления тюремному смотрителю.

Как таковая эта должность не была предусмотрена в штатах губернии, поэтому за внутренним порядком в тюремном остроге следили поочередно назначаемые квартальные надзиратели. Основным руководящим документом были постоянно меняющиеся и неопределенные указания, которые давались полицмейстером квартальным надзирателям при заступлении на службу.

Лишь в январе 1821 г. по требованию генерал-губернатора этот порядок был упразднен и за счет сверхштатной должности квартального надзирателя на постоянную должность смотрителя тюремного замка был назначен специальный чиновник. Им стал коллежский регистратор Ф.Д. Пуцин. После этого наставления рязанского полицмейстера смотрителю тюремного замка приобрели вид инструктивных предписаний.

Первое подобие инструкции рязанскому тюремному смотрителю содержало всего десять пунктов «к непременно наблюдению». Смотритель получил и личное письменное предписание полицмейстера: «находится во всякое время при остроге безотлучно, смотреть за арестантами, в остроге содержащимися, и чтоб из одной в другую казарму не переходили, с арестантами, в другой казарме содержащимися, свиданий не имели, и по роду преступлений разделены были. О всяком же происшествии или что замечено будет противозаконного доносить мне в то же время».

Многие предписания появлялись, как правило, в качестве ответной реакции на происшествия, нарушавшие спокойствие острога. Так, например, 24 мая 1821 г. полицмейстер обнаружил, что у преступника Емельяна Прокофьева, содержащегося в остроге, хранились деньги, которые на обыске арестантом показаны не были. Признавая данный случай «противным существующим законам иметь арестантам у себя деньги в отвращение как мотовства, так и вовлечения в новые преступления других от краж один у другого», полицмейстер предписал смотрителю Пуцину, «чтобы понеже объявили всем содержащимся в остроге, что у кого есть деньги отдали Вам. А Вы, записав полным количеством в книгу, обязываетесь сохранять в

целостности в особом сундуке за Вашею печатью под особым надзором караульного офицера, и в случае необходимых нужд выдавать им деньги при караульном офицере также с записью расхода в книгу. Впредь же поступающих обыскивать и отбирать деньги на вышезаписанном основании, причем всем арестантам объявить, что если они схоронят имеющиеся у них деньги и после будут те украдены, тогда полицейское начальство никакого изыскания и разбирательства входить не будет».

Через месяц, в июне 1821 г. полицмейстер зафиксировал новое нарушение в тюрьме. Ему стало известно, что содержащиеся в остроге преступники по важным делам, «те самые, которых предписано держать в секретной казарме», по вине смотрителя во время работ «допускаются до сообщения с прочими арестантами». В этой связи появилось очередное инструктивное предписание с требованием «не допускать общение арестантов из секретно казармы с прочими арестантами, а в случае телесной надобности наблюдать неослабно, дабы они для того были проводимы часовыми, а после обращаемы в казарму, которую Вы должны в оное время запирать, на работу их с другими... не посылать».

Часто смотрители получали предписания и от самого генерал-губернатора. Так, при посещении острога в январе 1822 г. А.Д. Балашов заметив, что одна женщина-арестантка находится «в особенной казарме при одном конвойном из нижних чинов внутренней стражи», приказал перевести женщину в смирительный дом. Восприняв его приказ в качестве инструкции, всех поступающих в острог женщин стали направлять сначала в смирительный дом, пока оттуда не последовала жалоба на «утеснение казарм», а затем в богадельню с умалишенными. Позже гражданский губернатор А.А. Лобанов-Ростовский с разрешения Балашова вернул женщин в замок, но при этом потребовал обеспечить раздельное содержание в казармах «особенно для них назначенных», без присутствия внутри караульной стражи.

В октябре 1821 г. во время очередного посещения А.Д. Балашовым острога, не оказалось на месте смотрителя Пущина – он отлучился в город. По приказу разгневанного генерал-губернатора, Пущин на неделю сам стал арестантом и был заключен в «собственной» тюрьме. Этот инцидент стал поводом для составления очередных правил смотрителю. Восстанавливая смотрителя Пущина в прежней должности, по приказу генерал-губернатора рязанский полицмейстер вновь инструктировал его: «чтобы Вы имели неотлучное никуда пребывание при тюремном замке и строго наблюдали, чтобы арестанты находились в своих местах, сопровождались караулом и собственно Вашим наблюдением с недопущением их никакого послабления, а тем паче, чтобы они не имели, как и прежде вам было подтверждено... никакого орудия, могущего произвести вред или какой замысел. За всем вообще Вы должны строго смотреть».

Полицмейстер особо определил и правила выхода тюремного смотрителя из замка – для этого он должен был «известить заблаговременно»

квартального надзирателя, сдать ему всех арестантов и обязанности по тюремному замку и только тогда «отлучиться ненадолго домой», а по возвращении вновь принять дела по должности у квартального надзирателя. В конце полицмейстер предупреждал: «...без сего соблюдения Вы не должны ни по какой надобности отлучаться, в противном случае подвергните себя строгой ответственности». Одновременно и караульному офицеру в обязанности вменялось наблюдать, «чтобы Смотритель находился при тюремном замке безотлучно... Чтобы тюремный замок без смотрителя никогда и ни на какое время не оставался».

Так шаг за шагом формировались требования к должностным обязанностям смотрителя Рязанского тюремного замка. Их надлежало «исполнить непременно», и ежедневно в шесть часов утра доставлять рапорт полицмейстеру, а в противном случае смотритель рисковал подвергнуться «непосредственному строгому взысканию». Однако, не смотря на многочисленные и столь подробные по разным вопросам указания, в них не наблюдалось еще никакой системы.

Поэтому, по инициативе и под личным контролем А.Д. Балашова были разработаны первые нормативные документы, подробно регламентировавшие административную и хозяйственную деятельность рязанской тюрьмы: *Инструкция тюремному надзирателю* и *Устав Рязанского тюремного замка*. Появление этих документов было связано также и с постройкой нового здания тюрьмы.

К началу 20-х гг. XIX в. деревянные остроги екатерининских времен, выстроенные в городах, оказались непригодными для приема все возрастающего количества колодников, а тем более не могли соответствовать требованию отдельного содержания разных категорий лиц. Поэтому во второй половине царствования Александра I в некоторых центральных губерниях началось активное строительство каменных тюремных замков. Отличительной особенностью этих новых пенитенциарных учреждений стала их архитектурное единообразие. Они строились по типовым проектам, созданным еще в 1803 г. выдающимся архитектором, членом Совета Академии художеств А.Д. Захаровым в стиле русского классицизма.

Здания и сооружения, входившие в комплекс тюремных замков, изначально предназначались для содержания большого количества заключенных. Уже на стадии проектирования и строительства учитывалось требование отдельного помещения различных категорий граждан: подсудимых, осужденных, пересыльных и т.п. Тем самым создавались условия для дифференциации режимов. В комплекс тюремного замка также входили отдельные помещения для охраны, для обслуживающего персонала, бытовые и хозяйственные постройки.

Строительство каменного тюремного замка на окраине Рязани под руководством рязанского губернского архитектора А.Е. Биндермана, началось в 1822 г., и, в основном, завершилось через два года.

По проекту, Рязанский губернский тюремный замок представлял собой вместительное, выдержанное в строгих пропорциях и выкрашенное в белый цвет, рассчитанное на 300 арестантов, двухэтажное здание с подвальным этажом, с узкими окнами-бойницами, окруженное с четырех сторон зубчатыми башнями и обнесенное высокой стеной. Перед входом в главный корпус тюрьмы был установлен сигнальный колокол, по звуку которого арестанты просыпались, принимали пищу, молились, отправлялись на работы и ложились спать. Сразу после парадной лестницы, в центре здания была устроена церковь, занимавшая два этажа. Правое и левое крыло на всех этажах делили пополам длинные коридоры, которые обеспечивали отдельный доступ ко всем камерам и отхожим местам, устроенным в торцах здания на каждом этаже.

В четырех каменных башнях примыкавших к главному тюремному корпусу были устроены лестницы, которые вели с каждого этажа в четыре отдельных двора для прогулки арестантов, огороженных деревянным забором.

С момента окончательного ввода в эксплуатацию в 1826 г. Рязанский тюремный замок стал в губернии самым значительным местом лишения свободы и крупнейшим пересыльным пунктом. Не удивительно, что он сразу же приобрел универсальный характер, где наряду с гражданскими арестантами стали содержать и военных – солдат и офицеров, а вместе с подследственными – срочных заключенных и приговоренных к содержанию в рабочем и смиренном домах.

Таким образом, с именем генерал-губернатора А.Д. Балашова связана модернизация тюремного дела в Рязанской губернии. И одним из наиболее зримых свидетельств его активной деятельности в пенитенциарной сфере остается построенное в 1822-1826 гг. и сохранившееся без особых изменений до наших дней здание Рязанского губернского тюремного замка. Оно и сегодня используется по прямому назначению, в нем расположен СИЗО-1 УФСИН по Рязанской области.

Государева М.Ю. (Рязань)

К вопросу о роли личности в истории: И.И. Неплюев.

В последние годы, в век технологизации современного общества, многие общественные науки в очередной раз обращаются к человеку, отходя от социоцентрических и техноцентрических концепций. Нравственное и физическое состояние человечества XXI в. ставит вопрос о сроках его существования. В свете этого повышается ценность отдельной человеческой личности и интерес к ней. Не является исключением и историческая наука.

В дореволюционной историографии существовало достаточно много работ, посвященных изучению исторических личностей. Большое внимание

уделял личностному фактору С.М. Соловьев, краткие и яркие оценки государственных деятелей давал В.О. Ключевский, исторические портреты создавал Н.И. Костомаров и т.д. В советский период эта тема была оттеснена экономической и классовой проблематикой. Исключением являлись незаурядные личности, деятельность которых соответствовала идеологии того времени. Их жизнеописаниям посвящались отдельные работы. Тем не менее, за XX век был накоплен богатый источниковый и методологический материал, который позволяет вернуться к изучению роли личности в отдельных событиях, процессах и развитии государства в целом.

Персонификация истории, разнообразие целей, взглядов и поступков людей ушедших эпох позволяют создать более объемное, многоплановое представление о прошлом. Одним из наиболее интересных с данной точки зрения исторических периодов для России, на наш взгляд, является XVIII век, известный выдающимися государственными деятелями, крупными полководцами и дипломатами, первыми русскими учеными, фаворитами. Все они имели определенное влияние на ход исторических событий.

В настоящее время тема роли личности в истории становится довольно распространенной. Это позволяет отойти от своего рода «ценза известности» при выборе героя исследования. Поскольку одним из движущих факторов политического и социально-экономического развития страны являются не только указы главы государства и руководителей основных ведомств, но и умное и инициативное их исполнение чиновниками различных рангов, мы полагаем, что определение места, занимаемого последними в государственном строительстве, является немаловажной частью воссоздания исторической картины прошлого.

Наше внимание привлекла к себе деятельность человека, не прославившего себя громкими подвигами или поражениями на военном поприще, интригами или фаворитизмом при императорском дворе. Государственный деятель, дипломат, резидент в Стамбуле (1721–1735), наместник Оренбургского края и первый его губернатор (1742–1758), сенатор Иван Иванович Неплюев (1693–1773) – младший современник и талантливый ученик Петра I – прошел путь от гардемарина, обучавшегося в 1716–1720 годах в Венеции и Испании, до действительного тайного советника, старейшего сенатора первых лет екатерининской эпохи. По нашему убеждению, И.И. Неплюев принадлежит к лучшим представителям высшего чиновничества, заботившимся прежде всего о пользе и процветании России. Принципы, содержание и результаты дипломатической и административной деятельности Неплюева, особенно его торгово-экономические мероприятия и предложения, а также предпринятые им меры по решению национального вопроса в Оренбургском крае заслуживают, на наш взгляд, более пристального внимания историков.

Заслугой И. И. Неплюева-дипломата стало утверждение влияния Российской империи в Турции и повышение ее авторитета в глазах европейских дипломатов. Его меры по подготовке и заключению русско-

турецкого договора 1724 года, нейтрализации конфликтных ситуаций между двумя державами, осуществлению миролюбивой политики России в Черноморском регионе способствовали сохранению и развитию дипломатических отношений двух соседних империй в период его резиденства. Дипломатический опыт и знание И.И. Неплюевым политической конъюнктуры крупной восточной империи высоко ценились Петербургом.

Четырнадцатилетняя деятельность российского дипломата в Стамбуле оставила заметный след в истории русско-турецких отношений. Его вклад в утверждение авторитета и влияния России в Османской империи, в создание русской дипломатической миссии в Стамбуле и в становление петровской школы дипломатии, в целом, весьма значителен.

Основной заслугой Неплюева-губернатора явилась работа по организации и расширению торговых связей России с восточными странами. Превращение Оренбурга в крупнейший центр торговли со Средней Азией способствовало многократному увеличению торговых оборотов, доходов казны от сбора пошлин с товаров, импорту в страну золотой и серебряной монеты. Выгодность участия в Оренбургской ярмарке в то время была настолько велика, что даже грабежи торговых караванов казаками не останавливали купцов Средней Азии в желании участвовать в ней.

Проект И.И. Неплюева по созданию купеческой компании для торговли с восточными странами, в том числе и с Индией, а также ряд его предложений, касающихся таможенной политики, проблемы соотношения частных и казенных горных заводов в крае и других вопросов свидетельствуют не только об административном таланте, но и экономических способностях губернатора.

Переговоры и переписка главы оренбургской администрации с казахскими ханами и правителями среднеазиатских государств обеспечили налаживание как торговых, так и дипломатических связей с восточными народами, что в определенной степени подготовило почву для присоединения Средней Азии к России в XIX веке.

Кроме того, деятельность первого губернатора Оренбургского края способствовала обеспечению безопасности юго-восточных границ империи, началу промышленного развития Южного Урала, освоению его полезных ископаемых и земельных богатств. В период губернаторства И.И. Неплюева в Оренбурге, этот регион стал важным центром металлургического производства и одним из источников превращения России во второй половине XVIII в. (наряду со Средним Уралом) в крупнейшего производителя металлов. В результате деятельности И.И. Неплюева по экономическому освоению и организации управления Оренбургской губернией обширная территория юго-востока России к середине XVIII в. стала полноценной частью Империи и «воротами» в Среднюю Азию.

Одним из важнейших достижений государственной деятельности И.И. Неплюева можно считать внедрение своего рода геополитического ритма в Южно-Уральском регионе, освоение нового края не только и не столько с

административной и экономической точки зрения, но и с позиции включения его в систему национальной геополитики Российской империи. Мирным путем, через добровольное принятие российского подданства, вошли в состав Империи Казахстан и Башкирия. Но наличие в Оренбургском крае различных народностей обусловило сложность решения национального вопроса в регионе. На наш взгляд, действия первого оренбургского губернатора по профилактике и улаживанию национальных противоречий в регионе содействовали достаточно успешному осуществлению политики национально-государственного строительства на Южном Урале в середине XVIII века.

Давая итоговую характеристику деятельности Ивана Ивановича Неплюева как чиновника, нельзя не выделить типичные и особенные черты его стиля руководства. Следуя примеру своего учителя – Петра Великого, И.И. Неплюев всегда сам отдавал предпочтение приоритету государственной пользы над личными интересами и требовал того же от подчиненных. Не поддавшись наиболее распространенному недугу той эпохи – взяточничеству, он строго преследовал своих подчиненных за самые малые должностные нарушения подобного рода. Вместе с тем, будучи человеком своего времени и, не понаслышке, зная о застенках Тайной канцелярии, Иван Иванович «не лез на рожон» – не боролся против злоупотреблений чиновников высокого ранга, находившихся в его «юрисдикции».

Дипломатический, управленческий и экономический опыт, накопленный И.И. Неплюевым за 40-летнюю государственную службу, оказался востребованным в первые годы екатерининского царствования. Поданные им в Сенат и Комиссию о коммерции записки и мнения касались различных вопросов государственной политики в торгово-финансовой, административной и дипломатической сферах. В них четко прослеживается понимание Неплюевым государства как главного инструмента для достижения общественного блага. Содержание и характер его экономических предложений, наряду с заботами о подготовке отечественных специалистов, позволяют отнести этого государственного деятеля к числу «идеологов просвещенного абсолютизма» и ставят его в один ряд с видными экономистами своего времени.

Именно приоритет интересов государства, выразившийся в мерах и предложениях по увеличению доходов казны, явился, на наш взгляд, главным фактором успешной государственной деятельности И.И. Неплюева. А ее результативность определялась укреплением международного авторитета России в Черноморском регионе и увеличением доходов казны, что способствовало росту политико-экономической мощи страны.

В рассмотренных нами дипломатическом и административном аспектах деятельности Неплюева можно выделить ряд качеств и способностей, проявленных им на этих поприщах. Инициативность, ум, образованность, ответственность, дипломатичность, аналитические и организаторские способности, энергия, твердость и усердие обеспечили

успешное выполнение поставленных перед ним задач в Стамбуле и, особенно, Оренбурге. Всестороннее изучение содержания и результатов деятельности И. И. Неплюева на различных государственных постах позволяет сделать вывод о весомом вкладе «птинца гнезда Петрова» в политико-экономическое развитие России.

Демидов С.В. (Рязань)

Невил Гендерсон: человек, который кричал на Гитлера.

В 9 часов утра в субботу 3 сентября 1939 г. посол Великобритании в Берлине сэр Невил Мэйрик Гендерсон прибыл в здание министерства иностранных дел Германии. В отличие от множества предыдущих его визитов туда, этот визит имел чрезвычайную важность для судеб Европы и всего мира. Британский посол был уполномочен предъявить ультиматум А. Гитлеру: в случае, если нацистские войска не будут выведены из Польши, либо вывод войск не начнется до 11 часов текущего дня, Британская империя вступит в состояние войны с Германией. Гитлеровский министр иностранных дел И. Фон Риббентроп не принял Гендерсона, ему пришлось довольствоваться беседой с главным переводчиком фюрера П. Шмидтом. Выказывая подобное пренебрежение послу великой европейской державы, мелочный Риббентроп старался уязвить человека, к которому питал глубокую личную антипатию. После обмена приветствиями Шмидт выразил свое огорчение по поводу обстоятельств, в которых проходит встреча, и заверил британского посла в своем искреннем уважении по отношению к нему. Имея любезности германского дипломата в качестве призрачного утешения, Гендерсон возвратился в британское посольство. Никакого ответа на ультиматум получено не было и два часа спустя премьер-министр Невилл Чемберлен объявил британскому народу, что Великобритания и Германия находятся в состоянии войны. Для Гендерсона произошедшее было кроме всего прочего глубоким личным потрясением. Свои мемуары о деятельности в качестве посла в Берлине он озаглавил «Провал миссии», война положила конец его дипломатической карьере.

После окончания второй мировой войны историки были единодушны в своих негативных оценках роли Гендерсона в формировании и проведении британского внешнеполитического курса. Определенная предвзятость может быть объяснена тем, что само слово «умиротворение» стало практически ругательством, а Гендерсон, как и Чемберлен стойко ассоциировался у исследователей с неудавшимися попытками достигнуть урегулирования взаимоотношений с Германией. Историк-антиумиротворитель Л. Нэмбер в конце 1940-х гг. назвал Гендерсона «родившимся под несчастливой звездой» и «Прекрасным Брюммелем от дипломатии» (имея в виду несчастный конец карьеры знаменитого дэнди времен регентства), в 1960-е гг. Гилберт и Готт

именовали Гендерсона не иначе как «наш нацистский посол в Берлине», немного изменилось и в настоящее время. Почему же Гендерсон вызывал подобную враждебность критиков и заслуживает ли он ее?

Н. Гендерсон (1882-1942) отличался от прочих британских дипломатов начала XX века даже своим формальным образованием. Он не только не закончил престижных Оксфорда или Кембриджа, он вообще не учился в университете, поступив на службу в Форин оффис в 1905 г. после заграничных путешествий и усердного изучения иностранных языков в частных школах Лондона. После этого его карьерный рост продвигался по мере выполнения различных миссий, в основном за границей: в Санкт-Петербурге, Токио и Белграде. Будучи чрезвычайным и полномочным посланником Великобритании (1929-1935), Гендерсон добился тесного взаимопонимания с югославским королем Александром и принцем Павлом, будущим регентом королевства. В своих мемуарах британский дипломат описывает, как откровенно делился король Александр военными планами по противодействию возможной агрессии со стороны фашистской Италии. Дипломатический успех Гендерсона в Белграде, его умение найти общий успех с известным своими авторитаристскими замашками королем Александром предопределили новое назначение — в Берлин (1937). Р.Ванситтарт, постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании, наводивший страх на всех сотрудников министерства, напутствовал его словами о том, что «он заслужил честь быть в первых рядах». Именно Ванситтарт, известный своими антинацистскими настроениями, способствовал его назначению послом в Берлин, так как А.Иден, занимавший тогда пост министра иностранных дел, никогда ранее не встречался с Гендерсоном.

Решающее значение для миссии Гендерсона имели взаимоотношения с руководителями Третьего Рейха, и здесь он столкнулся со значительными проблемами. Он питал глубокое отвращение к министру иностранных дел, И.Фон Риббентропу, и это чувство было взаимным. Риббентроп сделал все возможное, чтобы ограничить доступ британского посла к Гитлеру, которого раздражали великосветские манеры англичанина. Фюрер презрительно называл Гендерсона «человек с гвоздикой», поскольку тот всегда вставлял цветок в петлицу своего фрака. Критики Гендерсона никогда не задумывались над парадоксом, как мог он оказывать свое пагубное воздействие на формирование нацистской внешней политики, будучи в отвратительных отношениях и с Риббентропом, и с Гитлером. Напротив, с Г.Герингом у него сложились отличные взаимоотношения. Целая глава мемуаров Гендерсона посвящена ему, и британский посол признается, что испытывал к нему «личную симпатию». Он рассматривал Геринга как «умеренного» нациста, удобную для британцев кандидатуру в качестве преемника Гитлера. Новейшие исследования, базирующиеся на недавно рассекреченных документах, позволяют заключить, что подобные оценки

лежали в основе реально разрабатываемых британскими спецслужбами операций по поддержке внутренней оппозиции в Третьем Рейхе.

Чего не смог понять Гендерсон, так это то, что Гитлер был крайним экстремистом в вопросах внешней политики, диктатором, твердо взявшим курс на войну. Также не понял британский посол и идеологическую подоплеку всех действий фюрера, крайний расизм, лежащий в основе всех его действий. Но он был не одинок в надежде на то, что Гитлер — всего лишь страдающий от последствий первой мировой войны националист, которого можно излечить добротой. В то же время британский посол был далек от рисуемого критиками некомпетентного и наивного дипломата: он подозревал психические отклонения у Гитлера, считая его человеком, который легко может «перейти черту в своем безумии».

Гендерсон был настроен очень решительно в отношении главной цели своей миссии — удержать Германию от войны с Британией. Он имел определенное «мессианское» чувство, считая, что был «специально избран Провидением помочь сохранить мир во всем мире». Во время встречи с будущим премьер-министром в апреле 1937 г. перед отправкой в Берлин Гендерсон получил прямые указания относительно своих действий. Он писал позднее, что Н. Чемберлен, тогда еще министр финансов, но признанный лидер консерваторов и преемник С. Болдуина, вполне четко сформулировал концепцию умиротворения. Суть политики умиротворения состояла в удовлетворении претензий Германии с целью добиться от нее обязательств в сохранении мира. В мае 1937 г. Чемберлен стал премьер-министром и Гендерсон рассматривал себя как проводника его политики в Европе. Надо признать, что, несмотря на самые неблагоприятные обстоятельства, Гендерсон предпринимал отчаянные попытки отодвинуть войну, которую он так боялся. Его взгляды на послевоенное устройство Европы можно охарактеризовать как ревизионистские, он, как и многие в Англии, считал условия Версальского договора несправедливыми, и не симпатизировал Чехословакии и Польше, где проживали многочисленные немецкие меньшинства. Но справедливости ради стоит признать и тот факт, что он не поддерживал, в чем его несправедливо упрекают, аншлюса и расчленения Чехословакии в 1938 г. Гендерсон поддерживал британскую программу перевооружения и советовал форсировать ее, только тайно, чтобы не дать повода Гитлеру для новых агрессивных шагов. Зная о военной неподготовленности Великобритании и Франции, он поддерживал политику умиротворения, так как опасался поражения демократий в случае немедленной войны.

Политика умиротворения, с которой совершенно осознанно оказался тесно связан Гендерсон, ознаменовалась полным крахом 15 марта 1939 г., когда Гитлер оккупировал Прагу, не имея уже в качестве оправданий своей агрессии необходимость защиты этнических немцев. Н. Чемберлен вынужден был обратиться к политике коллективной дипломатии. В новой ситуации, казалось, Гендерсону нет места, но он остался на своем посту,

постоянно предупреждая Гитлера о возможных последствиях новых агрессивных шагов и возбуждая тем самым новые вспышки ненависти Риббентропа, который уверял фюрера, что Англия не вступится в защиту Польши. Тогда уже у него был диагностирован рак горла и это делает еще более удивительным факт сохранения его в качестве посла в Берлине. Объяснением может служить склонность Н. Чемберлена к ведению внешней политики в обход обычных дипломатических каналов, посредством своих специальных представителей типа лорда Ренсимена. «Неудобное» положение Гендерсона обострилось до крайности во время встречи с Гитлером 29 августа 1939 г. По воспоминаниям британского посла, фюрер вел себя крайне оскорбительно и постоянно кричал, в ответ на это он сам вынужден был повысить голос, чтобы «перекричать Гитлера», заявив, что «в конце концов, ему самому и правительству Его величества совершенно все равно, будут перебиты все немцы или нет». Чиновники Форин оффиса, узнавшие об этой сцене, сочли поведение Гендерсона «вполне оправданным».

К несчастью, даже явная угроза со стороны Англии не удержала Гитлера от давно намеченной агрессии. Через неделю дипломатический паспорт Гендерсона был отозван, и ему пришлось возвращаться домой с горьким осознанием провала своей миссии. Таким образом, приведенные доводы позволяют, на наш взгляд, утверждать, что Н. Гендерсон несправедливо обвинен историками и современниками в подстрекательстве Германии к войне. Его главной бедой было то, что, в отличие от многих его коллег, «забывших» ради собственного удобства о своей приверженности к умиротворению в 1930-е гг., он в своей книге мемуаров, изданной в 1940 г. не раскаивался в этом, а умерев в 1942 г., он не имел возможности отстаивать свою убежденность в правильности этого курса после войны, когда умиротворение приобрело явно отрицательное значение. Доказательством того, что Гендерсон честно выполнял свой долг и предупреждал Гитлера об опасности войны в 1938-1939 гг. служат свидетельства германского дипломата У. Фон Хасселя.

Долгих А.Н. (Липецк)

Адам Чарторыйский и крестьянский вопрос в России в первой четверти XIX века.

Проблема решения крестьянского вопроса была одной из острейших в общественно-политической борьбе в России в первой четверти XIX в. При этом не нужно забывать, что громадную роль в том или ином ее разрешении играли иностранцы, по тем или иным причинам оказавшиеся в России. Многие из них занимали важные посты в разных сферах управления империи. Особое место среди них занимал А.Е. Чарторыйский, в отношении которого до определенной степени уместно такое определение: «свой среди

чужих, чужой среди своих». Представитель княжеского рода Гедиминовичей, А.Чарторыский (1770–1861) получил отличное домашнее образование, а затем в ряде западноевропейских университетов. В 1788 г. избран маршалом подольского сеймика, в 1792 г. назначен на высшую офицерскую должность и участвовал в войне против России, в 1793 г. эмигрировал в Англию, в 1794 г., после начала восстания под руководством Т. Костюшко, хотел присоединить к нему, но был арестован в Брюсселе по распоряжению австрийских властей, а после освобождения и отмены конфискации имений его семьи, в 1795 г. был отправлен вместе с братом, по требованию императрицы Екатерины II качестве заложника к русскому двору в Петербург, где стал одним из ближайших друзей цесаревича Александра Павловича. С 1 января 1796 г. – камер-юнкер Двора Е.И.В., с начала 1799 г. – гофмейстер и тайный советник, с 12 августа 1799 – русский посол в Сардинии. 20 июня 1801 г. он был вызван в Петербург, 8 августа 1802 г. назначен товарищем министра иностранных дел, с 24 января 1803 г. – попечитель Виленского учебного округа, затем министр иностранных дел (16.01.1804–17.06.1806), член Непременного совета с 9 января 1805 г. С 1808 г. – в отставке. С 1815 г. – сенатор-воевода и член Административного совета Царства Польского, в 1816–1824 гг. – вновь попечитель Виленского учебного округа, участник Польского восстания 1830–1831 гг., в эмиграции – с 1831 г. Как писал великий князь Николай Михайлович, «среди политических бурь, наполнявших историю Польши во второй половине XVIII в. и приведших к ее разделу между соседями, отец Чарторижского, князь Адам-Казимир, и мать, княгиня Изабелла, рожденная Флеминг, известная «матка ойчизны», играли немаловажную роль. Патриотическая деятельность родителей Чарторижского наложила на его судьбу особый отпечаток, так что в течение всей жизни он поставлял себе единственной целью стремиться к возрождению Польши».

По нашим данным, за первую четверть XIX в. известно примерно 15 разного рода выступлений и проектов А. Чарторыского по крестьянскому вопросу. 14 из них выглядят либеральными (речь могла идти либо об освобождении крепостных, либо об улучшении их положения) и лишь одно можно квалифицировать как консервативное мнение. (Для сравнения: у его партнеров по Негласному комитету эти цифры выглядят так: у П.А. Строганова: 16 и 0, у В.П. Кочубея – 22 и 5, у Н.Н. Новосильцева – 15 и 4). Известны его критические замечания в отношении императора Александра, в том числе и в отношении мотивов его в решении крестьянского вопроса. Как отмечал А. Чарторыский, «императору нравились внешние формы свободы, как нравятся красивые зрелища; ему нравилось, что его правительство внешне походило на правительство свободное, и он хвастался этим. Но ему нужны были только наружный вид и форма, воплощение же их в действительность он не допускал. Одним словом, он охотно согласился бы дать свободу всему миру, но при условии, что все добровольно будут подчиняться исключительно его воле».

Естественно, наибольшую активность в решении крестьянского вопроса он проявил в период деятельности в Негласном комитете. Как полагал В.И. Семевский, более радикальные идеи по крестьянскому вопросу высказывали в Комитете Строганов и Чарторыский, умеренных позиций придерживался Кочубей, а наиболее консервативен был Новосильцев. Отражением этой ситуации были высказывания А. Чарторыского, отмечавшего в связи с коронационными торжествами, не завершившихся изданием «Грамоты российскому народу», что «за первой радостью, испытанной по случаю освобождения от... тирании Павла, последовал упадок сил, обыкновенно порождаемый обманутыми ожиданиями».

Так, при обсуждении 4 ноября 1801 г. проекта А.Б. Фока, разрешавшего «тем, кто не находился в рабском состоянии», покупать ненаселенные земли, в ответ на заявление императора о том, что он хотел, чтобы у этих людей, «в то время как они имели бы способность покупать земли, была также возможность покупать крестьян, которые, обладая людьми, но, будучи недворянами, были бы введены в определенные рамки и не могли бы обращаться со своими рабами так же жестоко, как дворяне», он оказался в числе членов Комитета, удивившихся этим новациям монарха. Но 11 ноября 1801 г. при обсуждении вопроса об одновременном запрещении продажи людей без земли и о разрешении покупки ненаселенных земель мещанами и государственными крестьянами он был в числе тех, кто считали, что каждая из этих мер могла возбудить неудовольствие, и лучше покончить дело сразу.

На заседании 18 ноября 1801 г. при обсуждении вопроса о запрещении продажи людей без земли он присоединился к мнению о том, положение крестьян тягостно, и его необходимо улучшать, при этом он не видел необходимости учитывать мнения владельцев крестьян по поводу того или иного преобразования, полагая, что, если уж принимать какую-нибудь меру, надо делать это сразу, а не по частям.

На заседании Комитета 20 января 1802 г. Н.Н. Новосильцев заявил, «что два лифляндских помещика подали ему проекты насчет определения прав господ над их крестьянами...». По случаю предстоявшего вскоре лифляндского ландтага эти дворяне высказали пожелание, «чтобы им было дозволено заняться улучшением быта их крестьян, уверяя в согласии на то большей части своих сочленов, но, вместе с тем, просили, чтобы о таком дозволении заявлено было Рижскому военному губернатору, потому что, в противном случае, он будет, по всей вероятности, тому препятствовать». При обсуждении данного вопроса в Комитете голоса разделились. «Новосильцев полагал, что следовало дать желаемое разрешение, тем более что – рано или поздно – придется сделать первый шаг к освобождению крестьян; везде начинали его помещики; если же подаст тому пример целая область, то это будет иметь влияние на всю Россию, и ежели сами помещики желают улучшить положение своих крестьян, то препятствовать им в том было бы нарушением права собственности, на основании которого они могли заключать с своими крестьянами всякие сделки,

не нарушающие общественного порядка, и потому следовало приступать к такому делу не иначе, как с общего согласия владельцев». По его мнению, поддержанному А. Чарторыским, монарх «должен был, не вмешиваясь формально во взаимные отношения обоих сословий, позволить помещикам заняться этим делом».

Майский указ Сената 1803 г. о распространении прав казачества на малороссийских крестьян вызвал серьезное обсуждение в Негласном комитете на заседании 26 октября 1803 г. Речь шла о Высочайше утвержденном докладе Сената о позволении малороссийским казакам распорядиться недвижимыми их именными, «на древних правах и привилегиях основанными». При этом в нем утверждалось, что «казаки считаться должны не иначе, как в статье казенных поселян», с подтверждением их прав на покупку и продажу земель. Видимо, указ предварительно не обсуждался в кругу деятелей Негласного комитета, хотя и был утвержден Александром I. Указ этот вызвал неоднозначную реакцию в Малороссии, и последствиями его реализации пришлось заняться Комитету. «Эта мера, - как писал Строганов, - произвела на крестьян Малороссии, «равно как и на их владельцев, огромное впечатление, и было необходимо срочно найти средство их успокоить. Совет предложил просто отменить этот указ Сената. Император был против этого, считая это решение отступлением от идеи раскрепощения крестьян. Я, Новосильцев и Адам Чарторыский считали, что нельзя отменять указ, однако необходимо найти иной путь для успокоения крестьян, который помешает им остановить полевые работы». Итог рассмотрения дела неизвестен. Наконец, он поддержал 9 ноября 1803 г. предложения других членов Комитета о разрешении купцам покупать деревни с крестьянами таким образом, чтобы последние не были «рабами», а служили по свободному контракту у нового хозяина, следствием чего был указ 18 октября 1804 г. о разрешении купцам, получившим 8-классные чины, покупать деревни и владеть ими на условиях, заключенных с крестьянами.

Особое значение для арендных имений в западных губерниях имел манифест 27 мая 1810 г., выставивший на продажу более 332 000 душ крестьян. Это решение было связано с финансовыми проблемами страны и проводилось в связи с планом их решения, разработанным М.М. Сперанским при участии Н.С. Мордвинова. При обсуждении вопроса в Департаменте государственной экономии Совета против этого плана выступил только А. Чарторыский, считавший его недопустимым по принципиальным соображениям: «Будет ли сообразно с правосудием и человеколюбием Его Императорского Величества обращать в рабство казенных крестьян с их потомством, которые поныне наслаждаются свободою, принадлежа одному государству, как и все подданные?», настаивая, как минимум, на том, чтобы, «продавая земли, предварительно определить право крестьян и охранить их свободу». Но это мнение не было поддержано Департаментом, признавшим, что «продажа излишних казенных земель как для частных людей, так и для самой казны весьма полезная быть может». Этот план не принес больших дивидендов казне. В итоге, власти пришли к выводу о большей выгодности

оставить этих казенных крестьян в руках государства, чем продать их за бесценок в частные руки. Наконец, в письме монарху 4 мая 1818 г. А. Чарторыйский прямо затрагивал вопрос о положении подобных крестьян на «национальных землях», предлагая «устроить и улучшить» их участь, «дать им крупные фермы (фольварки) в вечное пользование, доходы с которых будут пересматриваться каждые двадцать пять лет».

Даже столь небольшая подборка его мнений по данной проблеме позволяет нам сказать, что в период царствования Александра I Адам Чарторыйский был одним из наиболее радикальных членов правящей элиты России в отношении решения крестьянского вопроса.

Жарова И.Ю. (Рязань)

Арсений Суханов в историческом процессе XVII века.

Келарь Троице–Сергиевой лавры Арсений Суханов (нач. XVII в.–1668 г.) является одной из наиболее колоритных и противоречивых фигур XVII в. На протяжении всего XIX в. велись многочисленные споры о значении деятельности Арсения в религиозной жизни страны, давались противоречивые оценки литературных трудов старца, менялось само представление о его личности. В XX–XXI ст. отдельные специалисты обращались к изучению творческого наследия иеромонаха и только в последнее десятилетие можно наблюдать значительно возросший интерес к произведениям Арсения.

Во многом неоднозначность трактовок и нечеткость в характеристиках русского посланника связана с недостатком конкретного фактического материала о жизни Суханова. Его биография была максимально полно восстановлена С.А. Белокуровым (1862–1918), который первым обратился к изучению жизни старца как исторического лица, живущего в определенную эпоху и вовлеченного в ее кризисы. Вместе с тем, многие выводы, которые были сделаны историком, имеют гипотетический характер, и базируются на литературных трудах старца Арсения. Документы, имеющие конкретный практический характер (приходно-расходные книги, синодики, списки монахов Богоявленского монастыря, Троице-Сергиевой лавры, сметы заработной платы Печатного двора), а также различные донесения в Посольский приказ, отражающие деятельность Арсения, относятся к позднему периоду. Высказаны предположения, что родился Антон Путилович Суханов в Соловском уезде (ныне Тульской области), после разорения отца 1622 г. служил дьячком в коломенском Старо-Голутвинском монастыре, где принял постриг с именем Арсения. Далее его жизненный путь отражается в деловых документах. С августа 1633 г. Арсений был архидиаконом при патриархе Филарете (1619–1634 гг.). В 1634 г. стал насельником Чудова монастыря. В 1637–1640 гг. в составе посольства кн.

Ф. Ф. Волконского-Шерихи ездил в Грузию для сбора сведений о церковной жизни страны. Между 1642 и 1645 гг. рукоположен во иеромонахи и назначен строителем Троицкого Богоявленского монастыря в Кремле. Как дипломат ездил в Валахию и Молдавию (1649–1650), в Украину (1649–1650), на православный Восток (1649–1653). Занимался покупкой древнейших рукописей (1653–1655). По возвращении в Москву в 1656 г. Арсений стал келарем Троице-Сергиева монастыря, в 1661–1664 гг. жил в московском Богоявленском монастыре и заведовал Печатным двором. Умер 14 августа 1668 года, похоронен около Серапионовской часовни в Троице-Сергиевом монастыре.

Литературные записи Суханова сыграли значительную роль истории раскола русской церкви. 27 января 1649 г. в Москву прибыл иерусалимский патриарх Паисий (1645–1660) за милостыней для храма Гроба Господня. После участия в богослужении в Успенском соборе Кремля он сообщил царю Алексею Михайловичу (1629–1676) на расхождение в обрядах русской церкви с греческой. Интересно, что для сбора информации по данной проблеме не собиралась делегация, а был отправлен лишь иеромонах Арсений, включенный в свиту восточного иерарха. Вероятно, высокая образованность, знание иностранных языков, полученный дипломатический опыт и стали определяющими факторами при выборе кандидата для поездки.

В дороге 30 марта Суханов остановился в Васлуе, где русскому дипломату рассказали о том, что на Афоне греческие монахи назвали сербского старца еретиком и выдали турецким властям за двуперстное крещение. Старинные книги московской печати, имеющиеся у Дамаскина, на которые он ссылался в доказательство своей правоты, «Книга Кирилла Иерусалимского», Следованная Псалтирь, «Многосложный свиток», были сожжены.

Для старца этот случай стал одним из поводов к началу прений о вере с греками в Тырговиште. На первом прении, 24 апреля 1650 г., Арсений защищал двоеперстие, доказывая его древность. На втором, 9 мая, обсуждалось расхождение между греческим и русским летосчислением – от сотворения мира или от Рождества Христова. 3 июня патриарх в присутствии старца осудил сожжение афонскими монахами книг московской печати, несмотря на содержащиеся в них ошибки. Суханов высказал предположение, что в греческих книгах, печатавшихся по большей части в Венеции, могут быть внесены изменения сознательно. На четвертом прении, 6 июня 1650 г., рассматривался обычай русских перекрещивать католиков. Этот обычай получил широкое распространение в России в середине XVII в. В это время существовало убеждение, что обливательное крещение не является действительным, т.к. в книгах отцов церкви говорится только о крещении через погружение. В целом, говорилось о богослужебных различиях в практике русской и греческой церквей. 8 декабря Арсений вернулся в Москву и подал в Посольский приказ в качестве отчета «Статейный список» и «Прения с греками о вере».

24 февраля 1651 г. Арсений продолжил путешествие на Восток с прежней целью – ознакомление с греческим богослужением. Путешествие подробно описано Арсением в сочинении, названном «Проскинитарий». По дороге в Иерусалим Арсений посетил Константинополь, острова Средиземного моря, Египет, Александрию и Каир. Прибыв в Москву в июне 1653 г., Арсений поднес царю Алексею Михайловичу «Проскинитарий» (греч. προσκυνητής – поклонник). В Посольский приказ была подана полная рукопись, а для Никона Арсений приготовил краткую редакцию, опустив отзывы о греках. По свидетельству «Известия о рождении, и воспитании, и о житии Святейшего Никона», написанного Иоанном Шустерным, Арсений привез в Москву модели иерусалимского храма Воскресения Христова и Вифлеемского храма. Модель храма Воскресения послужила образцом при постройке патриархом Никоном Воскресенского храма в Новоиерусалимском монастыре под Москвой.

Тем не менее имя Суханова получило широкую известность в церковных кругах именно как автора «Проскинитария». А. Ржевский, исследователь XIX ст. назвал данный литературный труд «краеугольным камнем, опираясь на который они [староверы] отвергают православие церкви греческой» [Ржевский А.]. Безусловно, отчет русского посланника, лишенный авторских комментариев и прямых оценок, все же ярко выражает отрицательное отношение иеромонаха к представителям восточной православной церкви в Палестине. В первую очередь это заметно в подборе фактов, которые старец отразил в тексте: нарушение поста, отклонения в облачении, небрежное хранение иерусалимских церквей, общение с иноверцами, совместное богослужение с представителями разных конфессий и пр. Безусловно, негативная оценка нашла свое выражение и в той скрупулезности, с которой иеромонах отмечал различия русской обрядности от греческой и сопоставлял современный ему порядок службы с описанным в древней греческой богослужебной литературе. С враждебностью относился старец и к иерусалимскому патриарху Паисию, которого он подозревал в интригах и участии в убийстве константинопольского патриарха Парфения. Вероятно, подчеркнутая протокольность изложения и вызывала особое доверие, поэтому «Проскинитарий» широко разошелся в среде раскольников.

Известно, что в 1655 г. Арсений Суханов стал заведующим Московского Печатного двора. Этот факт обычно вызывает вопросы у исследователей: как человек, имеющий убеждения, близкие к старообрядческим, успешно участвовал в руководстве центра проведения книжной справки. Можно предположить, что в своих произведениях старец выражал не только личный взгляд, а отображал общенациональное мнение о греческой церкви, сложившееся в России.

Для русской книжности, безусловно, наиболее значимой является вторая поездка Арсения на Восток за древними книгами и манускриптами. Старец посетил 17 монастырей (лавру св. Афанасия, Иверский, Ватопедский, Филофея, Дионисия, Пантократора, Дохиар, св. Павла, Хиландарский,

Руссик, св. Григория, Симонопетра и др.), в книгохранилищах которых отобрал и купил около 500 наиболее ценных пергаментов. Древнейшими из привезенных Арсением греческих рукописей являются: пергаменный лист с отрывком из Посланий ап. Павла (VI в.), 30 Слов Григория Богослова (975), списки Евангелий (IX – XII вв.), Апостола (XI – XIV вв.), Номоканон патриарха Фотия (XI в.), Минеи служебные и Минеи Четьи (XII – XVI вв.), творения святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и прп. Ефрема Сирина (XIV – XV вв.), церковная история Евсевия Кесарийского (XII – XIII вв.), сборники догматико-полемиических сочинений (XIV в.) [Сморгунова Е.М.]. Длительное время считалось, что данная поездка была необходима в связи с проводимой в России книжной справкой, в ходе которой планировалось привести всю богослужебную литературу к единообразию, устранить разночтения в проведении религиозных обрядов, возникших в связи с ошибками, вносимыми переписчиками. Исправление должно было проходить по оригинальным спискам, т.е. требовалось значительное количество первоисточников. Безусловно, для этой цели закупались гимнографические тексты, патристическая литература, четьи и пр. Вместе с тем, среди привезенных в Москву рукописей большую часть составляют тексты светского содержания: Труды и дни» Гесиода (XV и XVI вв.), «Илиада» и «Одиссея» Гомера (XIII, XV и XVI вв.), сочинения Аристотеля (XV – XVII вв.), Демосфена (XV и XVI вв.), Феокрита (XV в.), Аристофана (XVII в.), трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида (XV и XVI вв.), «Описание Греции» Павсания (XVI в.), «География» Страбона (XV в.), медицинские трактаты Галена (XV и XVI вв.), Диоскорида (XVII в.), Орибасия (XVI в.) и пр. Вряд ли подобный выбор можно объяснить хронологическим принципом отбора книг. С.А. Белокуров высказывал предположение, что, возможно, часть раритетов предназначалась для открытия славяно-латинских школ.

Таким образом, Арсений Суханов, дипломат, писатель, путешественник, заведующий Московским Печатным двором сыграл значительную роль в развитии межгосударственных отношений России, литературы, искусства, образования и, безусловно, истории русской церкви.

Иерусалимская Е.В. (Москва)

Предательство Г. Болингброка в контексте политической борьбы в Англии (1710-1715гг.).

Генри Сент-Джон, лорд Болингброк (1678-1751гг.), крупный английский философ-просветитель и государственный деятель времен королевы Анны Стюарт (1701-1714гг.), заслужил неоднозначные, а порой и прямо противоположные оценки современников, а в последующем и историков. Начав свою политическую деятельность членом палаты общин в

двадцать три года в 1701г. уже в 1705г. он стал военным министром в правительстве Мальборо – Годолфина. В 1710г. Болингброк был назначен на должность государственного секретаря. На этом посту он оставался до 1714г., т.е. до того момента, когда в стране произошла смена династии: после смерти королевы Анны английский трон перешел к Георгу I Ганноверскому. Имя Болингброка, как политика, прежде всего, связано с заключением Утрехтского мира в 1713-14гг., завершившего войну ряда европейских государств во главе с Англией против Франции – войну за Испанское наследство (1701-1714гг.). Поступком, вызвавшим резкие обвинения со стороны его противников и ставшим несмыслимым пятном на его репутации, стало бегство Болингброка во Францию и, хотя кратковременная, но все же служба при дворе английского короля в изгнании Якова III. До сих пор остается непонятным, что послужило причиной для столь опрометчивого и, казалось, заранее обреченного на провал шага. В случае же удачи этого предприятия последствия для государства могли быть катастрофическими: французская интервенция, король-католик во главе уже преимущественно протестантской страны, угроза попытки реставрации абсолютизма. Всего этого Болингброк не мог не понимать, и, тем не менее, жребий был брошен. Интересно, что в последствие, возвращаясь к событиям того времени, сокрушаясь по поводу тех или иных обстоятельств, Болингброк не признавал себя виновным в предательстве интересов своей страны, что позволяет поставить вопрос о понимании им патриотизма.

У себя на родине Болингброка заочно обвинили в государственной измене. Специальная комиссия, созданная в апреле 1715г., под руководством влиятельного вигского деятеля Р.Уолпола в течение двух месяцев тщательно изучала документы, связанные с ведением секретных и официальных переговоров с Францией, все ниточки которых были в руках у Болингброка. Его обвинили в ведении сепаратных переговоров с Францией за спиной основного союзника Англии Голландии; в отсутствии в мирном договоре статьи, обеспечивающей безопасность протестантскому престолонаследию и требования выдворить Якова III за пределы Франции; в содействии герцогу Анжуйскому в том, чтобы он стал королем Испании, что привело бы к нарушению европейского равновесия. Резкой критике были подвергнуты торговые договоры с Францией (вопреки договоренности между союзниками по антифранцузской коалиции, Франция получила возможность торговать с испанской частью Вест – Индии). Болингброк в «Письме Уильяму Уиндхэму» (1717г.) с горечью писал, что опасность реставрации и плохой мир – вот два вопроса, по которым они (тори) были атакованы вигами. В результате разбирательства и голосования в обеих палатах парламента Болингброк был подвергнут импичменту, его земли были конфискованы.

Причину, по которой Болингброк бежал, проявив, по мнению большинства исследователей, трусость, слабость характера, удивительную неосмотрительность для столь блестящего ума, следует искать в его убеждениях. Изучение политической деятельности Болингброка и его

философских изысканий позволяет сделать вывод о цельности и достаточной последовательности его взглядов. С первых шагов в парламенте Болингброк примкнул к торийской партии. Он много раз высказывал твердую убежденность в том, что именно тори выражали национальные интересы Англии. Болингброк называл эту партию «партией страны», преимущественно отражавшей взгляды «земельного интереса» - крупных джентри, связанных с земельной рентой и торговлей в большей степени, чем с биржей. Войдя в 1710г. в коалиционное правительство, во главе с умеренным тори лордом-казначеем Р. Харли Болингброк принялся осуществлять план, конечной целью которого должно было стать создание монолитной торийской партии и чисто торийского правительства. Утрехтский мир 1714г. призван был стать «крепким основанием», на котором предполагалось построить «торийскую систему». Такая позиция Болингброка объясняет и его огромные усилия, направленные на скорейшее прекращение войны, и конфликт двух торийских лидеров, ставший фатальным для торийской партии. Ненависть Болингброка к Р. Харли объясняется тем, что он видел в Р. Харли предателя их общего дела, поскольку лорд-казначей был сторонником коалиций с вигами и ганноверскими тори. Поэтому следующим шагом Болингброка стала успешная борьба за отставку лорда-казначея, но смерть королевы явилась непреодолимым препятствием на пути дальнейшего осуществления замысла Болингброка. Объяснения своего поступка, Болингброк изложил в уже упомянутом произведении «Письмо Уильяму Уиндхэму». Он писал, что надежды на создание «торийской системы» не оправдались, поскольку тори раскололись - «ганноверские» тори объединились с вигами при голосовании в апреле 1714г. по вопросу об опасности, которой подвергалось протестантское престолонаследие при торийском кабинете министров. Так же вскоре стало очевидно, что новый король Георг I симпатизировал вигам. Его речь на открытии парламента осенью 1714г. содержала критику Утрехтского мира и поведения последнего кабинета. Болингброк понимал, что у Ганноверского дома существовало предубеждение против него, как основного автора Утрехтского договора 1714г. В Англии больше делать было нечего, кроме того, виги грозили ему расправой, однако Болингброк не хотел сдаваться и предпринял отчаянный шаг в марте 1715г. он покинул Лондон и бежал во Францию. Летом 1715г. до него в несколько преувеличенном виде дошли слухи о росте якобитских настроений в Англии, что подтолкнуло его согласиться стать государственным секретарем у короля в изгнании Якова III. Болингброк понимал, что одного якобитского восстания шотландцев мало для успеха предприятия и многое зависит от позиции Франции. Он начал вести переговоры с целью склонить Людовика XIV нарушить Утрехтский договор 1714гг. (автором которого был сам!) и оказать помощь претенденту. Однако Яков III не стал дожидаться решения французского короля и высадился на севере Англии, однако восстание потерпело неудачу. По возвращении во Францию Яков III немедленно сместил Болингброка с поста секретаря. Точно

неизвестно, что послужило поводом для разрыва, но служба Болингброка не могла продолжаться долго, поскольку ни политических, ни религиозных взглядов якобитов он не разделял; Франция отказывалась от открытой поддержки претендента, склонить Якова III к переходу в протестантизм не удалось.

После отставки Болингброк поселился в окрестностях Орлеана и начал серьезно заниматься философией и историей в ожидании часа, когда можно будет вернуться в Англию.

Таким образом, представляется, что, сбежав из Англии и поступив на службу к претенденту, Болингброк действовал не только из страха, растерянности, как полагают многие его биографы, но и исходя из глубокого убеждения, пронесенного через всю жизнь, что торийские принципы и интересы тождественны национальным интересам. Болингброк писал У. Уиндхэму, что он совершил много ошибок, но ничем не виноват перед тори. Это являлось для него главным. Трудно, на основе имеющихся документов, выяснить, как собирался Болингброк действовать в случае успеха якобитского восстания, чем оправдывал свое пособничество в иностранной интервенции. Необходимо принять во внимание, что с одной стороны, английское общество жило в постоянном страхе реставрации и католической реакции и связь с якобитами сурово каралась, но с другой стороны, существование после Славной революции 1699-89гг. английского короля в изгнании сначала Якова II, а с 1701г. его наследника Якова III, оказывало влияние на деятельность английских политиков самого высоко ранга. Их нельзя было назвать якобитами по убеждению, но они рассматривали изгнанников как некий запасной вариант и на всякий случай поддерживали с английским двором в Сен-Жермене связь. Знаменитый полководец и старший друг Болингброка лорд Мальборо при короле Вильгельме Оранском (1688 – 1701гг.) общался с Яковом II, просил у него прощение за активное участие в Славной революции 1688-9гг., и был арестован по подозрению в этих сношениях. Позже, попав в немилость у королевы Анны, Мальборо также уехал в Европу и в 1714г. прощупывал почву среди союзников и якобитов для интервенции в Англию. Однако надо отметить, что о его целях доподлинно ничего неизвестно. Отношения с английским двором в изгнании поддерживали и С. Годолфин, и Р. Харли и многие другие, несмотря на антиякобитскую истерику, все сильнее охватывающую общество по мере ухудшения здоровья королевы Анны. Только Болингброк решился на этот шаг, что являлось, по сути, политическим самоубийством.

Кравченко А.А. (Рязань)

Политические взгляды Данте Алигьери.

Данте Алигьери известен как величайший поэт, автор «Божественной комедии». Между тем великий итальянец был не только поэтом: словно предвосхищая универсальность гуманистов, он был разносторонним человеком – воином, дипломатом, государственным деятелем, политиком, ученым, философом. Значительный интерес представляют его политические идеи, особенно принимая во внимание исторический контекст: стык двух эпох – средневековья и Возрождения.

Данте родился в 1265 г. во Флоренции. На интеллектуальное развитие будущего поэта значительное влияние оказал его флорентийский писатель, переводчик и правовед Брунетто Латини. Идеи Данте о государственном устройстве обнаруживают известное влияние сэра Брунетто, призывающего рассматривать политику как науку.

Данте принимал активное участие в политической жизни Флоренции на рубеже XIII – XIV вв. Это было время существования враждующих политических партий – гвельфов (сторонников власти папы) и гибеллинов (сторонников германского императора, так как Северная Италия и Рим тогда являлись частью Священной Римской империи германской нации). Флоренция возглавляла так называемую гвельфскую лигу итальянских городов. Однако среди самих гвельфов не было единства – во Флоренции существовали группировки так называемых Черных (сторонников Римского папы, преимущественно партии аристократов) и Белых (противников папы, партии ремесленников и буржуазии).

В 1301 г. во Флоренции происходит переворот. К власти приходят Черные. Данте, бывший сторонником Белых, был несправедливо осужден и приговорен к смертной казни. Поэт оказался в изгнании и во Флоренцию больше не вернулся никогда. Идеи сильной императорской власти в Италии, раздираемой междоусобицами и нескончаемыми войнами, становятся для него особенно актуальными.

В 1310 г. Германский император Генрих VII отправляется с походом в Италию с целью примирить и подчинить себе враждующие итальянские города и партии и подтвердить свою считавшуюся тогда законной власть над Италией.

К этому времени политическая мысль Данте окончательно созрела. Согласно его взглядам, изложенным в ряде латинских посланий, император и король, получающий власть от Бога на равных с папой, не угрожающий никому порабощением, милосердный и справедливый, грядет в Италию, чтобы дать ей свободу и мир. В последующих письмах поэт доказывает права Генриха VII поступать так, как он поступает. Данте искренне полагал, что установление императорской власти в Италии послужит могучим стимулом для ее процветания.

В 1313 г. происходит конфликт Генриха VII и Римского папы Климента V, вызванный стремлением Генриха короноваться в Риме императорской короной. Данте выступает в защиту императора и с этой целью пишет трактат, ставший его главным политическим произведением, - «Монархия».

Изначальной целью «Монархии» было доказать, что, так как римский народ создал императорскую власть, воля римского народа является его правовым источником. Эта публицистическая и злободневная задача под пером Данте переросла в большую философско-политическую проблему, которая получила определенное развитие в его более ранних трактатах, но здесь впервые приобрела острую актуальность.

В «Монархии» три части, как того требовал схоластический обычай. Первая часть дает научную экспозицию вопроса. Сначала речь идет о том, что наука, занимающаяся политическими проблемами, не спекулятивная дисциплина, но непосредственно связана с жизнью. Ее цель – исследовать условия человеческого общежития. Каждый человеческий коллектив представляет некое единство, осуществляемое его главою. Начиная от семьи и кончая крупными государственными соединениями, власть, осуществляющая это единство, является строгой необходимостью [Данте Алигьери. Монархия. I, 5.]. Следовательно, монархия необходима для благополучия мира, а существование мировой монархии такого типа, как Священная Римская империя, является высшим благодеянием. Монарх не тиран, он слуга народа. Он утверждает и защищает свободу, создает законы для осуществления правосудия.

Во второй части Данте переходит к рассуждениям более современным. Он ставит вопрос: «По праву ли присвоил себе римский народ императорскую власть?» [Указ. соч. II, 2.]. Для Данте в этом никаких сомнений не существует. По мнению итальянского поэта, суд божий дал победу Риму над всеми его противниками, доказав, что римляне – «святой народ» и что покорили они человечество для того, чтобы даровать ему хорошие законы, хорошее управление и всяческое счастье. Следовательно, если верно, что римский народ по праву присвоил себе императорскую власть над миром, то он может передавать ее кому угодно. Этот вывод был в тот момент крайне нужен Генриху VII.

Содержание третьей части примыкает к основному тезису его писем, где речь шла о том, что власть Петра и власть Цезаря одинаково исходят от Бога и одинаково самостоятельны. В «Монархии» этот тезис углубляется. Данте за сто с лишком лет до Лоренцо Валлы, известного итальянского гуманиста, отверг легенду о так называемом «Даре Константина» (суть легенды в том, что римский император Константин в благодарность папе Сильвестру, вылечившему его от болезни, даровал ему власть над Римом. Лоренцо Валла в XV в. доказал подложность дарственной грамоты). Данте доказывает, что юридически ни Константин не имел права отчуждать власть над городом, ни папа не имел права ее принять. Исторический аргумент, таким образом, отпадает, а вслед за ним отпадают и все остальные. Вопреки церковной доктрине, согласно Данте, император получает власть не от папы, а непосредственно от Бога, так же как и сам папа. Обе власти, духовная и светская, обязаны находиться в согласии, и представители их должны

относиться друг к другу с уважением. При таком условии порядок на земле, построенный на этом согласии, был бы совершенным [Указ. соч. III, 16.].

Тема Генриха VII в трактате отнюдь не заслоняла в глазах Данте проблемы империи как вечного установления. Она тесно связана с прошлым, настоящим и будущим Италии. Данте считал, что идея империи должна преодолеть язву муниципализма, разъедающую национальное существование и здоровый политический порядок на его родине, утвердить на будущие времена ее национальную целостность и процветание.

По мнению поэта, миру необходима единая – всемирная – империя для того, чтобы на земле наступил вечный мир и прекратились раздоры князей и королей. Император, являясь единственным законным собственником всей земли, не будет стремиться приобрести чужое. Это избавит мир от войн. Объединение всего человечества не влечет за собой обезличивающей унификации – должны быть сохранены местные свободы и самоуправление. Тогда в мировом государстве настанет полнота времен – всеобщее благополучие и благоденствие.

Таким образом, политические воззрения Данте тесно связаны с воззрениями философскими и религиозными. Однако его взгляды нельзя назвать каноническими или ортодоксальными. Напротив, его идеи во многом новы и существенно опережают свое время. Главными среди них являются идея единства итальянского государства; идея единой всемирной монархии; идея светского государства (равноправное разделение светской и духовной властей). Следует сказать, что идея о секуляризации государства носилась в воздухе в начале XIV в. в Италии и во Франции. Данте стремится применить эту идею к единому мировому содружеству людей и в этом далеко превосходит по смелости идеи своих современников. Конечной целью для поэта является установление мира и справедливости в мировом масштабе, что должно способствовать высшей цели каждого человека: счастью при жизни и спасению души.

Лабутина Т.Л. (Москва)

Из истории британской разведки: морской офицер Джон Ден на службе у Петра Первого.

История разведки насчитывает более пяти столетий, о ее деятельности в свое время писал Е.Б.Черняк. Современные ученые еще недостаточно внимания уделяют изучению «тайной войны», в силу отсутствия необходимых источников. В этой связи бесспорную ценность представляют служебные записки, мемуары, книги тех иностранных специалистов, которые, находясь на службе у русских царей, совмещали свою профессиональную деятельность с разведывательной. В своем сообщении мы

остановимся на небольшой книге британского офицера и разведчика Джона Дена, находившегося на службе у Петра I.

Прежде всего, отметим, что история «тайной войны» Англии против России началась с первых лет взаимодействия двух государств. Установившиеся при Иване Грозном в 1553 г. дипломатические, экономические и культурные отношения Московского государства с Англией, на протяжении второй половины XVI в. не отличались стабильностью. Различные осложнения возникали, главным образом, из-за расхождений в целях политики, проводимой каждой из сторон. В то время, как Россия стремилась к сотрудничеству с Западом, в том числе и с Англией, ради дипломатического признания, заключения военно-политического союза, расширения торговых и культурных связей, западные страны, по признанию американского ученого Э.Симмонса, проявляли особый интерес, прежде всего к «богатым, неиспользованным ресурсам России». Британцев наша страна интересовала, главным образом, как «сырьевой придаток». Большую роль в «освоении» русской территории, а также в завоевании приближенных к царскому двору позиций довелось сыграть английской разведке. Всевозможные «лазутчики», «разведчики», «шпионы» не были редкостью в политической жизни Московского государства на протяжении XVI-XVII вв. Ценную услугу по сбору секретной информации оказывали агенты Московской торговой компании. Цари Иван Грозный, а затем и его сын Феодор Иоаннович в посланиях к королеве Елизавете Тюдор не раз сетовали на то, что Московская компания посылает в Россию «людей недостойных», которые занимаются не торговлей, а «воровством и лазутчеством». Деятельность британской разведки на территории России особенно активизировалась в XVIII веке. Визиты Петра Первого в страны Западной Европы, проведение реформ, во многом инициированных под их влиянием, приглашение на службу множества иностранных специалистов – все это создавало благоприятные условия для работы иностранной разведки на территории нашей страны. Конечно, деятельность разведчиков чаще всего была скрыта от глаз современников, но порой некоторые из них оставляли записки, дневники, письма, в которых не скрывали истинной цели своего пребывания в России. Наглядным тому примером может служить эпистолярное наследие британского посланника Чарльза Уитворта. Ценные разведданные предоставляли британскому правительству не только дипломаты, но и военные специалисты, находившиеся на царской службе. Одним из них был морской офицер, прослуживший на Балтийском флоте около 10 лет, автор уникального сочинения «История Российского флота в царствование Петра Великого» Джон Ден. Указанный труд выявил, перевел и опубликовал в России в конце XIX века граф Е.Е. Путятин. В 1999 г. он был переиздан со вступительной статьей и комментариями П.А. Кротова.

Джон Ден прибыл в Россию в 1711 г. Спустя год, в чине поручика он начал службу на 50-пушечном корабле Балтийского флота «Пернов», дослужившись в 1719 году до капитана 3 ранга, однако спустя три года

привлечен к суду, по приговору которого был понижен в звании и уволен. Причиной тому послужил следующий инцидент. 7 сентября 1718 г. 32-пушечный российский фрегат «Самсон», которым командовал Ден, был окружен голландским и английским кораблями. От Дена потребовали возвратить «призы» - захваченные им ранее в нескольких милях от Пиллау британское и голландское суда, шедшие с грузом из Швеции в Кенигсберг. Силы противников были неравны, и потому Ден, доверившись «обещанию и офицерскому слову» английского капитана, согласился на предложение соотечественника отправиться на голландский корабль «для лучшего разговора и показания документов». Впоследствии Джон Ден объяснял свое «неосторожное согласие» тем, что находился «в состоянии нервного потрясения». На голландском корабле он был арестован и освобожден лишь после того, как английская и голландская шлюпки отобрали захваченные «Самсоном» призы. В конце сентября 1718 г. Д. Ден подал письменный рапорт о случившемся в Адмиралтейскую коллегию. Поначалу проступок Дена не возымел каких-либо серьезных последствий. Однако по мере осложнения отношений между Россией и Британией, одним из последствий которого стало издание королем Георгом I декларации о запрете британским подданным служить в России, положение морских офицеров осложнилось: их стали подозревать в служебной неблагонадежности. Желание Дена оставить службу совпало с намерением российских властей избавиться от ненадежного офицера. Он был понижен в чине и выслан в Казань, Впрочем, в Казани британец долго не задержался. По окончании Северной войны по указу Петра I. он получил разрешение покинуть место ссылки и был отправлен в отставку. Однако из страны его не выслали, да и сам Ден возвращаться на родину не спешил. Он прекрасно понимал, что на продолжение служебной карьеры в Англии мало надежды: служба на флоте государства, дипломатические отношения с которой у англичан были разорваны с 1720 г., во многом тому способствовала. Когда же он возвратился на родину, правительство решило воспользоваться его услугами и весной 1725 г. направило в Россию в ранге генерального консула Великобритании. Однако новоиспеченный консул не вызывал доверия российских властей: в июне того же года он был выслан из страны. Впрочем, данное обстоятельство не повлияло на карьеру Дена в Англии. В 1726 г. как знаток фарватеров в Финском заливе он был назначен лоцманом на одном из кораблей британской эскадры, прибывшей на Балтику с целью блокировать российский флот в портах. Позднее Ден был направлен в качестве консула в порт Остенд. Подобным «высоким назначением» были отмечены заслуги Д. Дена по написанию «Истории Российского флота в царствование Петра Великого» и его содействие британскому правительству в 1725 и 1726 гг.

Что же представляла собой «История флота» Дена, и какая информация, помещенная в трактате, указывала на ее разведывательный характер? Поскольку британский офицер пробыл на царской службе в течение 10 лет, естественно, что большую часть книги он посвятил описанию

непосредственной своей деятельности – службе на балтийском флоте, хотя и не ограничивался только этим. В его «Истории флота» немало сведений о положении в России иностранных офицеров и кораблестроителей, впечатления о русском народе, его обычаях, а также отношения к проводимым царем реформам. Ден рассуждал о деятельности Петра Первого, направленной на модернизацию страны, прежде всего через создание мощного флота.

Пользуясь своим положением морского офицера, вращаясь среди иностранных специалистов, имея неограниченные возможности передвижения по стране, посещать порты и гавани, а также кораблестроительные верфи, Ден получал прекрасную возможность собирать подробные сведения о состоянии российского флота. Его труд изобилует информацией о кораблях, состоящих на вооружении у Петра I. Он сообщает их названия, численность пушек (от 36 до 90), имена командиров судов. В заключительной части своей книги Ден приводит список военных кораблей Балтийского флота «с самого его начала» до 1724 года. Выяснилось, что численность флота составляла 71 судно. Разведчик обращал внимание на состояние судов. Оказалось, что 12 кораблей были «ветхими», «очень ветхими» и «негодными к плаванью», 18 судов были «разобранными», 7 – потерпели крушение, еще 7 – были взяты в плен, либо сожжены, взорваны молнией, или проданы на слом, 3 – «выстроены наново до ватерлинии» и т.д. Из проделанного британским офицером анализа состояния петровского флота становилось очевидным, что большая часть кораблей была непригодной. Наиболее уязвимым местом в российском флоте, по мнению британского разведчика, являлась недостаточная укомплектованность судов матросами и офицерами. Поскольку царь намеревался держать постоянно «в полной исправности» 40 линейных кораблей, имеющих на вооружении от 50 до 100 орудий каждый, ему необходимо было заполнить свой флот экипажами. С этой целью Петр отправлял своих эмиссаров в Англию и Голландию «вербовать на царскую службу офицеров и матросов». По его распоряжению приближенные царя старались также убедить иностранных офицеров подписать договор о пожизненной службе, однако таковых оказалось немного. Поэтому Петр постепенно старался заменить иностранных специалистов, а также морских корабелов и офицеров, соотечественниками.

Пользуясь возможностью свободного передвижения по стране, британский разведчик посетил железоделательные заводы в Олонце, расположенные неподалеку от Ладожского озера, на которых отливались пушки, якоря, «всякое ручное оружие» и военное снаряжение. Заводы и все производимое на них получили высокую оценку англичанина. Ден продолжал внимательно изучать положение дел на флоте. Он обратил внимание на то, что весной 1714 г. русские сделали «чрезвычайные приготовления» для усиления флота. Ими были приготовлены новые изобретения «по сжиганию кораблей горючими веществами», и изготовлены

начиненные порохом трубки для более быстрой стрельбы из пушек. Орудия были снабжены «огнеметными трубами для выбрасывания горячей жидкости».

Сведения, добытые британским разведчиком в России, сводились к аналитической записке, представленной в виде заключительных выводов в «Истории флота». Из нее становилось очевидным, что достижения по созданию российского флота на протяжении 10 лет были ощутимыми, а это не могло не обеспокоить британское правительство, на службе которого состоял Джон Ден.

Итак, анализ труда британского морского офицера позволяет заключить следующее. «История флота» Джона Дена представляет собой интересный источник по истории петровской России, в особенности страниц, связанных с созданием российского морского флота. В то же время данный труд воочию убеждает, что иностранные военные и другие специалисты далеко не всегда занимались непосредственной своей работой. Порой они ее совмещали с разведывательной деятельностью. Поскольку Петр Первый в своей реформаторской деятельности обойтись без иностранных специалистов еще не всегда мог, он был вынужден предпринимать лишь небольшие ограничительные меры, чтобы не допустить проникновения разведчиков на военные объекты. Впрочем, это не всегда помогало, и ценная информация «утекала» из страны в стан потенциального противника. История деятельности первых британских разведчиков на территории России, среди которых оказался и Джон Ден, со всей очевидностью продемонстрировала истинные намерения правительства Англии в отношении нашей страны, которые в XVIII веке были далеко не дружественными.

Лежнина Е.В. (Йошкар-Ола)

Уильям Кинг и диссентеры Ирландии в 1690-е годы.

«Славная революция», свергнув деспотию абсолютной монархии, закрепила в Англии незыблемость «протестантской религии, законов и свобод английских подданных». В соседней Ирландии, имевшей статус подчиненного английским монархам королевства, 1689-1691 года стали периодом религиозных и политических столкновений, поставивших под угрозу права и само существование ирландских протестантских сообществ и государственной Церкви Ирландии. Католики Ирландии, составлявшие по разным подсчетам от 75 до 90% населения острова, поддержали свергнутого с английского престола католика Якова II, и развязали гражданскую войну против немногочисленного протестантского населения. В то время как в Англии был принят «Билль о веротерпимости» в Ирландии бушевали религиозные распри.

Одними из участников «гражданских войн» в Ирландии стали ирландские диссентеры (англ. dissent - отступить), представители ряда религиозных «сект», традиционно находившихся в оппозиции как к католикам, так и к англиканам, членам «учрежденной по закону» Церкви Ирландии.

Ирландские диссентеры, в состав которых чаще всего включают английских и шотландских пресвитериан, индепендентов, квакеров, с середины XVII столетия активно заселяли юг, восток и северо-восток острова, и к концу 1680-х годов численно превзошли англикан, опору королевской власти страны. Самой крупной из диссентерских групп, наиболее активно добивавшейся религиозного признания и политических свобод, была община шотландских пресвитериан. К 1689 году она стала доминировать в экономической и социальной жизни Ольстера. Не подчинявшиеся официальной церкви пресвитериане мечтали о перенесении на ирландскую землю устройства Шотландской пресвитерианской церкви, рассматривая полученный от Карла II (а затем и от Вильгельма III) «королевский дар» (небольшое по размеру жалование священникам) как знак официального покровительства. Усиление с 1685 году движения ирландских католиков заставило их отказаться от конфронтации с Церковью Ирландии и выступить с общепротестантских позиций.

Одним из активных участников диалога англикан и диссентеров в годы Ирландского восстания и последующее десятилетие стал Уильям Кинг (1650-1729) – человек с богатой биографией, выдающаяся личность, оставившая в истории Ирландии неизгладимый след. Выходец из семьи шотландских переселенцев в Ольстер, не имевший ни денежных средств, ни связей, он защитил степень доктора богословия в Колледже Святой Троицы Дублина и сделал блестящую карьеру в Церкви Ирландии. Интересы У. Кинга не ограничивались лишь делами церкви: он писал научные трактаты для Дублинского научного общества, выступал в ирландском парламенте, заслужив репутацию «патриота», его переписка с политическими и религиозными деятелями своего времени впоследствии стала важнейшим источником для изучения истории Ирландии рубежа XVII-XVIII веков. Во время «Славной революции» и Ирландского восстания он прославился как герой: один из немногих деятелей англиканской церкви он остался в Ирландии, и пережил тюремное заключение.

Происходя из семьи шотландских пресвитериан, но став ревностным англиканином, У. Кинг использовал все свои знания и опыт для утверждения Церкви Ирландии как свободной национальной церкви. Во многих своих трактатах, он рассматривал церковь как духовное сообщество со своими правами и привилегиями, которые существуют отдельно от прав и привилегий гражданского общества. При этом церковь и политические институты остаются неразрывно связанными. Члены церкви, повинувшись доктрине «пассивного подчинения» одобряют действия монарха, гарантируют право короля назначать епископов. Монарх, в свою очередь

делает все, что укрепляет учение и привилегии церкви. Союз церкви и государства, освященный Богом, мог быть разрушен, только в том случае если король перестанет защищать права и привилегии церкви, как это сделал Яков II, перейдя в католичество и начав гонения на протестантов.

Диссентеров, находящихся вне официальной церкви, У. Кинг воспринимал как «паству, отбившуюся от стада», смотрел на них с высокомерием и даже легким презрением, однако пресвитерианских священников считал крайне опасными, так как они обращались к тем же текстам, что и англикане, но толковали их «неверно», вводя людей в заблуждение. Отказ священников-диссентеров от создания системы местной иерархии церковной власти грозил, по мнению Кинга, скатыванием общества к анархии, а претензии пресвитериан на религиозные свободы, которыми в Ирландии могли обладать лишь сторонники англиканизма, ставили под вопрос само существование крайне уязвимой англиканской церкви на острове.

Подобное восприятие проблемы веротерпимости в Ирландии сделало для У. Кинга обращение к диссентерам достаточно болезненным. В трактате «Настоящее положение церкви» он предложил несколько уступок со стороны англикан, которые смогли бы улучшить положение диссентеров и примирить их с Церковью Ирландии. Для этого пресвитерианам следовало заявить о своем разрыве с Ковенантом, их священники должны были быть перерукоположены англиканским духовенством, при этом сохранялось право внутриобщинной юрисдикции. Но различия в идеологии и церковной практике англикан и диссентеров были настолько велики, что У. Кинг не решился требовать полной унификации религиозных текстов и культа. Однако для тех, кто желал использовать «форму молитвы», он предложил реформу, заключающуюся в пересмотре «Книги молитв» и «Псалтыря», издание псалмов для пения, меньшее использование органов в англиканской церкви. Также допускались послабления в вопросах использования крестного знамения, и поведения в церкви.

Предложения У. Кинга оказались слишком радикальными для большей части англиканского духовенства Ирландии, но слишком умеренными для пресвитериан, надеявшихся на более широкую основу для общепротестантского союза.

После поражения Якова II в битвы на реке Бойн, в Ирландии было восстановлено англиканское правление, католическая угроза заметно снизилась, и необходимость в союзе с диссентерами отпала. Массовая миграция шотландцев на север Ирландии, приводившая не только к численному преобладанию членов протестантских сект, но и к экономической экспансии переселенцев, пугала ирландскую англиканскую элиту. Король Вильгельм III Оранский, покровительствовавший шотландским пресвитерианам, в 1692 и 1695 годах пытался распространить на Ирландию уже действующий в Англии «Билль о веротерпимости», но встретил ожесточенное сопротивление дублинского парламента. По

инициативе высшего англиканского духовенства «карательные» антикатолические законы, лишавшие «папистов» гражданских свобод, частично были распространены на диссентеров. Антикатолический акт 1704 года вводил «священную клятву», присягу англиканской церкви, обязательную, для занятия государственной должности.

Уильям Кинг после изгнания якобитов и возвращения к власти ирландских протестантов получил должность епископа в Дерри, на севере Ирландии, в центре шотландской эмиграции. Ему пришлось не только восстанавливать разрушенную за годы войн местную церковную организацию и поднимать морально-этический дух приходского духовенства, но и на практике решать вопросы сосуществования англиканского меньшинства с быстро растущим диссентерским населением. У. Кинг тщательно изучил положение в диоцезе, издал необходимые предписания, а сам открыто обратился к диссентерам, пытаясь убедить их в достоинствах епископата. В дискуссию с У. Кингом вступил пресвитерианский священник общины Деревянной церкви Дублина Джозеф Бойс. Краеугольными камнями споров У. Кинга и Д. Бойса стали «изобретения человека в служении Богу», элементы христианской теологии и культовой практики, являющиеся, по мнению пресвитериан более поздними включениями, по сравнению со временами раннего христианства, поэтому искажающими истинный смысл христианской веры. Формы и частота молитв, необходимость публичных богослужений, использование христианской символики – становятся предметами их дискуссии.

Считая основной проблемой диоцеза невежество бедных, в том числе и диссентеров, У. Кинг сделал все возможное, чтобы искоренить его, основывая школы с глубоким изучением катехизисов. Причина духовного разложения, по мнению У. Кинга, – следствие недостатка молельных домов на севере Ирландии, что можно было преодолеть с помощью проведения совместных с англиканами богослужений.

В целом У. Кинг недооценил ирландских диссентеров, считая их заблудшими душами, в то время как многие из них были убежденными сторонниками пресвитерианской традиции. Тем не менее, политика «улучшений», проводимая епископом в своем диоцезе способствовала укреплению позиций англиканизма, развитию просвещения и образования, экономическому росту региона. Успехи, достигнутые в Дерри, способствовали политической карьере У. Кинга и получению им должности архиепископа Дублинского. В то же время Кинг в «диссентерском вопросе» переходит на более консервативные позиции.

Дискуссии по проблеме религиозного и политического статуса диссентеров в Ирландии возникла вследствие распространения идей веротерпимости и гражданских прав. Ее особенностью стал ярко выраженный политический подтекст, связанный с утверждением и созданием идеологии и режима «протестантского (англиканского) господства».

Ханнелоре Коль: рядом с канцлером.

«Первая Леди» – «First Lady», так именуют сегодня жен глав государств, которые наряду с мужем нередко оказываются в центре мировой политики. Так как первый президент появился в Соединенных Штатах Америки, то и название «First Lady» тоже имеет американское происхождение. Выражение стало популярным, после того как в Нью-Йорке была поставлена (1911 г.) пьеса «Первая леди страны» («The First Lady in the Land») американского драматурга Ч. Иирдлингера. В ней рассказывалось о Долли Мэдисон, жене четвертого президента США Дж. Мэдисона (1809—1817 гг.). Впервые же оно появилось еще во второй половине XIX в. и имело отношение к мисс Лейн, которая исполняла роль хозяйки Белого дома, но приходилась не женой, а племянницей президента Дж. Бьюкенена и, соответственно, её нельзя было называть «миссис Бьюкенен».

Титул «First Lady» носят сегодня не только жёны американских президентов. Эта практика быстро распространилась по всем странам. Во многих из них титул переводят на национальный язык. В России – «Первая леди», в Испании говорят «Primerа Dama», во Франции – «Premiere Dame».

Статус «Первая леди» накладывает на его обладательницу определенный круг обязанностей. Во время предвыборной кампании, для избирателей важной стороной является семейная жизнь кандидата, и огромное внимание и любопытство уделяется его жене. Оценивается её воспитание, поведение в обществе, привычки, вкус к моде и пр. В обыденной жизни жены президентов отвечают за семейную жизнь, воспитание детей, имидж своих супругов. И, несмотря на то, что нет такой профессии – «жена президента», и в конституциях стран о них ничего не говорится, спутницы глав государств обязаны выполнять определенные функции. Кроме того, из-за высокого статуса мужа, они находятся под постоянным контролем со стороны общественности, которые оценивают их работу. «Первые леди» занимаются благотворительностью, сопровождают супругов в их поездках, устраивают акции и саммиты. Они должны поддерживать дипломатические отношения с другими «Первыми леди», устраивать так называемые «женские программы».

В СССР до перестройки подобной практики не было. Жены генеральных секретарей пребывали в «тени», о них, как правило, мало что было известно. Фактически первой советской «First Lady» стала Раиса Максимовна Горбачева – жена первого и единственного президента Советского Союза Михаила Сергеевича Горбачева. Как и положено «Первой леди», Раиса Максимовна сопровождала мужа в поездках, участвовала в приёмах иностранных делегаций, занималась благотворительностью.

Впрочем, и сам М.С.Горбачев впоследствии говорил и об участии жены в принятии многих важных решений.

Наша работа посвящена Ханнелоре Коль, ее жизни и судьбе, оказавшейся нелегкой и трагичной. В объединенной Германии она действительно стала первой Леди, так как была женой Гельмута Коля – канцлера германского единства. Как и её супруг, она смогла блестяще справиться с возложенными на неё обязанностями, быть может, в самый ответственный момент германской истории. В имеющихся публикациях о Ханнелоре Коль, включая и книги ее сыновей, встречаются предвзятые суждения.

Впервые как о «First Lady», только не страны, а федеральной земли Райнланд-Пфальц, о ней стали заговорили в 1969 г., когда Гельмут Коль стал главой земельного правительства. К своим новым обязанностям госпожа Коль относилась чрезвычайно серьезно. Она сумела наладить хорошие контакты с американскими и французскими солдатами, которые базировались на территории федеральной земли. Как вспоминал помощник премьер-министра Хартманн, в отличие от своей предшественницы, которая только вела домашнее хозяйство и подбирала галстуки для своего мужа, госпожа Коль имела собственную переписку с политиками и очень часто отстаивала сторону мужа. Это сыграло в дальнейшем немаловажную роль.

В 1982 г. Гельмут Коль стал Федеральным канцлером ФРГ. Ханнелоре Коль пришлось соответствовать этому положению. Она отдавала отчет в том, что при той должности, которую занимает её муж, она не имеет права на ошибку. Одно неверное слово, или недостаточная продуманность мероприятия для высоких гостей могли повредить ФРГ. Кроме того, как супруга канцлера, госпожа Коль понимала, что на ней лежит ответственность за социальные проблемы страны. Ханнелоре основала в 1983 г. фонд помощи людям, которые после несчастных случаев страдали повреждениями центральной нервной системы, и сама стала его президентом. Для реализации проекта она привлекла авторитетных экспертов в области медицины и реабилитации. Помимо общественных и государственных дел Ханнелоре Коль уделяла огромное значение воспитанию своих сыновей. Она регулярно проверяла их домашние задания и занималась с ними, если они не усваивали материал в школе. Кроме того, у неё была разработана собственная программа по обучению детей английскому и французскому языкам.

Как преданная жена, госпожа Коль всегда стремилась быть в курсе дел супруга и интересовалась политикой, однако она никогда не пыталась повлиять на те или иные решения мужа. Она всегда была за его спиной, поддерживала в трудные минуты и делила с ним моменты радости. Когда осенью 1989 г. в ГДР началась мирная революция, канцлер Коль, проявив политическую волю, взял курс на объединение страны. Сомневающимся в успехе, даже в ХДС (партии Коля), было немало. Надежной опорой стала жена. Ханнелоре пришлось самой печатать партийные и правительственные документы, чтобы через них воздействовать на ситуацию. 3 октября 1990 г. –

в первый День германского единства, она по праву стояла на трибуне рядом с канцлером, федеральным президентом, министрами и политиками.

Тяжелая болезнь, что подтачивала здоровье Ханнелоры Коль, быстро прогрессировала. Ей все чаще приходилось уединяться, она реже появлялась на публике. А ей хотелось быть «Первой леди», а не считаться таковой. Гельмут Коль оказывал должное внимание, что сейчас оспаривается политологами. После поражения на выборах в 1998 г. Колью пришлось столкнуться с рядом тяжелых обвинений. Это тоже повлияло на Ханнелору, которая ушла из жизни в 2001 г. В памяти немцев она осталась истинной Первой леди.

Пискунова Е.П. (Волгоград)

Жак Малле дю Пан – идеолог французского роялизма.

Движение роялистов начинает формироваться во Франции после 1789 года. Оно никогда не существовало как единое политическое течение, а распадалось на различные течения и группы, которые не имели какой-либо общей тактики и общей программы и ориентировались на разных представителей королевской семьи. Между тем у роялистского движения не было недостатков в идеологах. Сторонники конституционной монархии Ж.-А.-М. Казалес, Ф.-Д. Монлозье стремились обосновать необходимость ограничения королевской власти и предлагали различные проекты будущей конституции. Иную точку зрения отстаивали теоретики крайнего роялизма: Ж. де Местр, граф Л.-Э. д'Антрег, Ф.-Р. де Шатобриан, целью которых было возвращение к старому режиму абсолютной монархии. Среди идеологов контрреволюции особое место занимает представитель умеренного роялизма Жак Малле дю Пан, известный публицист, оказавший огромное влияние на все роялистское движение и более других стремившийся к его консолидации.

Жак Малле дю Пан родился в 1749 года в швейцарской аристократической семье, получил прекрасное образование и религиозное воспитание в духе кальвинизма, был профессором истории в академии Гессен-Касселя, но впоследствии вся его жизнь была тесно связана с Францией. С 1788 года Малле дю Пан выпускает в Париже журнал «Меркурий Франции». В начале революции Малле дю Пан поддерживал группу умеренных конституционалистов в Учредительном собрании. Он отрицательно относится к призывам первых французских эмигрантов организовать интервенцию силами австрийской и прусской армий с целью полного уничтожения революции, поскольку считает, что война приведет к падению монархии.

В 1792 году по поручению Людовика XVI Малле дю Пан отправляется за границу с целью убедить лидеров эмиграции вести более осторожную политику, поскольку их агрессивная позиция может отрицательно повлиять

ни и без того неустойчивое положение короля. Его миссия ни к чему не привела, а начавшаяся война и казнь короля закрыли ему обратную дорогу во Францию.

Малле дю Пан останавливается в Брюсселе, где публикует в марте 1793 года «Рассуждения о природе французской революции и о причинах, которые увеличивают ее продолжительность». Эта работа привлекает к нему внимание многих европейских дворов. На протяжении пяти лет он ведет переписку с венским двором. Сохранив связь со своими французскими корреспондентами, он обладает обширной и разносторонней информацией, которой охотно делится с Веной, дополняя ее своими замечаниями и прогнозами. Одновременно он выпускает «Письма к французскому роялисту», в которых рассматривает текущие политические проблемы, предлагает новые методы борьбы, рассуждает о будущем политическом устройстве Франции.

В 1789 году он уезжает в Англию, где проходят последние годы его жизни. Здесь Малле дю Пан выпускает журнал «Меркурий Британии». Он умер в 1800 году, вскоре после прихода к власти Наполеона Бонапарта.

В своих статьях и брошюрах дю Пан пытается дать анализ происходящим во Франции событиям, не пропуская, кажется, ни одного значительного эпизода. Прежде всего, Малле протестует против поверхностных суждений о революционных событиях. Ошибочно думать, считает он, что революция могла произойти от философии и безверия. Революция - это перемещение власти, которое происходит всякий раз, когда старая власть не имеет больше силы поддерживать общественное дело или смелости для поддержания себя самой. С 1789 года во Франции произошла не одна, а несколько революций. Первое перемещение власти состоялось, когда король созвал Генеральные штаты и тем самым признал свое собственное бессилие. Эта революция была совершена в пользу всей нации, кроме короля. Но дворянство и духовенство были слишком слабы, чтобы сохранить свою долю власти. Со взятием Бастилии, 14 июля 1789 года, произошло новое перемещение власти, оказавшейся в руках депутатов третьего сословия. Эта вторая революция была в пользу всей нации, кроме короля и двух высших сословий и повлекла за собой отмену феодальных прав. Третья революция была 6 октября; она переместила власть в руки парижской толпы и дополнила вторую, произведя конфискацию церковного имущества. Падение монархии было четвертой революцией; она была совершена в пользу нации, кроме высших сословий и тех, кто оказался на их месте. Власть переместилась в руки республиканцев. В день падения жирондистов произошла пятая революция, охватившая всех, кроме собственников, и переместившая власть в пользу санкюлотов. Каждая из этих революций, замечает Малле дю Пан, совершалась именем народа, но смысл слова «народ» каждый раз менялся.

Революция представляется Малле дю Пану стихийным, неуправляемым процессом, совершающимся помимо воли отдельных лиц, захваченных ее

потоком. Поэтому для борьбы с ней необходимы единство и сплоченность. Контрреволюция должна расширить свои пределы, включив в себя всех отброшенных революцией, какими бы ни были их прежние убеждения, устранить все, вызывающие разногласия.

Было ошибкой организовывать особый отряд эмигрантов-дворян при союзной армии, но еще большей ошибкой будет отказ от организации отряда из всех эмигрировавших и готовых эмигрировать французов. С якобинцами может быть только борьба, но нельзя смешивать с ними умеренных революционеров, иначе они соединятся с первыми. Необходимо объединить «аристократов, роялистов, фельянов, крестьян, дезертиров, буржуа, - всех тех, кого следовавшие один за другим кризисы революции изгнали из Франции».

Французские принцы, убеждает Малле, должны перестать считать себя вождями эмигрантской партии, а должны усвоить язык вождей французской нации. Необходимо прекратить проверку прежних убеждений перебежчиков и их роли в революции и считаться только с их нынешними взглядами, перестать говорить о дворянстве и заговорить о нации, ее интересах и несчастьях, хранить молчание о старом режиме, конституциях и правах сословий, как в вопросах, вызывающих споры и разногласия.

Малле дю Пан осуждает поведение эмигрантов. Если раньше революционеры хотели в один миг разрушить старое и создать новое, то эмигранты стремятся вернуть Францию к двенадцатому веку. Вместо того чтобы вносить раскол в революционное правительство, они объявляют войну всем, не различая революционеров-республиканцев и революционеров-монархистов и хотят уничтожить их всех, в то время как сами не имеют пока ни одного реального шанса на победу.

Революцию нельзя победить силой одного оружия, надо опереться на общественное мнение. Нельзя из нее делать и предлог для новых завоеваний; это должна быть война гражданская, а не национальная. Для успеха интервенции необходимо внутреннее движение в стране.

Это была совершенно новая тактика борьбы, которую Малле дю Пан упорно развивал в своих сочинениях и посланиях иностранным правительствам. Однако призывы Малле дю Пана в этот период не встречали отклика. Для одной части эмиграции он казался слишком консервативным. Крайние роялисты, считала его опасным человеком, высказывавшим слишком радикальные взгляды.

Малле дю Пан выступал за превращение Франции в конституционную монархию с двумя палатами парламента, при имущественном, а не сословном цензе и с возвращением дворянам конфискованных земель, но без восстановления феодальных прав. Говоря о возвращении земель, дю Пан, вместе с тем, напоминает о необходимости считаться с интересами новых владельцев. О возвращении земель духовенству он умалчивает. Признавая несомненными права на престол графа Прованского, он сомневался в его

способности вернуть расположение французов. Для Малле дю Пана более предпочтительна кандидатура герцога Орлеанского.

Приход к власти Наполеона Бонапарта произвел на Малле дю Пана сильное впечатление. Он увидел в этом благоприятный поворот, но не разделял надежд некоторых роялистов на то, что первый консул восстановит королевскую власть. Бонапарт не допустит никакой свободы, предостерегает Малле, «и если зайдет речь о восстановлении короны, он ее возложит на свою голову». Европа должна быть с ним осторожна, поскольку он не принадлежит к числу людей, принципы которых проникнуты моралью.

В последних работах Малле дю Пана звучит осознание своего одиночества и бессмысленности затраченных усилий. По его словам, он так и не смог «сделать слепых зрячими». Но он ошибался, говоря о бесполезности своей деятельности. В период консульства в среде роялистов отношение к нему и его идеям начинает меняться. У него появляется все большее число последователей. Мысли Малле дю Пана о необходимости объединения всех контрреволюционных сил, о привлечении на свою сторону общественного мнения Европы и самой Франции уже не вызывают отрицания у крайних роялистов, а берутся на вооружение, о чем свидетельствуют манифесты и послания Людовика XVIII и других роялистских лидеров.

В заключительный период борьбы европейских монархов с Наполеоном именно эта тактика была реализована последней коалицией и привела ее к успеху. Если в этом и не было непосредственного, осознанного обращения к программе Малле дю Пана, то преемственность по отношению к его идеям и их справедливость несомненны.

Пожилов И.Е. (Тамбов)

Китайский маршал о ядерной войне.

Когорта «руководителей первого поколения» КПК представлена выдающимися политиками и военачальниками. Благодаря ее интеллектуальному поиску, а не усилиям более либеральных преемников, Китай в конце XX в. вступил на путь «реформ и открытости» и успешно доказывает всему миру преимущества «социализма с китайской спецификой».

Самой неординарной фигурой среди отцов-основателей государства слыл бессменный главнокомандующий НОАК Чжу Дэ. Именно ему, кстати, принадлежит приоритет в постановке еще в начале 1960-х гг. задачи «отказаться от омертвевшей хозяйственной системы СССР и построить в КНР эффективный китайский социализм». Оригинальность мышления и редкая смелость высказываний военачальника проявлялись в отношении многих вопросов развития страны и внешней политики.

Не секрет, что Чжу Дэ оказался самым принципиальным и последовательным в партийной элите сторонником мирного сосуществования и сокращения вооруженных сил и арсеналов. С середины 1950-х гг., когда Мао Цзэдун и большинство в Политбюро, «одержав победу над Америкой» в Корейском конфликте, не стесняясь в выражениях проповедовали «революционную войну с империализмом», главком, напротив, призывал «принять все меры к укреплению мира как абсолютно необходимого условия социалистического строительства».

Неизвестным или малоизвестным (для китайских историков в том числе), однако, является его взгляд на механизм предотвращения возможной глобальной войны – войны с применением оружия массового поражения. Здесь неповторимому своеобразие, индивидуальности его менталитета можно только удивляться, хотя и не разделять принципиально самой сути подхода.

В 1954 г. Чжу Дэ, Пэн Дэхуай и Лю Бочэн были приглашены советским руководством присутствовать на «особом мероприятии». 14 сентября китайские военные наблюдали за проведением операции «Снежок» на Тоцком полигоне в Оренбургской области, где проходили уникальные войсковые учения с применением ОМП.

Чжу Дэ был потрясен увиденным воочию мощнейшим на ту пору атомным взрывом и вызванными им чудовищными поражениями. Главное, что он вынес из жуткого зрелища на полигоне, это вывод, к которому вскоре пришел и оставался верным пожизненно: «Чем больше стран будут обладать ядерным оружием, тем крепче будет мир на земле». Таким образом, маршал, по его же собственному выражению, «стал не противником распространения ядерного оружия, а сторонником предотвращения ядерной войны ядерным же оружием».

«Как ни странно это прозвучит, - говорит П.Галуа, крупнейший на сегодняшний день геополитик, а в прошлом советник де Голля, - я активный сторонник тезиса китайского маршала Чжу Дэ... Маршал, возможно, раньше других понял, что атомное оружие позволяет предотвратить атомную войну. Оно позволяет вести локальные войны, заниматься тайными операциями, включая терроризм, устанавливать экономические блокады, но исключает большую войну. Для этого руководителю государства достаточно осознать разницу между обычной и ядерной войной».

Как и Мао Цзэдун, как и все прочие члены его команды, Чжу Дэ считал для Китая жизненно важной необходимостью любой ценой заполучить атомный боеприпас и ракету-носитель, упорно продвигал национальную программу *ляндань исин* («две бомбы – один спутник»), когда Н.С.Хрущев отказал в соответствующей поддержке. Но не в пример Председателю и всей военной верхушке он никогда не занимался циничной пропагандой войны – ни ядерной, ни обычной. Провоевав 35 лет, Чжу Дэ был твердо уверен в том, что «войны следует и можно избежать».

Его способ это сделать довольно спорный. Но поскольку «режим нераспространения» выказал свою полную несостоятельность и в недалеком будущем по меньшей мере еще десятка полтора стран обзаведутся собственными ракетно-ядерными силами, он имеет право на существование.

Потапов Р.И.(Рязань)

Эндрю Бонар Лоу – становление консервативного политика.

Эндрю Бонар Лоу родился 16 сентября 1858 года в Нью-Брансуике в семье пресвитерианского священника Джеймса Лоу. Бонар Лоу был четвертым ребенком в семье. Его мать была в родстве с состоятельным семейством Кидстонов из Глазго и Хеленсбурга, которое сыграло важную роль в жизни Бонар Лоу. Мать умерла, когда Бонар Лоу было всего два года. Ее место в семье заняла ее сестра мисс Джанет Кидстон, которая приехала из Глазго, чтобы содержать дом Джеймса Лоу и заботиться о его семье.

Отец оказал большое влияние на Бонар Лоу. Он родился в 1822 году в Колрейне (Coleraine) в Северной Ирландии, был сыном зажиточного фермера, чьи предки иммигрировали в Ольстер из Шотландии в XVII веке. Он окончил университет Глазго, недолгое время был священником в Колрейне и в 1845 году переехал в Нью-Брансуик, где продолжил работу священником в течение 32 лет.

Бонар Лоу с братьями жили весьма скромно. Их отец был бедным человеком. Очень трудно сказать точно, каким был его доход, но для того чтобы иметь возможности к существованию, дети должны были работать на ферме по праздникам и в свободное время, слуг и рабочих приобрести было очень сложно.

В 1870 году, когда ему было только 12 лет, произошло событие, которое оказало на его жизнь сильное влияние. Отец снова женился на Софии Вуд, школьной учительнице в Нью-Брансуике. Для мисс Джанет Кидстон в поместье шурина больше не было места. Она решила вернуться в Шотландию, но перед этим сделала предложение Джеймсу Лоу, которое должно было изменить жизнь его младшего сына. Она предложила забрать его с собой в Шотландию и обещала, что она и ее связи с Кидстонами помогут ему получить образование и начать карьеру бизнесмена. Джеймс Лоу должно быть понимал какие возможности дает это предложение его сыну, хотя и не хотел с ним расставаться, но в тоже время он понимал, что теперь будет значительно проще содержать оставшихся детей на и без того слишком скудное жалование. В любом случае он отпустил Бонар Лоу. В 1870 году, в сопровождении своей тети, Бонар Лоу отплыл в Глазго. Он никогда больше не возвращался в Нью-Брансуик.

Из-за проблем со здоровьем отец Бонар Лоу был вынужден покинуть Нью-Брансуик в 1877 году. Он вернулся в свой родной Ольстер, где умер 5 лет спустя. В течение этих пяти лет Бонар Лоу навещал отца практически каждые выходные. За это время он успел узнать и полюбить землю своих предков, что оказало большое влияние на политический курс, который он отстаивал 30 лет спустя.

В мире, в который так внезапно попал Бонар Лоу в возрасте 12 лет, не было ничего из того, к чему он привык. После почти примитивной жизни на краю цивилизации он был перемещен в сердце одной из самых богатейших из всех когда-либо существовавших цивилизаций. В Хеленсбурге он продолжил свое обучение, а в 1875 году в возрасте 16 лет окончил школу, так и не поступив в университет. Его двоюродные братья Чарльз, Ричард и Вильям предложили ему место в их офисе в Глазго, где он работал следующие 10 лет. Все они были компаньонами в очень успешной компании коммерческих банкиров, которые в 80-х гг. XIX в. объединились в банк Клайдесдейл.

Годы, которые Бонар Лоу провел в офисе Кидстонов, были для него периодом становления. Когда они начинали, он был мальчиком, а когда закончили, стал зрелым молодым человеком 27-ми лет.

Когда же он впервые обратил свой взор на политику? Невозможно сказать точно, но многие, кто его знал, согласятся, что с самого раннего возраста он мечтал, в конечном счете о политической карьере. Временами эта цель казалась ему недостижимой, так как необходимо было иметь в своем распоряжении, как деньги, так и влияние для того, чтобы попасть в парламент, а в свои юные годы Бонар Лоу ни чем не владел. И, естественно, что он всегда рассматривал бизнес, как средство приобретения независимости.

Никогда не было сомнений, к какой партии присоединится Бонар Лоу, если придет в политику. Кидстоны, в отличие от подавляющего большинства шотландских торговцев, к которым они принадлежали, были ревностными консерваторами. Поэтому Бонар Лоу был воспитан в духе политики Тори.

В раннем возрасте Бонар Лоу вступил в Парламентский дискуссионный союз Глазго, чтобы научиться ораторскому искусству, без которого политическая карьера не мыслима. Каждый член воображаемого парламента был представителем одного из избирательных округов, Бонар Лоу, к примеру, «от Северного Стаффордшира». Запись о его первом участии в дебатах относится к началу 1879 года. Вскоре после этого он занял пост «министра внутренних дел» в «консервативном правительстве», которое, к сожалению, было у власти только одну ночь. Однако он вновь занял эту должность, когда консерваторы в очередной раз одержали победу. Он оставался активным членом союза в течение 10 лет. За это время он досконально изучил принципы и технику работы настоящего парламента, что помогло ему легко влиться в политическую жизнь Великобритании в 1900 году.

В 1885 году крупный бизнесмен и либеральный политик Вильям Джекс предложил Бонар Лоу стать компаньоном в своей компании. Бонар Лоу посоветовался с братьями. Они поняли, что этот шанс нельзя упустить, и согласились не только освободить его от работы в их офисе, но и вложить деньги, необходимые для заключения этой сделки. Таким образом, Бонар Лоу в возрасте 27-ми лет перешел с относительно второстепенной должности к влиятельной позиции компаньона в важном и процветающем предприятии. Это должно было означать почти моментальное значительное увеличение его доходов. Бонар Лоу проработал в компании Вильяма Джекса на протяжении последующих 14-ти лет с 1886 по 1900 год. К сорока годам он стал состоятельным человеком, как с финансовой точки зрения, так и с точки зрения репутации. Его мнение высоко ценилось и имело большой вес.

С 1892 года он начал высказываться на политических собраниях в Глазго и его окрестностях. А в апреле 1897 года в его письмах появились первые ссылки на выдвижения его кандидатуры в парламент. В начале 1898 года он дал официальное согласие называть его предполагаемым кандидатом от консервативной партии в двух избирательных округах Глазго. Нужно сказать, что в этих округах на протяжении многих лет побеждали исключительно либералы, поэтому шансы Бонар Лоу на победу выглядели очень призрачно. Но развязанная в эти годы англо-бурская война пошатнула позиции либералов по всей стране. В результате в своем округе Бонар Лоу стал лидером избирательных участков, сумев превратить постоянное отставание консерваторов на 500 голос в превосходство в 1000, что для тех дней было существенно. Таким образом, Бонар Лоу преодолел первое препятствие в политической карьере легче и быстрее, чем он мог ожидать.

Первая речь Бонар Лоу была произнесена в течение дебатов в феврале 1901 года. Это был ответ на атаку Ллойд Джорджа на карательные меры, принятые Британской армией против бурских фермеров, но огласку он не получил. Возможно, Бонар Лоу просто не повезло, так как в тот же день Уинстон Черчилль произнес свою первую речь в палате общин, и, неизбежно, дебют сына лорда Рендольфа Черчилля вызвал больший интерес, чем речь бизнесмена из Глазго.

2 апреля 1902 года Бонар Лоу произнес первую речь, которая выделила его из рядовых членов партии. Он заявил, что вопросы о свободной торговле и протекционизме, об обложении налогами или освобождении от них должны решаться путем здравого смысла в свете изменяющихся условий. Эта речь очень существенным образом повлияла на его карьеру. Человек, который мог свободно и компетентно рассуждать на промышленные и фискальные темы в те дни имел все предпосылки для продвижения по службе. Ему не пришлось долго ждать. В июле 1902 года лорд Солсбери ушел в отставку и его место занял Бальфур. В новом правительстве Бонар Лоу был назначен парламентским секретарем министерства торговли. После всего лишь восемнадцати месяцев обучения политике он очень преуспел, если так рано сумел добиться такого продвижения по службе.

Его обязанности в министерстве торговли не были слишком трудными. Бонар Лоу было поручено только отвечать на вопросы по относительно второстепенным темам, и изредка выступать по проблемам, касающимся ведомства, если министр по каким-либо причинам отсутствовал.

В течение трех лет своей работы в министерстве торговли с 1902 по 1905 годы Бонар Лоу благодаря своим блестящим выступлениям в палате общин стал важной фигурой в консервативной партии. С этого времени и вплоть до своей внезапной смерти в 1923 году Бонар Лоу оставался одним из главных действующих лиц в политической жизни Великобритании, сумев подняться на самую вершину политической карьеры.

Решетова А.А. (Рязань)

Личность Гавриила Назаретского в истории Российского государства XVII в.

Роль «иноземцев» в истории Российского государства можно оценивать с разных точек зрения, но отрицать ее не приходится. В XVII в., особенно во времена правления царя Алексея Михайловича и патриаршества Никона, восточные иерархи часто приезжали в Москву, «с просьбами и предложениями», за милостынями для святых мест Востока; нередко они оставляли значительный след в истории государства, православной церкви и культуры России. К их числу относится назаретский митрополит Гавриил, предположительно, серб по происхождению, знаток «словенских» языков.

Сохранившиеся сведения о нем скудны, большей частью из архивных источников. Прежде чем стать главой одной из восточных митрополий, Гавриил три года служил послушником на Синае; в 1650 г., будучи уже митрополитом в Назарете, был послан со вселенского собора на поиски находящегося в отъезде иерусалимского патриарха Паисия, о чем впоследствии Гавриил сам объявил в Посольском приказе по приезде в Москву.

После встречи с патриархом в июле того же года в «Мутьянской земле» (Молдавии) назаретский митрополит вновь был отправлен с грамотами и тайными поручениями, «изустне» – сначала в Чигирин к гетману Богдану Хмельницкому, а затем в Москву к царю Алексею Михайловичу (статейный список о «распросе» Гавриила в приказе: *РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. 1651 г. 25 ноября. № 11*). В середине XVII в. Богдан Хмельницкий предпринимал многочисленные попытки наладить отношения с московским государем, ради чего использовалась любая возможность, в том числе благосклонность способствовавших данному союзу иноземцев, особенно греческих иерархов. Митрополит Гавриил в данной ситуации воспринимался как один из авторитетных посредников между Малороссией и Россией, содействующий их объединению, особенно в борьбе с поляками. Неудивительно, что именно деятельное участие назаретского митрополита в судьбах русского государства и его взаимоотношениях с иностранными

державами и иноземцами исследователи ставили ему в заслугу и одновременно с этим вменяли в вину.

Помимо этого, в Москве Гавриил намеревался «испросить щедрую царскую милостыню» от московских властей на восстановление Назаретского храма и «на окуп долгов». По данным «греческих дел» в Посольском приказе за 1651 г., Гавриила одарили щедро: было назначено государево жалованье, которое традиционно выдавалось в России просящим милостыню иноземцам определенного церковного чина «на прибыток» и «на отпуск», содержание «приезжим гречанам иерусалимского патриарха Паисия» как по дороге от Путивля до Москвы, так и на пребывание в Москве. В разное время назаретский митрополит получал на «церковное строение» и «окуп долгов» «поручную дачу», дополнительную милостыню в ответ на челобитную царю Алексею Михайловичу о милости к разоренной турецкими властями Назаретской обители (*РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. 1651 г. 25 ноября. № 11. Лл. 3-5, 35, 26*).

В Москве Гавриил Назаретский жил с 8 декабря 1650 г. по 20 июля 1651 г. Известно, что митрополит Гавриил вел беседы по вопросам церковно-религиозным с Никоном, архимандритом Новоспасского монастыря. Именно Гавриил в то время был одним из тех деятельных греческих иерархов, кто настаивал на необходимости приведения русского церковного обряда в полное соответствие с греческим типом богослужения и исправлении русских церковно-богослужебных книг по греческим образцам. Впоследствии сам Никон в «отвещательном слове» на московском соборе 1656 г. сошлется на многократные «обличающие» беседы с Гавриилом и иерусалимским патриархом Паисием, оправдывая свои инициативы по проведению реформы церкви.

В немалой степени активность Назаретского митрополита в «московских делах» объясняется поручением иерусалимского патриарха Паисия и его политикой по этим вопросам. Н.Ф. Каптерев считал, что Паисий, посылая Гавриила в Москву, доверил ему «напомнить Никону о своих московских беседах с ним» в январе 1649 г. Поскольку к тому времени стало ясно, что русская церковь разошлась с греческой в обрядах и чинах, речь во время таких разговоров шла большей частью о делах церковного характера, о вопросах, касающихся различий в церковно-обрядовой практике русских и греков. В этом Паисий добился успеха он активно ратовал за начало грекофильской церковной реформы в России, направленной на изменение обрядов и исправление церковных книг по новогреческим образцам.

Таким образом, во многом начать церковную реформу побудили Никона греческие иерархи, приезжавшие в Москву, и между ними особое место принадлежит иерусалимскому патриарху Паисию и назаретскому митрополиту Гавриилу, действовавшему в Москве по поручениям Паисия.

Во время своего пребывания в России Гавриил снискал благорасположение к себе и авторитет при дворе. Он даже получил

разрешение проповедовать в Московском Богоявленском монастыре, где в июне 1651 г. произнес ряд проповедей (в День Святой Троицы – «Троицын день», «на Пятидесятницу», – и в день Вознесения Господня), как можно предполагать, собственного сочинения. Факт выступлений Гавриила Назаретского с проповедями, предназначенными для «живого» произнесения перед русской православной паствой, весьма знаменателен, прежде всего, тем, что именно Гавриилу *позволили* произнести в русской православной церкви. Его проповеди затрагивали особенности тогдашней русской жизни и напрямую были связаны с обличительными и реформационными стремлениями тогдашнего московского кружка ревнителей благочестия, сказаны были с их согласия и одобрения.

Назаретский митрополит искусно владел словом, причем «словом» «славенским», вследствие чего и сохранились предположения о его сербском происхождении. Кроме того, известно, что во время пребывания Гавриила Назаретского в Чигирине, 8 ноября 1650 г., Гавриил отслужил обедню в церкви при дворе гетмана в присутствии Богдана Хмельницкого и прочел в заключение богослужения две заамвонные молитвы «по-русски», используя киевский требник.

Также к московскому пребыванию относятся занятия Гавриила «книжным» трудом: переводами с греческого языка и составлением на русском языке различных текстов – поучений «многа, безмолвию и молчанию». Именно тогда Гавриил стал автором «Моления» с обращением к царю и просьбой о «милости и тщании ко училищу и учению греческого учения и художества грамоты» (*РГБ. Собр. отдела рукописей (Ф. 218). № 180. Лл. 57-62 об.*), посланий и челобитных к Алексею Михайловичу (*РГБ. Собр. отдела рукописей (Ф. 218). № 180. Лл. 56-57; РНБ. Собр. Погодина. № 1560. Лл. 9-23 об.*), подборки «отеческих советов» нравоучительного характера, в основном содержащих наставления из Евангелия и сочинений отцов церкви, преподнесенных московскому царю в благодарность за оказанные милости и помощь (*РГБ. Музейное собр. (Ф.178). № 1407 (232). Лл. 102-107.*)

Неподдельный интерес русских переписчиков вызвал и перевод Гавриилом «из греческаго языка древняго письма на русской» толкования патриарха Геннадия пророческой надписи на гробовом камне императора Константина Великого, известного как «проречение о Царьграде» и бытовавшего в древнерусской письменности в нескольких переводных вариантах. Тогда же, в марте 1651 г., как показывают рукописные источники, появилась и «Повесть о святых и богопроходных местах святого града Иерусалима», путеводитель по Святым местам Востока, ставший отдельной страницей в паломнической литературе Древней Руси XVII в. На протяжении XVII-XVIII вв. «Повесть» несколько раз переписывалась русскими книжниками.

Авторитет Гавриила при дворе Алексея Михайловича и благоволение к нему были настолько велики, что ему настойчиво и не раз предлагали

остаться в Москве. В первой половине XVII в. русское правительство было занято учреждением в Москве греческой школы и, следовательно, поисками преподавателей для нее; в связи с этим был нужен «надежный православный грек», который был бы не замечен в «ереси», а к тому же знал славянские языки. Гавриил отвечал всем необходимым требованиям.

Несмотря ни на что Гавриил отказался от подобных предложений и выехал из Москвы 20 июля 1651 г., «на выезде» ему был дан особый список «на 6 больших листах», «кого поминать, о здравии царя с царицей и царевнами, о упокоении великих князей, начиная с Владимира, всех патриархов, цариц и великих княгинь, начиная с Ольги» (РГАДА. Ф. 52. *Сношения России с Грецией. Оп. 1. 1651 г. 25 ноября. № 11*). По возвращении на Восток Гавриил напоминал о себе московскому правительству, присылая вести о восточных делах. Вероятно, и сам Гавриил выразил готовность служить русским интересам на Востоке за оказанную ему в свое время почесть и милость. Так, в грамоте 1653 г. Назаретский митрополит, передавая московскому государю различные политические вести, завершает ее заверением преданности и предложением дальнейших услуг, так как «он нашел вход к ближайшим вельможам султана, и от них теперь он может выведывать все, если только о том будет царский указ» (РГАДА. Ф. 52. *Сношения России с Грецией. 7161 (1653) г. № 16*). Ранее он успел сообщить о состоянии дел в Константинопольской патриархии. В 1651 г. подтвердил уже полученные в Москве сведения о «нелюбии» иерусалимского патриарха Паисия к давнему его недругу – константинопольскому патриарху Парфению, о причинах низложения с патриаршего престола и «умерщвления» последнего. В 1652 г. прислал крайне мрачные отзывы о положении дел в константинопольской митрополии – о «больших мятежах не только между бусурманами, но и христианами», о «великом гонении», которое «воздвигали турки на патриархов и митрополитов» (РГАДА. Ф. 52. *Сношения России с Грецией. Оп. 4. 1652 г. № 42*).

Вернувшись в Назарет (точная дата неизвестна), Гавриил, как предполагается, занялся строительством на собранные в Москве деньги. Точная дата смерти Гавриила, сыгравшего немалую роль в жизни Русского государства в первой половине XVII в., осталась неизвестна – скончался он не ранее 1653 г., времени его последнего послания к российскому государю, и не позднее начала 1657 г., когда в Москве появился новый митрополит Назарета.

Стукалов П.Б. (Воронеж)

Малоросс П.И. Ковалевский как идеолог русского национализма.

В начале XX века Российская империя переживала переходный этап в своем развитии, сопровождавшийся революционными потрясениями.

Непосредственным результатом указанных событий стало появление альтернативных проектов общественно-политического развития, одним из которых являлся русский национализм.

Возникновение феномена русского национализма представляется закономерным и объективным явлением, обусловленным двумя основными факторами. Во-первых, влиянием западных националистических учений, возникших в ведущих странах Западной Европы и явившихся непосредственным результатом процессов «национального пробуждения», завершившихся формированием крупнейших национальных общностей – итальянской и немецкой.

Во-вторых, возникновению и развитию идеологии и практики русского национализма не могла не способствовать и существующая в Российской империи в начале XX в. общественно-политическая конъюнктура, характеризовавшаяся кризисными явлениями во всех сферах жизни.

Одним из главных идеологов русского национализма являлся малорос по происхождению - профессор психиатрии П.И. Ковалевский (1849 -1931 гг.?). Мыслитель не только внес огромный вклад в организационное становление отечественной психиатрии, но и профессионально занимался историей, этнографией, исторической антропологией, активно применял свои многосторонние медицинские знания при рассмотрении конкретных исторических фактов и событий. Кроме того, Ковалевский активно участвовал в общественно - политической жизни страны.

В этой связи стоит отметить, что профессор психиатрии, участвуя в деятельности националистических общественных организаций, сыграл важнейшую практическую роль в становлении и развитии движения русского национализма, пропагандируя основы доктрины Всероссийского национального союза, политической организации русских националистов. Идеи, высказанные мыслителем в своих трудах, определили мировоззренческие составляющие русского национализма универсального характера.

Оценивая концептуальную направленность общественно – политических воззрений П.И. Ковалевского, стоит констатировать, что, на наш взгляд, он являлся последовательным правым националистом, стремясь использовать националистическую составляющую, в первую очередь, для обоснования необходимости сохранения традиционных ценностей русской государственности. Таким образом, Ковалевский был национал-консерватором в чистом виде.

Именно Ковалевский повлиял на формирование официальной позиции ВНС по такому принципиальному вопросу, как определение сущности базовых категорий националистической доктрины – «нация», «национализм», сформулировал концепцию понимания русского исторического процесса, разработал стратегию решения национального вопроса, наконец, определил схему идеального общественно-политического устройства.

Другими словами, П.И. Ковалевский впервые в истории русской общественно-политической мысли попытался решить сложнейшую задачу – сформулировать общегосударственную национальную идею, в рамках которой им был не только предложен проект последовательного преобразования Российской империи на основе использования лучших образцов русской и западноевропейской общественности, но и впервые затронут в самостоятельном качестве важнейший аспект общественно-политической жизни – область межнациональных отношений.

Особого внимания заслуживает предложенная мыслителем методология осуществления преобразований в Российской империи. По его мнению, направленность необходимых изменений политической структуры Российской империи должна отражать эволюцию национального самосознания державной русской нации. Другими словами, мыслитель предлагал рассматривать в качестве ведущего политического приоритета принцип «национального своеобразия».

В тоже время Ковалевский призывал использовать опыт построения государственности в странах западной Европы. «Западничество» по замыслу мыслителя должно было «облагородить» русскую государственность, дать русской национальной общности новые современные формы национального бытия.

В этой связи профессор психиатрии неоднократно высказывался за развитие парламентаризма в России в рамках политической системы конституционной монархии, местного самоуправления, равноправие других наций и национальностей, проживающих на территории Российской империи при условии признания приоритета и преимуществ государственного бытия державной русской нации.

Другой сущностной чертой взглядов Ковалевского являлся демократизм. Так, определяя нацию как органичное сочетание просвещенной ее части, интеллигенции, и остальной части, - русского народа, профессор поднимал проблемы мировоззренческого раскола внутри единой национальной общности, соглашаясь с мыслью народника Лаврова, о «неоплаченном долге» русской интеллигенции перед своим родителем - русским народом.

В этой связи первостепенной задачей политической организации русских националистов, которая должна была стать представительницей лучших сынов интеллигенции, являлась, по Ковалевскому, забота о благе, «счастьи, величии, мощи сознания всей русской нации, но переее всего о благе, счастии, величии, мощи сознании и праве русского крестьянина, русского народа», прежде всего потому, что «русский народ - это мощь государства, это сила государства, это величие государства». П.И. Ковалевский заявлял о том, что русская национальная партия «переее всего должна стать народной демократической партией и только в таком случае она будет иметь право называться национальной партией».

Завершая краткий анализ общественно-политической доктрины П.И. Ковалевского, стоит констатировать, что, несмотря на наличие в ней очевидных противоречий, дальнейшее изучение русского национализма начала XX в. в качестве идеологического феномена, безусловно, необходимо для адекватной оценки перспектив развития Российской Федерации в современный период.

Федорович М.Ю. (Москва)

Политическая концепция Фердинанда I.

Брат и преемник Карла V Фердинанд I (1556-1564), являвшийся с 1531 г. римским королем, то есть наследником престола Священной Римской империи германской нации, в течение трех десятилетий управлял наследными австрийскими землями Габсбургов. Во время частых отлучек брата (за весь период царствования Карл V провел на территории Германии всего лишь 8 лет), Фердинанд являлся правителем Империи. В 1526 г. он провел реформы в сфере государственного управления. Были созданы Тайный и Надворный советы, обсуждавшие важнейшие государственные проблемы. После того, как Фердинанд стал императором, эти учреждения распространились на всю Империю. В последние годы своего правления Карл фактически, а постепенно и юридически передал все рычаги управления в руки Фердинанда.

По мнению современного биографа Фердинанда Б. Зикена, недостаточный интерес к нему определяется его недолгим правлением и масштабной личностью его старшего брата. В представлении А. Колера Фердинанд выступает хранителем стабильности в Империи и Европе и сторонником религиозного паритета.

Фердинанд был гибок в вопросах политического компромисса с протестантскими князьями. Это позволило ему укрепить свое положение накануне Аугсбургского рейхстага 1555 г., а особенно после отречения Карла V в 1556 г. Сочетание уступок и угроз при желании ввести религиозные отношения в правовое русло завершилось крупным успехом имперской политики. Фердинанд сумел обеспечить относительно прочный фундамент религиозного мира.

Наследник престола, Фердинанд, председательствовал на заседаниях Аугсбургского рейхстага. И во многом благодаря его позиции удалось достичь компромисса между католической и лютеранской партиями и прийти к устраивающему всех решению.

Проект Аугсбургского мира предусматривал взаимное признание исповеданий и взаимный отказ от применения силы при решении религиозных споров. Предусматривалось также урегулирование вопросов о правах собственности на церковные имения, вопросов церковной подсудности на

протестантских территориях и право подданных-иноверцев на эмиграцию. Не удалось достичь согласия по вопросу о том, распространяется ли религиозный мир на рыцарей, имеющих поместья, и города, не имеющие статуса вольных городов как того требовали лютеране. Споры вызвало требование католиков о том, что факт изменения вероисповедания епископом не должен иметь последствий для территории и людей, на ней проживающих, а епископ в этом случае должен уйти в отставку (так называемое «церковное исключение»). Протестанты стремились преодолеть территориальную замкнутость, а католики старались путем «церковного исключения» сохранить внешнюю целостность церкви. Стороны договорились о том, что религиозный мир будет иметь силу только для субъектов Империи, но не для среднего дворянства и княжеских городов. Имперские рыцари находились под защитой религиозного мира. Был зафиксирован конфессиональный статус-кво в имперских городах.

Фердинанд принял на себя обязательство по защите протестантского рыцарства на церковных территориях. Согласно исполнительному уложению Аугсбургского мира обеспечение мира в Империи и приведение в исполнение приговоров суда становилось задачей округов. В том случае, если для решения этой задачи недостаточно было ресурсов пяти округов, и возникала необходимость в применении военной силы, превышавшей половину численности всех вооруженных сил Империи, подключался съезд депутатов. В этом органе председательствовал эрцканцлер, а решения выносились субъектами Империи. У императора в этом собрании был только совещательный голос.

25 сентября 1555 г. Аугсбургский рейхстаг завершил свою работу. Религиозный мир способствовал территориальному разграничению и расширению государств, входивших в Империю, и это было, прежде всего, в интересах протестантской партии.

Во время своего самостоятельного правления в качестве императора он стремился укрепить внутреннюю стабильность в Германии, преследуя цель достичь церковного согласия. По мысли императора итогом его компромиссной политики должно было стать упрочение «земского мира».

На рейхстагах 1556 и 1559 гг. Фердинанду не удалось добиться примирения католиков и лютеран по религиозным вопросам. Но все-таки, ценой больших усилий со стороны императора, несмотря на сопротивление радикалов из обоих лагерей удалось сохранить религиозно-политический статус-кво в Империи.

В своей политической деятельности император опирался на нейтралитет крупнейших протестантских властителей Германии – курфюрста Саксонского Августа I и бранденбургского курфюрста Иоахима II. Избрание в 1562 г. наследником престола сына императора Максимилиана укрепляло авторитет Габсбургов.

Создание императором Фердинандом I Надворного и Тайного советов сначала в Австрии, а затем перенос этих учреждений на территорию всей Империи, также служил делу укрепления имперской правовой системы.

Формирование состава визитационной комиссии на принципах конфессионального паритета свидетельствовало о стремлении Фердинанда I способствовать межконфессиональному диалогу в Германии. Советники Фердинанда I, входившие еще в группу советников его брата, Бернгард фон Клес и Иоганн Ульрих Цазиус, выступали за привлечение протестантов к участию в высших судебных инстанциях и учету интересов лютеранских князей и интересов территорий при нормотворчестве империи.

Огромную роль при дворе играл юрист и публицист конфессиональной эпохи Лазарь фон Швенди (1522-1584). Он получил юридическое образование в Базеле и Страсбурге. Начало его политической карьеры было положено в 1546 г., когда он находился в свите императора Карла V на Регенсбургском рейхстаге. Проявив себя на военном поприще во время битвы при Мюльберге, он был назначен советником императора в 1552 г. В 1568 г. он удалился от активной политической и военной деятельности. Швенди занялся созданием политико-правовых трактатов, в которых пытался разработать механизм укрепления правовых учреждений Империи. Будучи католиком, он с годами сближался с позицией религиозной толерантности, настаивая на необходимости национального единства на почве общеимперского патриотизма. В «Памятной записке», адресованной императору, выдвигалась идея укрепления единства Империи за счет активной законотворческой деятельности рейхстага и поддержания религиозного компромисса между католиками и протестантами. По инициативе императора рейхстаг мог бы разрабатывать проекты имперских законов. Разработанные им предложения остались лишь на бумаге, так как рейхстаг отказался от их воплощения из-за радикальности проекта. Современные историки, такие как М. Ланциннер и Т. Никлас, высоко оценивая их, помещают его идеи в специфические координаты имперского патриотизма конфессионального времени.

В итоге Империя в правление Фердинанда I избежала потрясений. Достигнутый в 1555 г. в Аугсбурге компромисс воспринимался сословиями необходимой правовой основой имперского согласия. Вожди противоборствующих партий были готовы к сотрудничеству с императором. Этот компромисс позволил восстановить правительственные функции короны и превращался в неременное условие успешной работы имперских учреждений. Император Фердинанд I и его политические и юридические советники способствовали политической стабилизации в Священной Римской империи и поиску компромисса между конфессиями. Рост влияния рейхстага и имперского суда, устройство которых также было основано на компромиссе между католиками и лютеранами, свидетельствовал об увеличившемся во второй половине XVI в. политическом влиянии Габсбургов. Межконфессиональное согласие, достигнутое в ходе Аугсбургского рейхстага благодаря позиции Фердинанда I, сохранялось вплоть до начала XVII в.

Экономические взгляды Питера де ла Курта.

Одним из главных фронтов, на котором велось идеологическое противостояние Англии и Голландии, было соперничество экономических доктрин. Идеи английского меркантилизма, формирование мануфактурной промышленности оспаривали преимущества голландского монетаризма, торгового капитала, посреднической торговли и роста бирж. В перспективе именно английский путь развития способствовал установлению британской гегемонии как в европейской экономике, так и на театрах военных действий с началом англо-голландских вооружённых конфликтов. Однако не вызывает сомнений, что голландский вклад в становление экономической науки велик и заслуживает тщательного изучения. Одним из аспектов этого вклада нужно считать работы Питера де ла Курта.

Питер де ла Курт, купец и экономист, по праву считается одним из главных теоретиков голландской государственно-экономической доктрины. Родившись в 1618 г., он прожил долгую и наполненную событиями жизнь, принимал живое участие практически во всех значимых событиях Республики Соединённых Провинций и умер от старости в 1685 г. Его родители, Питер де ла Курт-старший с женой Жанной, убеждённые протестанты, иммигрировали из Фландрии в Лейден только потому, что Лейден уже тогда начал превращаться в центр по производству ткани мирового масштаба. Де ла Курт-старший к тому моменту являлся преуспевающим производителем тканей, его жена Жанна происходила из рода де Планк, сделавшего себе состояние в той же области. Об одном из братьев Питера-младшего, Яне (1622-1660 гг.), необходимо упомянуть отдельно: по мнению некоторых учёных, именно он являлся автором нескольких работ, авторство которых в течение продолжительного времени приписывалось Питеру-младшему. «Political Discourses» – одна из них. Однако сейчас принято считать, что подобные работы писались всё-таки в соавторстве.

В 1641 г. Питер закончил Лейденский университет и на три года уехал в принятый тогда для сыновей знатных родителей «гранд-тур» по Европе, дабы продолжить образование в крупнейших университетах. Там он посетил Лондон, Женеву, Базель. Вернувшись на родину, де ла Курт вступил в профессию отца и совместно с братом Яном создал собственную фирму для торговли тканями. К 1650 г. их предприятие стало одним из крупнейших в Лейдене.

В сближении де ла Курта с Великим Пенсионарием сыграли не последнюю роль бескомпромиссные республиканские взгляды обоих. Про таких убеждённых противников любой единоличной власти и говорила получившая в то время хождение среди англичан поговорка: «Скажите в шутку голландцам о монархии – они всерьёз перережут вам горло». В то

время в Голландии длился первый бесстатхаудерный период (1650-1672 гг.), однако существовала вполне реальная перспектива реставрации дома Оранских-Нассау. Именно с отсутствием монархического института статхаудера многие умы тех лет – и, конечно, де Витт с де ла Куртом – связывали небывалый дипломатический и экономический подъём страны, не окончившийся даже в связи с первыми англо-голландскими конфликтами. Как утверждают некоторые учёные, программное произведение де ла Курта «*Interest van Holland*», датированное 1662 г., было написано при живейшем участии де Витта. Именно там был высказан тезис о том, что монархи (в которым были не без оснований отнесены и статхаудеры) имеют постоянную заинтересованность в поддержании международной напряжённости, втягивают свою страну в различные конфликты с целью поддержать или повысить собственное влияние. Данный тезис был расширен и доработан в трактате «*Политические дискурсы*» («*Political Discourses*») – эта книга, кстати, была высоко оценена Спинозой, обладателем одной из первых её копий. В ней де ла Курт утверждал, что монархическая власть идёт вразрез с интересами народа потому, что подчиняет общественное благо династическим проблемам. Надо отметить, что работы де ла Курта публиковал анонимно, но их авторство представляло для современников «всем известный секрет», к тому же, сегодня эти работы принято считать теоретическим обоснованием нейтральной политике Голландии на континенте.

«*Interest van Holland*» представляет собой не философский трактат, а труд, содержащий вполне конкретные рекомендации политического и экономического характера. О его влиянии на умы современников говорит хотя бы тот факт, что труд с момента написания и до падения де Витта в 1672 г. выдержал одиннадцать изданий только в Голландии. За несколько последующих десятилетий в Европе появились переводы «*Interest van Holland*» на английском, немецком и французском. Нужно отметить, что в английском переводе книга вышла в 1702 г. под названием «*The True Interest and Political Maxims, of the Republic of Holland*».

Этот правительственный манифест торговой олигархии, которым стал, по сути, «*Interest van Holland*», содержал резкую критику военной агрессии как таковой и территориального расширения. Де ла Курт призывал отказаться от сухопутной армии в пользу наращивания мощи военно-торгового флота – с его помощью можно будет обеспечить экономическое преобладание на море, военную безопасность перед вторжением, а также избежать соблазна прямого вторжения на территорию какого-либо государства, для чего, так тогда считалось, нужна была армия. Кстати, именно незащищённость сухопутных границ сыграла с Голландией злую шутку во время войны с Францией; де Витт, понимавший все связанные с этим конфликтом угрозы, решил пойти на переговоры с принцем Конде, однако английский король Карл II поддержал французского монарха и не смог отказаться от шанса отомстить республике за поражение во второй англо-голландской войне. Тем не менее, в момент своего написания «*Interest van Holland*» оперировал конкретной международной

ситуацией; в нём также проявились черты идеалистического либерализма, буржуазного по своей природе, согласно которому стремление к свободе предпринимательства и торговли есть одно из естественных стремлений, война же – нарушение устоявшегося положения дел и возникает из стремления двух сторон к конфликту. Де ла Курт и де Витт верили, что нейтральная политика Голландии способна стать лучшим буфером перед любой агрессией со стороны. «Interest van Holland» может считаться также манифестом республиканской экономической доктрины. Избрав курс на формирование торгового капитала, Голландия оказалась заложницей собственных посреднических операций, не обеспеченных производительной базой внутри страны. Тем не менее, де ла Курт видел выход в поддержании мирного торгового преобладания на море. Его нападки на закрытые гильдии как на пережиток Средневековья апеллировали к необходимости вовлечения как можно большего числа людей в предпринимательскую деятельность. Де ла Курт отмечал, что тот уровень монополизации производства, что сложился в Голландии, душит частную инициативу и дух предпринимательства, лежавшие в основе республики.

Однако куда большей критики были удостоены Вест- и Ост-Индские компании, в особенности – последняя. Де ла Курт стал лидером группы купцов Амстердама, которые добивались ликвидации монополии компании на торговлю с Азией. Он утверждал, что Ост-Индская компания много сделала для экономики Голландии в прошлом, завоевав и освоив новые территории; теперь настала пора передать инициативу наиболее предприимчивым слоям населения. Группа подала ряд ходатайств в адрес Генеральных Штатов, в которых утверждалось, что монопольные права компании действовали только на маршруте, проходящем через мыс Доброй Надежды. В 1668 г. по инициативе де ла Курта был направлен исследовательский корабль в Арктику для поиска судоходного пути по северной границе континента. К тому же, стремление компаний к получению сверхприбылей зачастую толкало их к пропаганде агрессивной внешней политики, родня тем интересы монополий и ненавистной де ла Курту монархии. Это родство как нельзя лучше может быть понято через фразу Яна Куна, одного из основателей Ост-Индской компании: «Мы не можем вести торговлю без войны, равно как не можем воевать без торговли». Несмотря на это явное несоответствие пропагандируемым кабинетом де Витта идеалам, вес и значение компаний были слишком велики. Гильдии, напротив, всё больше стали восприниматься правящими кругами как препятствие развитию новых отношений и в скором времени были вытеснены из производственной сферы страны.

«Усовершенствование торговли могло бы быть более значительным, если бы упомянутые завоеватели не препятствовали на основе своих грантов или патентов торговать с Ост-Индией и другим жителям нашей страны», – высказался де ла Курт на страницах своего труда, апеллируя к двум ключевым, по его мнению, качествам голландцев: любознательности,

облегчающей далёкие торговые путешествия, и трудолюбию, свойственному всем на его родине с малых лет. Подобное понимание человека далеко от гуманистической идеализации, однако полностью соответствует идеалам протестантизма: де ла Курт был убеждён, что человек – существо уязвимое, нуждающееся, подверженное сильным страстям, но движимое мощными естественными двигателями, среди которых де ла Курт на первое место ставил стремление к обладанию собственностью, властью, благосостоянием и, как следствие, стремление к счастью. Отсюда и убеждение де ла Курта в жёсткой необходимости вовлечения каждого готового к тому гражданина в предпринимательскую деятельность, способную стереть социальные рамки и обеспечить подлинное народовластие.

Таким образом, де ла Курт являлся ярким примером происходящих в Европе тех лет процессов. Европа жила богатой интеллектуальной жизнью, её потрясали научные открытия и философские откровения, требовавшие ревизии знаний о мире и обществе. Разум человека XVII в. стремился найти в барочной философии противоядие от хаоса и беспорядка, опасности новых войн. Универсальное братство, взаимовыручка, родство человеческих душ в Боге – вот каков был ответ на вызовы эпохи, отличный от картезианства, столь близкий монизму в его социальном значении и постулатам «*Interest van Holland*» – в экономическом.

Хут Л.Р. (Майкоп)

Индивидуальность и личность в эпоху Нового времени: методологические ракурсы проблемы.

Одним из основополагающих принципов западной цивилизации Нового времени, в рамках которой начался процесс становления индустриального общества, является принцип индивидуализма. Основой индивидуализма стали просвещенческие теории естественных прав личности, в соответствии с которыми каждый индивид от рождения наделялся неким комплексом неотъемлемых прав и свобод, и идея прогресса, т.е. вера в поступательный характер развития человеческого разума и в способность этого разума изменять человека и общество к лучшему.

Актуализация данной темы в отечественной историографии рубежа XX-XXI вв. не в последнюю очередь сопряжена с переменами в нашей жизни, которые резко актуализировали проблему личного выбора и ответственности за него, что, в свою очередь, сопрягаемо только с определённым типом личности, ответственным не только за себя, но и перед собой. Речь идёт о т.н. «нововременном человеке», появившемся в пору модернизации Западной Европы. Импульсы споров о личности и индивидуальности, которые впоследствии в одном из историографических текстов удачно были названы «зачином историографии 1990-х», стали распространяться из среды

отечественных медиевистов на рубеже 1980-1990-х гг. Начало этим спорам положила дискуссия, состоявшаяся по инициативе Л.М. Баткина в мае 1988 г. на специальном заседании руководимого А.Я. Гуревичем семинара по исторической психологии. Впоследствии материалы дискуссии были опубликованы на страницах альманаха «Одиссей. Человек в истории», а сама она стала рассматриваться в качестве «одной из первых ласточек внутренней дифференциации неофициальной медиевистики и – шире – неофициальной гуманитарной науки». Не вдаваясь в подробности дискуссии, интересные и поучительные сами по себе, но не имеющие прямого отношения к рассматриваемой нами проблеме, отметим, что на волне этой дискуссии появились такие фундаментальные исследования главных её фигурантов, как «Европейский человек наедине с собой» Л.М. Баткина и «Индивид и социум на средневековом Западе» А.Я. Гуревича.

Тема «индивидуальность и личность в истории» может быть проблематизирована по-разному. Один из возможных вариантов проблематизации – жизнь «замечательных» и «незамечательных» людей в рамках исторической биографики, которая переживает в наши дни новое рождение. В ходе памятной дискуссии в Институте всеобщей истории РАН, посвящённой проблеме макро- и микроподходов к изучению прошлого (1998), одним из предложенных к обсуждению материалов была статья П.Ю. Уварова «Апокатастасис, или Основной инстинкт историка», чуть позже появившаяся и на страницах альманаха «Казус». Известный медиевист назвал «основным инстинктом историка» стремление к воскрешению из небытия («апокатастасису») абсолютно всех когда-либо живших на земле людей, а не только личностей героического плана. Автор, взяв за основу своего анализа труды Л.П. Карсавина, выступил в роли добровольного адвоката «невидимых» и «неслышимых» персонажей истории, переложив на язык научного текста этот вопль «немощующего большинства», как сказал бы А.Я. Гуревич, их немую просьбу к нам сделать их и «видимыми», и «слышимыми».

Рядом с традиционной исторической биографией, если подразумевать под ней исследование и описание жизни выдающейся исторической личности, в современной историографии возникло новое исследовательское направление – т.н. персональная, или новая биографическая история, в основе которой лежит восстановление «истории одной жизни». Чаще всего, в силу ряда причин, объектом исследовательского анализа становятся личности с девиантным, т.е. отклоняющимся, поведением. Те индивиды, которые явно выпадали и из своей среды, и из своей эпохи. Жили как бы в другом измерении. Жизнь которых сама по себе стала своего рода казусом. Именно в рамках этого направления исследовательского анализа оказался востребованным микроисторический подход. Фоновыми практиками этих исследований в отечественной историографии стали рассматриваемые сегодня ставшие классикой мировой историографии труды – «Дамы на обочине: Три женских портрета XVII века» Н.З. Дэвис, «Картина жизни одного мельника, жившего в XVI в.» К. Гинзбурга.

Несмотря на поворот лицом к прежде безымянным персонажам истории, одним из многочисленных аспектов темы «человека в истории» по-прежнему остаётся проблема героической личности. Интерес к ней традиционен и, смеем предположить, неизбывен, и в её осмыслении отечественными историками происходят зримые перемены.

Изучение вопроса о роли личности в истории имеет большую исследовательскую традицию в мировой историографии. Возрастание интереса к данной проблеме в отдельные исторические периоды, так или иначе, связано либо с изменением политической ситуации, когда наблюдается всплеск политической активности масс, либо с появлением очередной методологической новации в области гуманитаристики, сквозь призму которой её приверженцы пытаются по-новому осмыслить, казалось бы, давно изученный вопрос. Существующие в мировой историографии исследовательские подходы к рассмотрению вопроса о роли личности в истории могут быть обозначены как героический детерминизм, социальный детерминизм и адаптивно-эволюционный подход.

Основы концепции героического детерминизма были изложены в своё время выдающимся шотландским историком и философом XIX в. Т. Карлейлем в его знаменитой работе «Герои, почитание героев и героическое в истории». Суть концепции: творцом истории является личность героического плана. При этом предельным выражением героизма, его «последней фазой», по Т. Карлейлю, выступает «герой в образе вождя».

Концепции героического детерминизма противостоит концепция детерминизма социального. Она основывается на противоположной идее о predetermined course истории, движимой внутренними побудительными силами и заблокированной от воздействия людей, в том числе великих героев. Концепция социального детерминизма существует в двух вариантах – идеалистическом и материалистическом. Первый вариант представлен Г.В.Ф. Гегелем и его объективно-идеалистической философией. По Гегелю, всемирная история есть процесс саморазвития первичного мирового Духа, заключающийся в непрерывном росте осознания свободы. Материалистический вариант концепции социального детерминизма возник в рамках марксизма. Вклад в его разработку, помимо основоположников марксизма, внесли К. Каутский, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, И.В. Сталин, советские обществоведы. Так как ход истории, считали они, подчинён действию «железных» закономерностей, коренящихся в экономике и классовой борьбе, то великая историческая личность в лучшем случае может стать наиболее адекватным выразителем классовых интересов, «служанкой» истории, беря на себя роль лидера массовых движений, воплощающего эти интересы.

Помимо двух названных подходов к изучению вопроса о роли личности в истории, существует третий – адаптивно-эволюционный, который в своё время был разработан А. Кребером и Р. Мертоном при изучении ими роли гениев в науке. Данная концепция признает значение и великих людей, и социального

контекста. Сторонники адаптивно-эволюционного подхода обозначают ряд условий, необходимых для реализации возможностей её влияния на исторический процесс. Это – «героическое время», «героическая обстановка» и наличие «богатых человеческих ресурсов, поддающихся мобилизации».

Соединение предлагаемых методологических подходов и имеющегося в распоряжении исследователей конкретно-исторического биографического материала позволяет ставить вопрос о возможности переосмысления жизненных путей личностей героического плана в эпоху Нового времени. В качестве примера можно привести предпринятую нами попытку сопоставительного анализа с позиций адаптивно-эволюционного подхода биографий трёх «героев в образе вождя» двух крупнейших европейских революций эпохи Нового времени – Оливера Кромвеля, Максимилиана Робеспьера и Наполеона Бонапарта. Осуществлённый анализ подтвердил правоту основных положений адаптивно-эволюционного подхода к вопросу о роли личности в истории. Кромвель стал «историческим Кромвелем», Робеспьер – «историческим Робеспьером», Наполеон – «историческим Наполеоном», безусловно, в форс-мажорных обстоятельствах, когда востребованными оказались волевые и фанатично преданные своим идеалам личности. Не лишёнными основания представляются размышления на тему о том, что не будь этих обстоятельств Кромвель так и закончил бы свой жизненный путь сквайром средней руки, Робеспьер стал бы одним из представителей многочисленного судейского сословия, охраняющего правовые основы «Старого порядка», Наполеон нанялся бы на военную службу к туркам или отправился в Россию (разумеется, не во главе Великой армии) и умер бравым армейским генералом. Однако Великие революции, пусть и разными путями, но привели их на арену Большой Истории.

Таким образом, в изучении проблемы индивидуальности и личности в истории сегодня важным представляется отказ от жёсткого следования концепции социального детерминизма в характеристике деятельности личностей героического плана, а так же выведение в качестве объектов исследовательского анализа безымянных персонажей истории в рамках т.н. персональной, или новой биографической истории. В целом же, проблематика индивидуальности и личности в истории – это «вотчина» постнеклассической парадигмы исследовательского анализа. Вектор российской историографии конца 1980-х – 2000-х гг. в осмыслении проблемы индивидуальности и личности в эпоху Нового времени может быть обозначен как движение от формационного социального детерминизма к пассионарной героике «вождей» и психологизации «масс», а затем - к исторической личности как вневременному явлению. В становлении жанра высока роль постмодернистской рефлексии. Радикальная трактовка темы «личности» - это по сути приём постструктуралистской деконструкции истории. Что касается темы «вождей революции» и «героя и массы», то они выступают как наследие ранней стадии становления неклассики, инструмент борьбы против позитивистского объективизма.

РАЗДЕЛ V ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Бурлаков А.Н. (Москва)

Французская историография о немецкой оккупации Франции (1940 – 1944 гг.): между мифами и реальностью.

Французской историографии, посвященной немецкой оккупации Франции, присуща крайняя мифологизированность и политизированность. Исторические источники свидетельствуют, что всего 2% французов принимали участие в движении Сопротивления (включая тех, кто примкнул к победителям в последние дни войны); большая же часть населения в лучшем случае оставалась сторонними наблюдателями. Тем не менее, один из главных мифов – это миф о мужественном сопротивлении французского народа немецко-фашистским захватчикам. Этот миф имеет даже две версии, учитывающие существование во французском обществе левого и правого спектров мнений. Одна из версий мифа была создана французскими коммунистами. Согласно их версии, французский народ под руководством компартии развернул бескомпромиссную борьбу с немецкими захватчиками буквально с первого дня оккупации. Советские учёные, занимавшиеся новейшей историей Франции, почти без изменений воспроизвели в своих работах миф, созданный ФКП (И.С. Киссельгоф, И.А. Колосков, В.П. Смирнов, И.Г. Цырульников). Впрочем, такое заимствование неудивительно, потому что полностью соответствовало советской идеологической установке о руководящей роли коммунистов в борьбе против фашизма.

Авторство другого варианта того же мифа принадлежит голлистам. Только в их интерпретации руководящая роль в движении Сопротивления отводилась, естественно, не компартии, а генералу де Голлю (Л. Брон, Ж. Сулэроль, А. Эрр). Интересно, что если концепция советских историков воспроизводила коммунистический миф, то современным российским историкам близка голлистская мифология (М.Ц. Арзаканян). Для объяснения массового коллаборационизма совместными усилиями голлистов, коммунистов и прочих левых был запущен в оборот ещё один миф – миф о горстке «предателей-отщепенцев», которые и несут ответственность за все беды Франции тех лет и за сотрудничество с оккупантами.

Тема второй мировой войны по её окончании была такой животрепещущей для французов, что сразу же превратилась в объект идеологических и политических споров, а не научного исследования. Многие участники Сопротивления переквалифицировались после войны в историков. Эти прозелиты истории, в большинстве своём примыкавшие либо к коммунистическому, либо голлистскому крылу Сопротивления,

воспроизводили в своих трудах один из вариантов вышеупомянутого мифа (А. Амуру, А. Мишель, Д. Мейер, Л. Обрак).

Существовала и группа историков и публицистов, выбивавшихся из общей колеи и защищавших режим Виши (А. Бриссо, Ж. Васризери, Л. Жирар, Ж. Изомни). Согласно их версии, режим Виши вёл «двойную игру» – стремился договориться и сотрудничал с врагом, чтобы облегчить страдания и уменьшить потери французов. Эти историки также утверждали, что французский народ поддерживал эту политику. Хотя в работах сторонников Виши было немало правды, политическая ангажированность компрометировала их в глазах общественности – среди них было немало людей либо замешанных в коллаборационизме лично, либо связанных с коллаборационистами.

Особняком в послевоенной историографии стояла книга Робера Арона «История Виши». Как профессиональный историк, Робер Арон отказался от политически ангажированного, обвинительного уклона при рассмотрении режима Виши. Он попытался понять и объяснить внутреннюю логику поведения вишистов. Главной его заслугой явилось непредвзятое рассмотрение Виши как исторического феномена и выявление неоднозначности, противоречивости, многомерности этого явления. Книга Р. Арона вызвала во Франции скандал. Автор был обвинён «прогрессивной» общественностью в симпатиях к коллаборационизму, несмотря на то, что биография учёного не давала поводов к подозрению (во время оккупации он был репрессирован и прошёл через концлагерь).

Неприятие всей правды о Франции времён оккупации подавляющей частью сообщества французских историков, их политическая ангажированность и принятие коммунистических или голлистских мифов породили в конце 1960-х – начале 1970-х годов глубокий кризис национальной историографии. В силу указанных недостатков научные концепции страдали односторонностью и были уязвимы для критики. Из-за недоговорённостей, умолчаний, наличия табуированных тем не складывалось общей целостной картины жизни Франции в 1940 – 1944 годах. Характерно, что наибольшие успехи были достигнуты в изучении локальных тем – истории той или иной организации Сопротивления, политической партии или социальной силы, деятельности партизанских отрядов в том или ином районе страны и т.д.

Наглядным проявлением кризиса в историографии стал переход лидерства в изучении французской действительности военной поры к группе американских историков во главе с Р. Пэкстоном. Особенностью сообщества американских франковедов является то, что оно органично интегрировалось в современную французскую историческую науку. Американские историки принимают активное участие во внутрифранцузских научных дискуссиях и пользуются авторитетом у своих французских коллег. Наконец, их научные работы издаются не только на родине, но и во Франции крупными тиражами. Что же касается Р. Пэкстона, то он признаётся во Франции крупнейшим

специалистом по вишистской эпохе. Действительно, можно говорить о «феномене Пэкстона» во французской историографии. Вместе со своими коллегами и учениками Р. Пэкстон поднял, обработал и ввёл в научный оборот огромное количество исторических документов. Он выявил, сформулировал и попытался решить множество научных проблем, связанных со второй мировой войной. Именно Р. Пэкстон поставил первым вопрос о политической природе режима Виши, который, на мой взгляд, является ключевым в изучении истории Франции в годы войны.

Однако со временем обнаружилось, что подлинного научного прорыва ждать от американцев не приходится. Р. Пэкстон, как и подавляющая часть его американских коллег, принадлежат к либеральному лагерю. Искренне ненавидя нацизм, фашизм и тоталитаризм в целом, эти историки создали некую теоретическую модель вишистского государства. Под свои «черно-белые» схемы либерального толка они пытались подогнать сложную и противоречивую французскую действительность оккупационных лет. Согласно концепции Р. Пэкстона, режим Виши по своей природе был фашистским и сотрудничал с нацистами не под давлением немецкого диктатора, а по доброй воле. Только сейчас французские историки стали обращать внимание на то, что ради придания убедительности своей концепции, американский мэтр хладнокровно идёт на искажение исторических фактов. Но главную научную причину субъективизма Р. Пэкстона его критики усматривают в излишнем доверии к немецким архивам. Американский учёный первым ввёл в оборот огромные массивы немецких архивов, что, несомненно, является его заслугой. Но немецкие архивы сыграли с ним злую шутку: произошла абсолютизация немецких источников. Р. Пэкстон отказывается искать первопричины событий внутри Франции, в сложных процессах, происходивших во французском массовом сознании.

И по сей день большая часть французских историков придерживается концепции о фашистской природе режима Виши (Ж.-П. Азема, Р. Суси, Р. Бурдерон, И. Дюран, Д. Песчански, М. Добри). Они игнорируют серьезные факты, ставящие под сомнение их теории. Политологи и историки уже давно установили отличия авторитарного режима от тоталитарного. Все признаки первого присутствуют в характеристике режима Виши.

Часть современных французских историков вынуждена считаться с очевидным и отойти от концепции Пэкстона. Они предложили тезис об эволюции режима Виши, который в начале представлял собой якобы авторитарный консервативный режим, который постепенно трансформировался в фашистский (А. Руссо, П. Милза, М. Куанте-Лабрусс). Однако при такой постановке вопроса получается, что демократия и тоталитаризм не являются разными и противостоящими друг другу политическими системами.

В настоящее время появилась и немногочисленная группа историков, которые робко пытаются оспорить господствующую пэкстоновскую точку зрения на режим Виши и увидеть в нём авторитарный режим

консервативного толка, попавший в тиски немецкого диктата (Р. Ремон, С. Бернштейн, А.-Ж. Слама). Однако их позиция скорее оборонительная, чем наступательно-конструктивная: они больше критикуют пэкстоновскую теорию, нежели предлагают свою альтернативу.

Помимо споров о природе Виши Р. Пэкстон поднял вопрос, уже затронутый израильскими историками (З. Штернхелл), о коллективной ответственности французов за репрессии против евреев.

Однако вопрос о репрессиях против евреев лишь малая часть более серьезного вопроса об умонастроениях и поведении французского народа во время оккупации. И здесь мы не видим серьёзных подвижек. В отличие от мифа о фашистской сущности режима Виши, тема коллективной ответственности французов не вызывает у местных историков энтузиазма (М. Галло). Не только некоторые историки, но и государство оказалось не заинтересовано в поисках истины. В 2008 году парламент Франции принял закон, ограничивающий доступ к архивам Виши.

Очевидно, неготовность французских историков к обсуждению нерешённых ключевых вопросов объясняет уклон к изучению отдельных институтов и структур Виши (армия, полиция, администрация, чиновничество), проявившийся во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов (М.О. Барук, Ф. Блок-Ленэ, Ф.-Ж. Эсс, К. Сенже).

Таким образом, современная французская историография, исследующая Францию времен немецкой оккупации, до сих пор находится между мифами и реальностью, не решаясь нарушить установленные табу и сказать всю правду о вишистском периоде национальной истории.

Гераськин Ю.В.(Рязань)

Современная зарубежная историография проблемы государственно-церковных отношений в СССР: краткий обзор.

Большой вклад в освещение вопросов, связанных с историей Церкви в советский период, внесли представители Русского Зарубежья. Довольно значительный пласт работ представлен русской зарубежной историографией, как светской (А. Валентинов, И. Лаговский, А. Левитин-Краснов, В. Шавров, А. Боголепов, Л. Регельсон, Д. Поспеловский, И. Шафаревич и др.), так и церковной (протоиерей о. Кирилл Зайцев, Г. Рар, митрополит Евлогий (Георгиевский), протоиереи о. Иоанн Мейендорф, М. Польский, Г. Граббе, протодиакон о. Владимир Русак (Степанов) и др.).

Работы русских зарубежных церковных историков в целом можно условно разделить на три течения: «апологетическое» (Д. Поспеловский), «диссидентское», критикующее с либеральных позиций «просоветскую» линию Московской Патриархии (Л. Регельсон) и «катакомбное», представленное приверженцами Русской истинно-православной церкви и

основанное на радикальном непринятии взаимоотношений РПЦ и власти (В. Мосс). Современный английский историк В. Мосс получил известность книгой «Православная Церковь на перепутье (1917-1999)», в которой выдвигает авторский термин «экукоммунизм».

В силу отрыва от всего корпуса документального материала, опору, главным образом, на свидетельства очевидцев и материалы прессы, данные исследования публицистичны и не претендуют на полноту освещения означенной темы. Между тем, несмотря на некоторую порой тенденциозность, выражающуюся в критике Московского Патриархата, именно они первыми сосредоточились на проблемах репрессивной политики государства, гонений на верующих в СССР, сущности политики так называемого «сергианства», «консервативной церкви в консервативном государстве» и др.

М. Польский, Г. Рар (А. Ветров) заявили о предательстве митрополитом Сергием (Страгородским) духовенства, томящегося в лагерях, линии на неизмеримо более глубокий, чем была у его предшественников, компромисс с властью. Л. Регельсон соглашается с тем, что позиция митрополита Сергия, лишенная бесспорной канонической законности, предполагала морально недопустимый сервилизм по отношению к властям.

Среди современных работ зарубежных авторов, пытающихся всесторонне исследовать процесс развития отношений Церкви, общества и власти, следует также упомянуть исследование канадского историка Д.В. Поспеловского «Русская Православная Церковь в XX веке», которое остается одним из самых значительных по указанной теме. Важным источником этой работы явились статьи в эмигрантских журналах, в т.ч. самиздатовские документы. В каком-то смысле книга продолжила исследования таких предшествующего поколения зарубежных авторов. Книга Поспеловского изобилует красноречивыми фактами драматической истории РПЦ в советский период, взятыми из большого числа нарративных источников. Приводятся также статистические параметры развития церковной организации. Автор объясняет преследование Церкви обеспокоенностью власти живучестью религиозной традиции и показывает, как в результате преследований церковная жизнь все более приобретает опасные для власти нелегальные формы.

Зарубежная историография проблемы государственно-церковных отношений в СССР, появившаяся в 1990-е гг., выгодно отличалась от исследований предшествующей эпохи, отражавших, в основном, политическую реакцию Запада на «большевистские эксперименты». Кроме того, на некоторые работы зарубежной историографии, вышедшие во времена «холодной войны», наложило свой отпечаток противостояние идеологий. Позитивистский подход ряда авторов привел их к описательности эпохи репрессий и гонений на Церковь в СССР, простому перечислению ряда негативных факторов при отсутствии их объективного анализа.

Современная зарубежная историография темы в отличие

историографии 50-70-х гг., основанной на данных РПЦЗ и Западноевропейского Экзархата, опирается на архивные материалы. Можно отметить книгу протоиерея Д. Константинова «Зарницы духовного возрождения (православная церковь в СССР в конце шестидесятих - начале семидесятих)». Важным моментом в работе, явилась, на наш взгляд, попытка комплексного подхода к исследованию истории Русской Православной Церкви в СССР. История РПЦ, по мнению автора, это не только история Московской Патриархии в лице иерархов и клириков, но и история, связанная с деятельностью верующего народа. Заметным явлением в изучении истории отношений государства и церкви в советский период стала другая книга Константинова «Гонимая Церковь: Русская православная церковь в СССР», опубликованная в 1999 г. Большое внимание в работе уделяется особенностям развития атеистической пропаганды, делается вывод о ее неэффективности и обреченности. Автор особо обращается к анализу настроений верующих. Константинова интересовали причины сближения государственной и церковной власти, а также феномен быстрых темпов возрождения РПЦ.

Работа американского историка Н. Дэвис отличается тем, что она написана на базе архивных материалов фонда Совета по делам РПЦ(религий) при правительстве СССР. Автор анализирует государственно-церковные отношения с 1917 г. по наше время, образовательную, финансовую и издательскую деятельность РПЦ и монастырей. Фундаментальный характер носят работы финского историка А. Лууканена, использующего большой корпус документов центральных российских архивов. Работы историков – эмигрантов « третьей волны» М. Аксенова-Меерсона, В. Зелинского большое внимание уделяют внутренней конфликтности РПЦ, роли интеллектуалов в церковной среде.

Большой интерес представляют труды исследовательской группы «Kenston Institute» (Оксфорд), которую возглавляли С.Б. Филатов и А.В. Щипков. Группа осуществила масштабный энциклопедический проект «Современная религиозная жизнь России». Один из томов посвящен Русской Православной Церкви. Сотрудница группы Дж. Эллис на основе диссидентских источников написала книгу, в которой содержатся сведения о православных иерархах, рядовых священниках, верующих, приходах, монастырях в советскую эпоху.

Исторический анализ взаимоотношений Церкви, общества и власти содержится в комментариях к отдельным разделам сборника «Русская православная церковь в советское время (1917-1991). Материалы и документы к истории отношений между государством и церковью», составленных Г.М. Штриккером. Этот сборник явился в определенной мере продолжением книги немецкого историка П. Хауптмана.

Таким образом, современные исследователи проблемы взаимоотношений советского государства и Русской Православной Церкви могут опираться более, чем на полувековой пласт зарубежной историографии

разнообразной по концептуальной направленности и охвату источников.

Зайнулин А.Н. (Омск)

Роль личности в концепции истории Рима Теодора Моммзена.

Теодор Моммзен (1817-1903), создавая свою картину Римской истории, уделял внимание множеству факторов, определявших ход исторического процесса, это социально-экономические факторы, факторы политической и государственно-правовой организации, культурно-исторические аспекты. Однако Моммзен не замыкался на абстрактных явлениях. Историю у Моммзена творят личности. Наиболее ярко роль личностей проявилась в период кризиса республики (по Моммзену он был совершенно очевиден уже в середине II в. до н.э.). В первую очередь нужно сказать о **Публии Корнелии Сципione Эмилиане Африканском (184-129 гг. до н.э.)**. Казалось бы, он обладал всеми качествами лидера способного вывести страну из кризиса. Потомок великих предков, прекрасно образованный, преуспевший на военном поприще (именно он поставил точку в противостоянии с Карфагеном). Всё это делало его весьма популярным среди римлян. Тем не менее, Сципион ничего не стал делать, чтобы предотвратить начавшееся разложение, будучи уверенным, что это можно сделать только ценой ещё более радикальных перемен. То есть, выбирая между сохранением существующей ситуации и революцией, он отверг последнюю альтернативу.

Революции у Моммзена – это дело молодых людей, радикальных, не обременённых чувством ответственности, каковым обладал Сципион. Но и «молодёжь» в лице братьев Гракхов не решила проблем государства. **Тиберий (162-133 гг. до н.э.)** был человеком довольно даровитым, патриотом, консерватором, полным благих намерений, но не осознававшим, что делает. Его реформы в большей степени были обусловлены заигрываниями с чернью. «Позорное побоище», в котором Тиберий Гракх нашёл свою смерть, Моммзен считает вполне закономерным итогом, а его ореол мученика в данном случае незаслуженным. Деятельность его брата **Гая (153-121 гг. до н.э.)** оказалась ещё более деструктивной. Жажда мести за брата и тяга к личной власти обусловили абсолютистскую, монархическую направленность его деятельности. То есть и братья Гракхи, обладавшие, как и Сципион превосходными «стартовыми позициями», оказались неспособны решить проблемы государства.

Позорные поражения в Югуртинской и Германских войнах вызвали новую силу – армию и его командующего **Гая Мария (157-86 гг. до н.э.)**. Проведённая им военная реформа, стала ещё одним «актом римской революции». Было создано профессиональное войско, ставшее впоследствии носителем военной монархии и корпорацией, отделённой от гражданского коллектива. Однако его попытка свергнуть власть сенатской олигархии при

поддержке популяров провалилась. Его политический противник, Сулла (138—78 гг. до н. э.) - «одно из поразительнейших явлений в истории». Военный переворот Суллы 88 года, когда римская армия впервые штурмовала собственную столицу, стал первым вмешательством армии в гражданские дела. Т.е. Сулла стал первым, кто увидел в армии силу, которую можно было использовать как фактор политической борьбы.

Вообще, Моммзен отмечает, что Суллу либо переоценивают, либо слишком легковесно оценивают его проскрипции, экспроприации и реставрации, видя в них дело изверга. случайно оказавшегося во главе государства. Всё это было делом рук знати и террора реставрации. Сулла же оказался своего рода «топором палача», исполнив эту роль с удивительным, демоническим совершенством. Но в рамках этой роли его, деятельность оказалась грандиозной и полезной. Сулле была обязана не только аристократия, чьи интересы он защищал, но и вся страна, поскольку он «заставил признать равноправие всех италиков перед законом и стал, таким образом, окончательным творцом полного государственного объединения Италии». «Великие бедствия и потоки крови - не слишком дорогая цена за такой результат». И более того, Моммзен делает вывод, что если бы не Сулла, то «давно расшатанная римская республика неизбежно бы рухнула». Конечно, строй, созданный Суллой оказался таким же недолговечным. Но в этом его трудно упрекнуть, поскольку государственный деятель строит только то, что может построить на отведённом ему участке.

После смерти Суллы страну захватила новая волна кризиса, включавшая в себя внутренние войны и восстания, движения провинциалов, внешнеполитические осложнения, восстания рабов и процветание пиратства. Реформы суланских генералов - Помпея и Красса к концу 70-х годов до н.э. фактически уничтожили дело Суллы. На первое место выдвинулся Гней Помпей, но Моммзен не считал его лидером, способным вывести Рим из кризиса. По его мнению, главным его политическим промахом было то, что он не сумел (или побоялся?) захватить единоличную власть. С началом деятельности Цезаря в Галлии «однообразная борьба мелких честолюбий» сменилась событиями мирового масштаба. Рим обрел человека, способного решить не только проблемы государства, но и добиться слияния в одной культуре народов Европы. Первым актом глобальной политики Цезаря стало завоевание Галлии. Оно имело колоссальное значение в истории европейских народов - Цезарь отразил нападения варваров и спас Рим, отсрочив крушение античной цивилизации на 500 лет. Одержав же победу в гражданской войне, Цезарь отбросил мешавший ему «олигархический хлам». Теперь он последовательно шёл к единоличному господству. Цезарь, которого Моммзен называет великим государственным деятелем и гениальным человеком, обладавший бесспорными полководческим и ораторским талантами, удивительными духовными и интеллектуальными дарованиями, стал демократическим монархом. Его деятельность завершила историю двух великих народов - эллинов и латинов, первые из которых несли великую

культуру, а вторые великую государственность. Без Цезаря современная цивилизация была бы оторвана от эллинско-римской основы, европейская цивилизация была беднее и тысячелетние усилия европейских народов не дали бы многого, что затем возросло на блестящем основании античной цивилизации. Таким образом, говоря о роли личности в истории Рима, Моммзен, похоже, имел в виду вполне конкретного человека - Юлия Цезаря. Можно заметить, что остальные действующие лица моммзеновской римской истории стали для Цезаря своеобразным фоном, дабы лучше показать, каким набором качеств должен обладать человек, которому суждено вершить судьбами мира.

Зеленцова Ю.С. (Москва).

Проблемы взаимодействия христианской и мусульманской цивилизаций в VIII – IX вв. в отечественной историографии.

Характер взаимодействия цивилизаций может определяться рядом причин. Среди них можно выделить естественные аспекты взаимоотношений, обусловленные географическими, этническими, культурными и экономическими факторами, а также искусственные, связанные с особенностями политических объединений, развитием государственности у отдельно взятых народов. Вышеназванные аспекты говорят о необходимости рассмотрения контактов цивилизаций с нескольких сторон. Первое направление связано с неизбежными контактами цивилизаций, вызванными непосредственным соседством арабов и европейцев на Пиренейском полуострове после 711 г. (вторжение арабов и берберов на территорию Пиренейского полуострова), а также необходимостью естественного товарообмена между жителями Средиземноморья. Второе направление более частное и касается взаимоотношений цивилизаций на уровне государств и присущей этим государствам политической активности. Есть предположение, что межгосударственное общение на рубеже VIII – IX вв. носит уже в определенной степени дипломатический характер, но в историографии этот вопрос не является окончательно решенным.

В контексте данной тематики под понятием мусульманской цивилизации подразумевается культура, сложившаяся в Арабском халифате в VII-IX вв. в процессе взаимодействия арабов и завоёванных ими народов Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки и Юго-Западной Европы. Под христианской цивилизацией в данном случае понимается культура Западной Европы VIII – IX вв.

Актуальность исследований данной тематики определяется, прежде всего, тем интересом, который общество проявляет к проблеме культурных и этно-конфессиональных взаимодействий. Стоит отметить, что исследователи арабо-мусульманской и западно-христианской цивилизаций делают наибольший акцент на рассмотрение именно этнических, культурных и

религиозных вопросов, проблем ассимиляции и влияния культур друг на друга. В отечественной историографии нет работ, посвященных комплексному исследованию междивизиационных контактов, подразумевающих взаимодействия этно-конфессионального, экономического, политического и культурного характера. В историографии эти вопросы рассматриваются изолированно друг от друга, а часто – только косвенно или односторонне. В связи с этим сложно выявить какую-либо преемственность во взглядах на проблемы межкультурных контактов периода раннего средневековья. В большинстве случаев исследования подобной тематики имеют единичный и уникальный характер.

Среди отечественных исследователей изучением восприятия арабомусульманами христианского населения занимался историк-религиовед М.А. Машанов. В своей работе («Речь, произнесенная в торжественном годичном собрании Казанской духовной академии 8 ноября 1889 г.: Европейские христиане на мусульманском востоке») исследователь рассматривает проблему влияния догм ислама на характер взаимоотношений мусульман с другими народами, а также характер торговых контактов цивилизаций. Ценными также являются его комментарии относительно социально-экономического положения христиан в исламском мире. Однако стоит заметить, что в качестве фактора, влияющего на формирование у арабов определенного отношения к христианам, М.А. Машанов указывает исключительно исламскую религию, в связи с чем его взгляд на проблему кажется достаточно односторонним.

И.Ю. Крачковскому принадлежат фундаментальные работы по классификации арабских географических сочинений. Одна из его основных монографий («Арабская географическая литература») является переработанным автором курсом лекций о географической литературе арабов. Обзор географической литературы доведен до XVIII в. Одинаковое внимание уделено самым разнообразным сторонам культурной жизни арабов. В контексте вопроса о взаимодействии христианской и мусульманской цивилизаций особый интерес представляют те раннесредневековые арабские сочинения, которые причисляются И.Ю. Крачковским к жанру описательной географии. Исследователь дает подробные комментарии относительно текстов самих источников, а также предоставляет биографические сведения об их авторах.

Другое исследование И.Ю. Крачковского («Арабская культура в Испании») посвящено арабской культуре в Испании. В нем подробно изучается вопрос об этнических и культурных взаимодействиях христиан и мусульман на Иберийском полуострове, а также ставится проблема недооценки роли мусульманской культуры в культурной жизни Европы.

Темы научных работ В.М. Бейлиса гораздо более узкие («Представление о цивилизациях древности и раннего средневековья в системе исторических знаний ал-Йакуби и ал-Масуди»; «Арабские авторы IX - первой половины X века о государственности и племенном строе народов

Европы»). Основываясь на конкретных источниках, автор оценивает качество и количество сведений арабо-мусульман о соседних и отдаленных им народах. Наиболее важным в этих трудах является то, что В.М. Бейлис использует метод сравнительного анализа и, привлекая большое количество источников, выделяет в них общее и противоречивое. На основе этого исследователь определяет круг вопросов, на которые источники дают исчерпывающий ответ, а также выделяет ряд проблем, требующих дальнейшего разрешения. Так, по его мнению, нельзя с уверенностью утверждать, что у арабо-мусульман VIII – IX вв. было четкое представление о государстве франков как о политическом объединении с относительно единым центром и управлением. Анализ употребления слова «малик» показал, что в одних случаях оно обозначает «племенного вождя», а в других «государя», что подразумевает совершенно иной уровень развития государственности у франкского народа.

Аналогичный подход к источникам можно выявить и в работах В.Г. Крюкова («Сообщения анонимного автора Ахбар аз-заман о народах Европы»; «Заимствованные сюжеты в сообщениях арабских авторов IX - X веков о странах Западной Европы»; «Сведения ал-Масуди о народе ал-Ифранджа»). Автор исследует тексты арабских географических и исторических сочинений к. IX – нач. X в. с конкретной целью: выявить наиболее интересующие арабов сюжеты относительно народов Западной Европы и, соответственно, определить основу, на которой формировалось представление мусульман о своих дальних соседях. Кроме этого, В.Г. Крюков дает комментарии о степени достоверности сведений в этих источниках. Особенный интерес представляет анализ автором произведений ал-Масуди о франкском народе, а также рассмотрение анонимного источника «Известия времени», которому в историографии по неизвестным причинам уделяется наименьшее внимание.

Вопросом региональных взаимодействий христианской и мусульманской цивилизаций на территории Иберийского полуострова занимался Р.Г. Ланда. В своих работах («Роль ислама во взаимодействии и синтезе цивилизаций на Иберийском полуострове в VIII – XVII вв.»; «Взаимодействие цивилизаций на Иберийском полуострове в VIII – IX вв.: этнические и религиозные аспекты») автор касается, прежде всего, проблем этнических и культурных взаимодействий христиан и мусульман. Основным выводом его является то, что арабы и европейцы невольно стали участвовать в создании новой культуры, основой которой при численном господстве европейцев стал ислам.

Г.Г. Пиков в своей работе («Библия и представления европейцев в VIII – IX вв. об исламе и арабах») анализирует представления европейцев об исламе и арабах, и, главное, определяет предпосылки, ставшие основой этих представлений. Автор говорит о четкой взаимосвязи между процессом укрепления христианской религии в европейской культуре и формированием у европейцев негативного образа исламского мира.

По истории политических взаимодействий христианских и мусульманских государств основными являются работы нач. XX в. Вопрос о наличии дипломатических отношений между франкской империей и халифатом стал предметом спора А.А. Васильева («Карл Великий и Харун ар-Рашид») и В.В. Бартольда («Карл Великий и Харун ар-Рашид»; «К вопросу о франко-мусульманских отношениях»).

В основном рассказы о посольствах франков (768, 797, 802 гг.) к арабам восходят к биографу Карла, Эйнхарду. В.В. Бартольд, в качестве одного из доказательств отсутствия каких-либо дипломатических отношений, обращает внимание в этих рассказах на то, что нет ни слова о каких-либо письменных документах, тогда как в рассказах о сношениях между Карлом и Византией, между Византией и халифатом и даже в арабском рассказе о франкском посольстве нач. X в. вполне определенно говорится о грамотах. Однако такие доводы могут свидетельствовать, возможно, лишь о том, что на рубеже VIII – IX вв. развитие института дипломатических отношений находилось только на начальном уровне, но к нач. X в. в определенной степени эволюционировало.

А.А. Васильев в свою очередь указывает на существование политических предпосылок уже в первом обмене посольств (768 г.). По его мнению, обе стороны были сильно обеспокоены усилением испанских Омейядов. Однако доскональное изучение фактов показывает, что серьезных причин, которые могли бы заставить франков беспокоиться об усилении испанских мусульман в 60-х гг. VIII в. не было.

Противоречивые выводы В.В. Бартольда и А.А. Васильева принимались последующими исследователями, которые, становясь на позиции той или иной точки зрения, свой выбор никак не обосновывали. В связи с этим решение данного проблемного вопроса осталось на уровне 1915-го года, так как до настоящего времени дипломатические связи указанных государств не являлись предметом отдельного исследования.

В настоящее время, несмотря на возрастающую актуальность проблем межкультурных взаимодействий, определенно существует нехватка современных исследований по данной тематике, требующей для разрешения многочисленных вопросов привлечения новых источников и использования новых методов их анализа.

Кондратюк Г.Н. (Симферополь)

Источники изучения политики коренизации в Крымской АССР в 1920-1930-х годах.

Современный мир – это мир многонациональный. Моноэтнические страны являются исключением. В Европе это Норвегия и Ирландия. Большинство стран являются полиэтничными, в том числе Российская

Федерация и Украина. Согласно данным проведённой в Украине всеобщей переписи населения в стране проживают представители 120 народов. Национальная политика является одним из приоритетов в современной Украине. Помочь избежать ошибок может оценка опыта прошлого, как без его идеализации, так и драматизации, а также анализ моделей национальной политики. Одной из таких моделей являлась советская. Важным этапом в её реализации стало межвоенное двадцатилетие 1920-1930-х годов. Советская национальная политика отличалась комплексностью и масштабностью, была призвана модернизировать общество, решить экономические и культурно-гуманитарные проблемы в жизни целого ряда народов. Актуальность исследования данной темы обусловлена необходимостью выработки такой национальной политики, которая позволила бы сохранить внутреннюю стабильность страны и стала бы основой успешного социально-экономического развития.

Объективный научный анализ возможен только при обращении к комплексу документов рассматриваемого периода. Источниковую базу исследования коренизации в Крымской АССР составляют различные по происхождению, видовым признакам и содержанию неопубликованные источники. Основу источниковой базы изучения политики коренизации составляют неопубликованные архивные материалы Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории и Государственного архива Автономной Республики Крым. Значительное количество информации получено при работе с фондами Государственного архива Российской Федерации. Материалы фонда Р – 1318 Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнаца) позволяют проследить генезис национальной политики вначале 1920-х годов, её концептуальные составляющие, взаимоотношения политического центра и национальной периферии. Фонд содержит документы Крымского представительства Наркомнаца (опись 13). Аналогичный фонд отсутствует в Государственном архиве Автономной Республики Крым. Документы фонда всесторонне отображают развитие сложных и противоречивых национальных процессов в крымской автономии в начале 1920-х годов. Крым в 1921-1922 годах испытал сильнейший голод, который по своим масштабам не уступал голоду в Поволжье. Документы зафиксировали, что из 750 тысяч населения умерло от голода 100 тысяч человек. Наиболее пострадали крымскотатарские деревни горного и предгорного районов полуострова. В документах фонда Крымского представительства Наркомнаца находятся отчёты о событиях голода в отдельных национальных деревнях и мерах властей по организации помощи голодающим.

1920-е годы в сфере национальной политики в Крымской АССР характеризуются широкомасштабной кампанией переселения на полуостров евреев из РСФСР и БССР. Этот процесс нашёл отражение в документах таких фондов ГАРФ как Р – 9498 ОЗЕТ и Р – 7746 Агро-Джойнт. Общество по

земельному устройству трудящихся евреев стремилось объединить и направить общественную инициативу в помощь еврейскому переселенческому движению. Документы фонда представлены отчётами местных отделений, озетовских ячеек, проведением пропагандистских компаний с целью донести идеи переселения до широких советских масс. Значителен комплекс документов отражающих хозяйственную деятельность: постройка домов и общественных зданий, приобретение инвентаря, закупка скота для крымских переселенцев.

Документы фонда Р -7746 всесторонне отражают работу такой иностранной организации как Агро-Джойнт. Агро-Джойнт действовал на основе договора, заключённого с советским правительством. Эта структура выступила основным финансовым донором процесса переселения. Агро-Джойнт завозил из-за рубежа тракторы, сельскохозяйственное оборудование, автомобили, специализированное оборудование для вырубki шахтных колодцев в степном Крыму, становившихся подчас единственными источниками воды в еврейских аграрных колониях. Значительный пласт разноплановой информации содержат протоколы заседаний центральной конторы Агро-Джойнта, отчёты крымской конторы, поступавшие в центр.

Политика коренизации являлась многовекторной. Её составляющими компонентами выступали антирелигиозная пропаганда и такие специальные кампании как, например, введение латинского алфавита для целого ряда тюркских народов. Фонд Р – 5407 представлен комплексом документов Центрального Совета «Союза Воинствующих Безбожников». Антирелигиозная политика советских властей была дифференцированной по отношению к различным конфессиям. В отношении мусульманских общин Крыма антирелигиозная деятельность была осторожной, чтобы не оттолкнуть от советской власти национальное крестьянство. Особый интерес среди документов фонда Р – 5407 представляют протоколы заседаний Нацменподотдела ЦС «СВБ». Данный подотдел осуществлял и координировал антирелигиозную деятельность среди национальных меньшинств.

Политика коренизации получила проявление и в такой специфической кампании как введение латиницы для целого ряда тюркских народов, в том числе и для крымских татар. Процесс латинизации начался в 1928 году. С целью координации работы в национальных республиках, был создан Центральный Комитет Нового Тюркского Алфавита. Документы фонда Р – 7543 отражают различные аспекты работы ЦК НТА, но прежде всего, финансовую сторону реализации разнородных мероприятий.

Анализ политики коренизации невозможен без обращения к фондам Российского государственного архива социально-политической истории. Важнейшими источниками являются документы фонда 17 ЦК РКП(б)-ВКП(б). В структуре фонда содержатся документы Центрального Бюро эстонских секций (опись 64) и Татаро-башкирской секции (опись 61). Национальные секции выступали одним из центральных структурных

звеньев в формулировании как теоретических основ национальной политики в отношении отдельных этнических групп, так и комплекса практических мероприятий. Документы ЦБ эстонских секций представлены отчётами о обследовании эстонских колоний, экономическом состоянии, работе школ, политическом настроении эстонцев. Руководители ЦБ формулировали пожелания о практических мероприятиях в отношении эстонцев, с тем, чтобы исключить их эмиграцию в «буржуазную Эстонию». Коренизация в отношении тюркских народов носила совершенно иной характер, чем по отношению к «нацменам Запада». Советская политическая доктрина гласила, что царское самодержавие эксплуатировало эти народы, поэтому они отстали в своём развитии. Задача политики коренизации состояла в том, чтобы ликвидировать это социально-экономическое отставание. Одним из важнейших источников анализа выступают протоколы заседаний Татаро-башкирской секции. Они отражают весь спектр мнений о практике коренизации. Представлены также и отчёты татарской секции крымского обкома РКП(б) о политических настроениях, пропагандистско-агитационной работе. Реализация политики коренизации нашла также отражение в фонде 63 Польского бюро (Польбюро). Политика коренизации являлась весьма дифференцированной. Ряд народов и прежде всего «нацмены Запада», расценивались как некая «пятая колонна» в отношении советского государства. Центральная роль отводилась полякам и отражала характер враждебных отношений польского государства и советской страны. Документы фонда содержат отчёты польских секций в составе Симферопольского и Севастопольского райкомов партии.

Исследование политики коренизации базируется также на анализе документов Государственного архива Автономной Республики Крым. Наибольшее количество информации получено при работе с фондом П – 1 Крымского обкома РКП(б) – ВКП(б). Важнейшее значение принадлежит документам национальных секций: немецкой, армянской, еврейской агитационно-пропагандистского отдела Крымского обкома. Использование документов Джанкойского, Керченского, Севастопольского, Феодосийского, Ялтинского окружных комитетов за 1921-1924 годы даёт возможность проследить национальные процессы в Крыму в период формирования курса коренизации в автономии. Документы Крымского обкома в основном носят общекрымский характер. Документы окружкомов способствуют исследованию специфики коренизации в различных крымских регионах в зависимости от этнического состава населения. Документы райкомов ВКП(б) национальных районов Бахчисарайского, Биюк-Онларского, Фрайдорфского дают возможность проанализировать курс коренизации в отношении крымскотатарского, немецкого, еврейского народов. В фонде П – 3 Областной Контрольной Комиссии сохраняются информационно-аналитические отчёты о политическом состоянии Крыма, подготовленные ОГПУ. В отчётах детально анализируются действия национальной интеллигенции, реакция населения на реализацию политики коренизации. С

помощью материалов фонда П -147 Крымского областного комитета ВЛКСМ проанализирована национальная политика в отношении молодежи.

Фонды высших органов государственной власти ЦИК Р-663 и СНК Р-652 Крымской АССР позволяют охарактеризовать экономические и культурно-гуманитарные аспекты политики коренизации на полуострове.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что широкая и разноплановая источниковая база позволяет всесторонне и достоверно проанализировать процесс коренизации в Крымской АССР в межвоенный период.

Лапшина И.К. (Владимир)

К вопросу о подготовке специалиста-историка в условиях Болонского процесса.

Проблемы модернизации отечественного образования в контексте присоединения России к Болонской декларации стали предметом острой и заинтересованной полемики в российском образовательном сообществе. Отметим, что никто из участников дискуссии не ставит под сомнение плодотворность и значимость развития более тесных контактов с европейскими коллегами. Можно только приветствовать предполагаемую мобильность студентов, возможность учиться в зарубежном вузе, обмен преподавателями, признание российских документов об образовании в европейских государствах. Все это позволяет существенно повысить уровень профессиональной компетентности, наполнить качественно новым содержанием учебные курсы, расширить научный и культурный кругозор, повысить поликультурную грамотность, необходимую для жизни и деятельности в современном глобальном мире, расширяет возможность трудоустройства за рубежом. Правда, реализация данных целей допустима и вне Болонского процесса. Многие преподаватели, в том числе и из Владимирского государственного университета, имеют опыт преподавания в зарубежных вузах, а многие выпускники российских вузов успешно работают в престижных зарубежных университетах и научно-исследовательских центрах, и их трудоустройству не мешало наличие российского диплома. Существует немало международных программ, позволяющих развивать активные, взаимно обогащающие контакты в сфере науки и образования.

Одной из главных проблем присоединения к Болонскому процессу видится проблема сохранения национальной традиции фундаментальности отечественного образования – то, чем зарекомендовала и славилась за рубежом отечественная высшая школа. Опыт преподавания в начале 1990-х годов на отделении политических наук Университета штата Иллинойс (г.Нормал, США) показал, что американские студенты-историки явно

уступали их российским сверстникам – студентам исторического факультета Педагогического института ВлГУ в системности и широте знаний, нередко – в умении поставить и решить научную проблему, подготовить письменный доклад. Предложенная американской аудитории форма занятий, приближенная к нашему традиционному семинару, не только вызвала неподдельный интерес, но и замечание, что подобные занятия в американском университете более характерны для уровня магистратуры.

Элективный подход, характерный для зарубежной системы преподавания, не только предоставляет возможность студенту определять свой план обучения с учетом индивидуальных интересов, что можно только приветствовать, но и создает очевидные проблемы в системном усвоении знаний, чреват узким профессионализмом. Неслучайно состояние образовательной сферы в Соединенных Штатах стало предметом национальной дискуссии, развернувшейся с начала 1980-х годов и небезынтересной по своему содержанию для отечественной школы. Ее начало положил доклад Национальной комиссии по улучшению качества образования в США со знаменательным названием: «Нация рискует: необходимость в реформе образования», опубликованный в 1983 г. Особую тревогу американской общественности, представителей высшей школы вызывали необязательность и расплывчатость учебных программ, слабый уровень гуманитарного знания студентов, явное снижение их интеллектуального уровня в целом. В беседе с коллегами из Эксетерского университета (г.Эксетер, Великобритания) на вопрос, в каких британских вузах сохраняется системное, универсальное изложение всемирной истории, они привели в пример Оксфорд. Это подчеркивает уровень подготовки и преимущества традиционного видения постановки исторического образования в отечественной высшей школе на исторических факультетах не только классических, но и гуманитарных и педагогических вузов.

В ходе дискуссий относительно Болонского процесса высказывалось суждение, что его важнейшей подоплекой в России является стремление вступить во Всемирную торговую организацию. Одним из условий вступления является признание образования товарной услугой, что делает понятным развертывание болонской модели образования. Мы вполне согласны с мнением, высказанным заведующим кафедрой философии Казанского государственного университета М. Щелкуновым о том, что «смотреть на образование узко экономически... - значит руководствоваться чисто коммерческим подходом, который будет выражаться в максимальном удешевлении процесса образования и максимальной ставки на прибыль».

Подобные задачи, формулируемые перед высшей школой в сфере гуманитарного, в том числе исторического знания, вступают в явное противоречие с национальной традицией, поскольку в России всегда особо ценили духовность просвещения, гуманитарную подготовку в неразрывной связи с гражданским воспитанием студента. Закладываемый рыночно-ориентированный механизм оказания образовательных услуг не может не

привести к сокращению и подорожанию гуманитарных наук, снижению воспитательного аспекта гуманитарного образования.

К примеру, в учебном плане подготовки бакалавра по направлению «Педагогическое образование» профиля «История и иностранный язык» меньше часов отводится на усвоение отдельных дисциплин предметной подготовки, на изучение иностранного языка в сравнении с ныне действующим учебным планом подготовки учителя истории и иностранного языка в Педагогическом институте классического вуза. Существенное количество часов предусмотрено по новым планам на самостоятельную работу студента. Однако небеспочвенны сомнения в том, что отведенное время будет использовано по назначению, и что за счет самостоятельной работы студент сможет полностью и качественно компенсировать те знания, которые он получает во время аудиторных занятий. Неслучайно сегодня потенциальный работодатель не спешит принять выпускника, чей уровень знаний не без основания ассоциируется с «неполным высшим».

Наиболее серьезные опасения научно-педагогической общественности связаны с возможностью утраты российским образованием его академизма. «Наша вузовская подготовка, - отмечает Р. Минзарипов, - сильна традициями: большими аудиторными нагрузками, высоким уровнем контроля над студентами, добротными методиками. На Западе господствует другой принцип – прагматизм... В России, традиционно имеющей иное представление о необходимом уровне подготовки студентов, предлагаемая реформа снизит научный потенциал страны». Схожее мнение о возможности утраты целых направлений научных исследований, снижения уровня общегуманитарной, фундаментальной подготовки в случае отказа от двухступенной научной квалификации и превращения вузов в «кредитные лавки» высказывались и на «Круглом столе» по проблеме образования и Болонскому процессу, проведенном на социологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Всемерное отстаивание научно-педагогическим сообществом универсальности, гуманитарной составляющей и фундаментальности образования остается важнейшей задачей российской высшей школы в условиях ее реформирования. При разработке учебных планов подготовки бакалавра и магистра представляется целесообразным сохранение значительного объема часов аудиторных занятий, а сокращение часов на изучение фундаментальных и специальных дисциплин возможно компенсировать посредством включения в подготовку студентов взаимодополняемых курсов (к примеру, проблемные по истории западной и восточной цивилизаций дополняются более ориентированными на историю отдельных стран). Заметим также, что компетентностный подход в образовании, поддерживаемый Болонскими реформами, позволяет широко использовать отечественный опыт формирования системных компетенций, прежде всего в сфере постановки и руководства научно-исследовательской работой студентов.

**Проблемы российской революции 1917 г. в исследовании
Питирима Сорокина «Социология революции».**

Понимание основных проблем российской революции 1917г. сегодня невозможно представить без оценок и анализа этого процесса со стороны передовой мыслящей эмиграции, одним из ярких представителей которой являлся Питириим Александрович Сорокин.

Идейное наследие выдающегося нашего соотечественника, ученого социолога с мировым именем Питирима Сорокина стало возвращаться к нам сравнительно недавно, лишь в постперестроечный период. Оно более всего изучается сегодня социологами, и менее всего проявляли интерес к его наследию историки. Между тем в творческой лаборатории П.Сорокина, которую еще предстоит осваивать нашим современникам, мы находим уникальное сочетание исторического и социологического анализа и синтеза сущности и характера русской революции. С этой точки зрения русская революция с присущими ей деталями и подробностями – объект историка, а революция как тип – объект социолога. В опубликованном в России впервые только в 2005 году фундаментальном исследовании «Социология революции» Сорокин первый и, пожалуй, на сегодня единственный, кто дерзнул дать масштабное полотно русской революции в сравнительно-историческом контексте со всеми мировыми революциями. По сути, в этом уникальном труде наглядно представлена на солидном документальном материале вся анатомия и физиология русской революции начала XX века, все основные виды и формы социокультурных деформаций в революционном процессе. Особенно убедительно, с пронизывающей остротой и доказательностью представлены в ней нравственные деформации.

Несомненной заслугой П. Сорокина как историка и социолога является глубокое осмысление социокультурных основ русской революции, которые он затрагивает в книге «Современное состояние России» (1923), в статье «Россия после НЭПа» (1923), фундаментальном исследовании «Голод как фактор» (1922) и наконец, в работе «Социология революции» (1925). Сам термин «социология революции» именно П.Сорокин ввел в научный оборот. Масштабное исследование русской революции 1917-23гг. и всех основных революций в других странах позволило ученому выделить закономерности и специфические особенности мирового революционного процесса, и сопровождающих его деформаций.

По мнению П. Сорокина, всякая революция, описывая полный цикл своего развития, проходит три типичных фазы. Первая фаза, как правило, быстротечна. Она отмечена радостью по поводу освобождения от гнета старого режима и великими надеждами на реформы, которые обещают все революции. Эту первоначальную стадию можно назвать лучезарной: ее

власть гуманна и великодушна, действия мягки, нерешительны и довольно бессильны. В человеке начинает просыпаться «звериное начало». Эта короткая увертюра сменяется обычно второй, разрушительной фазой. Революция превращается теперь в неистовый ураган, который разрушает все без разбору на своем пути. Он безжалостно выкорчевывает не только устаревшие, но и полнокровные институты, которые он разрушает наравне с мертвыми или отжившими свое ценностями; он убивает не только паразитарную старорежимную властвующую элиту, но также и множество творческих личностей и групп. На этой стадии революционная власть безжалостна, тиранична и кровожадна. Ее действия в основном разрушительны, ее методы – насилие и террор. Если ураганная фаза не разрушит нацию до основания, революция постепенно перерастает в третью, конструктивную фазу. Все контрреволюционные силы уничтожены, начинается строительство нового порядка, новой культуры, нового человека. Этот новый порядок создается не только на основе революционных идеалов, но предусматривает и реставрацию наиболее жизненных дореволюционных институтов, ценностей и тех особенностей быта, которые на время были разрушены во второй фазе революции и которые оживают и восстанавливаются независимо от желаний революционной власти. Таким образом, послереволюционный порядок обычно представляет собой смешение новых порядков и нового образа жизни со старыми, жизненными и продуктивными порядками дореволюционного времени. Примерно с конца 20-х годов начался переход русской революции к этой продуктивной фазе, которая достигла своего полного развития.

П.Сорокин отмечает высокую степень социальной мобильности в период революции. Революция напоминала ему «крупное землетрясение, которое опрокидывает вверх дном все слои на территории геологического катаклизма». По его утверждению, никогда в нормальные периоды русское общество не знало столь сильной вертикальной мобильности. Большевики в России до революции не имели какого-либо особо признанного высокого положения. Во время революции эта группа преодолела огромную социальную дистанцию и заняла самое высокое положение в русском обществе. В результате все ее члены были подняты до статуса, занимаемого ранее царской аристократией. П.Сорокин отмечает, что лучше всех после революции живет «политическим горлопанам и демагогам: постоянные выступления на митингах, революционные речи, лозунги, призывы создают им репутацию непримиримых борцов за правое дело. А это и есть общественная карьера, а стало быть, власть, деньги, привилегии. Вот еще один парадокс, точнее сказать, тупик революции: она выталкивает на общественную сцену не самых работающих, а самых говорливых. Трибуны, а не специалисты – истинные герои революции». В исследованиях П.Сорокина четко прослеживаются особенности социокультурных деформаций в революции. Он констатирует: «Война, голод и революция резко изменили и психику, и поведение русских граждан, особенно молодого поколения. На

субъективном языке это характеризуется нравственной, умственной и социальной деградацией. Изменились поведение (и психика) взрослого и молодого поколения в нравственном отношении». Об этом свидетельствует движение преступности в России за эти годы. В доказательство П.Сорокин приводит убедительную статистику роста преступности за 1917 – 1918гг. по сравнению с предшествующими годами.

Особое состояние революции, на которое обращает внимание П. Сорокин, это потеря «исторической памяти» народа, каждая великая революция хочет начать историю с даты собственного рождения. Отсюда культурное варварство и нигилизм по отношению к собственному прошлому, другим культурам. По его убеждению, эта болезнь излечивается, но ее разрушительные последствия сказываются очень долго.

П. Сорокин обратил внимание на то, что в революционный период происходит изменение сущности и характера ценностей и идеалов. Их анализ позволил Сорокину раскрыть иллюзорность ценностей и идеалов, воспроизведенных в период радикальных преобразований, и сформулировать основной закон, названный им «законом социального иллюзионизма». Так, Сорокин проанализировал ряд идеалов, выдвинутых февральской и октябрьской революциями 1917г., сравнивая их с действительностью, после того, как прошло два-три года. В революции ставилась задача разрушить социальную пирамиду неравенства, уничтожить эксплуатацию, - действительно, «кто был ничем, тот стал всем», но сама пирамида имущественного и правового неравенства не исчезла, а массы утратили даже формальные права, включая право на жизнь. После провозглашения свободы совести, слова, печати, союзов, собраний власть стала «учитывать и контролировать» все стороны поведения и взаимоотношения людей. Гражданам предписывалось, какой профессией заниматься, где жить, что читать и писать, во что верить, что говорить, что порицать и т.д.

Сорокин отмечал, что революции, несмотря на идейные побуждения самих революционеров, изменяют поведение людей далеко не в лучшую сторону, культивируя вражду, злобу, ненависть, разрушение, обман. Освободиться от этих явлений никому не дано, они неизбежны, ибо революции «биологизируют» поведение людей. Правда в революции есть и обратная сторона – жертвенности, подвижничества и героизма. Но «эти явления – достояние единиц, а не масс, их роль ничтожна сравнительно с «биологизирующей» и «криминализирующей» ролью революции».

Эти процессы затронули в большей или меньшей степени все страны, в которых происходили революции, включая и Россию. Будучи сам в прошлом социалистом-революционером, Питирим Сорокин не смотрел на революцию сквозь розовые очки. Пройдя сквозь горнило и ужасы русской революции, в которой едва не оборвалась его жизнь, П. Сорокин в своем исследовании уделил огромное внимание социокультурным деформациям в революции, вызывающим ее причинам, роли голода в исторических потрясениях. Опираясь на собственный жизненный опыт, он отрицательно оценивал этот

социальный феномен, вызванные им страдания, последствия, которые противоречат деяниям и обещаниям ее зачинателей. Обосновав в 20-е годы «закон социального иллюзионизма», он как ученый-социолог тщательно проанализировал побудительные мотивы революционного взрыва, его предпосылки и этапы. Он считал, что революция – это катаклизм в социально-политической сфере и что плодотворными для обогащения духовного и нравственного мира человечества могут быть лишь качественные скачки в социокультурной динамике (т.е. первенство духовной, социокультурной сферы – культуры, науки, нравственности, права, религии).

Наше общество переживает сегодня период мучительной трансформации, переоценки ценностей, сбрасывания устаревших понятий. И на этом фоне идеи и выводы Пителима Сорокина могут иметь огромное значение. Порой кажется, что он обращается к нам, раскрывает пути преодоления духовного и нравственного кризиса, через которые проходит современная Россия.

Особенно важны для нас те нравственные уроки революции, которые представил П. Сорокин в своем уникальном идейном наследии. В частности, мысль о непродуктивности и опасности насилия в истории, высказанная после эмиграции, привела ученого к идее изучения противоположного, альтруистического поведения, которое, по его мнению, является единственно ценным и полезным как для общества в целом, так и для самого человека – альтруиста. К этому в конце жизни ученый пришел именно под влиянием русской революции, участником и жертвой которой он сам являлся. В одной из своих работ он писал: «В 1918 году правители коммунистической России объявили на меня охоту. В конце концов я был брошен в тюрьму и приговорен к расстрелу. Ежедневно в течении шести недель я ожидал смерти и был свидетелем казни моих друзей и товарищей по заключению. В течение следующих четырех лет, пока я оставался в коммунистической России, мне довелось испытать многое; я был свидетелем беспредельного, душераздирающего ужаса от царящей повсюду жестокости, смерти и разрушения. И именно тогда я занес в свой дневник – в качестве «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» следующие строки: «Что бы ни случилось со мной в будущем, я уверен, что три вещи навсегда останутся убеждениями моего сердца и ума. Жизнь, как бы ни тяжела она была, - это самая высшая, самая прекрасная, самая чудесная ценность в этом мире. Превратить ее в служение долгу – вот еще одно чудо, способное сделать жизнь счастливой. В этом я также убежден. И наконец, я убежден, что ненависть, жестокость и несправедливость не могут и никогда не смогут построить на земле Царство Божие. К нему ведет лишь один путь: путь самоотверженной творческой любви, которая заключается не в молитве только, а прежде всего - в действии».

Это жизненное кредо П. Сорокина по существу является сегодня заветом нам, современникам о том, что наша судьба и возрождение России

зависит от каждого из нас, от усвоения нами нравственных уроков истории революций.

Метель О.В. (Омск)

**«История происхождения христианства» Э. Ренана: история религий
«по-позитивистски»?***

Жозеф Эрнест Ренан является одним из наиболее известных французских исследователей, занимавшихся историей происхождения христианства. Он оказался в числе тех немногих французских историков, занимавшихся разработкой данного сюжета, чьи труды были переведены на русский язык (Э. де Прессансе, А. Ревиль), и единственным, чьи сочинения выдержали многократные переиздания. Вместе с тем, степень изученности творчества данного автора в отечественной историографии представляется нам недостаточной, требуют уточнения отдельные аспекты, связанные, в первую очередь, с методологическими позициями Э. Ренана. Так, для отечественной науки аксиомой является принадлежность данного автора к историкам позитивистской ориентации. Между тем, знакомство с его историческими сочинениями позволяет скорректировать столь однозначное утверждение.

Обращаясь к «Истории происхождения христианства» Э. Ренана, мы сталкиваемся с двумя основными установками автора: с одной стороны, он стремится написать историю данной религии, свободную от любых теологических построений, выполненную на основе беспристрастной критики источников, с другой – не ограничивается простым изложением «добытых» фактов, настаивая на необходимости формирования целостного исторического полотна, отдельные элементы которого могут быть воссозданы лишь благодаря *воображению* (курсив мой – О.М.) исследователя, следовательно, последний вынужден прибегать к гипотезам. С точки зрения французского историка, главное – правдиво представить *общую* (курсив мой – О.М.) линию развития, а не стремиться доказать достоверность каждой мелкой детали. Таким образом, отдельный факт оказывается для Э. Ренана лишь материалом для интерпретации, в которой участвует воображение и интуиция, и, в результате, рождается целостная картина прошлого. Однако, с точки зрения автора, подобный метод применим лишь для периода происхождения христианства (с начала I в. до 160 г.) и не может быть использован тогда, когда мы вступаем на прочную почву церковной истории (с конца II в.).

Если мы сопоставим подобную исследовательскую практику с тем пониманием позитивизма, которое господствует в отечественной науке, то мы будем вынуждены признать существенные различия, наблюдающиеся между ними. Позитивизм, зачастую рассматриваемый как история «ножниц и

клея», первостепенное внимание уделяет фактам, которые должны быть «открыты» в источниках. Историк должен отказаться от субъективных оценок и, опираясь на факты, выстраивать закономерности. Таким процедурам, как воображение, интуиция не место в историческом исследовании. Только так история может стать строгой наукой.

Исходя из подобной интерпретации, придётся признать, что Э. Ренан ближе к романтической модели историописания. Именно романтики, поставив историческое исследование на почву твердого следования документам, использовали методы воображения, «вживания в прошлое» для осмысления разрозненных событий, зафиксированных в источниках. Б.Г. Реизов справедливо отмечает, что факт сам по себе казался романтикам недостаточным, необходима была поэзия, чтобы выразить историческую истину. Сочинения историков данного направления представляли собой нарратив, где эффект объяснения достигался за счет построения сюжета, «авторская кухня» – критика отдельных фактов – выносилась за пределы исторического полотна. Названное, во многом, соответствует исследовательской практике Э. Ренана. Так, мы не найдём никаких следов кропотливого анализа источников в главах «Истории происхождения христианства», т.к. данный материал представлен во введениях к отдельным томам, предваряя основное изложение.

Близость французского учёного к историкам-романтикам подтверждается также стилем изложения материала, богатого литературными приёмами и приближающего, по оценкам ряда критиков, произведения Э. Ренана, особенно «Жизнь Иисуса» к жанру романа. Не случайно, П. Альфарик отмечает, что образцом исторического письма для французского историка и филолога был Ж. Мишле.

Вместе с тем, однозначное причисление Э. Ренана к лагерю романтиков имеет известные ограничения. Во-первых, мы подчёркиваем ограниченную возможность применения воображения Э. Ренаном, когда построение гипотез оказывается применимым лишь к тем эпохам, для которых нет достоверных и проверенных сведений. Во-вторых, он не отказывается полностью от практики извлечения фактов из источников, считая, что именно открытием фактов и установлением связей между ними и должна заниматься положительная наука. Другое дело, что в некоторых случаях подобная процедура оказывается недостаточной. В-третьих, позитивизм во Франции означал не столько «научную революцию» и разрыв с идеями романтиков, сколько профессионализацию истории. Позитивисты не отказываются от интерпретаций, более того, Г. Моно указывал на необходимость ставить себя на место людей прошлого, изучать события в той среде, где они произошли.

Таким образом, в фигуре Э. Ренана мы видим сближение романтической и позитивистской моделей построения исторического исследования.

** Работа проводилась при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, государственный контракт № 14.740.11.1306.*

Николаев Д.А. (Нижний Новгород)

К истории восстания ихэтуаней в Китае: малоизвестные эпистолярные источники начала XX века.

Восстание боксеров в Китае явилось одним из наиболее серьезных военных конфликтов в Азиатско-Тихоокеанском регионе начала XX в. Его причинами являлись налоговый гнет, масштабное отчуждение земель под строительство железной дороги, поощрение правящей династии Цин широкой экономической экспансии иностранных держав. Все эти факторы привели к тому, что в 1900 г. в Китае началось восстание, вдохновителем и организатором которого стало общество «И-хэ-туань» («Кулак во имя справедливости и согласия»), позже весьма упрощенно названное «боксерским». Совместными усилиями великих держав (Германии, Японии, США, Италии, Франции, Англии, Австро-Венгрии и России) восстание было подавлено и в сентябре 1901г. подписан «заключительный протокол» между иностранными державами и Китаем.

Не углубляясь в последствия этого, важнейшего для судьбы региона, политического события, следует отметить, что изучение действий на территории Китая русского экспедиционного корпуса, участвовавшего, совместно с армиями других государств, в подавлении восстания, представляет несомненный научно-практический интерес. Одним из направлений научного поиска является изучение эпистолярно-мемуарного наследия современников и участников указанных событий с целью максимально полного и достоверного исследования данного вопроса.

В фондах Центрального архива Нижегородской области автору этих строк удалось обнаружить материалы, имеющие прямое отношение к рассматриваемой теме и которые являются новыми, еще не опубликованными источниками по данной научной проблеме. Это письма, адресованные нижегородскому городскому голове А.М.Меморскому его другом, генерал-майором Церпицким и отправленные прямо с театра военных действий. Генерал-майор Церпицкий- непосредственный участник событий 1900-1901гг., командир второй, т.н., «Восточно-сибирской» стрелковой бригады, которая, совместно с другими подразделениями русской армии и воинскими контингентами других стран вела активные боевые действия в Манчжурии против отрядов повстанцев.

Эпистолярное наследие Церпицкого составляет шесть писем, отправленных им в период с октября 1900г. по август 1901г. из городов: Шанхай-Гуаня, Мукдена (три письма), Порт-Артура и Владивостока. Первое письмо датировано 15-м октября 1900г., три последующих- второй

половиной апреля 1901г., остальные- августом 1901г. Общий объем текста составляет 30 страниц. Записи произведены черными чернилами на плотной белой бумаге, одним, не очень разборчивым почерком; письма от апреля 1901г., отправленные из Мукдена, написаны на бланках с грифом «Начальник Маньчжурского отряда», письмо из Порт-Артура- на бланке со штемпелем «O.S. Imperial Railways of North China». Кроме того, на многих листах имеются штампы Нижегородской ученой архивной комиссии (в ведении которых и находились документы) и городского головы.

К письмам приложен ряд документов делопроизводственного характера: «Приказ по отрядам Лунганской экспедиции» от 10 июля 1901г., подписанный генерал-лейтенантом, бароном Каульбарсом и два приказа «Главного Начальника и Командующего войсками Квантунской области и морскими силами Тихого океана» (от 27 сентября 1900г. и от 17 июня 1901г.), подписанные генерал-адъютантом Алексеевым.

Отряд, предводительствуемый Церпицким, взял несколько мятежных городов-крепостей, осуществил несколько экспедиций в Восточную Манчжурию, участвовал в тяжелых боях в непривычных и суровых природно-географических условиях. Оценивая проведенные походы и сражения, Церпицкий отмечает героизм и мужество, воинское умение своих солдат, имевших дело, как правило, с численно превосходящим противником. Несомненной заслугой командира отряда был и низкий уровень боевых потерь (о которых выражается искреннее сожаление). Письма Церпицкого фиксируют не только сугубо батальные подробности экспедиций и зарисовки картин воинского быта, это, в первую очередь, внимательные, субъективные и пристрастные заметки любознательного путешественника, трезво мыслящего и хладнокровного политика, государственного «служилого человека», не забывающего, впрочем, отметить в превосходной степени свои собственные заслуги.

Церпицкий отмечал разрозненность действий и слабость местных властей, продажность, трусость и кумовство китайских чиновников, многие из которых втайне сочувствовали восставшим. Помимо борьбы с «идейным» повстанческим движением, русские войска ликвидировали большое количество неизменных «спутников» любой войны- разбойничьих шаек, живущих грабежом местного населения, не имеющего защиты и безропотно переносящего все; почувствовав в русском отряде реальную защиту от притеснителей, местные жители стали гораздо лучше относиться к русским солдатам.

В письмах отмечаются природно-географические особенности края, наличие полезных ископаемых, места бродов и переправ, оценивается состояние путей сообщения в различные времена года- все эти факторы рассматриваются с вполне очевидной перспективной целью дальнейшего экономического развития Восточной Маньчжурии с широким привлечением российского капитала. Значительное внимание в письмах уделяется различным сторонам жизни и быта населения, приводятся многие

любопытные сведения этнографического характера, описываются памятники прошлого (кумирни, усыпальницы и пр.), фотографические снимки которых, как указано в тексте, отправлялись адресату вместе с прочей корреспонденцией.

Эпистолярные источники региональных архивов Российской Федерации являются неотъемлемой составляющей общего корпуса источников по многим вопросам военно-политической истории России XIX-начала XX вв., постоянным предметом локальных эвристических изысканий, актуальность которых вполне очевидна.

Петелин Б.В.(Череповец)

Революция и контрреволюция: политический словарь современной истории.

Современная история дала немало событий, которые вошли в политический лексикон как «революции»: крах реального социализма в Восточной Европе, распад СССР и Югославии и последовавшие за этим вооруженные конфликты на территории этих государств, всевозможные «цветные революции», перекинувшиеся из Европы в Северную Африку, Ближний и Средний Восток. Где и когда остановится вал социальных потрясений, и не пойдет ли он по кругу, можно лишь предполагать. Да, мир радикально меняется. Но чем обусловлены эти перемены? Наблюдаем ли мы череду «революций» («перманентную революцию»), или эти события имеют иную природу?

Под «революцией» принято понимать качественное изменение в развитии природы, общества или познания, сопряженное с открытым разрывом с предыдущим состоянием. В.И.Ленин – выдающийся революционный теоретик и практик, не раз заявлял: «Революция – это локомотив истории», то есть обновление общества идет революционным путем. Современность принесла разнообразие всевозможных революций: «научные», «технические», «демографические», «сексуальные», «зеленые» и т. д. В исторической науке принято подразделять их на «социальные» и «политические». Первые – ведут к смене общественного строя, вторые – замене одного политического режима другим, что, безусловно, должно в перспективе повлиять на социально-экономическое развитие, иначе такая «революция» не выйдет за рамки обычного государственного переворота.

В марксистской исторической науке наибольшее внимание уделялось «буржуазным революциям». Это можно объяснить тем, что буржуазные революции вели не только к победе капитализма, но и формировали его «могильщика» – пролетариат, миссия которого была обоснована Марксом и Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии». Октябрьская революция 1917 г., при всем различии оценок, стала воплощением марксистских идей. Однако спустя семьдесят лет от завоеваний революции

ничего не осталось: советской власти, социализма, Советского Союза. Современная Россия в межгосударственных отношениях стала правопреемником СССР, но во всем остальном – полный разрыв с советской историей. Впору говорить о торжестве контрреволюции. Обратимся снова к Ленину, суждения которого должны быть в политическом словаре. Он говорил, что «революция и контрреволюция – одно целое общественное движение, развивающееся по своей внутренней логике... Революция без контрреволюции не бывает и не может быть». Получается, что изучать контрреволюцию не менее важно, чем революцию. Насколько такой подход приближает нас к установлению истинного содержания в происходящих ныне событиях?

Если ранее в трактовке революций указывалось на ее прогрессивное значение, на позитивные результаты революционных перемен, то сейчас акценты сместились. Подчеркивается ее разрушительное воздействие на сложившийся социальный порядок, то есть революция предстает как «противоестественное явление», ибо оно направлено против «нормального», «естественного» состояния общества. По мнению политологов – «революция есть патология, а не норма». Затяжная революция, в качестве примера ссылаются на Россию («есть у революции начало, нет у революции конца») – это хроническая социальная болезнь, от которой она так и не излечилась.

Перестройка в СССР была заявлена как «прямое продолжение Октября». Фактически таковой она и стала, ибо ее результаты стали действительно «революционными». Уничтожение СССР произошло не вследствие войны, к чему он был готов, а стало результатом внутренней политики правящей коммунистической элиты. Поэтому можно согласиться с тем, что контрреволюция, прежде всего, есть внутренний момент революции, а не ее внешняя противоположность. Контрреволюция – это завершающая стадия революции. История революций, той же Великой французской буржуазной революции, подтверждает этот вывод. Но контрреволюция, восстанавливая порядок, вовсе не ведет к буквальной реставрации прошлого. Это не возможно, да и этого не требуется. Порядок устанавливается «новый», что достигается более насильственными средствами, чем это было при свершении революции: «Больше всего жертв революция оставляет не «на входе», а «на выходе». В то же время приход контрреволюции не является целью революционеров. До тех пор пока продолжаются революционные действия и преобразования, а революционеры остаются верны тем идеям, целям и программам, во имя которых начиналась революция, она будет иметь потенциал для развития. Но если только революция останавливается или замедляет свой темп, за этим немедленно торжествуют реакция и контрреволюция.

Как оценивать современные «цветные» революции? К какому новому состоянию ведут они народы и страны? Начавшаяся «революционная весна» в североафриканских государствах и странах Ближнего Востока привела пока лишь к устранению прежних политических режимов, которые обладали

определенной легитимностью, иначе они не продержались бы столько лет, а новым режимам свою легитимность еще предстоит доказать. Их приход к власти при поддержке внешних сил, США, ЕС, НАТО, как это происходит, например, в Ливии, имеет мало общего с революцией. По сути, мы наблюдаем интервенцию и гражданские войны, где целью является не обновление общества, а установление контроля над природными ресурсами, для чего требуются новые, более управляемые власти.

Вероятность подлинной социальной революции в России, странах Запада не велика. Разрыв с капитализмом, как это обещали тридцать лет назад французские левые своим избирателям, оказался не осуществимым. Сегодня «выход из капитализма» не предлагают даже российские коммунисты. Может быть, пришло время вычеркнуть «революцию» из политического словаря? Но как быть с тем фактом, когда на улицы европейских и американских городов с социальным протестом выходят сегодня миллионы граждан? Решить их проблемы только реформами, не меняя социально-экономических и политических условий, видимо уже не приведет общество к согласию и стабильности.

Стрелец М.В. (Брест)

Серьезный вклад в иудаику и гебраистику.

История евреев Беларуси насчитывает свыше шести веков. Какой след оставили евреи в ее истории? Каким было сосуществование евреев и белорусов? Как выдерживались стандарты в государственной политике по отношению к евреям? Удалось ли сохранить евреям свою религию и традицию в Северо-Западном крае Российской империи, а затем в советской Белоруссии? Через какие испытания прошли белорусские евреи?

Ответы на эти вопросы ищут краеведы и историки, публицисты и журналисты, художники и писатели. У каждого из них свой подход и задачи, свои приемы и методы. Их отличает не только угол зрения в освещении этой проблемы, но и подготовка, накопленный опыт и намерения. Вот почему тема, над которой трудятся многие авторы, до сих пор не до конца не раскрыта. Поле деятельности в белорусской иудаике остается необозримо широким.

В этой связи привлекает внимание исследование израильского учёного Леонида Смиловицкого, посвященное одному из краеугольных исторических мест в белорусской истории – Турову и его жителям. Однако в отличие от своих предшественников, автор не останавливает повествование событиями XI-XII в., когда распалось Туровское княжество, а доводит его почти до наших дней. (Смиловицкий, Леонид. Евреи в Турове: история местечка Мозырского Полесья. - Иерусалим, 2008).

Настоящее исследование, посвященное еврейскому местечку в Мозырском Полесье на примере Турова, выполнено в рамках региональной истории, уделяющей главное внимание жизни провинции и «маленькому человеку», с его заботами и трудностями, радостями и достижениями. Такой подход позволил автору сопоставить события прошлого на уровне местечка, уезда и губернии, района, округа и области в общегосударственном и национальном контекстах, показать, как политика из центра воспринималась на местах и претворялась на практике [1, с.11].

Учёный демонстрирует диалектическое единство общего и особенного в процессе освещения событий из жизни еврейской общины. Хронологические рамки исследования охватывают время с 1860 до 1960-х гг., в течение которого произошли становление, расцвет и угасание общины. Все события поданы в контексте общей истории Российской империи и пришедшего ей на смену Советского Союза, неотъемлемой частью которых была Белоруссия [1, с. 11]. Автор собрал и проанализировал многочисленные и разнообразные источники, большинство документальных сведений приводятся впервые. Основная часть была выявлена в архивах, среди которых семь белорусских, семь российских, один украинский, четыре израильских и два американских. Представлены уникальные данные о противоборстве большевиков с сионистскими группами и левыми коммунистическими движениями, разгроме еврейской религиозной жизни, сталинских чистках и репрессиях в Турове и Мозырском округе, почерпнутые в Центральном архиве КГБ Республики Беларусь в Минске и архиве управления КГБ по Гомельской области [1, с. 12].

История Турова представляет несомненный интерес при выявлении взаимоотношений между титульным этносом и евреями. Долгие годы совместного проживания заставили евреев и белорусов приспособиваться друг к другу и воспринимать то лучшее, что их взаимно обогатило. Разительные отличия в быту, языке, религии, в подходе к восприятию мира и решению жизненно важных задач, определявших их поведение, не помешали с уважением относиться к народному наследию, накопленному в течение столетий [1, с. 71].

Автор не ставит знак равенства между массовым общественным сознанием и позицией властных структур в их отношении к евреям, их истории, культуре и традиции. Как до, так и после революции 1917 г., власти использовали умения, навыки, знания евреев, однако, при всяком удобном случае манипулировали общественным сознанием, внушая обывателю, что именно в евреях кроется главная причина всех его насущных проблем. При этом автору удалось выявить как сходство, так и различие в государственном антисемитизме в царской России и СССР.

Беларусь многим обязана евреям. Быстрое развитие капиталистических отношений после отмены крепостного права и событий 1863 г. выдвинуло евреев на передние позиции в крае. Будучи всегда лично свободными людьми, они смогли быстро собрать первоначальный капитал и проявить

экономическую активность. Все первые мануфактуры, паровые мельницы, переправы через реки, кирпичные и смолокурные предприятия в Мозырском уезде в XIX веке принадлежали евреям [1, с. 40]. Евреи сыграли важную роль не только в развитии товарно-денежных отношений, ремесел, но и медицины, образовании, науки, военном деле. Их заслуги как людей знающих и преданных своему делу часто сводили на нет многие официальные ограничения на местах. Это создавало атмосферу межнационального доверия и взаимопомощи, что благотворно влияло на добрососедское сосуществование двух народов [1, с. 191].

Евреи многократно доказывали свой патриотизм. Патриотический подъём, охвативший воюющие стороны с началом первой мировой войны, не оставил их в стороне. Процент евреев в армии был выше, чем в составе населения империи в целом. В 1914 г. в российской армии насчитывалось 400 тысяч евреев, а к концу 1916 г. их количество возросло до 500 тысяч. Выпускники гимназий и университетов, освобождённые от призыва, пошли на фронт добровольцами. В армии служило много евреев-врачей, а некоторых произвели в офицеры, тысячи евреев были награждены за участие в войне, а некоторые стали полными Георгиевскими кавалерами [1, с. 168].

Очень трогательно и с большим знанием написана глава «Гибель общины», в которой раскрывается трагедия Катастрофы восточноевропейского еврейства на примере Мозырского Полесья. 218 евреев, уроженцев Турова и Туровского района, стали участниками Великой Отечественной войны [1, с. 711 – 724]. Среди них многие были удостоены правительственных наград, а Владимир Хаимович Гоникман был представлен к званию Героя Советского Союза за операцию при форсировании Одера (январь 1945 г.) [1, с. 714]. Среди евреев Турова были и те, кто стоял у истоков партизанского движения в Беларуси и среди них - организатор Туровского партизанского отряда Гирш Лейбович Дворкин [1, с. 716].

История туровских евреев свидетельствует о том, что не все были винтиками, которыми манипулировала правящая коммунистическая партия. В двадцатые годы прошлого века Мозырский округ считался наиболее подверженным сионистскому влиянию в республике [1, с. 292]. С началом НЭПа сионистские группы в Турове обрели второе дыхание. Это были отделения Поалей Цион, ha-Шомер, ha-цаир и ha-Цофим. Наиболее активных сионистов возглавлял Глеберзон [1, с. 300]. И после исчезновения сионизма из общественно-политического спектра БССР в Турове нашлись люди, которые правильно оценивали политику властей. Раввин Мовша Медведский называл Основной Закон в СССР формальностью, существующей для отвода глаз. Ему приписывают слова о том, что свобода слова, печати в Конституции существуют только на бумаге, что в стране никто не имеет права открыто говорить то, что он думает: «За границей, хотя свобода и ограничена, но каждая партия имеет свою газету, а у нас скажи хоть слово, так тебя посадят. Выбирать в Советы будут тайно, но за каждым будет

установлена слежка. Под нажимом выберут тех, кого выставит партия, а не народ ...»[1, с. 478].

В годы немецкой оккупации от рук нацистов в Турове погибло около 700 чел. [1, с. 639] Конечно, большинство из них составили евреи, которые не подозревали о грозившей им опасности от рук нацистов. Как это объяснить? Высшее советское руководство опасалось, что специальные мероприятия по спасению еврейского населения, во-первых, подтвердят тезис нацистской пропаганды о господстве в СССР «евреев и комиссаров», во-вторых, вступят в противоречие с декларациями о равноправии и дружбе всех народов страны, в-третьих, приведут к межнациональным трениям и раздорам, а также помешают мобилизовать население на отпор врагу в тылу и, тем самым, снизят боеспособность Красной Армии. Если бы не проводилась такая политика, то можно было бы избежать колоссальных масштабов Катастрофы советского еврейства [1, с. 603 – 604]. Да и после окончания войны политика Сталина в отношении евреев не изменилась. И все это как в капле воды нашло отражение на примере одного отдельно взятого еврейского местечка в Беларуси.

На судьбах туровских евреев отразились и последствия сфабрикованного сталинскими чекистами «дела врачей». В 1953 году были сняты с руководящей работы в Туровском районе Сергей Исаакович Гительман, Евсей Абрамович Лельчук, Соня Лазаревна Храпунская [1, с. 713 – 714]. Многие евреи могли сделать внушительную карьеру, однако в условиях государственного антисемитизма они были лишены возможности проявить себя в полной мере. Наум Перкин стал доктором филологических наук, профессором [1, с. 607], Лев Гоберман – генерал-майором ветеринарной службы, заместителем начальника Ветеринарного управления Советской Армии [1, с. 608], Беез Маркович Рехтман – полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор [1, с. 609].

Л.Л. Смиловицкий уделяет много внимания сохранению этнокультурной специфики евреев на протяжении более полутора столетия. Автор увлекательно рассказывает о хедерах, синагогах, советской школе на идиш. Он убедительно показывает целенаправленную политику КПСС и советского государства по ликвидации еврейской культуры, по забвению языка и традиции, по преследованию верующих, по закрытию синагог и миньянов.

Монография прекрасно издана и богато иллюстрирована. Текст сопровождают хорошо организованные справочные материалы: словарь терминов и понятий [1, с. 742 – 752], словарь сокращений [1, с. 753 – 754], именной указатель [1, с. 771 – 792] и географический [1, с. 793 – 799] указатели.

Таким образом, есть все основания для оценки рецензируемой книги как серьёзного вклада в иудаику и гебраистику. Её с большим интересом прочтут учёные, преподаватели, студенты, магистранты, аспиранты, краеведы, все, кто интересуется историей Беларуси.

**Изучение международных отношений через биографию дипломата:
к теоретическому осмыслению проблемы.**

Осознание значения личности, индивидуума для понимания путей и особенностей общественного развития в последние годы ярко отразилось в гуманитарных штудиях, включая труды историков. В результате, если еще в 1990-е гг. некоторые исследователи сетовали на отсутствие в России «традиции писать ученые книги, аргументируя их от личной истории» (В. Пешков), то сегодня мы имеем яркие работы в рамках микроисторического подхода, которые укладываются в русло проблемы «Изучение международных отношений через биографию дипломата». Причем исследователи (например, Я. Я. Гришин из Казанского университета или А. А. Корнилов из университета Нижнего Новгорода), создавая интересные жизнеописания, умело вплетают поступки своих героев в международные события настолько глубоко, что отрыв дипломатии от личности разрывает целостное историческое полотно.

При подготовке исторической биографии происходит столкновение двух начал – описание героя, вписанного в контекст своей эпохи, и автора, испытывающего зависимость от своего времени. В результате этого диалектического противоречия «в биографии как ни в каком ином жанре автор выражает самого себя через героя, которому посвящено его исследование, а через себя – и особенности, и требования, и сущности своего времени» (Павлова Т. А. Психологическое и социальное в исторической биографии // Политическая история на пороге XXI века: Традиции и новации. М., 1995. С. 87). Преодолеть данную двойственность, по нашему мнению, невозможно. Человек не может *бесстрастно* оценивать само прошлое и людей прошлого. К тому же процесс отражения объективной реальности, которая существует вне и независимо от попыток ее познания, отражается в научном знании с некоторым запозданием. Кроме того, выделение основных характеристик объекта и перенесение их в процессе познания на предмет требуют упрощения реальности или редуцирования сложности. В результате объект исследования предстает несколько искаженным. И главная причина этого – субъективизм. Человеческое познание способно дать лишь «приблизительную картину мира, никогда не достигая абсолютного знания о нем» (Цыганков П. А. Международные отношения. М., 1996. С. 44). Прямым следствием такого положения является множество точек зрения на одно и то же историческое событие или (*тем более*) на историческую личность. Наглядным примером служат современные дискуссии о жизни и деятельности Ивана IV Грозного, Петра I, П. А. Столыпина, В. И. Ленина или И. В. Сталина, о влиянии на их поступки воспитания, образования, социума, особенностей психики и т.д.

Развитие жанра жизнеописаний помимо вышеотмеченного порождает еще один сложно разрешимый вопрос – нахождение «золотой середины» между персональной историей и «историей вообще». Как отмечает Л. П. Репина, из этой дихотомии формируются две версии или платформы персональной истории («социальная» и «экзистенциальная»), которые ориентируются «на принципиально различные исследовательские стратегии» (Репина Л. П. Личность и общество, или история в биографиях: (Вместо предисловия) // История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. С. 12). В рамках первого направления исследуется не только личностная история, но и история через личность. Вторая стратегия обращена к изучению «психологических характеристик и сознательно ограничивается „несоциальными” видами биографизма».

Автор настоящего материала сторонник первого направления, ибо лишь оно, предполагая равнозначность и взаимозависимость социокультурного и личностно-психологического аспектов, позволяет изучать «внешнюю историю», включая и историю международных отношений.

Следующий комплекс проблем, встающих при обращении к теме «Изучение международных отношений через биографию дипломата», связан с терминологией. И, прежде всего, с содержанием понятия «международные отношения». По нашему мнению, при всем богатстве современных трактовок одним из наиболее удачных останется определение, сформулированное отечественными учеными еще в 1960-е гг. (Международные отношения после Второй мировой войны: В 3 т. М., 1962. Т. 1. С. XXVI), правда, с существенной коррекцией – заменой детерминистских представлений о развитии международных отношений (господства причинно-следственных связей, имеющих линейный характер) стохастическим (вероятностно-статистическим) знанием и отказом от классового подхода как стержня при анализе внешнеполитических проблем в пользу вневременных геополитических тенденций. Исходя из вышесказанного, нам представляется возможным дать следующее определение: *Международные отношения – это совокупность экономических, политических, идеологических, правовых, дипломатических, военных связей (общений и сношений) и обоюдных отношений между народами, между государствами и системами государств, между основными социальными, экономическими и политическими силами и организациями, которые действуют на международной арене. Определяющую роль в международных отношениях играют объективно существующие геополитические стратегии, корректируемые субъективными устремлениями социальных, религиозных или национальных групп, классов общества или личностей в их совокупности или в отдельности, что в итоге порождает многовариантность путей развития.*

Предлагаемое определение не претендует на универсализм, а преследует утилитарную цель – стать теоретической базой при изучении проблемы «Международные отношения через биографию дипломата». При

этом автор поддерживает мысль о необходимости разграничивать понятия внешняя политика и дипломатия. Внешняя политика определяется интересами государства, а дипломатия, хотя и отражает общую структуру государства, все же является лишь средством осуществления внешней политики (Демидов С. В. Международные отношения в Европе в 1919–1939 гг. М., 2001. С. 11, 17).

Дипломаты в нашем понимании – это «акторы», то есть социальные общности или индивиды, которые могут оказывать определенное влияние на международные отношения, признаны государствами и учитываются правительствами при принятии внешнеполитических решений, при этом они достаточно автономны в собственных поступках и являются элементами системы международных отношений.

Сегодня системная природа международных отношений не вызывает сомнений, как, впрочем, и системный подход к ее анализу. Это предполагает ориентацию исследований по истории международных отношений на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих ее механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину. Таким образом, центральным становится познание структуры объекта-системы как совокупности устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе.

По нашему мнению, системный подход при изучении биографии отдельного дипломата и его вклада в развитие международных отношений наиболее полно может быть реализован в трех исследовательских вариантах: структурно-функциональном, «вход–выход» и кибернетической модели.

При системном подходе к истории международных отношений нам представляется продуктивной мысль (не смотря на весьма аргументированные сомнения ряда авторов в ее обоснованности) о тесной связи собственно истории с политологией, социологией, экономикой и т. д. Этот процесс, связанный с методологическим плюрализмом, не «исключает возможности создания теорий» или некоего автономного «гибрида», вбирающего в себя и историю, и политологию и другие дисциплины (Образование в области международных отношений в российском регионе: государственный стандарт и региональные особенности: Материалы семинара заведующих кафедрами и ведущих преподавателей университетов Российской Федерации, февраль – май 2003 г. Иваново, 2003. С. 28, 34, 94 – 95, 99 – 101, 155).

Суммируя вышесказанное, можно выделить три основополагающих теоретических принципа работы по проблеме «Изучение международных отношений через биографию дипломата».

Во-первых, подобные труды предполагают изучения биографии дипломата, особенностей формирования его как личности и профессионала, как члена социально-политического и узкопрофессионального сообщества.

Во-вторых, исследования по теме «Международные отношения через биографию дипломата» требуют системного рассмотрения максимально

большого количества фактов о дипломатической деятельности интересующей персоны, то есть анализа устойчивых связей этих фактов в диалектическом сопряжении а) с событиями международной и внутривластной жизни как страны, интересы которой дипломат представляет, так и государства, в котором он выполняет свои обязанности дипломата, б) с его личностным восприятием наблюдаемых процессов, априорным и фактическим влиянием на них. Результатом этого этапа работы должно стать выстраивание событий в логическую схему и их синтезирование.

Третьим базовым принципом при разработке вопроса ««Изучение международных отношений через биографию дипломата» является исследование международных событий с позиций вневременных геополитических тенденций, что отличало отечественную общественную и научную мысль в конце XIX – начале XX столетий, и к чему сегодня призывают многие ведущие специалисты-международники. По нашим наблюдениям, сегодня геополитика не просто вернулась в работы отечественных ученых, но, постепенно, начинает доминировать в них, не смотря на существенные различия методологических подходов авторов и, как следствие, выводов их трудов.

Чикалова И.Р. (Минск)

Издание переводов «Всеобщих историй» в дореволюционной России в критических откликах и рецензиях.

В России на протяжении XIX в. укрепляется представление о недостаточности изолированного изучения истории отдельных стран и необходимости более широкого взгляда на мир. Всеобщие, или всемирные истории стали издаваться в избытке – от многотомных (как у Ф.К.Шлоссера) до скромной, на 200 с небольшим страниц, «Всеобщей истории для детей» Э.Лависса. В одном из номеров 1860 г. редакция журнала *Отечественные записки* сформулировала отношение к проблеме изучения истории: «Чтение монографий дает массу исторических сведений, развивает исторический смысл и понимание. Но, по свойству самих монографий, добытые с их помощью сведения будут иметь характер разрозненных обрывков: необходима дополняющая их общая связь; необходимо знать и понимать целое на столько, чтобы уметь отдельной части указать соответствующее ей место. Этой потребности стремятся удовлетворить труды по всемирной истории; они пишутся не для ученых специалистов, хотя и им приносят свою пользу; они предназначаются для массы образованных или образовывающихся людей».

Первыми по времени на российском книжном рынке появились труды одного из основателей гейдельбергской школы **Фридриха Кристофа**

Шлоссера. Его «История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи с особо подробным изложением хода литературы и «Всемирная история» в России издавались – первая дважды, вторая трижды. Шлоссера высоко оценивали представители революционно-демократической мысли. Например, его «Всемирную историю» конспектировал К.Маркс. Н.Г.Чернышевский перевел для русского издания ряд ее томов, поэтому у него, как ни у кого другого, были основания отметить «правдивость и рассудительность» в изложении Шлоссером исторических событий. С мнением Чернышевского солидаризировался А.А. Антонович, который в *Вестнике Европы* высказал убеждение в благотворности труда Шлоссера, потому что в нем «на каждой строке говорит голос глубокого убеждения, искреннего чувства, неподдельного восторга или негодования, нравственной строгости, неподкупной правды и глубокого презрения ко всякому ренегатству». С Чернышевским были согласны и читатели: даже в провинциальных российских библиотеках на сочинения Шлоссера был большой спрос.

Значительный интерес в России вызвали труды немецкого историка **Георга Вебера.** Появление в 1859 г. его «Курса всеобщей истории» и «Краткого учебника всеобщей истории», а затем в 1860 г. и первой книги «Всемирной истории» вызвало более чем благожелательный отклик. *Отечественные записки* отозвались редакционной статьей: «Недавно мы имели случай поздравить русских читателей с приобретением перевода исторического учебника Георга Вебера; теперь мы имеем возможность поздравить их с новым капитальным приобретением. Лучший немецкий труд по всемирной истории – *Всемирная история* Георга Вебера является в русском переводе, делается доступным для большинства русской читающей публики». Еще большую известность получила его 15-томная «Всеобщая история», вышедшая в России двумя изданиями. Первые ее 12 томов под псевдонимом «Андреев» перевел Н.Г. Чернышевский. Вебер с опорой на новейшие по тому времени данные естественных наук, истории и археологии, лингвистики, философии и социологии попытался создать целостное представление о развитии политических институтов и событий, социально-экономических отношений и прогресса культуры с древнейших времен до XIX в. Собственно последнему посвящены 14 и 15 тома.

Одновременно в двух переводах в 1880 г. вышел «Общий очерк истории Европы» профессора Оксфордского университета **Эдуарда Фримана.** Издание этой книги объясняли недостатком «такого обзора европейской истории, который соединял бы краткость конспекта с живым интересом изложения, который, служа учебником или учебным пособием, мог бы вместе с тем возбудить охоту к ближайшему изучению истории». Однако критика встретила эту работу резко отрицательно. Рецензент в *Вестнике Европы* отмечал: «Книга Фримана переполнена фактами и именами, посвящена почти исключительно внешней судьбе европейских государств; тем же сторонам народной жизни, освещение которых составляет

главную задачу и главный интерес современной исторической науки, Фриман отводит слишком мало места. Он дает именно конспект, т.е. перечень событий, годный для справок, для возобновления в памяти забытых фактов, а не связную, живую картину важнейших перемен, происшедших в положении, жизни, мирозерцании европейских народов». Из этого делался вывод: «существенно полезным приобретением для нашей литературы книга Фримана названа быть не может».

Не вызвала особого общественного резонанса и трехтомная «История Европы XIX века» **Чарльза Файфа**, опубликованная в 1889–1890 гг. и переизданная в 1904 г. Она охватывала события от Французской революции до 1878 г. и главное внимание уделяла международным отношениям, дипломатическим переговорам и войнам. Как заметила *Русская мысль*, «от чтения его книги остается впечатление, что вся история Европы в XIX в. была наполнена одними войнами и дипломатическими переговорами; факты внутренней истории выступают у Файфа на сцену только для того, чтобы заполнить промежутки между войнами и международными конгрессами, и излагаются чрезвычайно кратко». История экономической жизни и культуры Файфа вообще не интересуется.

На протяжении 1894–1895 гг. опубликовали первым изданием четырехтомную «Всеобщую историю» профессора педагогики из Бонна **Оскара Иегера**. Она имела успех у читателей, которых привлекали либеральный подход к оценке событий, богатство фактического материала, образность характеристик политических деятелей и монархов. Как и многие другие подобные труды, книга не обращается к социально-экономическим проблемам. Всего труд Иегера выдержал в России пять изданий. Трижды в переводе с датского языка издали двухтомный труд «История нашего столетия. 1815–1890» **Александра Торсое** (1840–1920). 3-е издание под заглавием «История новейшего времени» охватывало уже 1815–1916 гг. Внутренняя история в нем преобладает над международными отношениями и войнами, рассматривается почти исключительно жизнь европейских народов. Широких обобщений и характеристик эпох в этой книге нет, равно как и выявления причин явлений. Почти не уделено внимания экономической истории и духовной жизни. Авторитет книге А. Торсое «История нашего столетия. 1815–1890» придавало участие в нем одного из наиболее прогрессивных российских историков профессора Киевского университета И.В. Лучицкого, выступившего в качестве редактора 3-его издания и автора включенного во 2-й том раздела «Очерк международных отношений в Западной Европе с 1900 г.».

В России получил широкую известность двухтомный труд профессора Сорбонны **Шарля Сеньобоса** «Политическая история современной Европы». С 1897 по 1908 гг. эта книга издавалась в 3-х различных переводах 7 раз и 2 издания вышли уже при Советской власти в 1922–1924 гг. В центре внимания Сеньобоса политическая, особенно парламентская история, хотя и не без изъятий в освещении событий. Книга вызвала одобрительные отзывы *Мира*

Божьего и Северного вестника. Русская мысль выступила более критично. Посетовав, что 3 перевода в течение года «слишком много» и отметив, что «политическая история XIX века изложена в главных чертах с чисто французской последовательностью и ясностью», журнал охарактеризовал труд как компилятивный, лишенный продуманности и конспективный: «автор слишком уж старается не пропустить мало-мальски значительных фактов и отводит много места простым перечням, предпочитая их более поучительным общим характеристикам». На четвертое издание, вышедшее в 1907–1908 гг., этот же журнал откликнулся рецензией А. Кизеветтера, благожелательной по своим оценкам: «конспективный, но точный и выразительный очерк политического развития европейских государств, составленный Сеньобосом, действительно является прекрасным пособием для первоначальной ориентировки в новейшей истории Европы».

Член Французской Академии и министр образования при Наполеоне III **Виктор Дюрюи** создал 3-томную «Всеобщую историю». Ее тоже издали в России, также как и книгу французского профессора **Э. Марешаля** «История девятнадцатого века (1799–1899)». Последнюю, до того как ее узнали в России, 19 раз издали во Франции. В ней Французская революция конца XVIII в. представлена величайшим событием мировой истории, открывшим этап утверждения буржуазного прогресса и миропорядка. Марешаль видит во Франции центральную по своему историческому значению страну, именно ее истории уделено наибольшее внимание, а история других стран Европы рассматривается в контексте французской. В сочинении Марешаля, разделенном на три тома, два посвящены истории Европы (первой и второй половин XIX в., границей между которыми являются революции 1848 г.) и один – остальным странам: Америке, Азии и Африке, Океании. Автор сосредотачивает внимание преимущественно на политических и военных событиях истории. История экономических отношений не рассматривается, рассказ о духовной жизни сведен к перечислению произведений писателей. Нет у Марешаля и общих характеристик эпох, закономерностей и особенностей развития стран отдельных континентов. Встретили книгу не то чтобы восторженно, но в общем благосклонно: «довольно полное справочное пособие по новейшей истории», содержание «полнее и обстоятельнее Сеньобоса, Файфа и Торсое – трех лучших компендиумов истории XIX века, переведенных на русский язык».

Под редакцией **Юлиуса Пфлуг-Гартунга** в переводе с немецкого языка в 1910 г. была издана «Всемирная история». Авторами этой книги являются сам Пфлуг-Гартунг (раздел «Эпоха национальных и социальных движений»), Ульман («Европа во время реакции»), а также Гейгель и Гаузенштейн («Эпоха национального объединения»). Авторы сделали попытку представить всемирную историю не только как сумму историй отдельных стран, а через эти истории выявить определяющий вектор развития XIX в. Затем под редакцией Юлиуса Пфлуг-Гартунга в 1911–1912

гг. вышла «История нового времени». Ее перевод редактировал профессор Е.В. Тарле.

Широкую известность получила восьмитомная «Всеобщая история с IV столетия до нашего времени», созданная французскими историками под руководством профессоров **Эрнеста Лависса** и **Альфреда Рамбо** и выходящая в России на протяжении 1897–1903 гг. Завершающий издание 8-й том посвящен Французской революции конца XVIII в. Современников в этом труде привлекло, помимо высокого научного уровня, сравнительное беспристрастие: «здесь Франция занимает подобающее ей место, но не подавляет все остальное». Продолжив начинание, Лависс, Рамбо и их единомышленники отразили девятнадцатое столетие в отдельной, тоже восьмитомной, «Истории XIX века», российскую публикацию которой осуществили в 1905–1908 гг. Уже современники расценивали ее как наиболее полное отражение событий рассмотренного столетия. Этот труд имел долгую жизнь. В советское время он вышел двумя изданиями, второе – под редакцией академика Е.В. Тарле.

Переводы на русский язык трудов крупнейших европейских историков, политологов, юристов, социологов стали важным и естественным ответом на общественную потребность в изучении европейского исторического опыта.

Шишков К.А. (Тверь)

П.А. Кропоткин о революции.

В обширном наследии великого русского мыслителя Петра Алексеевича Кропоткина есть сравнительно малоизвестная до самого последнего времени работа «Идеал в революции» (Из незаконченной рукописи 1918г.), впервые опубликованная в 1921 году. Этот текст демонстрирует исчерпанность у пожилого мыслителя всяких аргументов интеллектуального характера относительно возможности в русской революции желательного для Кропоткина нравственного фундамента. Надежда, на которую ссылается великий мыслитель в финале, не оправдалась, и революция пошла вовсе не по тому пути, которого так жаждал Кропоткин.

Начинается текст с чрезвычайно точного наблюдения отечественного мыслителя. «Во всемирной истории выступает один ярко определённый факт. За последние три столетия, через каждые 130 – 140 лет, в какой-нибудь из европейских стран совершается крупная революция, которая затем на следующие сто с лишним лет (четыре поколения, как говорил итальянский историк Феррари) даёт направление прогрессивному развитию мысли» (Кропоткин П.А. Идеал в революции (Из незаконченной рукописи 1918 г.) // Кропоткин П.А. Избранные труды. М., 2010. С.534).

Весьма полно Кропоткин характеризовал английскую буржуазную революцию: «Отбрасывая более ранний период и начиная с английской революции 1648 года, мы видим, что Англия вплоть до Французской революции даёт более передовым странам свой лозунг: полная религиозная свобода, право каждого толковать Библию, как он её понимает; развитие свободных местных городских и земских учреждений – приход, как основная земская единица, - и конституционный образ правления. Этими лозунгами вдохновляются на той стороне океана молодые английские поселения Северной Америки, а в Европе философия шотландских философов, энциклопедистов, а затем и целая страна – Франция» (Там же).

Не вызывает возражений оценка Кропоткиным французской революции: «В 1789 году начинается во Франции её большая революция, и она не только принимает лозунги, выставленные Англией, но и со свойственной французскому уму логикой, т.е. последовательностью и систематичностью, она старается провести в жизнь «Права Человека» - т.е. политическое равенство всех перед законом, уничтожение всех безусловно пережитков феодального и крепостного права, представительный образ правления при всеобщем избирательном праве и, наконец, автономию сельских и городских общин» (Там же).

Мировоззрение русского мыслителя приводило его, однако, и к заведомой предвзятости в освещении некоторых сторон французской революции: «Эту автономию Франции, впрочем, не удаётся провести в жизнь, так как ей, с первых же годов революции, приходится вступить в отчаянную борьбу, на жизнь и смерть, со всеми королями Европы; и таким образом перейти на время от демократической республики к империи; точно так же ей приходится выдержать такую жестокую борьбу с католическим духовенством, которое поднимает, при содействии Австрии, германских государств и Англии, целые громадные области против республики и против проводимой ею в жизнь философской религии, в которой высоко-нравственное начало равенства, братства и любви к родине выводилось из созерцания природы и человеческого разума» (Там же. С.534 - 535).

Взгляд Кропоткина на XIX век верен. «Для поверхностного наблюдателя, - отмечал русский мыслитель, - французская революция, где наполеоновская империя скоро заменила республиканский режим, доказала только бесполезность революции; на деле же весь XIX-ый век был осуществлением в Европе начал, провозглашённых французской революцией, равенства всех граждан перед законом, уничтожения пережитков феодального строя и повсеместного введения представительного правления. Эти лозунги французские санкюлоты, а впоследствии даже Наполеон, разносили на своём трёхцветном знамени, уничтожая крепостное право в Италии, Испании, Германских княжествах и в Австрии, вводя под именем Наполеонова кодекса свод законов, выработанный Конвентом и уничтожавший сословные привилегии, и кладя конец кострам инквизиций в католических странах» (Там же. С.535).

Иммунитет русского культурного континуума к указанным нововведениям Кропоткин, однако, отрицал, усматривая деградацию самого французского продукта интеллектуально-праксеологического импорта: «К несчастью, эта волна докатилась до России только тогда, когда во Франции царил уже император, а республиканская армия уже обратилась в сброд самых разноплеменных полчищ» (Там же. С.535).

И уж совсем странно выглядит детерминизм русского мыслителя, когда он рефлексировал проблему характера будущей русской революции. «И вот теперь, - писал Кропоткин, - мировая история наложила на Россию тяжёлую задачу выполнить новую революцию, распространяя далее на восток те же права человека и прибавляя к ним наследие XIX века – разрешение социального вопроса, как для крестьянских масс, так и для непомерно разросшегося городского населения и его естественного последствия – пролетариата. Подобно тому, как Франции в своей революции пришлось пойти гораздо дальше Англии и ребром поставить уничтожение земельного феодализма, - оно и было совершено во Франции, - тогда как в Англии он продолжает существовать и до сих пор, точно так же России предстоит провести в жизнь среди своего разноплеменного населения не только утверждение «Прав Человека» и уничтожение земельного феодализма, но ещё и разрешение экономических вопросов, поставленных перед человечеством в XIX-ом веке. Задача громадная, вероятно, даже непосильная для русского народа, если он в ней не будет поддержан народами Запада, уже совершившими свои две революции, т.е. Англии и Франции, но совершенно неизбежная при современных условиях экономической жизни» (Там же. С.535).

Помимо фактора войны, Кропоткин усматривает и ещё одно существенное отличие русской революции от революций в Англии и Франции. «Обе эти революции, ставя себе определённые экономические цели, вместе с тем были одушевлены высоким нравственным идеалом» (Там же. С.536).

Вполне можно солидаризироваться с тематизацией русским мыслителем английской революции. «Английская революция была в значительной мере революцией народной совести. Являясь протестом против разложения католического духовенства, она выставляла строго нравственные идеалы – пуританство. Её вражда направлялась столько же против разврата двора и высших классов, сколько и против их политического преобладания. Её воодушевлял нравственный идеал столько же, сколько и идеал политического и экономического равенства» (Там же. С.536).

Нет оснований возражать и против другого тезиса Кропоткина: «Точно так же и французская революция ставила себе целью не только уничтожение политических и экономических классовых привилегий, но и проведение в жизнь высшего идеала человеческой взаимности» (Там же. С.536).

Отечественный мыслитель в России усматривал, однако, иное: «К сожалению, несмотря на удивительные подвиги самопожертвования, проявленные русскими революционерами в её подготовительный период,

несмотря на высокий общественный идеал, воодушевлявший их, мы видим, что теперь берёт верх учение, постепенно просачивавшееся в нашу жизнь за последнее десятилетие, - учение об экономическом материализме» (Там же. С.536 - 537). Кропоткин не жалел красок для характеристики ненавистных ему явлений: «Брало верх понимание социальной революции, как разнужданность единичных вождельений в смысле каких-нибудь штирнерианцев или ницшеановских сверхчеловеков низшего сорта» (Там же С.537). Кропоткину действительно оставалось только одно – но слишком эфемерное и не вызывавшее, как видится, большого оптимизма и у самого мыслителя: «Жить надеждой, что такой характер революция приняла только под тлетворным влиянием последних годов самодержавной вакханалии и что здравый смысл русского народа возьмёт верх и избавится от этой язвы, которая грозит обессилить русскую революцию и сделать её бесплодной» (Там же. С.537).

Эрлихсон И.М. (Рязань)

О. Сидней в англо-американской историографии XX века.

Олджернон Сидней являлся, пожалуй, одной из самых неоднозначных фигур в английской истории второй половины XVII века. Перипетии его судьбы самым тесным образом сплелись с этой противоречивой, богатой на события эпохой. Его бурную, полную приключений, заговоров и интриг жизнь увенчал трагический финал — в 1683 году Сидней повторил судьбу Карла I, сложив голову на плахе, что дало основания его современникам и почитателям впоследствии возвести его в ранг апостола республиканизма или мученика конституционализма - две ипостаси, в которых Сидней выступает вот уже более трех столетий.

В англо-американской историографии биографии и взглядам Сиднея традиционно уделяется особенное внимание, хотя надо признать, что мифологизация его образа мешала беспристрастному анализу его политического мировоззрения. Гораций Уолпол называл его «святым», а переиздавший в XVIII веке труды Сиднея Томас Холлис находил в нем «благочестие, достойное святого, мужество, достойное генерала и мудрость, достойную короля». В двухтомной биографии викторианского историка А.С. Эвалда Сидней из античной тоги переоделся в сюртук и превратился в типичного английского либерала XIX столетия, не имевшего ничего общего с «невежественными демократами, нарушающими покой Трафальгарской площади».

Г. Гуч хотя и не причисляет Сиднея к числу «первоклассных политических мыслителей, таких как Гоббс, Локк и Галифакс», но все же признает, что этот «аристократ-республиканец», «мученик свободы» принадлежал к числу интереснейших личностей своего времени. Что же

касается характера политических воззрений Сиднея, то Гуч приходит к следующему заключению: «Идолом для Сиднея была свобода, а исторические изыскания подвели его к мысли, что ее (свободу - прим. автора) можно отыскать под масками различных конституционных форм. Только несовершенство судебной системы Реставрации, - заключает Гуч, - привело человека исключительно умеренных взглядов, каким, несомненно, являлся Сидней, на эшафот».

Но авторы, ратующие за умеренность Сиднея и приверженность его принципам конституционализма, явно в меньшинстве. В 1940-х гг. З. Финк называла Сиднея «старым республиканцем и в подтверждение его республиканских убеждений приводит его последние слова перед казнью, что он охотно бы умер за «старое доброе дело». Д. Скотт, автор двухтомной монографии посвященной жизни и творчеству О. Сиднея, подверг сомнению «вигийский» (умеренно радикальный) характер политических взглядов мыслителя и его приверженность принципам конституционной монархии. Ученый возвратил Сиднея из «... пантеона мучеников за принципы конституционализма и поместил в ряды тех, кто приветствовал бы новую гражданскую войну и возможность уничтожения монархии». Во втором томе своего исследования Скотт воссоздал события Исключительного кризиса (1679 - 1681гг.) и посредством детального анализа фундаментального труда Сиднея «Размышления о правительстве» продемонстрировал трансформацию его политических взглядов, делая акцент на усилении республиканских настроений. Финский историк К. Мултамаки, изучая жизнь и деятельность Сиднея, отмечал, что «... будучи многогранным и плодовитым автором, Сидней гениально приспособлял республиканизм ко всем проблемам, с которыми он соприкасался – и религиозным, и экономическим».

Один из крупнейших исследователей европейской политической мысли британский историк К. Скиннер делает акцент на римской модели республиканской традиции, сыгравшей роль в политической мысли в Англии XVII века, явившейся кульминационным моментом англосаксонской ветви республиканизма Нового времени. Скиннер вводит понятие «неоримской» концепции свободы, полагая, что термин «неоримские» более точно подходит к авторам английского XVII века, чем термин «республиканские», поскольку многие из них полагают, что для реализации принципа гражданской свободы не обязательно требуется политический режим, полностью отрицающий любые виды монархического правления; осуществление республиканской свободы возможно, в частности, при конституционной монархии, то есть в рамках режима, при котором правитель, как и другие граждане, ограничен законом, и не может господствовать над другими, действуя в отношении других граждан по собственному произволу. «... Теория свободы неоримских авторов XVII века - составляет ядро их мысли, определяет ее специфику. Именно их анализ гражданской свободы, в большей степени, чем их часто двусмысленный республиканизм и несомненная привязанность к политике добродетели,

делает их приверженцами определенной идеологии и даже членами единой школы мысли».

Политико-философские взгляды «наиболее проникнутого уважением к древним республикам Сиднея, в то же время заявлявшего, что в мире не было хорошего образа правления, которое бы не состояло из монархии, аристократии и демократии», вполне укладываются в «неоримскую» концепцию свободы. Для Сиднея древний Рим был неиссякаемой сокровищницей моральных и политических принципов: это Рим, описанный Ливием,

Луканом и Тацитом. Их труды Сидней воспринимал как эпитафию senatorской независимости и добродетели, проводя параллели между тиранией Тиберия, Калигулы, Нерона и царством террора и упадка реставрационной Англии. Б. Уорден также отмечал, что Сидней во многом способствовал возрождению «тацитовского» элемента республиканизма, который «после 1660 года вливается в философию партии Страны, как способ критики придворных пороков». Более того, Сидней создал собственную оригинальную концепцию, существо которой составляли два базовых положения. Так, он утверждал,

что средневековая готическая монархия является прямым продолжением саксонской монархии, а та, в свою очередь, наследует конституции республиканского Рима. Таким образом, «Сидней интегрировал историю и политику классической античности в готическое прошлое и соединил классическое республиканизм с ностальгическим медиевизмом Искключительного кризиса».

Практически все исследователи, обращавшиеся к творчеству Сиднея, отмечали двойственный характер воззрений мыслителя: «Между тем, тем отношение Сиднея к монархии не очевидно. Как и Недхам, он колеблется между признанием современной монархии с одной стороны, опасным и вредным учреждением априори и, с другой, изначально эффективным и рациональным, но искаженным впоследствии институтом».

Столь же неоднозначным, как и к монархии, было отношение Сиднея к демократии. Б. Уорден придерживался мнения, что «разница между преимущественно демократическим и аристократическим смешанным правлением для Сиднея была несущественна. ... Несомненно, он употреблял понятия «смешанное правление» и «демократия» как синонимы».

Г. Гуч, объяснял вышеуказанное обстоятельство, прежде всего, происхождением Сиднея, «который никогда не забывал, что он аристократ и настаивал на существовании неравенства между людьми». Эту «враждебность к демократии» свойственную английским республиканцам XVII столетия, американский историк Дж. Скотт объясняет, анализируя смысловую нагрузку понятий «равенство» и «неравенство» в трактовке Сиднея. Скотт отмечает, что для Сиднея современная триада «свобода, равенство, братство» означала бы путаницу в терминах, поскольку его политическая теория «покоится на признании не равенства, а скорее

неравенства – или разнообразия людей. Неравенство бывает естественным (в мудрости, доблести, добродетели, опыте) и искусственным (по статусу, объему властных полномочий). Неравенство и разумное превосходство одних над другими зависит не от чистоты крови или происхождения, а от добродетели и способности действовать на благо человечества. Единственная разновидность естественного равенства, дарованного Господом, это свобода. «Общество Сиднея стремится удовлетворять потребностям своих членов, с одной стороны, утверждая в качестве основополагающего принципа неравенство индивидов, а, с другой, гармонизируя их интересы с помощью механизма – свободы, которая поддерживает это разнообразие на «естественном» уровне. Только так искусственно созданное политическое общество отражает естественное многообразие Божьего творения».

Таким образом, вышеприведенный краткий историографический обзор позволяет сделать следующие выводы. В зарубежной историографии к жизни и творчеству Сиднея стали обращаться еще в XVIII веке, в XX веке интерес к его наследию неуклонно возрастал, в оборот вводились все новые источники, потому и диапазон исследовательских позиций чрезвычайно широк. Наряду с точкой зрения, что Сидней – это республиканец поневоле, под маской которого скрывается закоренелый конституционалист, представлена и другая, ей противоположная. Согласно ей, Сидней – апологет английского республиканизма, его ключевая фигура, чьи оригинальные теоретические изыскания были подкреплены практической деятельностью. Подобная характеристика стала возможна, во-первых, благодаря тщательному изучению биографии Сиднея, без которого оценка его как мыслителя была бы неполной, а во-вторых, разработкой таких понятий как «res publica» «республиканизм» и «республиканцы».

подавляющая часть зарубежных исследователей причисляет Сиднея к пантеону республиканцев, апологетам «негативной свободы», то есть, «свободы от чьего-либо господства». Свобода же – это источник добродетели,

а добродетель, как истинная цель любого государства, по мнению Сиднея, может измеряться количеством возвращенным в ее лоне добродетельных граждан. Категория «добродетель» является одним из ключевых понятий в республиканских учениях, более того, «политика добродетели и была тем, чем по большей части определялся республиканизм». «В слиянии ярких образов классической свободы и идеи естественных прав рождается язык свободы Сиднея, полуанглийский, полуримский; полухристианский, полуклассический. Популярность «Рассуждений» по обе стороны Атлантики – лучшее свидетельство влияния и потенциала этого языка». Республиканизм Сиднея – это прежде всего, язык а не конкретная политическая программа, что подчеркивает постоянное противопоставление им моральных категорий: порок

и добродетель, дьявол и Бог, истина и ложь, личный интерес и общественное благо. «Это мораль – есть мораль классического республиканизма

Соединив различные традиции анти-тиранической политической мысли, Сидней создал республиканское учение, многие аспекты которого актуальны и сегодня».

Якубова Л.А. (Нижевартовск)

Подготовка рецензий по истории средних веков студентами университета: методика и рекомендации.

Важнейшей общепрофессиональной компетенцией выпускника университета является умение аналитического обоснования своей точки зрения по какой – либо проблеме, адекватно использовать имеющийся категориальный аппарат при оценке научных работ, логично и последовательно излагать свои суждения как в устной, так и в письменной речи. В этой связи преподавателю может неоценимую помощь оказать такая форма организации учебно-исследовательской деятельности как подготовка письменной рецензии на научную статью.

Автор в течение нескольких лет в рамках преподавания учебного курса «История средних веков» (история Запада) для студентов специальности «Социально-экономическое образование» (бакалавриат, профиль «История») успешно практиковал написание рецензий. Данный вид работы является обязательным для сдачи экзамена по дисциплине, оценивается количеством баллов, оговоренным в академическом календаре для каждого семестра в отдельности.

Студенты выбирают статью для рецензирования по своему желанию; рецензия выполняется индивидуально. Статьи необходимо брать из журнала «Вопросы истории», сборника «Средние века», «Византийский временник».

В обязательном порядке необходимо провести обучающий семинар по подготовке к написанию рецензии. На этом занятии преподаватель должен объяснить, что представляет собой рецензия на научную статью, каковы ее структурно-содержательные особенности и функции. Студентов всегда интересуют практические аспекты всего, что они делают в рамках обучения в университете. Можно дать пояснения о необходимости подготовки рецензий на выпускные квалификационные работы, на научные публикации, диссертации (практически на каждом курсе есть студенты, имеющие намерения продолжить свое обучение в аспирантуре).

Итак, рецензия – это письменный критический разбор научного произведения (в данном случае – статьи), связанный с анализом структуры произведения, его актуальности, положительных особенностей и недостатков. Большую роль в рецензии играют выводы и предложения рецензента.

Рецензия должна быть подготовлена по нижеприведенному плану. По каждому пункту необходимо предложить студентам стилистически

клишированные предложения – это поспособствует развитию навыков восприятия и использования научного стиля изложения.

1. Предмет анализа. (В работе автора... В рецензируемой работе... В предмете анализа...).

2. Актуальность темы. (Работа посвящена актуальной теме.... Актуальность темы обусловлена..., Актуальность темы не требует дополнительных доказательств (не вызывает сомнений, вполне очевидна...).

3. Формулировка основного тезиса. (Центральным вопросом работы, где автор добился наиболее существенных (заметных, ощутимых...) результатов, является..., В статье обоснованно на первый план выдвигается вопрос о...).

4. Краткое содержание работы (Рецензируемая статья состоит из ..., Данный раздел посвящен ...).

5. Общая оценка. (Оценивая работу в целом.... Суммируя результаты отдельных глав.... Таким образом, рассматриваемая работа.... Безусловной заслугой автора является новый методический подход (предложенная классификация, некоторые уточнения существующих понятий,.. Автор, безусловно, углубляет наше представление об исследуемом явлении, вскрывает новые его черты . . . Работа, бесспорно, открывает...).

6. Выводы. (Представляется, что в целом статья имеет важное значение.... Значимость рецензируемой работы заключается в том, что . . .).

Отдельное внимание следует обратить на оформление рецензии. Рецензия оформляется всегда автоматическим способом, на одной стороне листа формата А4, гарнитура шрифта – Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1,5. В зависимости от объема статьи рецензия может быть на 2 – 5 листах. В данном случае, на наш взгляд, уместен принцип «лучше меньше, да лучше».

Реквизиты рецензии располагаются следующим образом:

РЕЦЕНЗИЯ

на статью (Ф.И.О. автора, название, выходные данные)

(текст рецензии)

Дата

00.00.0000

РЕЦЕНЗЕНТ:

студент II курса

отделения истории (подпись) Ф.И.О.

Таким образом, подготовка рецензии – доступный и эффективный способ организации учебно-исследовательской работы студентов,

обучающихся в университете. Рецензируя научные статьи, а также исследовательские работы и учебные проекты друг друга, студенты овладевают важнейшими умениями анализировать, выделять основные положения рецензируемого текста, формулировать выводы, глубже вникать в суть описываемых явлений и событий.

Ясинский И.А.(Омск)

**Эволюция христианского учения по работе Дж.Г. Ньюмена
«An Essay on the Development of Christian Doctrine».**

XIX век в жизни Католической Церкви обозначился существенными изменениями в сфере вероучения, отношения к процессам окружающего мира, которые порой носили полярный характер, воспринимаясь в самом католическом мире неоднозначно. Среди различных течений богословской мысли этого времени выделяется деятельность католического кардинала Дж.Г. Ньюмена (1801 – 1890 гг.), оказавшего большое влияние не только на современных ему католиков, но и на развитие церковного вероучения вплоть до результатов II Ватиканского собора, проходившего спустя более полувека с его смерти.

Будучи сначала евангелическим учёным в Оксфорде и священником Англиканской Церкви, он стал генератором Оксфордского движения – влиятельной группы англиканцев, желавших восстановить традиционную форму ритуальной жизни христиан, со временем утерянную. Но постепенно надежды на это тают. Он изучает историю Церкви, тщательно читает труды Блаженного Августина и, анализируя англиканский догматический документ «39 статей», приходит к выводу, что англиканское вероисповедание не так уж диаметрально противоположно католическому. Такие взгляды встречают непонимание как в государственном аппарате, так и в Церкви, а потому со своим идеалом Единой Святой Апостольской Церкви Ньюмен ощущает себя не на своём месте. И в 1845 г. он оставляет Англиканскую Церковь и присоединяется к Римо-Католической Церкви, где ему, в конечном счете, был пожалован сан кардинала Папой Львом XIII.

Двумя годами ранее он издаёт свой известный труд «Заметки о развитии Христианского учения», в котором доказывает теорию «развития учения». Основная мысль работы заключается в том, что христианская истина, возвещённая апостолами, содержит полноту Божественного Откровения. Но исторические условия делают необходимыми дополнительные разъяснения, формулировки, уточняющие его аспекты. Всевышний, являясь творцом всего, есть основание и истории, а потому и соответствие христианского учения историческим нуждам запланировано: «...из истории всех сект и партий в религии и по аналогии и примеру Писания мы можем точно заключить, что христианское учение допускает

формальное, законное и истинное развитие, или развитие, задуманное его Божественным Автором».

Данная точка зрения явилась живым отражением того положения, в котором оказалась к этому времени Католическая Церковь. Общественный прогресс, головокружительные успехи науки, эволюция сознания широких масс верующих, критическое отношение к Писанию и авторитету Папы вынуждают верховное духовенство предпринимать меры, с одной стороны, к противодействию опасным тенденциям, а с другой приводит к осознанию необходимости отвечать на вопросы современного общества на понятном ему языке.

Такой решительный шаг был сделан созывом I Ватиканского собора (1869-70 гг.) папой Пием IX. Были рассмотрены две догматические конституции – Dei Filius (Сын Божий) и Pastor aeternus (Вечный Пастырь). Кроме обсуждавшихся тем об отношении веры и разума, о примате ап. Петра и о папе, как его преемнике, и др. на собор была внесена глава о infallibilitas – папской непогрешимости, вызвавшая бурную дискуссию среди участвовавшего в съезде духовенства. Логической подготовкой этого пункта было принятие догмата о непорочном зачатии Девы Марии (1854 г.), а примером продолжения обновления Католической Церкви – булла Льва XIII Providentissimus Deus (1893 г.), в которой рекомендовалось научное исследование Библии, но в определённых рамках.

Учение о непогрешимости, обоснование дальнейших преобразований Вселенской Церкви – всё это содержится в труде Джона Генри Ньюмена, стоявшего в тот период своих духовных поисков на пороге обращения под длань Святого Престола. Как замечает автор, человеческому разуму вообще свойственно подвергать интерпретации всю поступающую из внешнего мира информацию, так что сам мир не остаётся самим собой. Идея Евангелия, воспринимаемая разными людьми, представляется по-разному. Кто-то в нём видит «восстановление нашего падшего народа», человеколюбие, духовную истину религиозного служения, спасение избранных. «Всё это истины, будучи аспектами христианства, но ни одна из них не является полной истиной». Истина, попадая в наш мир, меняется в соответствии с культурными, историческими, общественными условиями. «В более высоком мире всё по-другому, но здесь, внизу, жить – значит меняться, а быть совершенным – значит часто меняться».

Изменения – сущность нашего мира. Они проникают и руководят всеми явлениями, будь то сфера политики, религии, морали, истории, физических процессов. Из отдельных точек создаётся целостная картина, и один этап перетекает в следующий. Однако «идеи и их развитие в общем не идентичны... Таким образом учение о Покаянии может быть названо развитием учения о Крещении». Приводит автор такой пример изменения как развития: «Оперившаяся птица отличается от зачаточной формы в яйце». Но, судя по внешнему виду, они отличаются друг от друга. Не является ли тогда

вторая форма чем-то совсем другим, чем-то искажённым, нежели запланированным?

Какие признаки развития могут удовлетворить наше беспокойство? На это автор нам отвечает так: «причиной искажения в религии является отказ следовать тем курсом учения, которым оно движется, и упорство в понятиях прошлого». Знарок истории Древней Церкви, Ньюмен приводит следующий эпизод для иллюстрации определения разницы между искажением и развитием: «Ещё Арий утверждал, что Второе Лицо Благословенной Троицы не может понять первое, но поскольку Евномий характеризовал этот принцип так, что все люди могут понять Бога в той мере, в какой Его понял Сам Господь, то потому ещё никто не усомнился, что Евномианизм был истинным развитием, а не искажением арианства».

«Что такое развитие (мы можем понять), рассмотрев искажение, которое затемняет или сопротивляется его сущностной идее, или которое мешает законам развития...». «Сущностная идея или тип, который философские или политические системы представляют, должен продолжаться над всеми их развитиями, но если что убудет, то будет равносильно искажению системы и будет отвергнуто». Взрослый человек не есть тот самый ребёнок, но он и не другой. Продолжение или изменение принципов, на основе которых развивалась идея – главный критерий между истинным развитием и искажением.

Автор отмечает, что «откровение таково, как факт, не по природе, но по процессу развития: ранние пророчества вынашивают тексты, из которых вырастают последующие, являясь уже видами первых». Он указывает далее, что некоторые книги Библии имели причиной своего появления уже существовавшие тексты и мировоззренческие системы. Так книга Мудрости и Екклесиаста являются развитием писаний пророков, которые в свою очередь были вдохновлены существовавшими идеями в греческой философии, что в конце концов было принято и одобрено ап. Павлом в Послании к Евреям. И Господь о том говорил так: «Не думайте, что Я пришёл нарушить закон или пророков: не нарушить пришёл Я, но исполнить» [Мф. 5:17].

«Он не опрокинул, но превзошёл то, что было до этого». Моисей первым привнёс ритуал, а «Господь завершил развитие, когда говорил о поклонении «в духе и истине». Потому из ритуала «жертва не была изъята, но истина и дух были добавлены».

Существование развития в христианстве автор «Заметок» иллюстрирует на различных примерах, в том числе на примере нелёгкой судьбы изображений в ритуальной жизни христианской Церкви (священных символов, изображений святых, ангелов). Касается автор и теологических дискуссионных вопросов, касающихся Девы Марии, культа святых, мощей, субординации отношений в Троице. В последнем случае кардинал апеллирует к словам Самого Христа «Отец больше меня» [Ин. 14:28], «которые были поняты даже Св. Афанасием, что наш Господь есть Бог,

однако отнесённые поздними писателями больше к Его человеческому; таким путём учение о Его субординации в отношении Вечного Отца, которое сформировало выдающиеся представления До-Никейской теологии, оказалось в сравнительной тени».

Из всех встающих перед пытливим умом верующего вопросов острым во времена Дж. Генри был вопрос об авторитете. На это автор отвечает определённо – Церковь есть тот безапелляционный авторитет, голос которой не даст впасть ладье души в пучину ереси: это «учение о непогрешимости Церкви; под непогрешимостью я подразумеваю власть решать, какое из того, этого или любого другого числа теологических или этических утверждений истинны».

Таким образом, во времена необыкновенных изменений в различных сферах человеческой жизнедеятельности Католическая Церковь испытала на себе влияние теологических взглядов Благословенного Джона Генри Ньюмена. Просветитель, учёный, основатель школ, уже сейчас среди католических богословов он рассматривается как святоотеческая фигура. А его новое отношение к преданию, как динамической части в паре с Писанием, вдохновили многих учёных на новые поиски выхода Католической Церкви из тех кризисных ситуаций, которыми её испытывает человеческая история.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аболмасов Вадим Владимирович - к. и. н., доцент кафедры новой истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Алтабаев Евгений Владимирович – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Аронина Наталья Викторовна - к. и. н., доцент кафедры новой и новейшей истории Владимирского государственного гуманитарного университета.

Артеменков Михаил Николаевич – к. и. н., начальник отдела аспирантуры Смоленского государственного университета.

Ананьева Наталья Петровна - к. и. н., старший преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Баринов Андрей Владимирович – студент 3 курса факультета истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Барунов Вадим Юрьевич - аспирант кафедры истории России Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова.

Беляев Михаил Петрович – к. и. н., старший преподаватель кафедры истории древнего мира и средних веков факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета.

Беспалова Людмила Николаевна - лаборант, ассистент кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Бурлаков Александр Николаевич – к. и. н., доцент кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета.

Васильева Светлана Анатольевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии и истории Академии ФСИН России.

Галкина Елена Сергеевна – д.и.н., профессор кафедры истории Московского педагогического государственного университета.

Гарунова Нина Нурмагомедовна – д.и.н., профессор Дагестанского государственного университета.

Герасина Анна Сергеевна - соискатель кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Гераськин Юрий Вениаминович – д.и.н., профессор кафедры истории России Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Гладков Александр Константинович - к. и. н., старший научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН.

Глубокова Надежда Геннадьевна – соискатель кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Горбунов Борис Владимирович – д.и.н., академик РАЕН, профессор кафедры теории истории социально-гуманитарного образования Рязанского областного института развития образования.

Государева Марина Юрьевна – к. и. н., профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища им. генерала армии В.Ф. Маргелова.

Дежкин Игорь Борисович - старший преподаватель кафедры всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета.

Демидов Сергей Владимирович - д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Долгих Аркадий Наумович - к. и. н., доцент кафедры отечественной истории Липецкого государственного педагогического университета.

Ерохин Владимир Николаевич - д.и.н., доцент кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Жарова Ирина Юрьевна - аспирант кафедры литературы Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Зайнулин Антон Нигматулович – студент 5 курса факультета теологии и мировых культур Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Захарова Ольга Владимировна - к. и. н., старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории Владимирского государственного гуманитарного университета.

Зеленцова Юлия Сергеевна - аспирант кафедры всеобщей истории Московского педагогического государственного университета.

Зыкова Наталья Леонидовна - к. и. н. доцент кафедры современной отечественной истории Иркутского государственного университета.

Иволина Людмила Ивановна - д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета.

Иерусалимская Екатерина Вадимовна – младший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук.

Индеева Светлана Викторовна - преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища им. генерала армии В.Ф. Маргелова.

Ионова Екатерина Николаевна – ассистент кафедры второго иностранного языка Владимирского государственного гуманитарного университета.

Калигин Алексей Александрович - аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Капицын Владимир Михайлович - д. полит. н., проф. каф. социологии и политологии ИППК МГУ.

Киреев Алексей Александрович - доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Благовещенского государственного педагогического университета.

Клышевич Мария Александровна - соискатель по кафедре всеобщей истории и международных отношений РГУ имени С.А. Есенина.

Кондратюк Григорий Николаевич – к. и. н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Крымского инженерно-педагогического университета.

Короткова Светлана Александровна - к. и. н, доцент кафедры политического поведения факультета прикладной политологии Высшей школы Экономики (Москва).

Коньгин Александр Александрович - аспирант кафедры всемирной истории Арзамасского государственного педагогического института им. А.П. Гайдара.

Кравченко Анастасия Александровна – к. и. н., старший преподаватель кафедры истории и культуры Рязанского радиотехнического университета.

Крючков Николай Николаевич - к. и. н., доцент кафедры гуманитарных и общепрофессиональных дисциплин НОУ ВПО "Рязанский институт бизнеса и управления".

Кудухов Кирилл Сергеевич – соискатель кафедры всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета.

Кузьмин Юрий Михайлович – к. и. н., доцент кафедры всеобщей истории Вятского государственного университета.

Кузьмина Маргарита Владимировна - к. и. н., научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук.

Куликова Юлия Викторовна – к. и. н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Московского педагогического государственного университета.

Лабутина Татьяна Леонидовна – д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук.

Лапшина Ирина Константиновна - д.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории Владимирского государственного гуманитарного университета.

Лежнина Елена Владимировна - аспирант кафедры международных отношений и связей с общественностью Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола).

Малиновская Анна Владимировна – студентка II курса факультета истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Марченкова Наталия Петровна – к. и. н., доцент кафедры истории факультета социологии, экономики и права Московского педагогического государственного университета.

Метель Ольга Вадимовна – аспирант кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Миллер Валерия Сергеевна - аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Казанского (Приволжского) федерального университета.

Минаев Андрей Иванович – д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Мостяев Юрий Николаевич - доцент кафедры социального управления, права и политологии Рязанского государственного радиотехнического университета.

Мухамадиев Марсель Рамильевич – аспирант кафедры зарубежного регионоведения и истории Казанского (Приволжского) федерального университета.

Мухина Ирина Николаевна – аспирант кафедры социально - экономических дисциплин Череповецкого государственного университета.

Нагорнов Валентин Павлович – соискатель кафедры истории России Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Николаев Дмитрий Андреевич – к. и. н., доцент кафедры историографии и источниковедения ННГУ им. Н. И. Лобачевского.

Овчинников Владимир Михайлович – аспирант кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета.

Падерин Михаил Владимирович - магистрант Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина.

Паничкин Юрий Николаевич - к. и. н., доцент кафедры социально-гуманитарных наук Рязанского государственного агротехнологического университета им. П.А. Костычева.

Петелин Борис Валентинович - д. и. н., доц., профессор кафедры социально-экономических дисциплин Череповецкого государственного университета.

Петрунина Жанна Валерьяновна - д.и.н., доцент, профессор кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного политехнического университета, начальник научно-исследовательского отдела социально-экономических и гуманитарных проектов.

Пискунова Елена Павловна - к. и. н., доцент кафедры археологии и зарубежной истории Волгоградского государственного университета.

Писчикова Наталья Петровна – к. и. н., доцент кафедры истории России Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Плеханов Андрей Евгеньевич – к. и. н., старший преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Пожилов Игорь Евгеньевич - к. и. н., доцент кафедры всеобщей истории Тамбовского государственного университета им. Державина.

Попова Евгения Вячеславовна - аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Потапов Роман Игоревич - аспирант кафедры всеобщей истории международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Решетова Анна Анатольевна - д. филологических н., профессор кафедры литературы Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Родригес Александр Мануэльевич – д. и. н., профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета.

Ручкина Екатерина Владимировна – к. и. н., доцент кафедры истории и культуры Рязанского государственного радиотехнического университета.

Савельева Алена Владимировна - к. и. н., старший преподаватель кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Савосина Юлия Вячеславовна – ассистент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Самсонов Алексей Александрович - аспирант кафедры новой и новейшей истории Владимирского государственного гуманитарного университета.

Сафронов Борис Витальевич - к. и. н., доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Соколов Александр Станиславович - д. и. н., профессор кафедры истории и культуры Рязанского государственного радиотехнического университета.

Спиридонова Татьяна Владимировна - ассистент кафедры истории и культуры древнего мира и средних веков Владимирского государственного гуманитарного университета.

Степанова Вероника Владимировна - д.и.н., профессор кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Стрелец Михаил Васильевич - д.и.н., профессор Брестского государственного технического университета.

Стукалов Петр Борисович - к. и. н., старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Воронежского института ФСИН России.

Тарасов Олег Александрович - к. и. н., доцент кафедры философии и истории Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.

Тимакова Мария Юрьевна – студентка 2 курса факультета истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Тумаков Николай Николаевич – преподаватель кафедры вооружения и стрельбы Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища имени генерала армии В.Ф. Маргелова

Федорович Максим Юрьевич – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Московского педагогического государственного университета.

Феоктистов Сергей Александрович – к. и. н., начальник отдела довузовской подготовки Института непрерывного образования Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Филькина Ольга Александровна - к. и. н., старший преподаватель кафедры социологии и управления - Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Хисамов Эдуард Илмирович - аспирант кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета.

Хуссейн Мезхер Халаф - аспирант очного отделения кафедры политологии исторического факультета Воронежского государственного университета.

Хут Людмила Рашидовна – д. и. н., доцент кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета.

Черноперов Василий Львович - д. и. н., профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений Ивановского государственного университета.

Чикалова Ирина Ромуальдовна – д.и.н., профессор кафедры новой и новейшей истории Белорусского государственного педагогического университета.

Шандра Антон Владимирович – к. и. н., доцент кафедры всемирной истории Арзамасского государственного педагогического института им. А.П. Гайдара.

Шандра Павел Александрович – аспирант кафедры всемирной истории Арзамасского государственного педагогического института им. А.П. Гайдара.

Шевцов Николай Михайлович – аспирант кафедры новой истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Шигарева Анна Николаевна - к. и. н., доцент кафедры всемирной истории и историографии Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова.

Шишков Константин Анатольевич – к. философ. н., преподаватель Тверского педагогического колледжа.

Царев Андрей Сергеевич – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Эрлихсон Ирина Мариковна - д.и.н., доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Якубова Лала Алиевна - к. и. н., доцент кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневарттовского государственного гуманитарного университета.

Ясинский Игорь Александрович - студент 5 курса факультета теологии и мировых культур Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции,
30 ноября 2011 года

Ответственные редакторы
Эрлихсон Ирина Мариковна
Лосев Юрий Иванович

В авторской редакции

Подписано в печать 08.11.2011. Бумага офсетная. Формат 60x84¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 19,07. Уч.-изд. л. 22,2. Тираж 150 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Отпечатано в редакционно-издательском центре РГУ им С.А. Есенина
с готового макета, предоставленного редакционной коллегией
390023, г. Рязань, ул. Урицкого, д. 22